

Люсинда РАЙЛИ
СВЕТ
ЗА ОКНОМ

Annotation

Одинокая молодая женщина Эмили, унаследовавшая огромное поместье в Провансе, с благодарностью приняла помощь и поддержку привлекательного англичанина Себастьяна Карратерса.

А потом – и его предложение руки и сердца...

Молодожены уехали вместе в фамильное имение Себастьяна в Йоркшире.

И именно там Эмили нашла одну старинную записную книжку. Книжку, хранящую в себе загадочную историю любви, предательства и утраты, семейных интриг и семейных тайн...

Она убеждается: прошлое отбрасывает длинные тени.

Но неужели события, случившиеся много десятилетий назад, способны повлиять не только на настоящее, но и на будущее Эмили и ее близких?..

- [Люсинда Райли](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Свет за окном](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Хочу увидеть](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Мой брат](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Рай](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Жизнь во мне](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Люсинда Райли

Свет за окном

Lucinda Riley

THE LIGHT BEHIND THE WINDOW

Печатается с разрешения литературных агентств Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

© Lucinda Riley, 2012

© Перевод. Э. Меленевская, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Люсинда Райли – яркая звезда современной англоязычной прозы. Ее произведения неоднократно возглавляли списки бестселлеров «Sunday Times» и «New York Times» и были переведены 30 языков!

Семейные тайны, обаятельные образы, прошлое, причудливо переплетенное с настоящим, – на редкость увлекательная книга!

«Daily Mail»

Тонко задуманная интрига, тайны прошлого, пылкие страсти и искренние чувства – вот ингредиенты коктейля под названием «успех».

«Irish Times»

*Посвящается
Оливии*

*Ты тот, кто
есть, по случаю
рождения;*

*я тот, кто
есть, благодаря
себе.*

*Людвиг ван
Бетховен*

Свет за окном

*Беспросветная
ночь;
Тьма – тот мир,
что я знаю.
Тяжкий крест;
Ни огонька за
окном.
Днем полегче;
День – рука,
протянутая сквозь
мрак.
От легкого
прикосновенья
В комнате
становится
теплей.
Время сумерек;
Тени мерцают
вокруг.
Тайное
вожделенье;
Сердце полнится
нежностью,
Бьется, как в
первый раз.
Свет, только свет;
Тьма была моим
миром,
А теперь –
пылает-сверкает
Моя любовь.*

*Софи де ла
Мартиньерес*

Июль 1943

Глава 1

Гассен, юг Франции Весна 1998

Ладонь разжалась. Эмили пристально смотрела на мать. Душа отлетала, вместе с ней отступала искажавшая черты боль, и в измученном, обострившемся лице проявилась его красота.

– Ваша матушка покинула нас, – пробормотал врач.

– Да.

Стоя позади, он забормотал молитву, присоединиться к которой мысли у нее не возникло. Нет, Эмили всматривалась, со странным, болезненным любопытством всматривалась в сереющую оболочку, воплощавшую собой то, что осталось от существа, так бесконечно много значившего для нее все тридцать лет ее жизни. Мелькнула даже мысль последовать порыву и встряхнуть маму, чтобы она очнулась, поскольку простой факт перехода из жизни в смерть – принимая во внимание мощь характера Валери де Мартиньерес – не умещался в сознании.

Эмили не понимала, что она должна чувствовать. За прошедшие недели она столько раз проигрывала в уме этот миг! Оторвавшись от лица матери, она перевела взгляд на распахнутое окно, где в синем небе плыли пряди облаков, растрепанные, как выложенные на противень меренги. Издалека доносилась песнь жаворонка. Тот заливался в вышине, воспевая весну.

С усилием встав – за долгие часы бодрствования затекли ноги, – она подошла к окну. В рассветный час открывшаяся перед ней перспектива выглядела особенно легкой, прозрачной. Позже дневное солнце придаст краскам плотности, утяжелит их. Природа каждое утро пишет свежее полотно – исполненный нежными красками прованский пейзаж: умбра, лазурь, зелень. Эмили окинула взглядом террасу, парк с симметричными аллеями и газонами, волнистые виноградники, что, окружая дом, уходили за горизонт. От этого зрелища, неизменного столько столетий, захватывало дух. Обширное поместье, сердцем которого был усадебный дом или, как его называли, шато, всегда, с самого ее детства, в глазах Эмили олицетворяло прибежище, где

царили мир и покой; его надежность и безмятежность крепко-накрепко впечатаны в каждую клеточку ее мозга.

И теперь все это принадлежит ей – хотя осталось ли после финансовых проблем матери, на что содержать шато, Эмили понятия не имела.

– Мадемуазель, я оставлю вас, чтобы вы могли попрощаться, – ворвался в ее мысли голос врача. – Спускаюсь вниз, заполню какие полагается документы. Позвольте принести вам мои глубочайшие соболезнования. Мне чрезвычайно жаль, – и, поклонившись, он вышел из комнаты.

Ему жаль... А вот мне – жаль ли? – непрошенно мелькнуло у нее в голове. Эмили вернулась к своему креслу, села и попыталась разобраться в той душевной сумятице, в которую ввергла ее смерть матери. Хотелось определенности, и она принялась размышлять, взвешивать все «за» и «против». Но, разумеется, ничего из этого не вышло. Женщина, которая лежала сейчас так недвижно, так непоправимо тихо и так невинно, при жизни являла собой существо столь неоднозначное и противоречивое, что к простому знаменателю было никак, никак не прийти.

Валери дала дочери жизнь, она кормила и одевала ее, она дала ей крышу над головой. Она никогда не била и не оскорбляла ее.

Она ее просто не замечала.

Валери дочерью – Эмили поискала словцо поточнее – не интересовалась. Отчего она, дочь, чувствовала себя невидимкой.

Эмили протянула руку и накрыла ладонью ладонь матери.

– Ты не замечала меня, мама... ты меня не замечала...

С болезненной ясностью осознавала она, что явление ее на свет означило собой неохотный кивок в адрес необходимости произвести роду де ла Мартиньерес наследника, требование, выполненное скорее из чувства долга, чем из стремления к материнству. И, узрев перед собой наследницу, а не отпрыска мужеского пола, что полнее отвечало бы запросам, Валери незамедлительно утратила к ней интерес. Слишком зрелая, чтобы зачать снова – Эмили появилась в последнюю вспышку плодовитости, когда роженице исполнилось уже сорок три года, – Валери продолжила свою жизнь очаровательной и гостеприимной красавицы, хозяйки одного из самых популярных салонов в Париже. И рождение дочери, и ее присутствие в доме

значило в глазах матери вряд ли больше, чем приобретение лишнего щенка чихуахуа в добавление к тем трем, что уже имелись. В точности как собак, Эмили выносили из детской к гостям, когда мама находила приличным на людях ее приласкать. И собакам еще можно было завидовать, они утешались обществом друг друга, тогда как Эмили долгие дни своего детства провела в одиночестве.

Не помогало и то, что досталась ей внешность отца, а не нежные, хрупкие черты славянских предков блондинки-матери. Эмили уродилась типичной де ла Мартиньерес – крупный ребенок с оливковой кожей и густыми коричневато-рыжими волосами, которые раз в шесть недель подстригали «под пажа», так что над темной полоской бровей нависала тяжелая челка.

– Смотрю я на тебя порой, дорогая моя, и с трудом верится, что это я тебя родила! – восклицала мать, заходя в детскую перед тем, как отправиться в оперу. – Но по крайней мере глаза у тебя – мои.

А Эмили как раз хотелось, бывало, вырвать свои темно-синие зрачки из глазниц и заменить их прекрасными ореховыми глазами отца. Она считала, что синие к ее лицу не подходят, а кроме того, каждый раз, глядясь в зеркало, она видела свою мать.

Поневоле приходилось признать, что она от рождения обделена талантами, которыми могла бы гордиться мать. Когда Эмили, трехлетнюю, повели на уроки танца, выяснилось, что тело ее ни в какую не хочет подчиняться балетным требованиям. Другие девочки порхали по студии, как мотыльки, а ей попытки выглядеть грациозно стоили мучительных усилий. Маленькие широкие ступни норовили прочно устроиться на земле, и всякая попытка сделать изящный прыжок кончалась падением. Уроки игры на фортепиано оказались равно безуспешны, и о пении, в отсутствие музыкальности, не могло быть и речи.

Точно так же тело ее не могло приноровиться к тем женственным платьям, в которые мать настойчиво ее наряжала, если предстоял выход в свет или же вечерний прием, один из тех суаре, которые Валери устраивала в изысканном, полном роз саду позади их парижского дома. Сев где-нибудь в уголке, Эмили восхищалась элегантными, пленительными женщинами, которые двигались с невероятной грацией. Эмили же во время светских мероприятий, что

зимой в Париже, что летом в Провансе, неизменно было не по себе. Так что и материнской светскости ей не досталось.

И все-таки, она ни в чем не нуждалась. Детство словно из сказки, в красивом парижском особняке, гнезде аристократического рода, уходящем корнями в глубь веков, с наследным богатством, пережившим военное время! – это была жизнь, о которой большинство французских девочек могло только мечтать.

И, что ни говори, у нее был отец, которого она обожала. Пусть даже не более внимательный к дочери, чем к маме, по причине всепоглощающей страсти к собирательству редких книг – и коллекция, которую он держал в шато, неуклонно росла и ширилась, – тем не менее, когда ей удавалось перехватить его внимание на себя, он выказывал Эмили и любовь, и привязанность, которых ей так не хватало.

Папа было шестьдесят, когда она родилась, а умер он, когда ей было четырнадцать. Времени вместе они провели немного, но Эмили хорошо понимала, что как личность она во многом сформировалась под его влиянием. Эдуард, человек спокойный и вдумчивый, предпочитал свои книги и царящий в шато покой постоянному потоку гостей, без которых мама жизни не мыслила. Эмили часто гадала, как случилось, что два столь противоположно заряженных человека полюбили друг друга. Но Эдуард, похоже, обожал жену, которая была значительно моложе него, нимало не корил ее за расточительство, хотя сам жил скромнее, и гордился ее красотой и тем местом, которое она занимала в парижском свете.

Каждый раз, когда лето катилось к концу и Валери с Эмили приходила пора возвращаться в Париж, девочка умоляла отца позволить ей остаться в шато.

– Папа, мне так нравится жить здесь с тобой... В селе есть школа... Я могу там учиться и заботиться о тебе... Согласись, папа, тебе здесь без нас одиноко...

Эдуард нежно брал ее за подбородок и отрицательно качал головой:

– Нет, маленькая моя. Я очень тебя люблю, но ты должна вернуться в Париж, чтобы учиться там и стать такой дамой, как твоя мама.

– Но, папа, я не хочу ехать с мамой, не хочу быть дамой, я хочу остаться здесь, с тобой...

И потом, когда ей стукнуло тринадцать... Она смахнула слезу, по-прежнему не в силах спокойно думать о том времени, когда безразличие матери обернулось трагедией, от последствий которой ей, Эмили, предстоит страдать до конца ее дней.

– Как могла ты не видеть, что происходит со мной, мама? Как могла смотреть сквозь меня? Ведь я твоя дочь! – вскричала она, вернувшись к реальности.

Но тут мать вздрогнула. Эмили в ужасе подскочила. Господи милосердный, неужто мать жива и слышит, что она говорит? Но, наученная, что в таких случаях делать, взяла мать за кисть, проверила пульс, и биения под пальцами не нашла. Разумеется, то было всего лишь последнее движение жизни, содрогание мускула перед тем, как расслабиться навсегда.

– Мама, я постараюсь простить тебя. Я постараюсь понять, но вот прямо сейчас – нет, я не могу сказать, счастлива я или горюю, что ты умерла. – Горло перехватило, включился защитный механизм, мешающий произносить такие слова вслух. – Как сильно я любила тебя, мама! Как старалась, изо всех сил старалась понравиться тебе, добиться любви и понимания, признания, что я достойна тебя... Чего я только не делала... Я из кожи вон лезла! – Эмили изо всех сил стиснула кулаки. – Ведь ты мне мать!

Звук собственного голоса, разнесшийся по просторной спальне, испугал ее так, что она замолчала, упершись взглядом в фамильный герб де ла Мартиньересов, двести пятьдесят лет назад написанный маслом на массивном изголовье кровати. Поблекшие от времени два диких кабана сошлись в схватке на фоне геральдических лилий, а под ними – едва заметный девиз: «Победа – это все».

Ее охватила дрожь, хотя в комнате было тепло. Стояла оглушительная тишина. Дом, в котором когда-то бурлила жизнь, ныне являл собой не более чем остов, в котором жили только воспоминания. Эмили перевела взгляд на кольцо-печатку, надетое на мизинец ее правой руки, с фамильным гербом в миниатюре. Она – последний представитель рода де ла Мартиньерес.

Сознание того, сколь многие поколения предков предшествовали ей, тяготило. Как грустно, что от старинного и благородного рода

осталась одна она, незамужняя, бездетная тридцатилетняя женщина. Много столетий семья bravо справлялась со всеми историческими перипетиями: революциями, эпидемиями и битвами, но после двух мировых войн, Первой и Второй, в живых остался только ее отец.

Здесь есть и свой плюс: по крайней мере она избавлена от обычной в таких случаях дележки наследства.

По кодексу Наполеона, который давным-давно устарел, все братья и сестры являются прямыми наследниками своих родителей и наследуют в равных долях. Множество семей оказывались на грани разорения, когда кто-то из детей упирался, не соглашаясь на продажу имущества. Как это ни печально, в данном случае все «les héritiers en ligne directe» – наследники по прямой – сводятся к ней одной.

Эмили глубоко вздохнула. Возможно, продавать придется и ей, но об этом будет время подумать позже. А сейчас надо прощаться.

– Покойся с миром, мама.

Она легонько коснулась губами ее лба.

Перекрестилась.

Тяжело поднялась с кресла и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 2

Две недели спустя

Эмили взяла свой завтрак, круассан и кофе с молоком, и через кухню вышла в благоухающий лавандой задний дворик.

Усадьба фасадом смотрела строго на юг, так что лучше места, чтобы погреться в лучах утреннего солнышка, было не найти. Начинался чудесный, мягкий весенний день – до того теплый, что на воздух можно было выйти в одной футболке.

Двое суток назад, в Париже, в день похорон ее матери безостановочно лил дождь. На поминках – устроенных, по желанию Валери, в «Ритце» – Эмили принимала соболезнования от влиятельных мира сего. Дамы, в большинстве своем ровесницы ее матери, все в черном, напоминали стайку престарелых ворон. В разнокалиберных шляпках, скрывающих поределье прически, усохшие от времени, с обвисшей кожей, раскрашенные, как маски, они с трудом передвигались на неверных каблучках, попивая шампанское. В лучшие свои времена они считались самыми красивыми и влиятельными женщинами Парижа. Однако же те времена миновали, и их вытеснила набежавшая волна молодых потрясательниц основ и вершительниц судеб. А теперь бедняжкам только и оставалось, что ждать смерти, с грустью подумала Эмили на ступеньках «Ритца», подзывая такси, чтобы ехать домой. С горя и от усталости она выпила больше обычного и на следующее утро проснулась с головной болью.

Но худшее уже позади, утешила она себя глотком кофе.

Последние две недели были без остатка заполнены приготовлениями к похоронам. Эмили считала, что ее долг перед матерью – устроить Валери такие проводы, какими та сама была бы довольна. Оказалось, это очень непросто, а порой даже мучительно, сделать выбор, что подать к кофе – кексикки, печенье или пирожные, и достаточно ли выразительны пышные кремовые розы, которым Валери всегда отдавала предпочтение, если расставить их по столам? Мать, та каждую неделю такие решения принимала сотнями, причем управлялась с такой легкостью, что Эмили заново прониклась к ней уважением.

И теперь – Эмили подставила лицо солнцу, нежась в его ласковом тепле, – пришла пора подумать о будущем.

Жерар Флавьер, семейный нотариус, в руках которого находятся все юридические и имущественные дела семьи де ла Мартиньерес, уже едет в Гассен из Парижа. Нет никакого смысла строить планы, пока он не расскажет, в каком финансовом положении поместье. Эмили взяла на работе месячный отпуск, чтобы вникнуть в дела, что, надо полагать, будет непросто. Поневоле пожалеешь об отсутствии братьев-сестер, чтобы разделить это бремя. Особой склонности к юриспруденции и финансам у Эмили никогда не было, и ответственность ужасала.

Кожи коснулся мягонький мех, и, глянув вниз, Эмили встретила со скорбным взглядом Фру-Фру, последней собаки матери. Подхватив старушку на колени, она принялась поглаживать ей ушки.

– Похоже, Фру, на всем белом свете мы остались с тобой вдвоем, – прошептала она. – Значит, придется нам приглядывать друг за дружкой, а?

Полуслепая Фру-Фру ответила ей взглядом до того серьезным, что Эмили улыбнулась. Как ей приглядывать за собачкой? Вопрос... Окружить себя животными было ее заветной мечтой, но крошечная квартирка в квартале Марэ и занятость допоздна вряд ли отвечает потребностям собаки, избалованной и воспитанной в роскоши. При всем том, именно в заботе о животных заключаются ее профессиональные обязанности. Беззащитным клиентам, лишенным способности выразить, где у них что болит и что они чувствуют, Эмили посвятила жизнь.

«Не печально ли, что моя дочь предпочитает общество животных обществу людей!» – так выразила Валери свое отношение к образу жизни, который вела ее дочь. Когда та объявила, что намерена окончить университет и получить степень по ветеринарии, Валери осуждающе поморщилась. «Выше моего разума, как можно потратить жизнь на то, чтобы вскрывать бедных животных и разглядывать их внутренности!»

– Это следствие, а не причина, мама. Причина же в том, что я люблю животных и хочу помогать им, – защищалась Эмили.

– Ну, если так хочется поработать, отчего не подумать о чем-то более женственном? Например, о моде? У меня есть приятельница,

которая работает в журнале «Мари Клер». Я уверена, она сумеет тебя пристроить. Разумеется, выйдя замуж, ты с этим покончишь. Остепенишься и будешь вести нормальную взрослую жизнь.

Эмили не винила мать в том, что в своих представлениях та застряла в прошлом, но все-таки очень хотелось, чтобы та заметила успехи дочери и хоть немного ими гордилась. Ведь окончив университет в числе первых на курсе, Эмили сразу получила должность стажера в одной из лучших парижских клиник.

– Надо думать, права была мама, Фру, – вздохнула она. – Наверное, я и впрямь предпочитаю животных людям.

Тут послышался шорох подъезжающего автомобиля. Опустив собачку на землю, Эмили поднялась, чтобы встретить нотариуса.

– Здравствуйте, Эмили, как вы? – Жерар Флавьер расцеловал ее в обе щеки.

– Спасибо, хорошо, – отозвалась Эмили. – Как добрались?

– Самолетом до Ниццы, а там взял такси. – Пройдя за ней в парадную дверь, Жерар остановился в прохладном просторном холле, из-за закрытых ставен окутанном полутьмой. – Какое счастье вырваться из Парижа! Весна в Провансе – это так изысканно...

– Вот и я подумала, что лучше нам встретиться здесь, в шато. Документы в библиотеке, в письменном столе. Мне казалось, они вам могут понадобиться.

– Конечно. – Ступая по истертому мрамору пола, Жерар, подняв взгляд, заметил темное пятно на потолке. – Хозяина бы сюда заботливого... – со вздохом посетовал он. – Старееет дом. Впрочем, как и все мы...

– Может быть, пройдем в кухню? Угощу вас кофе.

– Кофе – как раз то, что мне нужно, – улыбнулся он, следуя за ней по коридору, который вел в глубь дома.

– Садитесь, прошу вас, – указав на стул за длинным дубовым столом, Эмили подошла к плите еще раз вскипятить чайник.

– Помещение не слишком перегружено оборудованием, верно? – заметил Жерар, оглядывая скудно обставленную, имеющую только самое необходимое кухню.

– Да уж. Но ведь тут готовили на семью и гостей только слуги. Сомневаюсь, чтобы мать хоть раз подошла к раковине.

– А кто сейчас за домом присматривает?

– Марго Дюваль, экономка. Она служит у нас уже лет пятнадцать. Каждый день приходит из деревни, после обеда. Когда отец умер, весь штат мама распустила и сама перестала сюда приезжать. Предпочитала снимать яхту.

– Что и говорить, тратить деньги ваша матушка была мастерица. Эмили поставила перед ним чашку кофе.

– Да, на вещи, которые считала для себя важными. Шато это не касалось.

– Судя по счетам, которые я видел, предпочтение отдавалось радостям дома Шанель.

– Высокую моду мама жаловала, весьма. – Эмили с чашкой кофе уселась напротив. – Даже в прошлом году, когда была уже очень больна, не пропускала показов.

– С характером была дама. И знаменитость! Ни одна влиятельная газета не оставила без внимания ее кончину. И удивляться тут нечему. Де ла Мартиньересы – одно из самых знатных семейств Франции.

– Да, я тоже читала газеты, – кивнула Эмили. – Насколько я понимаю, мне придется вступить в наследство.

– Да, Эмили, и, спору нет, когда-то ваша семья была сказочно богата. К сожалению, времена изменились. Благородное имя по-прежнему живо, но богатство – в прошлом.

– Я это подозревала, – нимало не удивилась Эмили.

– Вряд ли для вас новость, что ваш отец не обладал качествами делового человека. Он был интеллектуал, ученый, деньги его не интересовали. Я не раз пытался побеседовать с ним о том, как выгоднее вложить средства, пытался убедить его подумать о будущем, но его это не занимало. Впрочем, с другой стороны, двадцать лет назад это особенного значения не имело, поскольку состояние было значительное. Но потом, вследствие незаинтересованности вашего отца и склонности вашей матушки иметь все только самое лучшее, оно резко уменьшилось. – Жерар вздохнул. – Мне жаль, Эмили, если я вас огорчаю.

– Я ожидала чего-то подобного, и потом, меня это не так уж волнует. Просто хотелось бы привести в порядок дела и вернуться в Париж, к работе.

– Боюсь, Эмили, что ситуация несколько сложнее. Повторю, времени вникнуть в обстоятельства подробно у меня пока не было, но

сразу могу сказать, что имение обременено долгами, и немалыми. Долги эти следует заплатить как можно скорее. Ваша мать под залог одного только парижского дома умудрилась набрать займов почти на двадцать миллионов франков. Но помимо этих у нее были и другие долги, с которыми также тянуть не следует.

– Двадцать миллионов франков?! – ужаснулась Эмили. – Как такое возможно?

– О, это несложно. Когда источник средств стал иссякать, ваша мать не сочла нужным изменить свой образ жизни. Много, много лет она жила на заемные деньги. Прошу вас, Эмили, – оборвал себя Жерар, заметив, как она на него смотрит, – прошу вас, не впадайте в отчаяние. Эти долги вы выплатите без особенных затруднений, продав парижский дом, за который, я полагаю, можно выручить около семидесяти миллионов, плюс еще обстановка. К примеру, великолепная коллекция ювелирных украшений, которую ваша матушка держала в банковском сейфе, ценные картины и прочие произведения искусства... Вы ни в коем случае не бедны, Эмили, это уж вы мне поверьте, но действовать нужно быстро и о будущем позаботиться незамедлительно.

– Понятно, – медленно выговорила Эмили. – Простите меня, Жерар. Я пошла в отца и касательно финансовых вопросов не имею ни опыта, ни особенного к ним интереса.

– Прекрасно вас понимаю. Ваши родители оставили вам нелегкое бремя, и легло оно исключительно на ваши хрупкие плечи. Хотя, – Жерар вскинул бровь, – это поразительно, сколько родственников у вас вдруг возникло.

– Что вы имеете в виду?

– О, вы не беспокойтесь, для стервятников это обычное дело, слететься на свежее горе. В нашем случае я получил уже около двадцати писем от людей, утверждающих, что они с де ла Мартиньересами в кровном родстве. В той или иной степени. Четверо незаконнорожденных братьев и сестер, очевидно, зачатых вашим отцом вне брака. Двое кузенов, дядя и еще одна особа из персонала, обслуживающего ваш парижский дом в шестидесятые годы, которая клятвенно заверяет, что ваша матушка пообещала оставить ей в завещании Пикассо. – Жерар с улыбкой покачал головой. – Все это

весьма ожидаемо, но, к несчастью, по французским законам каждое требование должно быть рассмотрено по всей форме.

– Вы ведь не думаете, что там есть хоть одно серьезное? – высказала надежду Эмили.

– Крайне сомневаюсь, что есть. И, если это послужит вам утешением, скажу, что подобное происходит после каждой кончины, которая освещается в прессе. Предоставьте это мне и не беспокойтесь. Я бы предпочел, Эмили, чтобы вы сосредоточились на том, что вы решите насчет шато. Как я уже сказал, долги вашей матери легко компенсируются продажей парижского дома и его содержимого. Но у вас на руках по-прежнему остается эта огромная собственность, которая, судя по тому, что я видел, находится в плачевном состоянии и нуждается в ремонте. Что бы вы ни решили, в любом случае вы останетесь весьма состоятельной женщиной, но все-таки, намерены вы продать свою усадьбу или нет?

Эмили, уставясь в пространство перед собой, тяжело вздохнула.

– Откровенно говоря, Жерар, мне хотелось бы, чтобы все это решилось само собой. Или чтобы кто-то принял решение за меня... А потом, что делать с виноградниками? Производство вина приносит какой-нибудь доход?

– И в этом я тоже разберусь, если вы мне поручите. Если вы решитесь продать шато, то производство вина пойдет в придачу.

– Продать шато... – вслед за ним повторила Эмили. Произнесенные вслух, слова усиливали тяжесть решения, которое ей предстояло принять. – Этот дом принадлежит нашей семье уже два с половиной века. И теперь мне надо решить, что с ним делать! А ведь я, – она вздохнула, – я даже не представляю себе, как поступить лучше...

– Охотно верю. И это тем более печально, что вы совсем одна. – Он сочувственно покачал головой. – Что мне сказать? Разве мы выбираем жизненные ситуации, в которых оказываемся? Я сделаю все, чтобы помочь вам, Эмили, все, что, я знаю, в подобных обстоятельствах ждал бы от меня ваш отец. А теперь, с вашего позволения, пойду приведу себя в порядок с дороги, а потом мы прогуляемся к виноградникам и переговорим с управляющим. Как вы на это смотрите?

– Одобрительно, – кивнула Эмили. – Я открыла ставни в той спальне, что налево от главной лестницы. Оттуда отличный вид, лучший в доме. Проводить вас?

– Нет, благодарю. Я много раз ночевал там прежде. Дорогу найду.

Жерар поднялся и с легким поклоном в сторону хозяйки вышел из кухни, чтобы по главной лестнице подняться в отведенную ему спальню. На полпути помедлил, чтобы взглянуть на портрет – запыленное, выцветшее изображение одного из предков Эмили. Сколько вымерло старых, благородных семейств, и все, связанное с ними, исчезает, оставив по себе едва заметный след на песке.

Любопытно, подумал он, что сказал бы Жиль де ла Мартиньерес – воитель в латах, столп общества в кудрявом парике и, по некоторым сведениям, любовник Марии-Антуанетты, – узнай он, что будущее его рода легло на плечи одинокой молодой женщины. Да к тому же такой, которую он, Жерар, всегда находил странноватой.

В прошлом, частенько приезжая в шато де ла Мартиньерес, Жерар наблюдал за некрасивой, замкнутой девочкой, стеснительность которой не позволяла ей с непринужденностью принимать знаки внимания взрослых. Дитя тихое и немногословное, на проявления дружелюбия она отзывалась сдержанно до того, что казалась угрюмой. Как нотариус Жерар считал, что его профессиональный долг – не только техническая работа с цифрами и документами, но и умение разбираться в чувствах клиентов.

Эмилия де ла Мартиньерес была загадкой.

Он наблюдал за ней во время похорон, и лицо ее было совершенно непроницаемо. Кстати, нельзя не признать, что с возрастом она стала куда привлекательней. Да и сейчас, в кухне, казалось бы, придавленная грузом непосильной ответственности, она не производила впечатления беззащитной. Это при том, что трудно представить себе существование, более далекое от образа жизни ее предков, чем то, которое она ведет в Париже. Живет самой непримечательной жизнью – тогда как и в ее родителях, и в истории ее семьи все было примечательно.

Оторвав взгляд от портрета, Жерар пошел наверх, размышляя о нынешней владелице дома. Никак к ней не подобраться, и он не знает, с какой стороны к ней подступиться.

Эмили складывала грязные чашки в раковину, когда дверь распахнулась, и в кухню вошла Марго, экономка. Завидев Эмили, она расцвела и бросилась обниматься.

– Мадемуазель Эмили! Я не знала, что вы приехали! Надо было меня предупредить! Я бы все приготовила!

– Я приехала из Парижа поздно ночью. Как я рада вас видеть, Марго!

Та, отступив на шаг, с нежностью оглядела Эмили с головы до ног.

– Ну, как вы, дорогая моя?

– Я? Да, в общем, справляюсь, – честно ответила Эмили, у которой при виде Марго, заботившейся о ней в те летние месяцы, когда девочкой она приезжала в шато, в горле застрял комок.

– Что-то вы похудели. Небось голодаете?

– Ничуть я не голодаю, Марго! Взгляните-ка на меня! Вряд ли я когда-нибудь исхудую! – С невеселой улыбкой Эмили махнула рукой.

– Фигурка у вас прекрасная! Вот погодите, станете еще под стать мне! – Марго указала на свою полноту.

Эмили посмотрела на поблекшие голубые глаза, на золотые волосы, в которые вкрались седые пряди. Пятнадцать лет назад Марго была настоящей красавицей. Что ж, еще одно свидетельство тому, что ненасытное время пожирает своих детей...

Дверь в сад распахнулась снова. В проеме возник хрупкий подросток, эльф с голубыми, унаследованными от матери, глазами, огромными, в пол-лица. Заметив Эмили, он помедлил и неуверенно повернулся к матери.

– Мама? А это ничего, что я здесь?

– Вы ведь не будете возражать, если Антон здесь побудет, пока я работаю, мадемуазель Эмили? В школе пасхальные каникулы, и мне не хочется оставлять его одного. Он посидит тихонечко с книжкой, можно?

– Ну конечно, о чем речь, – улыбнулась Эмили мальчику. Восемь лет назад Марго потеряла мужа, тот погиб в автомобильной аварии. С тех пор она билась, чтобы вырастить сына. – Здесь на всех места хватит, правда, Антон?

– Да, мадемуазель Эмили. Благодарю вас, – вежливо отозвался Антон и подошел к матери.

– Жерар Флавьер, наш нотариус, сейчас наверху. Он останется на ночь, Марго, – сообщила Эмили. – Он спустится, и мы пойдем на винодельню, повидать Жана и Жака.

– Хорошо. Пока вас не будет, я ему постелю. Приготовить вам ужин?

– Нет, спасибо, мы поужинаем в деревне.

– Тут еще счета пришли, за дом, мадемуазель. Я вам их принесу? – с неловкостью спросила Марго.

– Да, конечно. Кто же еще будет по ним платить?

– Да, мадемуазель. Мне так жалко, мадемуазель. Тяжело вам остаться одной. Я-то знаю, каково это пережить...

– Да, Марго, спасибо. Увидимся позже, – кивнув матери и сыну, Эмили вышла из кухни, чтобы найти Жерара.

Вечером Марго с Жераром отправились на винодельню, небольшое хозяйство, занимавшее двадцать пять акров и выпускавшее в год двенадцать тысяч бутылок бледно-розового, красного и белого вина, поставляемого в основном в местные магазины, гостиницы и рестораны.

В винных подвалах было темно и прохладно, воздух пропитан запахом бродившего вина, которое созревало в расставленных по стенам огромных бочках из русского дуба.

Жан Бенуа, управляющий винодельней, поднялся к ним из-за стола.

– Эмили! Рад тебя видеть! – Жан расцеловал ее в обе щеки. – Папа, посмотри, кто к нам пришел!

Жак Бенуа, старик лет под девяносто, скованный ревматизмом, ежедневно являлся в подвал, усаживался за свой стол и усердно занимался упаковкой бутылок в лиловую оберточную бумагу. Подняв глаза, он улыбнулся:

– Мадемуазель Эмили, здравствуйте! Как вы?

– Спасибо, Жак, хорошо. Как здоровье?

– Что ж, охотиться на диких кабанов, как когда-то мы с вашим батюшкой, на холмы больше не выхожу, – хмыкнул он. – Но все-таки с каждым рассветом радуюсь, что еще жив!

Эмили охватило теплом от сердечности, с какой они ее встретили, и от их приятельского тона. Отец и Жак были большие приятели, и

она, бывало, рулила на велосипеде к ближайшему пляжу в Жигаро, поплавать с Жаном, который на восемь лет ее старше, казался ей тогда ужасно взрослым. Эмили порой фантазировала, что он ее старший брат. Жан, неизменно внимательный, всегда ее оберегал. Он рано потерял мать, отец растил его в одиночку.

Оба, отец и сын, как и несколько поколений их предков, выросли в двухэтажном домике, который стеной примыкал к винным подвалам и соединялся с ними проходом. Теперь винодельней управлял Жан, переняв бразды правления у отца, когда тот решил, что сын в достаточной степени овладел секретами купажа и ферментирования винограда местных сортов.

Тут Эмили вернулась в настоящее и осознала, что они разговаривают, а Жерар неловко топчется позади.

– Познакомьтесь, это наш семейный нотариус, Жерар Флавьер, – спохватилась она.

– Сдается мне, мы встречались раньше, месье, много лет назад, – произнес Жак, протягивая Жерару дрожащую руку.

– Да, и я, возвращаясь в Париж, продолжаю смаковать вкус вина, которое вы здесь делаете, – с улыбкой кивнул Жерар.

– Вы очень добры, месье, – отвечал Жак, – но на мой пристрастный взгляд, мой сын – вот уж кто мастер, когда дело доходит до настоящего прованского розового.

– Полагаю, месье Флавьер, что вы прибыли сюда для того, чтобы ознакомиться с финансовым положением нашей винодельни, а не с качеством нашей продукции? – вмешался видимо смущенный отцовской похвалой Жан.

– Безусловно, представление о том, продуктивен ли бизнес, мне пригодится – для анализа ситуации. Боюсь, мадемуазель Эмили предстоит принять кое-какие решения.

– Что ж, – вздохнула та, – думаю, толку от меня вам немного, так что пойду прогуляюсь по винограднику.

Кивнув мужчинам, она поспешила к выходу и вышла на воздух – с мрачной мыслью, что теперь тяжесть предстоящего ей решения усугубляется еще и тем, что оно самым непосредственным образом скажется на судьбе отца и сына Бенуа. Жизнь их семьи оставалась неизменной веками. И было видно, что Жан особенно обеспокоен, поскольку он вполне понимает, что последует, если она решит

избавиться от имения. Новый владелец, вернее всего, поставит своего управляющего, и Жану с Жаком придется освободить дом. Такое просто не укладывалось в голове, ибо все Бенуа, казалось, прямо-таки выросли среди лоз из той земли, на которой сейчас стоят ее, Эмили, ноги.

Солнце клонилось к закату. Эмили шла по каменистой земле между рядами ломких на вид лоз. Пройдет несколько недель, и они пустятся в рост бурно, как сорняки, и в свой срок дадут крупные, сладкие плоды, которые поздним летом, во время *vendange*, сбора винограда, сорвут, чтобы пустить на вино будущего года.

Она обернулась взглянуть на шато, до которого было метров триста, и печально вздохнула. Со светлыми, розоватого оттенка стенами и ставнями, по традиции выкрашенными в нежно-голубой цвет, с двух сторон обрамленный высокими кипарисами, здание словно таяло в лучах заходящего солнца. Простое, но элегантно вписанное в ландшафт, оно вполне отражало и нынешний упадок, и благородство своего происхождения.

Мы – это все, что осталось...

Нежность к родному дому внезапно охватила ее. Шато тоже осиротело. По праву рождения наделенное особыми правами, но испытывающее нехватку в самых насущных вещах, и в нужде оно сохраняло вид изящного достоинства, и Эмили ощутила к нему какое-то до странности сестринское чувство.

– Как мне тебя сберечь? – прошептала она. – Я живу в другом месте... Я... – Эмили тяжело вздохнула и тут услышала, что ее окликают. К ней направлялся Жерар. Подошел, остановился рядом и тоже обратил взгляд к шато.

– Какая же все-таки красота!

– Да. Только что с этой красотой делать, ума не приложу.

– Давайте вернемся к дому. По дороге я изложу вам свои соображения, а вы сами рассудите, полезны они вам или нет.

– Отлично.

– Итак, винодельня работает вполсилы – и с точки зрения производительности, и с точки зрения дохода. В последние годы во всем мире растет спрос на розовое вино. Его оценили и перестали рассматривать как бедного родственника белых и красных вин. Жан считает, что, если погода в ближайшие несколько недель не изменится,

урожай будет рекордный. Проблема в том, Эмили, что де ла Мартиньересы к своей винодельне никогда не относились всерьез.

– Да, я это хорошо понимаю, – согласилась Эмили.

– Жан – он, кстати, произвел на меня очень приятное впечатление – сказал, что уже шестнадцать лет, то есть с тех пор как умер ваш батюшка, никаких денег в винодельню не вкладывалось. Разумеется, изначально это производство имело целью обеспечить шато своим вином. Во времена расцвета, когда ваши предки принимали гостей с размахом, большая часть вина поступала на стол. Разумеется, теперь все иначе, но винодельня работает так же, как и сто лет назад.

Жерар сделал паузу, ожидая реакции, но, не получив отклика, продолжил:

– Чтобы полностью реализовать свой потенциал, производство нуждается в финансовых вложениях. По словам Жана, к примеру, здесь довольно земли, чтобы удвоить площадь виноградников. Необходимо также, говорит он, закупить современное оборудование, чтобы идти в ногу со временем и получать отдачу. Вопрос состоит в том, угодно ли вам сохранить и винодельню, и шато для будущего. И то, и другое остро нуждается в обновлении, что потребует времени и внимания.

Они устроились за домом, чтобы договорить. Эмили вслушивалась в тишину. Ни дуновения ветерка. Покой обнимал ее, окутывал, как теплая шаль, – впервые с тех пор, как умерла мать. Умиротворенная, Эмили не хотела принимать решения.

– Спасибо за помощь, Жерар, но, думаю, с моей стороны было бы преждевременно и поспешно ответить вам сразу. Спроси вы меня об этом две недели назад, я, не раздумывая, ответила бы, что намерена все продать. Но сейчас...

– Я вас понимаю, – кивнул Жерар. – Однако то, что касается чувств, вне моей компетенции. Только финансы. И с этой точки зрения надеюсь несколько утешить вас, Эмили, сказав, что продажа парижского дома, обстановки и драгоценностей вашей матушки позволит вам не только покрыть все долги и отремонтировать шато, но и обеспечит доходом, которого с лихвой хватит до конца ваших дней. Кроме того, разумеется, не стоит упускать из виду библиотеку. Ваш папа вкладывал средства не в благоустройство жилья, будь то здесь или в Париже, а в то, к чему лежала его душа, в книги. Опираясь на то,

что собрали его предки, – а библиотека и до него была редкая! – он книжный фонд удвоил. Антиквариат – не моя сфера, но возьму на себя смелость сказать, что коллекция представляет собой ценность весьма и весьма значительную.

– С книгами я никогда не расстанусь, – твердо сказала Эмили и сама удивилась, как решительно это прозвучало. – Книги – дело жизни отца. Девочкой я столько времени провела с ним в библиотеке...

– Ну конечно, и зачем расставаться, нет никаких причин. Впрочем, если вы решитесь продать шато, то тогда, чтобы разместить книги, придется найти что-то попросторней, чем ваша парижская квартирка, – усмехнулся Жерар. – А теперь я бы прогулялся в деревню поужинать. Вы составите мне компанию? Рано утром я уезжаю, и еще, с вашего позволения, хотелось бы ознакомиться с содержанием ящиков письменного стола вашего батюшки, вдруг найдутся еще какие-то финансовые документы.

– Безусловно.

– Вот только сделаю несколько телефонных звонков, – извиняющимся тоном добавил он, – это займет с полчаса, а потом буду ждать вас в вестибюле.

Эмили смотрела, как Жерар идет в дом. Несмотря на то что она знала его всю свою жизнь, в его обществе ей было как-то не по себе. Прежде она смотрела на него так, как любой ребенок смотрит на незнакомого взрослого. Теперь же, когда других взрослых попросту не осталось и дела приходится вести напрямую, оказалось, что это непросто.

Призадумавшись, она поняла, в чем тут причина. Коробило от неизбывного впечатления, что Жерар относится к ней снисходительно, покровительственно, свысока – хотя понятно, что он искренне старается ей помочь. Но все-таки сквозило в его глазах нечто вроде неодобрения. Надо полагать, он считал – и кто его за это осудит! – что она не обладает качествами и достоинствами, необходимыми для того, чтобы с честью нести на плечах мантию последней де ла Мартиньерес, со всем ее историческим багажом. Эмили и сама сознавала, что лишена блеска своих предшественников. Родившись в необыкновенной семье, она от души желала быть самой обыкновенной.

Глава 3

Наутро Эмили, лежа в узкой кровати, в которой спала с детства, сквозь сон слышала, как шуршит гравием машина Жерара, отъезжая от дома. Окнами ее комната выходила на северо-запад, так что утреннее солнце сюда не заглядывало. Разумеется, вяло подумала она, никто и ничто не мешает ей переселиться теперь в любую из просторных, парадных спален, расположенных по фасаду, с роскошным видом на сад и уходящие за горизонт виноградники.

Фру-Фру, которая вчера так скулила, что Эмили позволила ей спать у себя в ногах, спрыгнула с кровати и, поскуливая, потрусилась к двери, намекая, что пришла пора утренних процедур.

Внизу, в кухне, Эмили сварила себе кофе и с чашкой в руке прошла по коридору в библиотеку. В комнате с высокими потолками, где по настоянию отца, чтобы защитить книги от солнца, ставни всегда были закрыты, знакомо пахло застоялой бумажной пылью. Поставив чашку на крытый вытертой кожей письменный стол отца, она подошла к окну и толкнула створку ставни. В рассеянных лучах утреннего света лихорадочно заплясали стайки вспугнутых сквозняком пылинок.

Усевшись на встроенное в подоконник сиденье, Эмили принялась озирать комнату, всю, от пола до потолка, в книжных полках. Трудно даже представить, сколько тут книг.

Последние годы жизни отец провел, составляя каталог и пополняя коллекцию. Эмили поднялась и медленно обошла комнату, стена за стеной. Ряды книг молчаливо возносились на высоту в ее четыре роста. Казалось, они за ней наблюдают, за своей новой хозяйкой, и гадают, какая их ждет судьба.

Ей вспомнилось, как они с отцом играли здесь в «алфавит». Игра состояла в том, что Эмили выбирала из алфавита две буквы в любых комбинациях, а отец обходил полки в поисках книги, у автора которой были такие инициалы, и крайне редко случалось, чтобы ему не удавалось ее найти. Даже когда она старалась усложнить задачу, выбирая *X* и *Z*, отец ухитрялся достать с полки выцветший, потрепанный томик китайского философа или тоненький сборник давно забытого русского поэта.

Годами наблюдая, как отец это делает, Эмили не потрудилась запомнить довольно запутанную систему, которую он выработал для описания и расстановки книг, и теперь жалела об этом. При одном взгляде на полки было понятно, что книги расположены отнюдь не в алфавитном порядке. Так, прямо перед ней стояли подряд Диккенс, Платон и Мопассан.

Также она отдавала себе отчет, что, приступив к описанию своей огромной коллекции – плоды его стараний собраны в папках, в рядок стоящих на письменном столе, – отец едва зачерпнул с поверхности. Сам он, конечно же, знал секрет и умел почти тут же найти понадобившуюся ему книгу, но это умение ушло с ним в могилу.

– Что же мне с вами делать, если я продам этот дом? – прошептала она книгам, а те, тысячи осиротелых детей, безмолвно внушали ей мысль, что будущее – в ее руках, как решит, так и будет.

Эмили встряхнулась. Нет, эмоциям поддаваться нельзя. Если она надумает продать шато, книгам придется найти другое пристанище. Прикрыв створку ставен и вернув библиотеке привычную полутьму, она вышла оттуда и все время до обеда провела, обходя дом, осматривая, исследуя все его залы, комнатки, коридоры, уголки и закоулки.

У нее словно открылись глаза, она словно впервые увидела фамильное гнездо. С восторгом разглядела замечательный, двухсотлетней давности фриз, украшающий потолок величественной столовой, элегантную, пусть потрепанную мебель французской работы, дивный старинный фарфор и множество картин, украшавших каждую стену.

В полдень Эмили пришла в кухню выпить стакан воды – и жадно к нему припала, поймав себя на том, что задыхается и так взбудоражена, как бывает, когда очнешься после недоброго, дурного сна. Красота, которая вдруг на нее обрушилась, окружала ее всю жизнь, но осознать ее, обратить на нее внимание отчего-то прежде и в голову не приходило. А теперь наследие, еще день назад представлявшееся камнем на шее, камнем, который хотелось поскорее скинуть, вызывало в ней чувство, более всего похожее на восторг. Этот прекрасный дом, изобилующий редкими, такими красивыми предметами, весь, от подвала до чердака, принадлежал ей!

Ощувив внезапно, что голодна, Эмили заглянула в холодильник и проверила кухонные шкафчики. Ничего. Тогда, подхватив под мышку Фру-Фру, она усадила собачку рядом с собой и отправилась в Гассен. Припарковав машину, преодолела древнюю крутую лестницу и поднялась на вершину холма, где располагались бары и ресторанчики. Села за столик на самом краю террасы и с удовольствием огляделась. Отсюда открывался прекрасный вид на морской берег. Заказав кувшинчик розового и домашний салат, она грелась в лучах послеполуденного солнца, ни о чем не думая.

– Простите, мадемуазель, вы не Эмили де ла Мартиньерес?

Прикрыв рукой глаза от солнца, Эмили повернулась к мужчине, который остановился у ее столика.

– Да, – сухо кивнула она и вопросительно на него посмотрела.

– В таком случае счастлив с вами познакомиться, – он протянул руку. – Меня зовут Себастьян Карратерс.

Не слишком охотно, но Эмили на рукопожатие ответила.

– Я вас знаю?

– Нет, не знаете.

Эмили не могла не отметить, что французский у него хоть и превосходный, но с английским акцентом.

– Тогда позвольте спросить, откуда вы меня знаете? – произнесла она несколько нервозно.

– Это длинная история, которой я надеюсь в свой час с вами поделиться. Вы кого-нибудь ждете? – он указал на пустой стул за ее столом.

– Я... нет, – покачала она головой.

– Вы позволите мне присесть, чтобы я мог объясниться?

И не успела она отказать, как он, отодвинув стул, сел напротив. Теперь, когда солнце не светило в глаза, она рассмотрела, что он приблизительно одних с ней лет, поджар и неплохо, со вкусом одет. По носу и щекам рассыпаны рыжие веснушки; каштановые волосы, теплый взгляд карих глаз.

– Кончина вашей матушки не оставила меня равнодушным.

– В самом деле? – Эмили сделала глоток, и тут хорошее воспитание возобладало, и она предложила: – Бокал розового вина?

– Вы очень добры. – Себастьян сделал знак официанту, тот принес стакан и наполнил его из кувшина Эмили.

– Откуда вы знаете, что моя мать умерла?

– Вряд ли это тайна во Франции, – ответил Себастьян, сочувственно на нее глядя. – Ваша мать была личностью весьма популярной. Позвольте принести вам мои соболезнования. Вам сейчас, наверное, непросто.

– Да, это так, – проговорила она. – Полагаю, вы англичанин?

– Ну вот, вы догадались! – в шутливом ужасе отшатнулся Себастьян. – А я столько трудился, чтобы убрать акцент! Да, я англичанин. Но провел год в Париже, изучая историю искусств. И, признаться, являюсь стопроцентным франкофилом.

– Понятно, – пробормотала Эмили. – Но все-таки...

– Да, конечно, это не объясняет того, откуда я знаю, что вы Эмили де ла Мартиньерес. Что ж, скажу. – Себастьян, интригуя, поднял глаза к небу. – Связь между мной и вами уходит в далекие и смутные времена.

– Мы что, родня? – Эмили вдруг вспомнила вчерашние остережения Жерара.

– Нет, ни в коей мере, – с улыбкой сказал он, – но моя бабушка была наполовину француженка. Я совсем недавно узнал, что она сотрудничала и, более того, даже дружила с Эдуардом де ла Мартиньересом, вашим, я полагаю, отцом, во времена Второй мировой.

– Вот как? – Эмили, о прошлом отца зная только то, что он предпочитал о нем не рассказывать, по-прежнему чувствовала неловкость, гадая, чего ожидать от этого англичанина. – Видите ли, я мало знакома с этим периодом жизни отца.

– И я был мало знаком, пока бабушка не рассказала мне, перед самой своей смертью, что в период оккупации она была здесь, в Гассене. И о том, каким героем был ваш отец.

От этого откровения у Эмили перехватило дыхание.

– Да? Я не знала... Вам следует понимать, что я родилась, когда отцу было шестьдесят, больше чем через двадцать лет после войны.

– Я понимаю, – кивнул Себастьян.

– А кроме того, – Эмили глотнула вина, – он был не из тех, кто распространяется о своих подвигах.

– Что ж, Констанс – это моя бабка – определенно была весьма высокого о нем мнения. Она вроде как гостила в его доме в Гассене, в

прекрасном старинном шато. Это ведь здесь неподалеку, так?

– Да. – Эмили принесли ее салат. – Поужинаете со мной? – опять из вежливости спросила она.

– Если моя компания вам не неприятна...

– Ну что вы.

Себастьян сделал заказ, и официант удалился.

– Итак, что привело вас в наши края? – поинтересовалась Эмили.

– Хороший вопрос, мадемуазель. Дело в том, что, окончив в Париже курс истории искусства, я решил избрать арт-бизнес своей стезей. У меня маленькая галерея в Лондоне, но большую часть времени я провожу в поисках редких картин. Таких, на которые есть спрос у состоятельных клиентов. На сей раз я приехал во Францию с целью убедить владельца одного полотна Шагала продать его мне. Он живет в Грассе, Грасс неподалеку отсюда, в одной из газет мне попался на глаза некролог вашей матушки, и в памяти всплыло то, что рассказывала мне о своих отношениях с вашей семьей моя бабка. Вот я и подумал, что заеду сюда и взгляну на шато, о котором так много слышал. И потом, местность здесь в любом случае живописная.

– Да, это так, – отозвалась Эмили, совсем обескураженная этим удивительным разговором.

– Значит, мадемуазель, вы живете в шато?

– Нет, – ответила она. От его прямоты ей было не по себе. – Сейчас я живу в Париже.

– У меня там столько друзей! – радостно сообщил он. – Когда-нибудь я рассчитываю пожить во Франции подольше, но сначала нужно утвердить свою профессиональную репутацию дома. Добыть Шагала не удалось, владелец оказался несгибаемым, к сожалению. А ведь если бы удалось, это могло стать первым моим шагом к высшей лиге артдилеров!

– Сочувствую вам.

– Спасибо. Ну ничего, как-нибудь я это переживу. А что, не висит ли у вас в шато какое-нибудь бесценное полотно, от которого вы не прочь избавиться? – с иронией в голосе осведомился Себастьян.

– Не знаю, – честно ответила она. – Оценка картин и прочего – в списке моих задач.

– Уверен, вы прибегнете к услугам самых авторитетных парижских экспертов. Но если вдруг здесь на месте вам понадобится

знающий человек, то я к вашим услугам. – И пока официант ставил перед ним тарелку с заказанным им «крок-месье», бутербродом с сыром и ветчиной, достал бумажник и протянул Эмили свою визитную карточку. – Я специалист. Если хотите, пришлю отзывы клиентов.

– Вы очень любезны, но этими вопросами ведаёт наш семейный нотариус, – охладила его напор Эмили.

– Разумеется, – легко согласился он, разлил по стаканам розовое вино, отщипнул от своего бутерброда и сменил тему. – А в Париже вы чем занимаетесь?

– Работаю ветеринаром в крупной клинике в квартале Марэ. Платят мало, но я люблю свою работу.

– Вот как? – Себастьян вскинул бровь. – Кто бы мог подумать, учитывая, из какой вы семьи... На ум сразу приходит скорее что-то гламурное... если уж так хочется работать.

– Да, именно это всем в голову и приходит. Извините, мне в самом деле пора, – Эмили торопливо махнула официанту, чтобы принес счет.

– Простите меня, Эмили, я сказал пошлость, – спохватился Себастьян. – Я имел в виду, какая вы молодец! Ну правда, и в мыслях не было вас оскорбить!

Эмили овладело страстное желание убраться подальше от этого человека и его навязчивой болтовни. Она полезла в сумочку за кошельком, достала несколько франков, положила на стол.

– Рада была познакомиться. – Она подхватила Фру-Фру, быстрым шагом покинула террасу и, чувствуя, что до смешного выбита из колеи и вот-вот разревется, заторопилась вниз по ступеням.

– Эмили! Прошу вас, Эмили, подождите!

Не обращая внимания на оклик, она решительно шла к машине, пока Себастьян не поравнялся с ней.

– Послушайте, – запыхавшись, произнес он и продолжил, подстроившись к ее шагу: – Послушайте, мне ужасно стыдно, если я вас обидел. Кажется, у меня прямо талант брякнуть не то, что надо. Скажу только, если это послужит мне оправданием, что я тожеотягощен наследством, включая полуразвалившийся дворец на йоркширских пустошах, который намерен реставрировать и спасти, хотя на какие деньги, совершенно непонятно.

Они дошли до машины, и Эмили поневоле пришлось остановиться.

– Так почему вы его не продадите?

– Потому, что это наследие предков. Звучит высокопарно, и объяснить это сложно, – он пожал плечами. – Нет, я не стараюсь выжать у вас слезу, я просто хочу сказать, что знаю, каково это, когда на тебя давит прошлое. Мы с вами в одной лодке.

Эмили молча рылась в сумочке, ища ключи от машины.

– Но поверьте, я вовсе не заискиваю перед вами, – продолжал Себастьян, – а просто пытаюсь выразить сочувствие и понимание.

– Благодарю вас. – Ключи наконец нашлись. – Но теперь мне пора.

– Вы простили меня?

Она повернулась к нему, сама расстроенная тем, что оказалась так уязвима.

– Дело в том, – решившись объяснить свое поведение, Эмили охватила взглядом раскинувшийся внизу зеленый простор, – дело в том, что я хочу, чтобы обо мне судили по заслугам.

– Я вас понимаю, очень хорошо понимаю, правда! И не буду вас больше задерживать. До свидания. Очень рад нашему знакомству, – Себастьян протянул руку для рукопожатия. – Удачи!

– Спасибо. Всего доброго. – Эмили открыла дверцу, опустила усталую и сердитую Фру-Фру на пассажирское сиденье, села сама, завела мотор и медленно покатила вниз, не в силах взять в толк, что ее так вывело из себя. Ну, может быть, ей, привыкшей к строгостям французского протокола, диктующего правила поведения при первой встрече, открытость Себастьяна показалась несколько неумеренной? Однако, напомнила она себе, похоже, он просто старался быть дружелюбным. Это у нее проблемы, не у него. Он наступил на большую мозоль, задел чувствительное место, вот она и взвилась. Она смотрела, как в нескольких метрах впереди он спускается по холму, и сгорала от смущения и стыда.

Ей тридцать лет от роду, владения де ла Мартиньересов принадлежат ей, она вправе делать все, что ей вздумается. Не пора ли уже наконец научиться вести себя как взрослая женщина, а не как капризный подросток?

Поравнявшись с Себастьяном, она сделала глубокий вдох и опустила стекло.

– Раз уж вы приехали сюда, чтобы взглянуть на шато, Себастьян, глупо было бы этого не сделать. Садитесь, я вас подвезу.

– В самом деле? – Себастьян удивился, это было ясно и по голосу, и по лицу. – То есть, конечно же, я очень хочу его осмотреть, очень, особенно если рядом человек, который там как дома... то есть он там дома и есть.

– Ну так садитесь, – и она потянулась через сиденье, чтобы открыть дверь.

– Спасибо. – Он уселся, захлопнул дверь, и машина снова тронулась вниз по склону. – Мне ужасно совестно, что я вас расстроил. Вы точно меня простили?

– Себастьян, – вздохнула она, – вы не виноваты. Это моя вина. Любое упоминание моей семьи в этом контексте производит действие, которое психологи называют эффектом спускового крючка... Мне следует научиться с этим справляться.

– У каждого из нас, пожалуй, куча таких крючков, в особенности если в предках личности масштабные, сильные и успешные.

– Да, у моей матери характер был очень сильный. Теперь, когда ее нет, в жизни многих людей образовалась... пустота. И вы правы, жить с этим совсем не так просто. А уж я-то всегда знала, что не смогу.

Кажется, два бокала вина развязали ей язык. Но почему-то вдруг делиться с ним совсем не показалось ей неуместным, а напротив, волновало и щекотало нервы.

– А вот я о своей матушке такого сказать не могу... Она, впрочем, настаивала, чтобы мы называли ее по имени, Виктория, – сказал Себастьян. – Я ее, знаете, толком даже не помню. Она родила нас с братом в коммуне хиппи, в Штатах. Мне было три, а брату – два, когда она привезла нас в Англию и преподнесла деду с бабкой, пожила с нами некоторое время и снова уехала. И с тех пор от нее ни слуху ни духу.

– Господи, Себастьян! – ахнула Эмили. – Так вы даже не знаете, жива ваша мать или нет?

– Увы, да, не знаю – но бабушка сделала все, чтобы мы отсутствия матери не замечали. Мать оставила нас так рано, что бабушка заменила ее полностью, во всех отношениях. И откровенно говоря, столкнувшись с матерью в переполненной людьми комнате, я не смог бы ее узнать.

– Да, с бабушкой вам повезло, но все равно это очень печально. И вы даже не знаете, кто ваш отец?

– Не знаю. Или, если на то пошло, один ли он у нас с братом... Мы очень с ним разные... – Себастьян помолчал, глядя в пустоту.

– А деда вы знали?

– Он умер, когда мне было пять лет. Человек он был достойный, во время войны служил в Северной Африке, был там ранен и по-настоящему от ран не оправился. Так что бабушка потеряла и дочь, и обожаемого мужа. Наверное, держаться ей помогало то, что на руках внуки. Вот она была женщина замечательная, кремень до семидесяти восьми, до самого конца, лишь неделю одну проболела и оставила нас... Таких больше не делают... – печально проговорил он. – Простите! Наверное, я слишком много болтаю.

– Напротив, это утешительно – знать, что есть люди, которым тоже в детстве досталось. Я порой думаю, – Эмили вздохнула, – что иметь прошлое так же плохо, как совсем его не иметь.

– Совершенно с вами согласен, – кивнул Себастьян и рассмеялся. – Послушайте, кто бы нас слышал со стороны! Любой решил бы, что две испорченных, погрязших в роскоши привереды сетуют на свою судьбу! Давайте признаем, нам не приходится просить подаяния!

– Да уж. Именно так всякий бы и решил. Особенно обо мне. И почему нет? Они же не знают, что под поверхностью. Посмотрите-ка, – она взмахнула рукой, – вон наше шато, там, внизу.

Себастьян посмотрел на элегантное бледно-розовое здание, уютно устроившееся в долине, и присвистнул.

– Красота – в точности как описывала мне его бабушка. И резкий, надо сказать, контраст с нашим фамильным домом на унылых, продуваемых всеми ветрами пустошах Йоркшира. Впрочем, истины ради должен заметить, что скудный ландшафт делает Блэкмур-Холл по-своему выразительным.

Эмили свернула на длинную подъездную дорожку, которая вела к шато, и припарковалась за домом. Они вышли из машины.

– А у вас точно есть время показывать мне дом? – глянул на нее Себастьян. – Я ведь могу приехать в другой день.

– Нет-нет, сегодня как раз хорошо. – И Эмили с Фру-Фру на руках зашагала к шато, а Себастьян последовал за ней.

Из вестибюля она повела его по комнатам. Он то и дело замирал – то перед картиной, то перед столиком или бюро, то перед обширной коллекцией фарфоровых безделушек, которые собирали пыль на каминных полках. В комнате окнами на восток – в доме она называлась утренней гостиной – Себастьян с ходу решительно подошел рассмотреть поближе одну из картин.

– Вот эта очень напоминает мне картину «Luxe, Calme et Volupté», которую Матисс написал в 1904 году, когда останавливался в Сен-Тропе. Манера похожа, пунктирная. – Не касаясь красочного слоя, Себастьян кончиками пальцев погладил поверхность полотна. – Хотя здесь – только пейзаж, скалы и море, фигур нет.

– «Роскошь, покой и наслаждение», – повторила Эмили. – Я помню, как отец читал мне это стихотворение Бодлера. «Там красота, там гармоничный строй, там сладострастье, роскошь и покой...»

– Да! – повернулся к ней Себастьян, обрадованный, что она понимает, о чем речь. – «Приглашение к путешествию» Бодлера подтолкнуло Матисса к написанию этой картины. Теперь она висит в Национальном музее современного искусства в Париже. – Он снова обратился к полотну. – Она не подписана, насколько я вижу, если, конечно, подписи нет на обороте. Но возможно, это что-то вроде пробного этюда. Особенно учитывая тот факт, что Матисс, живя в Сен-Тропе, работал именно в этой стилистике – пуантилизме. А Сен-Тропе отсюда в двух шагах, верно?

– Отец был знаком с Матиссом, они встречались в Париже. Очевидно, тот посещал вечера, которые отец устраивал для творческой интеллигенции города. Я знаю, что он высоко ценил Матисса и часто о нем говорил, но чтобы художник сам бывал здесь, в шато, ни разу не слышала.

– Подобно многим творцам, Вторую мировую войну Матисс провел на юге, подальше от грохота пушек. Матисс – это моя страсть, – Себастьян только что не дрожал от возбуждения. – Можно я сниму ее со стены, взгляну, нет ли чего на обороте? Какого-нибудь посвящения? Художники часто делают дарственные надписи, когда преподносят картины щедрым благотворителям – таким, как ваш отец.

– Да, конечно.

Эмили подошла ближе. Себастьян взялся за раму картины и осторожно снял ее с гвоздя, обнажив темное пятно невыгоревших

обоев. Осмотрев картину с обратной стороны, они ничего там не обнаружили.

– Это не конец света, – утешил ее Себастьян. – Конечно, будь она подписана, это упростило бы дело, а так придется провести экспертизу, чтобы доказать, что это действительно работа Матисса.

– Вы в самом деле думаете, что это он?

– Учитывая упомянутые вами обстоятельства и наличие фирменного пунктирного мазка, с которым Матисс экспериментировал в период написания этой картины, я бы сказал, что вероятность очень высокая. Но, разумеется, это должны подтвердить эксперты.

– И если это и правда Матисс, какова ценность картины?

– Поскольку подписи нет, я остерегусь делать прогнозы. Матисс, знаете ли, был чрезвычайно плодовит и жизнь прожил долгую. А вы что, намерены картину продать?

– Это еще один вопрос в моем списке, – устало пожала плечами она.

– Что ж, – Себастьян аккуратно вернул полотно на стену, – у меня есть знакомства среди людей, которые могут квалифицированно установить авторство, но, думаю, ваш нотариус предпочтет обратиться к своим. Как бы то ни было, благодарю вас за то, что показали мне ваш чудесный дом.

– Ну что вы, – ответила Эмили и пошла к выходу из гостиной.

В вестибюле Себастьян остановился.

– Послушайте, помнится, бабушка упоминала о замечательной библиотеке, полной старинных книг. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. – Эмили поняла, что во время тура по дому каким-то образом упустила библиотеку. – Библиотека вон там. Пойдемте, я покажу.

– Благодарю вас. Надеюсь, я не слишком назойлив.

Войдя в библиотеку, Себастьян ахнул.

– Ну и ну, – выдохнул он, медленно обходя полки. – Это в самом деле нечто поразительное. Бог знает, сколько тут книг! Вы хоть знаете? Пятнадцать тысяч томов? Двадцать?

– Представления не имею.

– Они описаны? В каком порядке стоят?

– В том, который предпочитал мой отец, а до него – дед. Собрание зародилось около двухсот лет назад. Но самые свежие приобретения

отец описал. – Эмили указала на кожаные папки, которые стояли в ряд на письменном столе.

Себастьян открыл одну папку, полистал – сотни записей были сделаны мелким, четким почерком Эдуарда.

– Это не мое дело, конечно, но, Эмили, библиотека воистину выдающаяся. И это не преувеличение! Из записей следует, что ваш отец приобретал редчайшие первые издания, не говоря уж о тех книгах, которые скопились здесь до него. Полагаю, это одно из лучших собраний редких книг во всей Франции! Их необходимо закаталогизировать профессионально, создать базу данных.

Эмили в изнеможении опустила в отцовское кожаное кресло.

– Господи, – пробормотала она. – Одно за другим! Кажется, приводить в порядок дела родителей – это работа на полную ставку.

– Ну так это ведь и дело благодарное, вы так не считаете? – с энтузиазмом произнес Себастьян.

– Однако у меня есть и своя жизнь, причем та, что мне нравится, жизнь спокойная и... – она хотела сказать «безопасная», но, понимая, что это прозвучит странно, выбрала другое слово: – организованная.

Себастьян подошел и, опершись на кресло, в котором она сидела, опустился на корточки, глядя ей в глаза.

– Я понимаю, Эмили. Но если вы хотите вернуться к той жизни, значит, нужно найти людей, которым вы верите настолько, что можете поручить рассортировать это все для вас. Только и всего.

– Кому я верю? Кому я могу верить? – переспросила она.

– Ну, у вас есть нотариус, для начала. Может быть, стоит передоверить это ему?

– Но... – Слезы навернулись ей на глаза. – Но разве это не мой долг перед семьей и историей? Я просто не вправе бежать.

– Послушайте, Эмили, – мягко сказал Себастьян. – Времени прошло совсем мало. Вы расстроены и растеряны, это так понятно! Всего две недели, как ушла ваша мать. Когда вам было успеть оправиться от потрясения? Не торопитесь! Дайте горю улечься. Со временем вы придете к верному решению. – Он погладил ее по руке и встал. – Мне пора, но у вас есть моя визитка, и, само собой разумеется, я буду только счастлив помочь вам всем, чем смогу. Ваше шато для меня – просто манна небесная, особенно картины. – Он улыбнулся. – Я

некоторое время еще побуду в Гассене, так что если надумаете насчет экспертизы с Матиссом, позвоните мне на мобильный.

– Спасибо, – Эмили полезла в карман джинсов убедиться, что визитка действительно там.

– Кроме того, я могу обратиться к моим парижским знакомым, чтобы они порекомендовали вам лучших антикваров и среди букинистов, и среди специалистов по мебели. Что бы вы ни решили насчет шато, все равно стоит узнать ценность того, чем вы владеете. Полагаю, ваши родители в свое время должны были все это застраховать?

– Представления не имею, – Эмили пожала плечами. Зная своего отца, в наличии страховки она сомневалась. Надо спросить об этом Жерара. – Благодарю вас за участие, – поднимаясь с кресла, произнесла она. Они снова вышли на задний двор, где была припаркована машина. – Простите, что я так... расчувствовалась. Это совсем не в моем духе. Возможно, как-нибудь позже вы поделитесь со мной тем, что ваша бабушка рассказывала о своем знакомстве с моим отцом.

– С удовольствием. И, прошу вас, не извиняйтесь. – Они сели в машину. – Мало того, что вас постигла утрата, так еще и тьма дел впереди!

– Я справлюсь. Должна справиться, – отозвалась Эмили, отъезжая от дома.

– Уверен, что так и будет. И, прошу вас еще раз, если понадобится любая помощь, звоните.

– Благодарю.

– Я поселился вон там, – Себастьян показал на поворот, – так что если вы здесь меня высадите, дальше я пешком. Сегодня прекрасный день.

– Хорошо. – Эмили остановила машину. – Еще раз спасибо.

– Берегите себя, Эмили. – Он выбрался из машины, махнул рукой и пошел по дороге. Эмили развернулась, приехала назад в шато, а там, остро чувствуя свою неприкаянность, принялась беспокойно бродить из комнаты в комнату.

С наступлением вечера стало прохладно. Эмили устроилась на кухне, поближе к плите. Марго приготовила на ужин жаркое, но аппетита совсем не было, чем воспользовалась Фру-Фру. Потом,

заперев входную дверь на ключ и на засов, Эмили поднялась наверх принять ванну. Тоненькая струйка теплой воды вяло лилась в старинную, покрытую известковым налетом ванну. Эмили лежала, невесело размышляя о том, как превосходно подходит ей размер ванны, просто идеальный прототип гроба. Когда вода остыла, она встала, вытерлась, уронила полотенце на пол и, что было совсем на нее не похоже, принялась рассматривать себя в высоком, в полный рост, зеркале.

Потребовалось некоторое усилие, чтобы взглянуть на свое тело со стороны. Эмили всегда казалось, что в генетической лотерее ей не повезло. Ребенком широкоплечая и коренастая, в подростках она стала толстушкой. Несмотря на мольбы матери есть поменьше и только здоровую пищу, в семнадцать она забросила все огуречно-дынные диеты, которые ей предписывали, прикрыла свою вызывающую нарекания фигуру свободной и удобной одеждой – и поплыла по течению, будь что будет.

В тот же период она наотрез отказалась от участия во всякого рода светских затеях, устраиваемых для того, чтобы ввести ее в круг, именуемый сливками общества. Матери женихов и девиц на выданье устраивали «ралли», серии танцевальных вечеров, с тем чтобы отпрыски их заводили дружбы в социально близкой среде и формировали отношения, способные в будущем вылиться в матримониальный союз. Попасть в элитное «ралли» – предел мечтаний любого французского подростка, рвущегося в высшее общество. Мать Эмили, с ее именем и напором, могла привлечь под свое ружье всех, кого только душа пожелает. Она не могла прийти в себя, когда дочь объявила ей, что все, больше никаких вечеринок с коктейлями и прочих выходов в свет.

– Как ты смеешь поворачиваться спиной к тому, что дано тебе по праву рождения?! – воскликнула мать.

– Я эти игры терпеть не могу, мама. Я представляю собой нечто большее, чем фамильное имя и счет в банке. Извини, но это все.

Сейчас, разглядывая свое отражение – полную грудь, округлые бедра и стройные, точеные ноги, – Эмили поняла, что за последние недели сбросила вес. То, что предстало перед ней в зеркале, даже на ее собственный, всегда критический взгляд, поражало. И хотя вряд ли разумно ждать, чтобы при таком строении тела она стала грациозной

нимфой, назвать ее толстой и неуклюжей было бы в высшей степени несправедливо.

Чтобы не начать, как водится, выискивать в себе недостатки, она оторвалась от зеркала, надела ночную рубашку и легла в постель. Выключила свет и, вслушиваясь в полнейшую, ничем не нарушаемую тишину, призадумалась, с чего это вдруг ей пришло в голову себя разглядывать, обычно она такими вещами не занимается. Уже шесть лет, как она рассталась со своим последним, с позволения сказать, любовником. Привлекательный молодой ветеринар, Оливье, с которым она встретилась по работе, не продержался и нескольких недель. Он даже не очень-то ей и нравился, но по крайней мере по ночам ей было тепло, а за ужином с кем поговорить... В общем, Оливье ненадолго скрасил ее одиночество, но вскоре исчез, потому что, Эмили это понимала, она палец о палец не ударила, чтобы его удержать.

Для нее всегда оставалось загадкой, из чего складывается любовь. Что это – смесь физической привлекательности, родства умов, и, может быть, душевного обаяния? Одно было ясно: пока она еще не влюблялась. И ее никто не любил, кому бы такое вздумалось?

В ту ночь она никак не могла уснуть. Казалось, голова лопнет от мыслей обо всех делах, которые предстоит утрясти, и тяжелой ответственности, от которой не отвертеться. Но сильнее всего будоражило то, что перед глазами как живой стоял Себастьян. Хотя в шато он пробыл недолго, в его присутствии она чувствовала себя защищенной. Он производил впечатление человека толкового, надежного и... да, очень привлекательного. Когда в библиотеке он коснулся ее руки, она не смутилась, как обычно бывало, когда кто-то подходил слишком близко, вторгался, что называется, в ее личное пространство.

Это как же она одинока, одернула себя Эмили, что человек, с которым она и знакома-то всего пару часов, способен так ее растревожить! И потом, разве обратит на нее внимание такой интересный, образованный человек, такой красавец, как Себастьян? Вряд ли она в его вкусе, и скорее всего, они никогда больше не увидятся. Ну, если, конечно, не позвонить по тому номеру, что он ей оставил, и не попросить помощи в экспертизе картины Матисса.

Эмили мрачно потрясла головой. Нет, сделать это ей смелости не хватит. Эта дорога никуда не ведет. Уже давно она решила, что

проживет свою жизнь одна. Тогда никто ее не обидит, не подведет. И с этой мыслью, твердо впечатанной в подсознание, Эмили наконец уснула.

Глава 4

Из-за беспокойной ночи проснулась она поздно, за кофе принялась составлять бесконечный список дел, а потом, на другом листке, записала вопросы, которые должна решить для себя. Ведь вначале она только и хотела как можно быстрее продать оба дома, разобраться с фамильным наследством и вернуться к своей спокойной жизни в Париже. Но теперь...

Почесав нос карандашом, Эмили обвела взглядом кухню, для вдохновения. Дом в Париже она, конечно, продаст – с ним вообще не связано ничего приятного. Однако про шато этого не скажешь – и в последние дни ее отношение к нему изменилось. Мало того что это фамильное гнездо – граф Луи де ла Мартиньерес выстроил его в 1750-х, – здесь еще ни с чем не сравнимая атмосфера, которая ей всегда нравилась. Здесь она успокаивалась, здесь все напоминало ей об отце.

Оставить шато, не продавать? Эмили встала, прошла по кухне, обдумывая эту мысль. Разве это не смехотворно, если не сказать неприлично, – одинокой женщине содержать такой дом?

Ее мать, это очевидно, так бы никогда не сказала, но мать принадлежала к очень узкому кругу. Эмили из этого круга по своей воле давно ушла. Она знала, как живут обычные люди. И все-таки мысль, что можно провести свои дни здесь, в тишине и покое, все больше и больше привлекала ее. Всю жизнь чувствуя себя в семье одинокой, парадоксальным образом она ощущала, что впервые приехала домой. Это даже выбивало из колеи, шокировало – так сильно ей хотелось теперь остаться здесь.

Она снова села за стол и продолжила список вопросов, которые надо задать Жерару. Если реставрировать шато, вернув ему былое величие, это будет на пользу не только ей, но и государству? Шато – часть французской истории, верно? Восстановив его во всем блеске, она окажет государству услугу. С этой утешительной мыслью она взяла свой мобильный и набрала номер Жерара.

Разговор получился долгий. Эмили делала пометки, которые потом просмотрела. Жерар подтвердил, что провести реставрацию более чем возможно. Единственное, за чем остановка, подчеркнул он, это отсутствие наличности – все, что она намерена предпринять,

придется оплачивать деньгами, полученными от продажи имущества, какую продажу следует организовать в самое ближайшее время. То, как изменились ее намерения, Жерара, похоже, ошеломило.

– Эмили, безусловно, это достойно всяческой похвалы, ваша решимость сохранить фамильное гнездо, но реставрация дома такого размера – работа огромная! Я бы сказал, полная занятость на два года. И все это ляжет на ваши плечи. А ведь вы одна...

Эмили ожидала, что он добавит «и к тому же женщина», но от этого он удержался. Жерара, надо полагать, занимало, какая часть этой работы выпадет на его долю, поскольку он, это было очевидно, считал, что одна, без поддержки, она не справится. Эта снисходительность раздражала, но, впрочем, что Эмили сделала, чтобы изменить это отношение? Она достала из чехла ноутбук, включила его. Потом, подивившись сама себе, что ожидает подключения к Интернету в доме, проводка в котором не менялась с сороковых годов двадцатого века, подхватила Фру-Фру и поехала в Гассен.

Преодолев крутые ступени, обратилась к Дэмиану, владельцу ресторанчика и вообще симпатичному человеку, нельзя ли воспользоваться его доступом в Интернет.

– Мадемуазель де ла Мартиньерес! Да конечно, все, что угодно! – воскликнул тот, проведя ее в маленький кабинет. – Сожалею, что не смог поприветствовать вас раньше, я был по делам в Париже. Вся наша деревня сочувствует вам в вашем горе, мадемуазель. Моя семья, как и ваша, живет здесь веками. Намерены ли вы продать шато теперь, когда матушки вашей не стало?

Эмили и сама понимала, что этот вопрос интересует Дэмиана больше всего. Его ресторанчик был средоточием деревенских слухов и сплетен.

– Определенного сказать пока ничего не могу. Надо сначала разобраться в делах.

– Разумеется. Надеюсь, вы не станете продавать, но если надумаете, я знаю многих застройщиков, которые с охотой вложат средства, чтобы превратить ваше красивое шато в отель, – и Дэмиан кивнул на окно, в котором, далеко внизу, поблескивала на солнце выгоревшая крыша.

– Я еще не решила, Дэмиан.

– Что ж, мадемуазель, если в чем возникнет нужда, только скажите. Мы все очень любили вашего отца. Хороший был человек. После войны деревня совсем обнищала. Граф помог подтолкнуть власти к тому, чтобы сюда, на холм, проложили дорогу, и к нам стали ездить туристы из Сен-Тропе. Моя семья открыла этот ресторанчик в пятидесятых, и деревня начала процветать. И еще ваш отец содействовал тому, чтобы мы начали выращивать виноград, из которого делаем наше замечательное вино. – Дэмиан обвел рукой покрытую виноградниками долину. – Когда я был маленьким, тут были одни только фермы, выращивали зерновые, пасли коров. А теперь наше прованское розовое известно во всем мире.

– Приятно слышать, что мой отец способствовал процветанию края, который он так любил.

– Де ла Мартиньересы – часть Гассена, мадемуазель. Я надеюсь, вы останетесь с нами.

Дэмиан суетился вокруг нее, принес ей воды, хлеб и тарелку сыра, но как только Эмили вышла в Интернет, оставил ее одну.

Она проверила свою почту, а потом достала визитную карточку Себастьяна и нашла сайт его галереи. Называлась та «Арт» и находилась на Фулхэм-роуд в Лондоне. Эмили было приятно уже то, что она существует. Собравшись с духом, она набрала телефон Себастьяна. Ответил ей автоответчик, она оставила свой номер и короткое сообщение о том, что хотела бы обсудить с ним вчерашнюю находку.

Закончив, Эмили поблагодарила Дэмиана за Интернет, за угощение и отправилась назад в шато. Чувствовала она в себе такую бодрость и живость, каких не испытывала годами. Если решиться реставрировать шато, то придется забыть про поприще ветеринара в Париже и переселиться сюда, присматривать за работами. А что? Может быть, это именно то, что ей нужно, – хотя, удивительное дело, еще несколько дней назад эта мысль ей даже в голову прийти не могла. А сейчас кажется, что это придаст ее жизни смысл...

Впрочем, возбуждение ее сменилось испугом, когда, подъехав к дому, она увидела у подъезда полицейскую машину. В спешке припарковавшись, Эмили схватила Фру-Фру на руки и кинулась в вестибюль, где нашла Марго разговаривающей с жандармом.

– Мадемуазель Эмили, – Марго была напугана, – кажется, к нам кто-то забрался! Я приехала, как обычно, в два, а входная дверь настезь! Ох, мадемуазель, мне так жаль!

С упавшим сердцем Эмили поняла, что, решившись восстановить шато, в порыве энтузиазма не заперла дверь, когда поехала в деревню.

– Марго, вы не виноваты. Наверное, это я оставила дверь открытой. Что-нибудь пропало? – На ум сразу пришел потенциально ценный Матисс в утренней гостиной.

– Я внимательно осмотрела все комнаты, вроде бы все на своих местах... Но, может быть, вам еще самой посмотреть?

– Такие преступления часто происходят случайно, – заметил жандарм. – Прохожие видят, что в доме никого нет, вламываются и берут, что плохо лежит. Наличные там или драгоценности.

– Вот чего-чего, а этого они здесь не найдут, – мрачно отозвалась Эмили.

– Мадемуазель Эмили, а нет ли у вас ненароком ключа от входной двери? – спросила Марго. – Я что-то его не вижу. Я подумала, что, может, вы его взяли – обычно он торчит в замочной скважине – и припрятали для большей надежности?

– Нет, я не брала. – Эмили перевела взгляд на здоровенную скважину старинного замка. Без своего проржавелого товарища, ключа, который, сколько она себя помнила, всегда из нее торчал, скважина выглядела опустелой. Эмили нахмурилась, пытаясь припомнить, видела ли она ключ утром. Но нет, вряд ли, она так торопилась...

– Если ключ не отыщется, непременно вызовите слесаря из деревни, пусть поставит новый замок, – распорядился жандарм. – Иначе так и будете жить с незапертой дверью, а воры, если забрали ключ, могут еще вернуться.

– Да, конечно... – Представление Эмили о шато как оплоте надежности и безопасности таяло на глазах. Сердце глухо забилося. Марго глянула на часы. – Простите, мадемуазель Эмили, но мне надо домой. Антон там один. Можно, я пойду? – спросила она жандарма.

– Да, если мне что-то понадобится, я позвоню.

Марго повернулась к Эмили.

– Мадемуазель, не по душе мне, что вы тут одна. Не лучше ли будет переехать в гостиницу, хотя бы ночи на две?

– Не беспокойтесь, Марго, я позвоню слесарю. А потом, я всегда могу запереть дверь моей спальни, ну, сегодня, во всяком случае.

– Обещайте мне позвонить, если что-то почувствуете. И, прошу вас, непременно закройте заднюю дверь, – и Марго устало зашагала к своему велосипеду.

– Обойдите еще шато, пожалуйста, посмотрите, может, что-то пропало, а мы с вашей экономкой недоглядели. – Жандарм вытащил из нагрудного кармашка блокнот и записал номер. – Дайте мне знать, если окажется, что чего-то недосчитались. Тогда мы предпримем следующие шаги, а так, – он вздохнул, – вряд ли я что могу сделать.

– Спасибо, что приехали, – сказала Эмили, чувствуя себя недотепой. – Боюсь, это моя собственная вина...

– Это моя обязанность, но я бы вам посоветовал все-таки принять меры безопасности и установить здесь – шато ведь часто пустует – систему сигнализации. – Он кивнул на прощание и вышел в распахнутую парадную дверь.

Эмили тут же стала подниматься по лестнице, чтобы посмотреть, все ли на месте, и на полпути вверх заметила машину, которая ехала по подъездной дорожке и исчезла за домом.

С бьющимся сердцем Эмили скатилась вниз и кинулась в кухню, чтобы ее запереть, – но тут в окошке двери возникло лицо Себастьяна. Она снова отодвинула болт запора и открыла дверь.

– Добрый день! – поздоровался он. – Вы уверены, что хотите меня видеть?

– Простите, но, кажется, в доме только что были грабители, и я не узнала вашу машину.

– О, господи, Эмили, как это ужасно! – Он переступил через порог. – Что-нибудь пропало?

– Марго считает, что нет, но я как раз хотела проверить.

– Я могу вам помочь?

– Я... – ноги ее подкосились, и она рухнула на стул.

– Вы так побледнели, Эмили! Послушайте, прежде чем обходить дом, давайте я приготовлю универсальное английское лекарство – чашку свежего чая? У вас шок. Сидите, приходите в себя, а я поставлю чайник.

– Спасибо, – в полуобморочном состоянии выдохнула Эмили. Фру-Фру принялась скулить, требуя ласки, она подхватила собачку на

руки и стала гладить ее. Мерные движения рукой по мягкой шерстке действовали успокаивающе.

– Как они проникли в дом?

– Мы думаем, что через заднюю дверь, а вышли через парадную, и от нее пропал ключ. Мне нужно срочно позвонить слесарю и сменить замок.

– У вас есть телефонный справочник? – Себастьян поставил перед ней кружку с чаем. – Вы пейте, а я позвоню слесарю. – Он достал из кармана свой мобильный телефон.

– Да, справочник вон там, в ящике, – Эмили указала на массивный комод. – Право же, Себастьян, зачем вам это, я разберусь...

Но тот уже выдвинул ящик и достал толстый справочник.

– Вот, – сказал он, с пару минут полистав страницы. – В Сен-Тропе числится три слесаря и один в Ла-Круа-Вальмер. Давайте я обзвоню всех, возможно, кто-то из них может приехать сразу. – И недолго думая, он набрал первый номер. – Добрый день, я звоню из шато де ла Мартиньерес. Будьте добры, скажите, можно ли...

Эмили, не вслушиваясь в его слова, просто прихлебывала свой чай, довольная тем, что кто-то взял на себя инициативу.

– Ну что ж, – произнес Себастьян, закончив звонок, и повернулся лицом к ней. – К несчастью, слесарь готов приехать только завтра с утра. Но зато, говорит, у него есть опыт замены старых замков. А вы чуть-чуть порозовели, Эмили. Как думаете, хватит у вас сил обойти дом, прежде чем стемнеет? Сделать это в самом деле необходимо. Я пойду с вами, если хотите.

– Но конечно же, Себастьян, у вас есть другие дела? – пожала плечами Эмили. – Я не хочу злоупотреблять вашей добротой.

– Помилуйте, да разве английский джентльмен покинет даму в беде! – И он протянул ей руку. – Пойдемте, и дело с концом.

– Благодарю. Что-то мне кажется, он еще тут, внутри, прячется где-то. – Эмили закусила губу. – Марго не видела, чтобы кто-то выходил.

Все комнаты выглядели в точности так, как они помнились Эмили, и хотя с уверенностью сказать, что ничего не пропало, было никак нельзя – все-таки с обстановкой в доме знакома она была недостаточно, – обойдя дом в компании Себастьяна, в холл она спустилась уже слегка успокоенная.

– Что ж, дом мы проверили, – подвел итог он. – Или они могут прятаться где-то еще?

– В подвалах? Но я там никогда не была.

– Ну так, может, пришла пора побывать? Вы знаете, как туда пройти?

– Полагаю, это вон та дверь, рядом с входом в кухню.

– Пойдемте взглянем.

– Думаете, это правда необходимо? – с неохотой спросила Эмили. Замкнутые темные пространства ее пугали.

– Предпочитаете, чтобы я пошел один?

– Нет, вы правы. Мне надо взять себя в руки.

– Не тревожьтесь, я буду вам защитой, – улыбнулся он. – Вот эта дверь?

– Да, наверное...

Себастьян отодвинул проржавелый засов, с усилием повернул ключ.

– Ее точно сто лет не открывали, так что сомневаюсь, чтобы там кто-то был... – Оттащив дверь, он поискал выключатель и наткнулся рукой на обрывок старой веревки. Дернул за нее. Внизу замаячил слабый свет. – Отлично, я пойду первым.

Ступая со ступеньки на ступеньку, Эмили спустилась за ним и оказалась в холодном, с низким потолком помещении, где воздух был влажный и застоявшийся.

– Ух ты! – воскликнул Себастьян, глядя на ряды полок, затянутые паутиной и до отказа забитые покрытыми пылью бутылками. Вытащив одну наугад, он отряхнул этикетку и прочел: – «Шато-лафит Ротшильд 1949». Я, знаете, в винах не очень-то понимаю, но даже на неискушенный взгляд, это воплощенная мечта любого виноторговца. А с другой стороны, – он положил бутылку на место, – не исключено, что тут все прокисло...

Они обошли все помещение, по пути вытаскивая и разглядывая бутылку-другую.

– Не видел ни одной млаже шестьдесят девятого года, – сказал Себастьян, – а вы? Вероятно, после того про коллекцию все забыли и перестали ее пополнять. Погодите-ка... – Поставив на пол две бутылки, которые держал в руках, он снял со стойки четыре других,

потом еще и еще, освободив ряд. – Там что-то есть, за стеллажом, видите? Дверь!

Эмили, приглядевшись, кивнула.

– Наверное, там другое подвальное помещение, которым не пользовались, – предположила она, в глубине души желая как можно скорее подняться наверх.

– Да, конечно, под таким домом, как ваш, наверняка имеется сеть подвалов. Ага! – Себастьян снял последнюю бутылку, взялся за старый деревянный стеллаж и переставил его в середину комнаты. – Я был прав, это дверь. – Стряхнув паутину с замочной скважины, он схватился за ручку и потянул дверь на себя. Разбухшее от сырости дерево поддавалось неохотно. – Посмотрим, что там!

– Я... – Эмили туда совсем не тянуло. – Я думаю, там ничего нет.

– Стоит проверить! – Себастьян, используя всю свою силу и процарапав осевшей дверью пол, отодвинул ее. Он снова искал выключатель, но не нашел.

– Постойте здесь, – велел он Эмили и вошел в темноту. – Откуда-то проникает дневной свет... – донесся его голос. – Да, там наверху окошко... Черт! Простите, это я ударился обо что-то... – Он снова возник в дверном проеме. – Как вы думаете, в доме найдется фонарик?

– Пойду поищу в кухне, – Эмили пошла к лестнице, втайне довольная, что есть предлог выйти из подвала.

– Если не найдете фонарика, принесите свечей! – крикнул он ей вслед.

Фонарик, не без труда найденный, увы, оказался без батареек, так что Эмили взяла в кладовой упаковку стеариновых свечей и коробок спичек, собралась с духом и вновь спустилась в подвал.

– Вот, – сказала она. Себастьян вытащил две свечи, протянул их Эмили, чтобы она зажгла, и одну предложил ей. Затем прошел в дверной проем, и Эмили ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Они оказались в небольшой комнате. Огоньки свечей, вздрагивая, рассылали вокруг неверные тени. Оба озирались в молчании.

– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, на мой взгляд, в этой комнате кто-то жил, – произнес наконец Себастьян. – Вон кровать, маленький столик рядом, стул у окна, причем поставленный так, чтобы

свет лучше падал, комод... – Перечисляя, он всякий раз указывал на предмет свечкой. – На матрасе даже одеяло лежит...

– Да, а на полу ковер... – кивнула Эмили, понемногу привыкая к полутьме. – Но кто мог тут жить?

– Возможно, кто-то из слуг?

– Наши слуги жили в комнатах верхнего этажа. Это кем надо быть, чтобы поселить людей в такой конуре!

– Да, конечно, вы правы, – покаянно согласился Себастьян. – И, посмотрите, вон там еще одна дверца.

Подойдя, он открыл ее.

– Кажется, это туалетная комната. На стене умывальник, под ним на полу – большой эмалированный таз, рядом кувшин для воды. И тумбочка для ночного горшка. – Выходя из кельи, он предусмотрительно наклонился. – Определенно кто-то всем этим пользовался, но кто? – оживленно говорил он, идя к Эмили. – Давайте-ка выйдем на свет, стряхнем пыль веков с одной из этих бутылок, попробуем, пригодно ли ее содержимое для питья, и порассуждаем на эту тему!

Глава 5

Когда они поднялись в кухню, на Эмили вдруг пробрала дрожь – то ли подвальный холод подействовал, то ли так проявила себя запоздавшая реакция на утренние события, непонятно.

– Сбегайте наверх, наденьте свитер, а я попробую разжечь в камине огонь. С заходом солнца что-то похолодало, – сказал Себастьян. – Слышите, как воет ветер?

– Да, это мистраль. С его приходом температура всегда снижается... Впрочем, сомневаюсь, что у нас найдутся дрова.

– Как? В доме, где вокруг столько деревьев? Еще как найдутся! – подмигнул Себастьян. – Я сейчас вернусь.

Эмили взяла наверху толстую шерстяную кофту на пуговицах, стянула одеяло со своей кровати и обошла одну за другой все комнаты, проверила, плотно ли закрыты ставни, не проникает ли ветер. Многие в округе опасались мистраля, который с неборимой силой продувал Ронскую долину, частенько начавшись ни с того ни с сего и в несколько минут набрав силу и мощь. Ходили толки про то, что этот ветер на руку колдунам, что от него сбивается женский гормональный цикл и животные ведут себя как безумные. И все равно Эмили любила мистраль, восхищалась его могуществом и тем, как обновляется и свежеет воздух, когда он закончится.

Десять минут спустя Себастьян ввез в кухню тачку, полную веток, которые он набрал в саду, а в дровяном сарае нашлось несколько древних поленьев.

– Отлично! – воскликнул он. – Теперь давайте попробуем это разжечь. Покажите мне, где лучше это сделать.

Эмили провела его в гостиную, и вскоре в камине весело запылал огонь.

– Какой замечательный камин, – одобрительно проговорил Себастьян, обтирая руки о собственные штаны. – Вот ведь умели в старые времена выложить трубу с хорошей тягой!

– А я не умею разжигать камин, – призналась Эмили. – У родителей это делали слуги, а в моей квартирке камина нет.

– А там, откуда я прибыл, досточтимая принцесса, – с легким поклоном сообщил Себастьян, – без этого умения не прожить. А

теперь, с вашего разрешения, я пойду и открою одну из тех бутылок, что мы вынесли из подвала, и посмотрим, не испортилось ли вино. И еще, если позволите, пороюсь в кухне, есть ли там что перекусить. У меня весь день крошки во рту не было, да и вам, я уверен, поесть бы не повредило...

– Да, но... – Эмили сделала попытку встать, но Себастьян мягким жестом помешал ей подняться с дивана.

– Нет-нет, оставайтесь здесь, согревайтесь. А я пойду что-нибудь разыщу.

Эмили поплотнее завернулась в одеяло и, в тепле и покое, стала смотреть на пляшущие языки пламени. Только в далеком детстве, когда за ней присматривала любимая нянюшка, она чувствовала на себе такую заботу. Подобрал под себя ноги, сейчас она склонила голову на подлокотник, крытый истончившимся дамасским шелком, и закрыла глаза.

– Эмили! – ее осторожно трясли за плечо. – Просыпайтесь. – Разомкнув веки, она встретила взгляд карих глаз Себастьяна. – Уже почти девять. Вы проспали целых два часа. А я приготовил ужин!

Полусонная, смущенная Эмили приняла сидячее положение.

– Себастьян, мне так стыдно!

– Никаких извинений! Вы смертельно устали, это очевидно. Смотрите, я накрыл ужин здесь, а не в кухне, там страшно холодно. Мистраль действительно разошелся, я попал под него, когда возвращался из магазина. Ну, приступим! – и он указал на дымящуюся тарелку спагетти-болоньезе, которая стояла перед ней на низком столике. – А вино-то, если судить по запаху, представьте, вполне ничего. Давайте теперь проверим, можно ли его пить. – Себастьян поднес бокал ко рту, отпил немного, проглотил и с одобрительным кивком заключил: – Ого! Что-то необыкновенное! Надеюсь, я не открыл бутылку стоимостью в несколько сот франков, чтобы сдобрить наше спагетти!

– Там столько этих бутылок! Что за беда, если мы одну выпьем, – Эмили пригубила вино. – Да, отлично! – Попробовала спагетти и поняла, что ужасно голодна. – Какой вы молодец, что приготовили ужин – повар хоть куда.

– Я бы так не сказал. Просто знаю, как соединять кое-что кое с чем. Послушайте, пока вы спали, я обдумал, как лучше поступить с

проблематичным Матиссом. Я позвонил другу, который работает в «Сотбис» в Лондоне. Он порекомендовал парня, которого знает в Париже. У меня есть номер его телефона, так что, если хотите, завтра мы с ним свяжемся, и дело тронется с места.

– Я непременно так и сделаю, спасибо вам, Себастьян.

– Он входит в число лучших парижских аукционистов, и рекомендации моего друга самые лестные. Признаться, хотелось бы мне быть мушкой на стенке, когда он будет осматривать нашего Матисса, чтобы понять, прав я насчет него или нет. – Себастьян улыбнулся.

– Ну конечно, как же без вас! – кивнула Эмили. – Вы когда возвращаетесь в Англию?

– В конце следующей недели, так что до тех пор, если понадобится, я в вашем распоряжении. У вас сейчас столько забот! Но главное – сделать так, чтобы вы могли спать здесь спокойно, обеспечить безопасность дома. Если хотите, я мог бы поговорить с парнем, который придет завтра чинить входной замок, и узнать у него, кого он порекомендует для установки системы сигнализации.

– Если вам не трудно, то да, пожалуйста, – благодарно ответила она. – Я ведь даже не знаю, с какого конца начинать.

– Отлично. А теперь, – молвил Себастьян, не забывая отправлять спагетти в рот, – давайте поговорим на более интересную тему. Как вы думаете, что за тайное жилище у вас в подвале? Есть какие-нибудь идеи?

– Нет, – покачала Эмили головой. – Боюсь, я не слишком сведуща в истории нашей семьи.

– Мне так первым делом пришло на ум, что там кто-то скрывался во время войны. Господи, я провел в этом подвале всего несколько минут, и то мороз по коже! – Себастьян возвел взгляд к потолку. – А представьте себе, каково прожить в этой сырости и темноте дни, недели и месяцы?

– Нет, такого я представить себе не могу. Жаль, конечно, что нет отца и нельзя его расспросить. Но, возможно, когда начну разбираться в делах имения, узнаю побольше.

– Вот именно, все у вас впереди, – Себастьян принялся собирать пустые тарелки.

– Прошу вас, вы и так столько сделали, давайте я приберусь сама. А потом, вам, пожалуй, пора идти.

– Что?! – ужаснулся Себастьян. – Вы в самом деле считаете, что я способен оставить вас тут одну со сломанным замком на входной двери? Да я глаз сомкнуть не смогу! Нет, Эмили, позвольте мне остаться. Не беспокойтесь, я лягу здесь, на диване, перед огнем.

– Нет, Себастьян, нет причин волноваться. Дважды в день молния в одно место не попадает, так ведь? И потом, я запру дверь в свою спальню. Я чувствую себя виноватой, что доставила вам столько хлопот. Прошу вас, поезжайте домой.

– Ну, если вам неудобно, что я останусь, то я, конечно, уеду...

– Нет-нет, дело не в том, просто мне стыдно, что я отняла у вас столько времени, – поторопилась объяснить Эмили. – В конце концов, мы едва знакомы.

– Да о чем речь! Постель там, где я обретаюсь, все равно жесткая, как доска!

– Хм... Если вы так уверены, тогда, конечно, мне остается вас только поблагодарить. И, разумеется, займите одну из спален. Зачем же спать здесь, это нелепо.

– Договорились. – Себастьян потянулся за кочергой, которая лежала у камина. – А это я возьму с собой, на всякий случай.

Они вместе вымыли посуду, Эмили заперла заднюю дверь и повела гостя наверх, в гостевую спальню.

– У Марго комната всегда наготове. Надеюсь, вам будет удобно.

– Даже не сомневайтесь, – заверил ее гость, оглядывая просторную комнату, обставленную старинной мебелью французской работы. – Благодарю вас, Эмили, и желаю вам хорошо отдохнуть.

– Спокойной ночи!

Себастьян сделал к ней шаг, однако Эмили, повинувшись побуждению, проворно ретировалась, закрыла за собой дверь и заторопилась по коридору к себе. Заперлась там и, смятенная, бросилась на кровать. Почему? Почему она убежала? Ведь Себастьян, скорее всего, просто хотел невинно поцеловать ее на ночь. Но так это или не так, теперь она никогда не узнает.

Проведя беспокойную ночь, каждым нервом чувствуя присутствие Себастьяна, который спал всего в нескольких шагах от нее, что

странным образом очень ее будоражило, – наутро Эмили спустилась в кухню сварить кофе. Полагая, что Себастьян еще не вставал, она удивилась, услышав приближающуюся машину, – а следом и он появился в дверях.

– Доброе утро! А я съездил в пекарню. Не знал, что вы любите больше, и на всякий случай купил и багет, и круассаны, и улитку с шоколадом. Да, и еще мой любимый французский джем. – И выложил покупки на кухонный стол.

– Спасибо, – произнесла Эмили, поймав себя на том, что то и дело его благодарит. – А я кофе сварила.

– Скажу вам, что во Франции нет приятней занятия, чем утренний поход за свежим хлебом! В Англии эта традиция давным-давно умерла. Да, кстати, слесарь уже звонил, сказал, что будет здесь через час.

– Я чувствую себя такой идиоткой, – вздохнула Эмили. – Как можно было уехать, не заперев дверь!

– Эмили, – мягко сказал он и положил руку ей на плечо. – Вам в последние две недели досталось. Горе и потрясение подрывают нас на всех уровнях. – Он стал ее чуть заметно поглаживать. – Не будьте строги к себе. К счастью, ничего страшного не случилось. Просто примите это как остережение, впредь надо быть повнимательней. Итак, что вы предпочитаете на завтрак?

– Багет, круассан... да мне все равно. – Она отошла от Себастьяна, чтобы налить себе кофе, села у стола и жуя, молча прислушивалась к тому, как Себастьян обзванивает те фирмы по установке систем сигнализации, которые порекомендовал слесарь.

– Хорошо. – Себастьян положил трубку и что-то записал на бумажке. – Все они говорят, что системы у них есть и установить их они вполне могут, но, прежде чем назвать цену, должны приехать осмотреться на месте. Что вы скажете, если назначить на завтра?

– Да, спасибо... – Она вдруг вскинула на него глаза. – Почему вы помогаете мне?

– Станный вопрос! Наверное, потому что вы мне нравитесь, и я вижу, что вам сейчас нелегко. Думаю, бабушка Констанс наверняка ожидала, что ее внук не покинет в беде дочку ее приятеля Эдуарда. Итак, как мы поступим дальше – сами поговорите с тем парнем, который придет оценить Матисса, или предоставите мне?

После завтрака, который она съела безо всякой охоты, Эмили стало не по себе.

– Пожалуй, разумнее это сделать вам, ведь вы с ним говорите на одном языке.

– Верно. Я бы еще предложил, чтобы он, раз уж приехал, оценил и другие полотна из тех, что висят в шато. В любом случае это всегда полезно, располагать мнением не одного, а двух-трех экспертов.

– Да. И еще. В парижском доме тоже есть произведения искусства, которые надо оценить.

– Когда вы вернетесь в Париж?

– Скоро, – вздохнула Эмили. – Но вы правы, пока я здесь, надо успеть как можно больше. Если я решусь оставить шато, это будет только начало.

– Так значит, вы думаете его оставить?

– Да. Хотя если я способна уйти из дома, не заперев дверь на замок, наверное, глупо даже начинать проект, который будет сплошной головной болью.

– Как бы то ни было, знайте, я буду рад помогать вам.

– Вы очень добры, и я благодарна. – Просясь на улицу, заскулила Фру-Фру. Эмили встала открыть ей дверь. – Однако не может быть, чтобы у вас не было своих дел!

– Есть, конечно, но поскольку живопись – моя страсть, вряд ли можно сказать, что это приключение обременяет меня. Что насчет библиотеки? Хотите, я найду опытного букиниста, который приедет взглянуть на книги?

– Нет, спасибо, – быстро проговорила Эмили. – В этом никакой срочности нет, поскольку книги я продавать не стану. Нужно позвонить Жерару, моему нотариусу. Вчера он оставил мне три сообщения, но у меня не дошли руки ему перезвонить.

– Вот и отлично, займитесь этим, а я пока съезжу к себе, приму душ и переоденусь. Увидимся позже. И не забудьте, в любую минуту может приехать слесарь.

– Благодарю вас, Себастьян.

Проведя слесаря к входной двери и оставив его разбираться с замком, Эмили получила некоторое удовлетворение от разговора с Жераром, известив его, что положение дел в шато у нее под контролем.

Они условились на будущей неделе встретиться в Париже. Потом она проверила, как продвигается работа у слесаря, и удалилась в библиотеку, чтобы отдохнуть там душой. Бредя вдоль полок, в который раз подумала, какая колоссальная будет задача – переместить все эти тысячи книг, что придется делать в любом случае, продаст она дом или примется его ремонтировать...

Две книги, заметила Эмили, стояли в почетной изоляции, отдельно от других. Она сняла их с полки, взглянула на названия. Обе, довольно старые, оказались посвящены культивированию садовых деревьев. Аккуратно поставила их на место и, услышав, как возвращается по гравию машина Себастьяна, поспешила в кухню.

Он влетел туда, тяжело дыша.

– Эмили! Я не смог вам дозвониться! – Он провел рукой по волосам. – У меня печальная новость. Я нашел на обочине вашу собачку. У нее серьезная травма, нужно срочно к ветеринару. Она у меня на заднем сиденье. Пойдемте, скорее!

Эмили, не помня себя, побежала за ним к машине, где на заднем сиденье, едва дыша, лежала окровавленная Фру-Фру. Сосредоточившись, Эмили вспомнила адрес ветеринара, который вел практику в десяти минутах езды, в Ла-Круа-Вальмер, и они помчались туда.

– Я выпустила ее утром, – рыдала Эмили, глядя безжизненную Фру-Фру, – а потом приехал слесарь, и я забыла позвать ее домой. Обычно она далеко не убегает, старенькая уже, но, возможно, она побежала за вашей машиной... оказалась на дороге... она ведь слепая совсем и не видела, если кто едет... О боже! Как я могла про нее забыть!

– Эмили, Эмили, держите себя в руках! Давайтеждемся, что скажет ветеринар, – успокаивал ее Себастьян.

Однако одного взгляда на мрачное лицо врача оказалось достаточно, чтобы понять: худшие опасения Эмили оправдались.

– Мне жаль, мадемуазель, но мы имеем дело с серьезными внутренними повреждениями. Можно рискнуть и прооперировать, однако нельзя не принимать во внимание, что собака преклонных лет и очень слаба. Возможно, гуманней будет помочь ей уйти без боли и лишних страданий. Своим пациентам в такой ситуации вы сами посоветовали бы именно это. – мягко проговорил он.

– Да, – печально ответила Эмили. – Разумеется.

Несколько минут спустя она в последний раз поцеловала Фру-Фру. Ветеринар сделал инъекцию, маленькое тельце, содрогнувшись, затихло. Разбитая горем, Эмили на непослушных ногах спустилась по ступенькам, опираясь на руку Себастьяна.

– Мама обожала ее, я обещала ей, что позабочусь о Фру-Фру, а сама...

– Ну же, милая, давайте доставим вас домой поскорее, – приговаривал Себастьян, направляя ее к машине. Эмили, оглушенная, покорно села на пассажирское место.

Они вошли в дом. В кухне Эмили рухнула на стул и в отчаянии схватилась за голову.

– Нет, я безнадежна, даже о собачке не смогла позаботиться! Мама всегда так и говорила, безнадежна... Ничего не могу сделать как надо, а я ведь последняя в благородном роду! Столько героев, включая моего отца! И только взгляните на меня! Недоразумение...

Выплеснув всю боль от разочарования, которое она принесла матери, Эмили упала лицом на руки и разрыдалась, как маленькая, – а когда первый порыв угас и она подняла голову, то увидела, что Себастьян тихо сидит за столом и внимательно на нее смотрит.

– Прошу вас, – воскликнула она, страшно смутившись, – простите меня! Я... я бестолочь... и всегда была бестолочью... – Дыхание перехватило. Себастьян не торопясь встал с места, обошел стол, сел перед ней на корточки и протянул свой платок, вытереть нос и глаза.

– Эмили, могу сказать вам с уверенностью, что то, как вы себя видите – а видите вы себя, конечно, глазами своей матери, – абсолютно не соответствует действительности. На взгляд со стороны, – он улыбнулся и, отведя прядь волос, упавшую Эмили на лицо, заправил ее за ухо, – на взгляд человека, который знаком с вами совсем недавно, вы женщина смелая, сильная и умная. Не говоря о вашей красоте.

– Красоте?! – Эмили отшатнулась. – Себастьян, я признательна вам, что вы пытаетесь меня приободрить, но столь откровенная ложь меня унижает. О какой красоте вы говорите?!

– И это, полагаю, вам тоже внушила мать?

– Да, но это же правда! – воскликнула Эмили.

– Простите меня за прямоту, но с первого взгляда на вас я подумал, что вы красавица. А насчет «бестолочи» – поверьте, такой чепухи я просто в жизни не слышал! Насколько могу судить, вы проявили редкую силу духа и прекрасно справились с тем, что других привело бы в отчаяние. Причем справились в одиночку, да-да! Послушайте, Эмили, – умоляюще сказал он. – Как бы ни относились к вам ваша мать, честное слово, вы не должны видеть себя ее глазами. Потому что, дорогая моя, она ошибалась. Ошибалась жестоко. И теперь ее нет, вы сами себе хозяйка. Она больше не в силах на вас давить. Ну же, поверьте! Идите лучше ко мне...

И Себастьян, протянув к ней руки, обнял ее и крепко прижал к себе, а она продолжала всхлипывать.

– Обещаю вам, все будет хорошо. И я рядом, если вам это нужно.

Эмили, закинув голову, посмотрела ему в глаза.

– Но вы едва меня знаете! Как вы можете говорить такое!

Себастьян усмехнулся:

– Мы провели с вами два довольно драматичных дня. Произошло много событий. И я уверен, что, если бы мы познакомились в Париже и несколько раз поужинали вместе, я имел бы гораздо меньше оснований судить о вашем характере. У неприятностей имеется своя положительная сторона. Барьеры, на разрушение которых обычно уходят недели, в критических ситуациях исчезают гораздо быстрее. И мне кажется, я уже очень хорошо вас знаю. И мне, если вы, конечно, позволите, очень бы хотелось стать вам гораздо, гораздо ближе. – Взяв ее за плечи, он отстранил ее так, чтобы взглянуть ей в глаза. – Эмили, я знаю, что все слишком быстро и что, наверное, вам страшно, и ни в коем случае не намерен вас торопить. Я не стану вас торопить, обещаю. Но должен признать, что сейчас, вот в эту минуту, очень хочу вас поцеловать.

Эмили чуть улыбнулась.

– Поцеловать – меня? Меня?

– Да. Это что, так удивляет вас? – с иронией в голосе отозвался Себастьян. – Но не тревожьтесь, я не стану настаивать. Я просто хотел быть честным.

– Благодарю... – Эмили, глядя ему в глаза, приняла решение. Потянулась и легонько коснулась губами его губ. – Благодарю вас, Себастьян. За все. Вы очень, очень добры...

Обхватив ее лицо ладонями, он вернул поцелуй, но вскоре прервал его, опомнившись.

– Послушайте, – произнес он, взяв ее за руку. – Пожалуйста, скажите мне, уверены ли вы, что это возможно. Я меньше всего хочу, чтобы вы думали, что я хоть в какой-то мере пользуюсь случаем. Вы сейчас смущены, обескуражены, не знаете своих чувств... Вы...

– Нет, Себастьян, все хорошо, – в свой черед принялась утешать она. – Я знаю, что делаю. Я взрослая и сама за себя отвечаю. Вы же сами только что мне это сказали. Так что не беспокойтесь...

– Что ж, тогда не буду, – тихо сказал он и снова притянул ее ближе. А Эмили, чувствуя, как ее горькую душевную боль смывает его нежностью, этой нежности поддалась.

Глава 6

Париж

Январь 1999, девять месяцев спустя

Сидя в заднем ряду зала, где проходил аукцион, Эмили наблюдала, как непринужденно-элегантные парижанки вскидывают ухоженные руки, поднимая ставку на изысканное ожерелье из ярко-желтых бриллиантов и такие же серьги.

Она бросила взгляд в каталог, на полях которого записывала итоговые цифры продаж, и поняла, что, судя по этим подсчетам, уже сейчас собрано почти двенадцать миллионов франков.

В ближайшие недели и остальное имущество, все содержимое парижского дома, за исключением нескольких картин и предметов мебели, которые она решила оставить и перевезти в шато, тоже будет выставлено на аукцион. Сам дом уже продан, новые владельцы намерены вот-вот там обосноваться.

Почувствовав легкое прикосновение к плечу, Эмили обернулась.

– Ты как? – шепотом спросил Себастьян.

Она кивнула, благодарная за сочувствие, за то, что он понимает, каково ей смотреть, как идут с молотка вещи, которые носила ее мать. Тем не менее вырученные за них деньги покроют львиную долю материнских долгов, а продажа парижского дома даст возможность обновить наконец шато. И Матисс прошел экспертизу, благодаря помощи Себастьяна. Он немедленно нашел покупателя и вскоре гордо вручил ей чек на пять миллионов франков.

– Такая жалость, что Матисс не подписал полотно! Тогда оно стоило бы раза в три дороже! – с горестным вздохом сообщил он.

Эмили искоса взглянула на Себастьяна, который с интересом, не лишенным иронии, наблюдал, как лихорадочно бьются дамы за ожерелье и серьги. Уже не раз она ловила себя на том, что посматривает на него с ощущением чуда и изумления. Как это произошло, что он вошел в ее жизнь и изменил ее до неузнаваемости?

Себастьян ни много ни мало ее спас. Все теперь было не так, как раньше, все было иначе, словно, пробудившись от долгого тягостного сна, она вышла на солнышко. Поначалу, не в силах поверить в

искренность его чувств, она втайне побаивалась, что вот-вот он исчезнет, покинет ее, но, неизменно милый и добрый, он сумел растопить недоверие.

И теперь, девять месяцев спустя, она нежилась в его любви, расцветая, как поникший цветок, которому дали напиток. Отражение в зеркале больше не вызывало тоски; нет, она и сама видела, что глаза блестят, а кожа сияет, словно подсвеченная изнутри... Порою казалось, что ее вполне можно назвать хорошенькой. Но самое главное, Себастьян чудесным образом помог ей разобраться с фамильным достоянием, рассортировать его, выявить ценное и второстепенное, отделить зерна от плевел – а это была работа огромная. Хотя немало времени они проводили врозь, поскольку Себастьян метался между Парижем и Лондоном, он всемерно поддерживал ее и когда шла оценка всего, что было в парижском доме, и когда понадобилось вывозить имущество, и потом, когда началась работа с землемерами, архитекторами и строителями, которые прибыли в шато, чтобы Эмили осознала и масштабы переустройства, и во что оно ей обойдется.

Трудно было не понимать, что она все более полагается на Себастьяна – и не только эмоционально, но и в вопросах практической, финансовой стороны. И дело не в том, что сама она не справилась бы с потоком бумаг, поступающих от Жерара, и с его предложениями насчет инвестирования средств, когда они наконец материализуются, – нет, скорее в том, что ей, так же, как ее отцу, такие вещи были просто неинтересны. Привести в порядок шато и иметь на руках достаточно, чтобы прожить, – вот что заботило Эмили, а частности – во что вложены деньги и кто это все контролирует – в них ей вникать не хотелось. Она слишком счастлива, чтобы думать об этом.

Заслышав, что окончательная цена за комплект из желтых бриллиантов превысила сумму в миллион двести тысяч, на которую они изначально рассчитывали, Эмили дала себе слово, что как только с парижским домом будет покончено, они с Себастьяном во всех подробностях разберутся в финансовой ситуации. Более чем понятно, как важно контролировать процесс, но, что поделаешь, в этих вопросах Себастьян разбирается куда лучше нее. Она безоговорочно ему доверяет. И, надо отдать ему должное, он ни разу ее не подвел.

Раздался финальный стук молотка. Себастьян перевел взгляд на Эмили, улыбнулся.

– Ух ты! На триста двадцать тысяч больше, чем мы рассчитывали. Поздравляю, дорогая, – он нагнулся и нежно поцеловал ее в щеку.

– Спасибо тебе. – И тут Эмили увидела, что аукционист поднимает с бархатной подложки нитку крупного кремового жемчуга и такие же серьги. У нее перехватило горло. Она склонила голову, не в силах этого видеть.

Себастьян сразу же встрепенулся:

– Эмили! Что не так?

– Мама постоянно носила этот комплект, почти каждый день. Я... Извини... – Она поднялась, вышла из зала и отыскала дамскую комнату. Там, сев на крышку унитаза, опустила голову на ладони, борясь с тошнотой и головокружением. Нет, это поразительно. С чего вдруг вид этих бус так ее взволновал? Прежде расставание с имуществом матери не особенно ее задевало, а уж о страдании нечего и говорить. Скорее наоборот, она испытывала облегчение, что стряхнула ярмо, что свободна наконец от прошлого.

Эмили уставилась взглядом в резную дверцу кабинки. А не слишком ли строго она судит мать? В конце концов, физически Валери никогда не была к ней жестока. То, что она никогда не ощущала себя значимой в мире матери – так, вхожа была туда, и то на обочину, ни в коем случае не в центр, – вовсе не означает, что та являла собой зло и порок. Нет, центром своего мира была сама Валери, ни для кого другого места там не имелось. А потом, когда Эмили была очень больна и в тринадцать лет случилась с ней эта ужасная история, так ведь не со зла, а потому просто, что мать в очередной раз ничего не заметила.

Она встала, вышла из кабинки, ополоснула лицо водой. «Она делала все, что могла. Все, что считала возможным. Ты должна простить ее, – сказала она своему отражению. – Простить и двигаться дальше».

Несколько раз глубоко вздохнув, Эмили вышла из дамской комнаты и наткнулась на Себастьяна, который прохаживался по коридору.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, обнимая ее.

– Лучше, спасибо. Что-то стало не по себе, но теперь уже лучше.

– Дорогая, да тут кто угодно расстроился бы, – сказал он, махнув рукой в сторону аукционного зала, – глядя, как эти гарпии

расклеивают то, что осталось от твоего прошлого. Давай я отведу тебя пообедать? Незачем тут сидеть и терзаться.

– Да, это было бы хорошо, – обрадовалась Эмили.

Резкий январский ветер пронизывал насквозь всю дорогу до ресторана, который оказался не близко, но Себастьян отметил, что там «без церемоний, зато буайбес отличный, что в такой холод очень кстати».

И действительно. Там оказалось что-то вроде деревенской харчевни. Они сели за дощатый, без скатерти, стол. Эмили, продрогшая до костей, радовалась теплу, исходящему от стоявшей рядом жаровни. Себастьян заказал свежую уху, взял ее руки в свои и принялся растирать, согревая.

– Одно хорошо: дело близится к концу, и вскоре ты сможешь сосредоточиться не на прошлом, а на будущем.

– И без тебя я с этим никак бы не справилась, Себастьян. Спасибо тебе, спасибо за все, – ее глаза блестели от подступивших слез.

– Не за что, – твердо сказал он. – Но, может быть, самая пора поговорить о нашем, – и подчеркнул: – нашем будущем.

У Эмили при этих словах сердце забило сильнее. Увязшая в своих препирательствах с прошлым, в настоящем она жила, не задумываясь, изо дня в день. В будущее заглядывать не решалась, не представляя себе, как смотрит Себастьян на их отношения, и слишком неуверенно себя чувствуя, чтобы впрямую его об этом спросить. Теперь она тихо сидела, ожидая, что последует дальше.

– Как ты знаешь, моя фирма находится в Англии. И в последние месяцы, разрываясь между Лондоном и Парижем, я как мог пытался вести дела, но, должен признать, хватка моя несколько ослабела.

– О, это моя вина, – перебила его Эмили. – Ты столько для меня делал, а твой бизнес терпел урон!

– Да нет, непоправимого ничего не случилось, но мне в самом деле пора подумать, чтобы вернуться к делам и заняться ими вплотную – с точки зрения времени, пространства и целеполагания.

– Понятно... – неуверенно уронила она, теряясь в догадках, к чему Себастьян ведет. Он помог ей в трудную пору. Может быть, он хочет сказать, что самое страшное уже позади и он ей больше не нужен?

У Эмили душа ушла в пятки. И, наверное, все ее страхи отразились у нее в глазах, потому что Себастьян, взяв ее руку, склонился к ней с поцелуем.

– Глупышка. Я знаю, о чем ты думаешь. Да, мне нужно вернуться в Англию, но у меня и в мыслях нет расстаться с тобой.

– Тогда... тогда о чем ты?

– О том, что ты поедешь со мной, Эмили.

– В Англию?

– Да, в Англию. А кстати, ты говоришь по-английски? Мне как-то не приходило в голову тебя спросить, мы ведь всегда болтаем по-французски.

– Да, говорю, конечно, – кивнула она. – Мама настаивала, чтобы я выучила его, и в Париже у меня несколько клиентов из англичан.

– Отлично, это здорово облегчает дело. Что ж, может быть, так мы и сделаем? Ты поедешь со мной, хотя бы на какое-то время? Парижскую квартиру сдать легче легкого, а ты отправишься со мной исследовать сорта пива и йоркширский пудинг?

– Но как же шато? Я должна следить за ремонтом!

– Когда ремонт начнется, жизнь в шато станет невозможной. На несколько месяцев весь дом превратится в большую стройку. Там надо менять трубы, всю проводку, да и крышу... Ты не сможешь там жить, пока идут работы, особенно в зимнее время. Можно оставаться в Париже и отсюда мотаться в Гассен, но с тем же успехом можно летать в Ниццу из Англии. Зато там мы будем вместе. Конечно, если, – он посмотрел ей в глаза, – если ты этого хочешь.

– Я...

– Хотя бы подумай об этом, ладно? – перебил ее Себастьян. – Если говорить обо мне, то, с моей точки зрения, в сто раз приятнее иметь тебя под боком, чем все время летать сюда. Но, Эмили, решать тебе. И я пойму тебя безусловно, если ты предпочтешь остаться здесь, дома.

– Но... – Эмили не знала, как лучше выразить свои чувства. Он что, хочет, чтобы она переехала в Англию навсегда? Или только на то время, пока приводят в порядок шато?

– Эмили, – глядя на нее, вздохнул Себастьян. – У тебя все на лице написано. Я читаю тебя, как книгу. То, что я тебе предлагаю, – вариант, основанный не на практических соображениях, а на чувствах. Я тебя

люблю. Я хочу быть рядом с тобой до конца моих дней. Где и как будет протекать наша жизнь – это те вопросы, на которые мы найдем ответ вместе. У нас полно времени. Целая жизнь. Но сейчас я хочу спросить тебя лишь об одном...

Себастьян сунул руку в карман пиджака, достал оттуда коробочку и открыл ее. Внутри лежало кольцо с маленьким сапфиром.

– Я хочу спросить тебя: ты выйдешь за меня замуж?

– Что?!

– Чего ты так испугалась! – покачал головой Себастьян. – Это самый романтический момент, я ожидал другой реакции...

– Прости, пожалуйста, я просто не ожидала... – прослезилась Эмили. – Ты уверен? – спросила она, указав на кольцо.

– Боже! – Себастьян вздохнул. – Еще бы я не был уверен! Не каждый день приходится предлагать девушке руку, сердце и кольцо!

– Но мы так мало знакомы...

– Эмили, мы вместе уже девять месяцев. Мы работаем, спим, едим, разговариваем – и все вместе. Хотя... – тут взгляд его потемнел, – если ты во мне не уверена, то тогда, конечно, я все пойму.

– Нет-нет! – Эмили постаралась взять себя в руки. – Себастьян, ты просто чудесный, и я... я люблю тебя. Если ты это всерьез, то тогда... да.

– Ты уверена? – Он по-прежнему вертел в пальцах колечко.

– Да.

– В таком случае я, – он надел ей кольцо, – счастливейший из людей.

Эмили посмотрела на свою руку.

– Очень красивое, – выдохнула она.

– Это обручальное кольцо моей бабушки. Мне оно тоже нравится, но, конечно, до тех камней, какие предпочитала твоя мать, ему далеко. И, кстати, я не обижусь нисколько, если ты оставишь свою фамилию. – Он сделал глоток вина. – В конце концов, ты последняя в роду де ла Мартиньерес.

Об этом Эмили никогда не думала.

– Не знаю, – сказала она, не вполне понимая, что случилось, и лишь помалу сдаваясь перед восхищением и восторгом.

– Конечно, не знаешь, откуда тебе знать, – ласково произнес Себастьян, в то время как им принесли уху. – Прости, что так тебя

смутил, но я спланировал это давным-давно. Есть идеи насчет где и когда?

– Идей пока никаких... но здесь, конечно, во Франции... если ты не возражаешь, – прибавила она торопливо, – и очень скромно.

– Да, я и не сомневался, что ты так скажешь. А когда?

Эмили пожала плечами:

– Мне все равно, а тебе?

– А по мне, чем скорее, тем лучше. Я как раз думал, как отлично будет приехать в Англию с молодой женой! И если ты предпочитаешь церемонию в родной стране и без шума, то почему бы не сделать это через пару недель здесь, в Париже?

Несколько дней спустя Эмили прибыла в шато распорядиться насчет мебели, которую пора было вывозить на хранение. Себастьян улетел в Англию за свидетельством о рождении, необходимым для заключения брака. Они решили, что после свадьбы и короткой поездки в Йоркшир Эмили вернется, чтобы проследить за упаковкой и вывозом книг.

В Париже она очень удачно сдала на полгода свою квартиру и, набравшись духу, позвонила в ветеринарную клинику, чтобы сообщить Леону, своему начальнику, что возвращаться к работе пока не намерена.

– Нам всем будет тебя не доставать, – отозвался он, – и твоим пациентам тоже. И если надумаешь вернуться, дай мне знать. Удачи тебе в семейной жизни. Надеюсь, тебе понравится в Англии. Я так рад, что ты нашла свое счастье! Ты заслуживаешь этого, Эмили.

Эмили не могла не видеть, как удивлены были ее немногие друзья тем, что она решилась так круто переменить жизнь и последовать за избранником через Ла-Манш.

– Это на тебя не похоже, предпринимать такие скоропалительные шаги, – сказала Сабрина, ее приятельница по университету. – Что ж, надеюсь, меня пригласят на свадьбу, и я увижу этого рыцаря, который завоевал сердце моей подруги.

– Приглашенных не будет, только мы с Себастьяном и два свидетеля. Извини. Мне так легче.

– Чудачка ты, Эмили, – разочарованно вздохнула Сабрина. – Я-то думала, будет шумная свадьба. Ну что ж, удачи – и не пропадай!

Выйдя из машины, Эмили увидела Марго, которая вышла встречать ее к парадной двери. Та была взволнована и напугана грузчиками, которые перетаскивали в фургон кушетки и армуары времен Людовика XIV и хрупкие зеркала в золоченых рамах.

– Я умоляла их быть поосторожнее, но куда там! У одного комода уже угол отбили! – ворчала Марго в кухне, поднося Эмили чашку черного кофе. – Что и говорить, ремонт все равно что пожар...

Эмили только отмахнулась.

– Марго, у меня для вас важная новость. – Улыбаясь, она подняла руку так, чтобы та заметила обручальное кольцо. – Я выхожу замуж.

– Замуж? – удивилась Марго. – За кого же?

– За Себастьяна, конечно!

– Да-да-да... – закивала та головой. – Но, мадемуазель, это так неожиданно... Еще не прошло и года, как вы знакомы... Вы хорошо подумали?

– Да. Я люблю его, Марго, и он очень добр ко мне.

– Да, это так. – Марго подошла к Эмили и расцеловала ее в обе щеки. – Ну, в таком случае я очень, очень рада за вас. Просто счастье, что будет кому о вас позаботиться.

– Спасибо, Марго.

– А теперь, простите, я побегу. Там тучи пыли наверху после того, как вынесли мебель. Увидимся позже, мадемуазель.

После обеда, поняв, что толку от нее мало, и вообще смотреть, как разоряют родное гнездо, ей в тягость, Эмили направилась к домику при винодельне, где жили Жан и Жак, поделиться новостями, а также уверить их в том, что, несмотря на важные перемены в своей жизни, она не намерена обделять вниманием виноградники, винодельню и перестройку шато.

Жан, выслушав все, настоял на том, чтобы открыть бутылку шампанского, подаренную ему собратом-виноделом.

– Мне нужен был повод, и вот он, да еще какой! – с улыбкой сказал он, вводя ее в натопленную гостиную, где дремал у огня Жак. – Папа! У нашей Эмили прекрасная новость! Она выходит замуж!

Старик, приоткрыв один глаз, сонно воззрился на Эмили.

– Папа, ты меня слышал? Эмили выходит замуж, – и тихо добавил так, чтобы слышала только она: – У него опять бронхит, зимой так

всегда.

– Слышал, – Жак приоткрыл второй глаз. – За кого?

– За того молодого англичанина, которого, помнишь, Эмили приводила к нам познакомиться. Его зовут Себастьян... – И Жан перевел взгляд на Эмили, чтобы она напомнила ему фамилию Себастьяна.

– Карратерс, – подсказала та. – Он из Англии, из графства, которое называется Йоркшир. После свадьбы я перееду туда. Ненадолго, пока ремонт не закончится, но я буду часто приезжать, – твердо закончила она.

– Карратерс, говоришь? – Жак насторожился. – Йоркшир?

– Да, папа, – кивнул Жан.

Жак потряс головой будто бы для того, чтобы привести мысли в порядок.

– Наверняка это совпадение, но много лет назад я знал одну особу по имени Карратерс, и она тоже была из Йоркшира.

– Неужели? Папа, откуда? – удивился Жан.

– Констанс Карратерс жила здесь во время войны.

– Так зовут его бабушку! Бабушку Себастьяна. И Себастьян рассказывал мне про это! – встрепелась Эмили. – Я ношу ее обручальное кольцо.

Она протянула руку с кольцом Жаку, который внимательно его рассмотрел.

– Да, это ее кольцо. – Жак смотрел на Эмили с большим удивлением. – Так вы выходите за внука Констанс?

– Да.

– Боже! – Жак полез в карман за платком. – Поверить не могу... Констанс...

– Ты что, так хорошо ее знал, папа? – спросил Жан, пораженный не меньше Эмили.

– Очень хорошо. Много месяцев она жила здесь со мной, в этом доме. Она была... – Жак сглотнул, – она была сердечная и очень смелая женщина. Она жива? – В мутноватых глазах старика мелькнула искра надежды.

– К сожалению, нет. Умерла, два года назад, – отозвалась Эмили. – Жак, а как это случилось, что она здесь поселилась? Вы можете мне рассказать?

Не отвечая, Жак погрузился в свои думы.

– Папа, шампанского? – вернул его в настоящее сын. Нетвердой рукой Жак принял стакан и, видимо собираясь с мыслями, сделал глоток.

– Скажите мне, Эмили, как вы познакомились с внуком Констанс?

– Перед кончиной она рассказала Себастьяну, что во время оккупации жила здесь, и он приехал своими глазами взглянуть на наше шато, – объяснила Эмили. – Но что ее сюда привело, мы оба, увы, так и не знаем, и очень хотим знать, как это произошло.

– Это долгая история, – вздохнул Жак. – Я думать не думал, что мне доведется кому-то о ней поведать.

– Прошу вас, Жак, – взмолилась Эмили. – Пожалуйста, я умираю от любопытства! Мне так стыдно, что я ничего не знаю о семейной истории – и особенно о том, что касается моего отца!

– Отличный был человек Эдуард, превосходный. За храбрость и заслуги перед Францией он был награжден орденом Освобождения, но отказался принять награду. Считал, что другие больше ее заслуживают.

– Жак, милый Жак, ну хоть начните, пожалуйста! Ну сами посудите, я собираюсь замуж за внука Констанс, и для меня очень важно понимать, что за узы связывают нас с прошлым.

– Да, что и говорить, конечно, вы правы, мадемуазель. Вам следует это знать. Это история вашей семьи... Но с чего же начать? – Жак перевел взгляд на окно. – Вот что, – сказал он, – я начну с Констанс. Мало есть такого, чего я о ней не знаю. – Улыбка осветила его лицо. – Долгими зимними вечерами здесь, в этом доме, она рассказывала мне о том, как жила в Англии. И о том, как ее занесло к нам...

Хочу увидеть

*Хочу увидеть алый
цвет*

*На розах в полном
цвету.*

*Хочу увидеть
серебро*

*В отраженном
свете луны.*

*Хочу увидеть
синеву*

Гремящего океана.

*Хочу увидеть
стальное крыло*

*Парящего в небесах
орла.*

*Хочу увидеть
пурпур*

Виноградной

грозди,

Сгибающей лозу.

*Хочу увидеть
желтизну*

Летнего солнца.

*Хочу увидеть
красно-коричневый,*

*Упавший с ветки
каштан.*

*Хочу увидеть лица
тех,*

*Кто улыбается
мне.*

*Софи де ла
Мартиньерес*

1927, девять лет

Глава 7

Лондон

Март 1943

Констанс Карратерс распечатала простой, из крафтовой бумаги конверт, который нашла на своем столе, когда пришла на работу, и, не раздеваясь, сразу прочла письмо.

Ее приглашали на собеседование, назначенное на сегодняшний вечер, и просили явиться в комнату номер пятьсот пять в Военное министерство. Снимая пальто, она спросила себя, не спутали ли ее с кем-то. Конни вполне устраивало ее нынешнее положение. Работала она делопроизводителем – в МИ-5, военной разведке, таких, как она, дразнили «крючкотворами» – и род занятий менять не собиралась. Пройдя через комнату, полную занятых делом людей, она постучалась в дверь кабинета своей начальницы.

– Войдите.

– Простите, что беспокою, мисс Кавендиш, но я получила письмо, в котором меня приглашают на беседу в Военное министерство. Я подумала, возможно, вы знаете, в чем тут дело.

– Не стоит ломать себе голову! – рявкнула мисс Кавендиш, бегло оторвав взгляд от бумаг, разложенных на столе. – Явитесь – вам там все объяснят.

– Но... – Конни закусил губу, – но, я надеюсь, вы удовлетворены тем, как я работаю...

– Да, миссис Карратерс, вполне удовлетворена. Однако же настаиваю на том, чтобы свои вопросы вы приберегли до вечера.

– Так я могу пойти?

– Разумеется. У вас все?

– Да, благодарю вас! – Конни прикрыла за собой дверь, вернулась к своему столу и села на место с чувством, что письмо с приглашением следует принять как свершившийся факт.

В тот вечер, проходя лабиринтом подземных коридоров, пронизывающих основание Военного министерства, Конни очень хорошо сознавала, что ей предстоит не совсем совсем обычное

собеседование. Комната номер пятьсот пять оказалась маленькой и почти пустой, там стояли только стол и два стула.

– Добрый вечер, миссис Карратерс. Меня зовут мистер Поттер. – Плотный, средних лет мужчина поднялся и через стол протянул ей руку. – Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо.

– Насколько я знаю, вы бегло говорите по-французски. Это так?

– Да, сэр.

– В таком случае продолжим наш разговор по-французски. Не возражаете?

– Нет... *non*, – переключилась Конни.

– Итак, расскажите же мне, как случилось, что у вас отличный французский?

– Моя мать – француженка, а у ее сестры, моей тети, в Сен-Рафаэле дом, и почти каждый год я проводила там летние каникулы.

– Значит, судьба Франции вам небезразлична?

– Разумеется, нет. Я чувствую себя француженкой не менее, чем англичанкой, хотя родилась здесь, в Англии.

Проницательный взгляд мистера Поттера уже успел оценить ее густые каштановые волосы, карие глаза и галльского типа лицо.

– Определенно вы очень похожи на француженку. Из вашего дела следует также, что вы учились в Сорбонне?

– Да, я три года жила в Париже. Занималась французской культурой... и получала от этого огромное удовольствие, – с улыбкой добавила Конни.

– Отчего же вы там не остались после окончания учебы, а вернулись в Англию?

– Я вернулась, чтобы выйти замуж за друга детства.

– Вот как, – кивнул мистер Поттер. – И живете в настоящее время в Йоркшире?

– Да, там фамильное поместье моего мужа, на вересковых пустошах Северного Йоркшира. Впрочем, в настоящий момент я живу в нашей квартире здесь, в Лондоне, поскольку работаю в Уайтхолле. Мой муж за границей, в Северной Африке.

– Капитан шотландской гвардии?

– Да. Но он числится пропавшим без вести.

– Я слышал об этом. Сочувствую. Детей пока нет?

– Нет. Война не позволила. – Конни вздохнула. – Мы едва успели пожениться, как Лоуренса призвали, всего спустя несколько недель. Так что я, вместо того чтобы сидеть и вязать носки в Йоркшире, решила приехать сюда и заняться чем-то полезным.

– Вы патриотка, миссис Карратерс?

– Да, мистер Поттер. – Конни, удивленная прямой вопрос, вскинула бровь.

– Готовы отдать жизнь за страну?

– Если дойдет до этого, да.

– Я слышал также, что вы меткий стрелок.

Конни посмотрела на него с удивлением.

– Я бы так не сказала, хотя с юных лет охотилась в поместье моего мужа.

– Вы назвали бы себя сорванцом?

– Никогда об этом не думала, – Конни запнулась, ища слова, чтобы почетче ответить на такой странный вопрос, – но, пожалуй, можно сказать, что я люблю физические упражнения на свежем воздухе.

– У вас крепкое здоровье?

– Да... жаловаться грех.

– Благодарю вас, миссис Карратерс, – мистер Поттер захлопнул папку, в которую во время разговора то и дело заглядывал. – Мы с вами свяжемся. Всего хорошего.

Он протянул руку, и Конни ее пожала.

– До свидания, – ответила она в недоумении, что беседа закончилась так внезапно, и не уверенная в том, как она себя проявила.

Было приятно выйти из душного подвала на свежий весенний воздух. Идя по оживленным лондонским улицам к своей конторе, Конни поглядывала на аэростаты заграждения, зловеще застывшие в небе, и гадала, зачем она все-таки понадобилась этому мистеру Поттеру.

Три дня спустя он вызвал ее снова, и, сидя под жестким электрическим светом в комнате пятьсот пять, она отвечала, что нет, ни в машине, ни в самолете ее не укачивает, нет, бессонницей она не страдает и во сне не говорит, да, в расписании железных дорог Франции она разбирается и да, топография Парижа ей хорошо знакома...

Ни слова о том, с какой целью ее допрашивают, сказано не было, но трудно было не догадаться, к чему клонит тот, кто ведет допрос. И, шагая к своему дому, расположенному поблизости от Слоун-сквер, она думала о том, что если сегодняшней экзамен сдан, то жизнь ее изменится необратимо и навсегда.

– Что ж, миссис Карратерс, вот мы и снова встретились. Садитесь, прошу вас. – Конни не могла не заметить, что на сей раз мистер Поттер держится гораздо свободней. Начать с того, что он ей улыбнулся! – Наверняка, миссис Карратерс, вы уже догадываетесь, с какой целью мы вас пригласили.

– Да. Полагаю, вы рассматриваете возможность использовать меня для каких-то заданий во Франции.

– Совершенно верно. Доводилось ли вам в ходе работы в МИ-5 слышать о Секторе «Ф» и УСО – Управлении специальными операциями?

– Да, через меня проходили бумаги, но они касались проверки девушек, имеющих отношение к диверсионно-разведывательной службе.

– Точно так же мы проверяли в последние дни вас, – кивнул мистер Поттер. – И надо сказать, ничего вызывающего сомнения не обнаружили. Мы пришли к выводу, что у вас имеются данные для того, чтобы стать одним из наших особых агентов. Однако же, миссис Карратерс, должен сказать, до сего момента мы с вами обходили вниманием то весьма важное обстоятельство, что предложение такого рода работы означает не только то, что вам оказывают высокое доверие. Выполняя ее, вы, не исключено, подвергнетесь смертельной опасности. – Мистер Поттер смотрел на нее внимательно и очень серьезно. – Что вы об этом думаете?

Конни, когда поняла, к чему идет дело, провела неделю без сна, размышляя как раз об этом и о том, как ей ответить на этот вопрос.

– Мистер Поттер, я от всего сердца сочувствую делу борьбы с нацизмом, хочу внести в него свой вклад и сделаю все, что в моих силах, чтобы не подвести вас. Однако я сознаю, что прежде у меня не было случая себя проверить. Мне двадцать пять лет, никакого опыта подобной работы у меня нет, и мне нужно еще многое узнать и о жизни, и о себе самой.

– Столь вдумчивое отношение вызывает у меня самое глубокое одобрение, миссис Карратерс, однако хочу вас уверить, что ваша неопытность отнюдь не представляет собой проблему. Большинство женщин, которых мы привлекаем к этой крайне щепетильной работе, имеют не больше опыта, чем вы. В настоящий момент мы имеем дело с продавщицей, актрисой, домохозяйкой и администратором гостиницы. Должен добавить, что со своей стороны мы сделаем все, чтобы помочь вам. Вас отправят на курсы интенсивной подготовки, где, насколько это возможно, научат справляться со сложными ситуациями. И уверяю вас, миссис Карратерс, к концу обучения и вам, и вашим руководителям из Управления станет ясно, годитесь ли вы для дела. Итак, я обязан еще раз спросить вас: готовы ли вы принять на себя роль, которая может грозить вам смертью?

Конни посмотрела прямо ему в глаза:

– Да.

– Превосходно! Значит, договорились. Как служащая МИ-5 вы уже подписали соглашение о секретности, так что с этим тоже порядок. Через несколько дней получите извещение из Сектора «Ф». Поздравляю вас, миссис Карратерс! – Мистер Поттер встал из-за стола и подошел к ней, чтобы пожать руку, а потом проводил к дверям. – От лица правительств Великобритании и Франции заранее благодарю вас за жертвы, которые, возможно, придется вам принести.

– Я польщена, мистер Поттер. Могу я спросить...

– Довольно на сегодня вопросов, миссис Карратерс. Вскоре вы узнаете все, что вам следует знать. И вряд ли стоит упоминать, что и наши с вами здесь встречи, и ваши дальнейшие действия не подлежат разглашению.

– Разумеется.

– Желаю удачи, миссис Карратерс, – он еще раз пожал ей руку и распахнул перед ней дверь. – Всего доброго.

Явившись на работу следующим утром, Конни поняла, что мисс Кавендиш уже известили об ее уходе.

– Говорят, вас отправляют на выпас, – сказала та, когда Конни вошла к ней в кабинет. Тень улыбки мелькнула в ее усталых глазах. – Возьмите, – мисс Кавендиш протянула ей конверт. – Завтра в девять

утра вы должны явиться по этому адресу. Спасибо за ваши труды. Мне жаль вас терять.

– А мне жаль от вас уходить.

– Уверена, что вы справитесь с любым заданием, которое вам поручат, миссис Карратерс.

– Я буду стараться, – ответила Конни.

– Прекрасно. Не подведите меня, – добавила мисс Кавендиш, когда Конни была уже у дверей. – Это ведь я вас рекомендовала.

На следующее утро в девять Конни, как ей было предписано, явилась в Очард-корт, особняк, расположенный неподалеку от Бейкер-стрит. Назвала свое имя швейцару, который, кивнув, распахнул перед ней позолоченную дверь лифта, сопроводил ее на третий этаж, ключом открыл одну из дверей в коридоре и провел через порог.

– Вот тут, мисс, будьте добры подождать.

Конни, ожидавшая, что это приемная, с удивлением обнаружила себя в ванной комнате.

– За вами скоро придут, мисс. – И, кивнув, швейцар удалился.

Конни присела на край угольно-черной ванны, предпочтя ее ониксовому биде, и только головой покачала, думая, что ждет ее дальше. Наконец дверь снова открылась.

– Следуйте за мной, мисс, – сказал швейцар и провел ее по коридору в комнату, где высокий светловолосый мужчина сидел на краешке письменного стола. С улыбкой протянув через стол Конни руку, он дождался, когда швейцар исчезнет, и только потом представился:

– Миссис Карратерс, меня зовут Морис Бакмастер, я начальник Сектора «Ф». Слышал о вас много лестного.

– А я о вас, сэр, – Конни, пожимая ему руку, постаралась скрыть, что смущена. В МИ-5 поговаривали, что Гитлер и сам не знает, кого первым повесит, если вдруг доберется до Лондона, – Черчилля или «этого Бакмастера».

– На каком языке предпочтете беседовать – по-английски или по-французски? – осведомился Бакмастер.

– Мне все равно.

– Вот это отлично, – с улыбкой сказал он. – Значит, по-французски. Сдается мне, вам не терпится узнать, с чем мы имеем

дело в Секторе «Ф», поэтому я передам вас в надежные руки мисс Аткинс, которая отныне будет курировать вас.

Одним взмахом перекинув через стол длинные ноги, Бакмастер направился к двери, причем так стремительно, что Конни, шедшей следом за ним, передался его порыв. По коридору они прошли в тесный кабинетик, сизый от табачного дыма.

– Вера, – улыбнулся он средних лет женщине, которая дымила там, сидя за письменным столом, – это Констанс Карратерс, и я оставляю ее в вашем ведении. Констанс, это мисс Аткинс, движущая сила всего, что происходит в Секторе «Ф». До скорых встреч! – кивнув, Бакмастер вышел из комнаты.

– Прошу вас, дорогая, садитесь, – пригласила Конни мисс Аткинс, пронзив ее взглядом синих глаз. – Мы рады, что вы с нами. Я здесь для того, чтобы ответить на ваши вопросы и пояснить, что будет дальше. Вы уже рассказали что-нибудь своим близким?

– Нет, мисс Аткинс. Мой муж пропал без вести в Африке, родителям я звоню раз в неделю по воскресеньям, а сегодня еще пятница.

– Да, родители живут в Йоркшире, и сестер-братьев у вас нет, – глядя в лежащую перед ней папку, произнесла мисс Аткинс. – Это облегчает дело. Скажете родителям и, если потребуется, друзьям, что вас перевели в Корпус медсестер первой помощи. Скажете, что вас готовят на водителя санитарной машины. Правды ни при каких обстоятельствах не открывайте.

– Да, мисс Аткинс.

– Вскоре вас отправят на подготовку в окрестности Лондона. Вы пробудете там несколько недель, и я буду ежедневно и всесторонне отслеживать ваши успехи.

– Из чего состоит курс подготовки? – спросила Конни.

– Вас научат всему, что вам может потребоваться, миссис Карратерс. Курите? – Мисс Аткинс протянула ей пачку сигарет.

– Спасибо. – Конни взяла одну, мисс Аткинс взяла другую.

– В своей лондонской квартире вы живете одна?

– Да.

– В таком случае нет необходимости менять адрес. А что касается имени, то мы обсудили этот вопрос с мистером Бакмастером и решили, что вам стоит взять девичью фамилию вашей матери, насколько я

помню, – Шапелль. Ваша тетка по матери, что живет в Сен-Рафаэле, – это баронесса дю Монтень?

– Да, – кивнула Конни.

– Значит, вы так и будете тем, кем были во Франции: племянницей своей тетки. Рекомендую как можно скорее привыкнуть к новой фамилии. Ну как, устроит вас имя Констанс Шапелль?

– Вполне. Скажите, много ли времени осталось до моего отъезда во Францию?

– Как правило, мы готовим наших агентов в течение восьми по меньшей мере недель, – но положение дел во Франции таково, что внедриться туда необходимо в самое ближайшее время. Так что вряд ли ваше обучение продлится так долго. – Мисс Аткинс выпустила струйку дыма. – Мы все в огромном долгу перед вами и такими же девушками, как вы, за готовность положить свои силы на это опасное дело. Есть еще вопросы, моя дорогая?

– Могу я узнать, в чем именно будут заключаться мои обязанности во Франции?

– Очень уместный вопрос. Многие девушки, что приходят сюда, полагают, что их отправляют в качестве шпионок, – но это не вполне то, чем занимается Сектор «Ф». Наши агенты не столько добывают информацию, сколько переправляют ее, организуют саботаж и диверсии. Главная наша цель – мешать нацистскому режиму во Франции. Управление специальными операциями, УСО, работает в связке с «маки», партизанами, и французским движением Сопротивления, поддерживая их всеми доступными нам способами.

– Я поняла. Но наверняка ведь есть люди лучше, чем я, подготовленные к такой роли? – Конни нахмурилась.

– Я в этом сомневаюсь, Констанс. Безупречный французский, близкое знакомство и с Парижем, и с югом Франции, плюс ваша вполне галльская внешность – нет, вы идеал, лучше вас не найти.

– А разве мужчины не более пригодны для таких дел?

– Как ни удивительно, нет. Любого француза-мужчину в обычном порядке могут схватить на улице и доставить на допрос – как в местную полицию, так и в гестапо. Могут также обыскать, раздев донага. В то время как женщина, путешествующая по Франции по железной дороге, в автобусе или на велосипеде, привлекает гораздо меньше внимания. – Мисс Аткинс невесело улыбнулась. – И уверена,

что при вашей привлекательности, Констанс, вы сумеете легко выпутаться из любых передряг... Ну что ж, – она бросила взгляд на часы, – если вопросов больше нет, предлагаю вам вернуться домой, сообщить родителям то, что мы с вами тут обсудили, а потом с толком провести свои последние гражданские выходные. Кто знает, когда вам еще выпадет такой случай... – Она окинула Конни одобрительным взглядом. – Думаю, вы прекрасно справитесь, Констанс. И имейте в виду, вам есть чем гордиться: в Сектор «Ф» мы берем только лучших.

Глава 8

В понедельник утром Конни оказалась на ступеньках Уонборо-Мэнор – большого усадебного дома на окраине Гилфорда, городка в графстве Суррей. Ее поселили на верхнем этаже в комнате, где стояли четыре узкие кровати. Занята была, судя по всему, только одна. Конни распаковала чемоданчик, развесила платья и блузки в просторном красного дерева гардеробе, отметив попутно, что у соседки по комнате, кто бы она ни была, манера одеваться куда богемнее, чем у нее. Между шелковыми малиновыми брюками и длинным цветастым шарфом висело золотистое платье-футляр.

– А вы, надо полагать, Констанс, – с подчеркнутой медлительностью произнес за спиной женский голос. – Очень рада, что вы приехали – мне совсем печально оставаться тут единственной особой женского пола. Я Винишия Берроуз, или скорее Клодетт Десалли.

Констанс обернулась, чтобы поздороваться, и ахнула, так хороша собой и эффектна оказалась новая знакомая. Блестящие иссиня-черные волосы почти до талии, кожа цвета слоновой кости и огромные зеленые глаза, броско подведенные так, чтобы не теряться в соседстве с ярко-красной помадой. Трудно было вообразить более вопиющий контраст между этой экзотической внешностью и уставной формой Корпуса медсестер. Странно, удивилась Конни, что такую яркую девушку сочли пригодной для стоявшей перед ними задачи; она за версту заметна в любой толпе.

– Констанс Карратерс, или скорее Шапелль, – с улыбкой представилась она и, протянув руку, шагнула навстречу соседке. – Не знаете, еще кто-нибудь из женщин приедет?

– Нет. Когда я спросила, мне сказали, что мы с вами будем вдвоем. Нас готовят вместе с мужчинами. – Винишия села на кровать и закурила. – Да, есть кое-какие плюсы и у этой работы... – Она глубоко затаилась. – Вы же знаете, мы с вами обе чокнутые, не иначе!

– Да, это не исключено. – Конни подошла к зеркалу взглянуть на себя и убедилась, что волосы в порядке и аккуратно убраны в пучок.

– Так где же они вас нашли?

– Я служила делопроизводителем в МИ-5. Мне сказали, я подошла потому, что у меня беглый французский и я знаю страну.

– А я единственное, что знаю про Францию, так это что на террасе в Кап-Ферра подают отличные коктейли! – Винишия рассмеялась. – Ну, плюс еще факт, что у меня бабушка – немка, поэтому я прилично владею немецким... Впрочем, французский мой, говорят, тоже неплох. Я работала в Бличли-парке... Вы, конечно, слышали, что там, раз служили в военной разведке.

– Еще бы! Ваши криптоаналитики сумели расшифровать немецкий секретный код!

– Да, это был триумф! – Винишия подошла к окну, где на подоконнике стоял замученный комнатный цветок, и стряхнула пепел в горшок. – Очевидно, им позарез нужен радист во Франции. И благодаря моим навыкам в дешифровке это как раз я. А известно ли вам, – добавила она, вернувшись к кровати и растянувшись на ней во весь рост, – что продолжительность жизни радиста по нынешним временам – приблизительно шесть недель?

– Не может быть!

– А чему удивляться? – протянула Винишия. – В лифчик ведь рацию не спрячешь, верно?

Конни было странно, что можно так легкомысленно рассуждать о собственной смерти.

– Разве вы не боитесь?

– Даже не знаю. Я знаю только одно: нацистов надо остановить. Мой отец перед самой войной сумел вывезти бабушку из Берлина, а вся остальная его родня пропала. Ни слуху ни духу. Понимаете, они евреи, евреев отправляют в лагеря смерти, и мы подозреваем, что их тоже... В общем, – Винишия тяжело вздохнула, – если я могу что-то сделать, чтобы остановить их, то я это сделаю. Никому не будет жизни, если не закопать Гитлера и его компанию. И чем скорее закопаем, тем лучше. Одна беда: говорят, придется отрезать волосы. Вот это, – Винишия села, тряхнув роскошной эбеновой гривой так, что та рассыпалась по плечам, – вот это в самом деле проблема.

– У вас прекрасные волосы, – сказала Конни с мыслью, что если кто-то в состоянии в одиночку перехитрить и заморочить врага, то как раз вот эта необыкновенная женщина.

– Нет, ну как все переменялось! – Винишия снова легла. – Всего четыре года назад я была дебютанткой в Лондоне, меня представили ко двору. Жизнь была сплошным праздником. А теперь... – она повернулась к Конни, ища сочувствия, – вы только взгляните на нас!

– Да уж, – согласилась Конни. – Вы замужем?

– Чего еще не хватало! – отмахнулась Винишия. – Я сразу решила, что надо вначале пожить, а потом уже остепениться. Похоже, я как раз это и делаю. Живу. А вы?

– Нет, я замужем. Мой муж Лоуренс – капитан шотландских гвардейцев. Он сейчас где-то в Африке, пропал во время боевых действий.

– Сочувствую, – сердечно сказала Винишия. – Черт знает что, эта проклятая война. Но ваш муж выберется, я в этом уверена.

– Что еще остается? Верить! – отозвалась Конни, преувеличивая свой стоицизм.

– Скучаете по нему?

– Ужасно... Впрочем, пришлось научиться жить без него. Вокруг столько женщин, чьи мужья воюют.

– И никаких романов? – с ехидной улыбкой осведомилась Винишия.

– Как вам в голову только пришло, что вы! Я никогда... – Конни почувствовала, что краснеет, и резко сказала: – Нет.

– Ну конечно, нет. Вы и по виду – вылитая верная жена. – Сказано это было так, что рассудить, оскорбление это или комплимент, оказалось сложно. – Но что до меня, – продолжала Винишия, – я очень рада, что замуж не выскочила. Как же весело я жила эти четыре года! Да и в наступившие трудные времена мой девиз – «живи одним днем», потому что не дано знать, вдруг он последний. А с учетом того, что предстоит нам с вами, – она поднялась загасить окурок в цветочном горшке, – это как раз наш случай.

Ближе к вечеру женщин пригласили спуститься в просторную гостиную, где был сервирован чай с пирожными, и представили другим учащимся.

– Любопытно, кто тут жил перед тем, как дом реквизировали? – прошептала Винишия.

– Да, дом красивый, – кивнула Конни, оглядывая высокий потолок, массивный мраморный камин и двустворчатую, в

георгианском стиле, застекленную дверь, ведущую на террасу.

– И вот он тоже красив.

Проследив за взглядом Винишии, Конни увидела молодого мужчину, который живо беседовал у камина с одним из инструкторов.

– Познакомимся? Пошли!

И они пошли, и Конни, стоя за плечом Винишии, также была представлена.

– Приятно познакомиться, девушки. Меня зовут Анри дю Барри, – ответил он на небезупречном французском.

С изумлением понаблюдав, как ее новая подруга пускает свой шарм в дело, Конни, чувствуя себя лишней, потихоньку ретировалась.

– Да, вот она, наша Мата Хари, – прошептал ей кто-то на ухо. – Меня зовут Джеймс Фробишер, он же Мартин Кост. А вы...

Конни, повернувшись на голос, увидела перед собой высокого, с редяющими волосами джентльмена в очках в роговой оправе.

– Констанс Карратерс... то есть Шапелль.

Они обменялись рукопожатием.

– Как у вас с французским? – по-товарищески спросил он.

– Это родной язык моей матери, так что я с ним выросла.

– К сожалению, я подобным похвастаться не могу, – вздохнул Джеймс. – Сделал некоторый прогресс после интенсивного курса, но так и не помню, в каких случаях говорить vous, а когда tu!

– Думаю, вас бы не послали, если бы не были уверены в том, как вы владеете языком.

– Да, но во Франции такая катавасия, что агенты нужны позарез. Там, говорят, всю аресты идут, – поморщился Джеймс. – Впрочем, не важно, мы тут на борту по разным причинам, – я, например, показал себя неплохим подрывником. А с динамитовой шашкой беседовать особенно не о чем. – Он ухмыльнулся. – Должен сказать, что не могу не восхищаться женщинами, которые идут на это по своей воле. Работенка опасная.

– Не сказала бы, что решение было моим, однако же рада, что могу быть полезна, – чинно ответила Конни.

В тот вечер, сидя за ужином в столовой, Конни ближе познакомилась с четверьмя агентами-мужчинами, которые проходили подготовку здесь же. Каждый из них шел себе своей дорогой по жизни,

а теперь, благодаря тем или иным умениям, был избран для этой работы. Она поболтала с Фрэнсисом Мон-Клером и Хьюго Сороки (оба, как и она, были наполовину французы), Джеймсом и, разумеется, пилотом истребителя Генри, который был душой всей компании. Вина было вдоволь. Конни выпила пару бокалов, оглядела собравшихся, и ее охватило чувство нереальности ситуации: чем не обыкновенный ужин, который за таким же столом проходит по вечерам по всей Британии!

После десерта дежурный инструктор капитан Биван хлопнул в ладоши, призывая к молчанию:

– Леди и джентльмены, надеюсь, сегодня вечером вы в полной мере использовали возможность познакомиться друг с другом поближе. Впредь вам предстоит в течение нескольких недель работать в самом тесном сотрудничестве. Однако боюсь, веселье на этом заканчивается. Завтра план такой: завтрак в шесть утра, после чего вы пройдете тщательный медицинский осмотр. В последующие дни перед завтраком каждое утро – пробежка на пять миль.

Присутствующие отозвались на это стонами и вздохами.

– В значительной степени задача, которую вам здесь предстоит выполнить – это тренировка вашей физической выносливости. Чрезвычайно важно, чтобы каждый из вас отправился во Францию в лучшем состоянии здоровья. Уже одно это вполне может спасти вам жизнь.

– Думаю, сэр, что нациста с ружьем у меня за спиной окажется довольно, чтобы я припустил со всех ног и побежал очень быстро, – пошутил Джеймс.

Винишия хмыкнула, а капитан улыбнулся:

– Некоторые из вас уже имеют армейскую подготовку и привыкли к физическим нагрузкам. Другим же, особенно дамам, – капитан бросил взгляд в сторону Конни и Винишии, – придется труднее. Возможно, недели, проведенные здесь, окажутся самыми трудными в вашей жизни. Однако же если вы цените свою жизнь, то приложите все старания, чтобы освоить навыки и умения, которым мы рассчитываем вас обучить. Каждый день в шесть часов вечера на доске в холле я буду вывешивать расписание на следующий день. За время подготовки вы научитесь стрелять, взрывать динамит, прыгать с парашютом, выживать в экстремальных условиях и освоите азы азбуки Морзе. Полученные вами знания подготовят вас к тем опасностям, с

которыми вы, возможно, столкнетесь. Нельзя недооценивать тот факт, что наши агенты подвергаются не меньшей опасности, чем те, кто с оружием в руках сражается за наши права и свободы в обстановке военных действий.

В комнате стало тихо. Все словно протрезвели. Все взгляды были прикованы к капитану.

– Но хочу добавить, что без мужчин и женщин вроде вас, кто отдает себе отчет в грозящей им смертельной опасности и все-таки готов взяться за дело, наша победа в этой войне – недостижима. Поэтому позвольте мне от лица британского и французского правительств принести вам сердечную благодарность. А теперь – для тех, кто желает, кофе и бренди в соседней гостиной. Тем же, кто не желает, – спокойной ночи.

От кофе и бренди отказались только Конни и Джеймс, оставшиеся вдвоем в холле, когда остальные исчезли за дверью гостиной.

– Устали? – спросил Джеймс.

– Да, устала, – ответила Конни, хотя правильнее было бы сказать – потрясена.

– Я тоже.

Они подошли к лестнице. Джеймс, поднявшись на первую ступеньку, вдруг повернулся к Конни:

– Скажите, вам страшно?

– Не знаю.

– А мне страшно, – признался Джеймс. – Но, разумеется, «делай что должно, и будь что будет». Спокойной ночи, Констанс, – и, вздохнув, он пошел вверх по лестнице.

– Спокойной ночи.

Стоя внизу, Конни смотрела, как он исчезает из виду. Внезапно ее пробрала дрожь. Обхватив себя руками, она подошла к окну – огромному, и здесь их было несколько. В чистом ночном небе плыла полная луна. Страшно ли ей? Нет, она в самом деле не знала. Возможно, она очерствела, чувства притуплены войной, которая украла почти четыре года ее молодости. С тех самых пор, как Лоуренс уехал на фронт, а произошло это всего через несколько недель после свадьбы, Конни казалось, что жизнь ее замерла, зашла в тупик, причем как раз в тот момент, когда, по сути говоря, начиналось все самое главное.

Поначалу она невыносимо тосковала по мужу. Жила в его огромном, продуваемом сквозняками доме в компании немногословной свекрови и двух стареньких черных лабрадоров, и времени все обдумать было у нее предостаточно. На мысль отправиться в Лондон работать в военной разведке свекровь посмотрела косо. Конни, однако, схватилась за эту возможность, возникшую благодаря связям отца, который видел, что в Блэкмур-Холле она чахнет от одиночества. Многие ее сотрудницы по МИ-5 вовсю наслаждались лихорадочно оживленной атмосферой Лондона военной поры; офицеры, приезжавшие на побывку, то и дело приглашали их то поужинать, то потанцевать. Этому ничуть не мешало то, что некоторые из сотрудниц были уже обручены и даже замужем, и их избранники, подобно Лоуренсу, сражались на фронтах за границей.

Конни так не могла. Лоуренс был – с тех самых пор, как в шесть лет она познакомилась с ним на теннисной площадке, – ее единственным возлюбленным. Будучи достаточно толковой, чтобы, окончив Сорбонну, расти профессионально, и в душе предпочитая Францию унылому йоркширскому пейзажу, она тем не менее безропотно согласилась на жизнь, сулившую ей лишь статус супруги любимого Лоуренса и со временем хозяйки Блэкмур-Холла. И что же? Месяца не прошло после счастливейшего дня в ее жизни, когда под сводами поместной католической церкви она дала свой брачный обет, как мужчину, которого она четырнадцать лет любила, вырвали из ее объятий.

Конни вздохнула. Четыре года она жила, каждый день сгорая от страха, что принесут страшную телеграмму. И вот такая телеграмма пришла. Лоуренс пропал без вести. Работая в МИ-5, она слишком хорошо знала, что по истечении двух месяцев шанс увидеть его в живых уменьшается с каждым днем.

Оторвавшись от зрелища полной луны в окне, Конни побрела через холл к лестнице. Страшнее того, что она испытала, открывая ту телеграмму, в жизни у нее не случалось. И теперь, когда Лоуренс так и не объявился, ей было, в общем-то, все равно, умрет она или нет.

Она легла спать, для Виниши оставив включенным ночник, но та явилась почти уже на рассвете, разбудив ее смехом, когда обо что-то споткнулась.

– Ты спишь, Конни? – прошептала она, скрипнув кроватью.

- Да, – сонно отозвалась Конни.
- О боже, вот это была ночка! Генри – просто мечта, ты не находишь?
- Да, очень хорош.
- Винишия зевнула.
- Похоже, эта учеба окажется приятнее, чем я смела надеяться. Спокойной ночи!

Вопреки оптимизму Винишии, последующие недели до предела физических сил вымотали каждого из агентов. Каждый день был плотно загружен разного рода испытаниями: если не осваивали подрыв динамита, сидя в траншее, то лазали по деревьям, учась маскироваться среди ветвей. Их натаскивали различать съедобные грибы-ягоды-орехи и бесконечно гоняли на стрельбы, не говоря о ежеутренней пятимильной пробежке, во время которой Винишия, вдобавок ко всему крутившая бурный роман с Генри и ложившаяся зачастую часа в четыре утра, стонала в самом хвосте.

Конни и сама не ожидала, что так хорошо справится с учебой. И без того спортивная благодаря жизни на свежем воздухе, она чувствовала, как с каждым днем у нее прибывает сил и умений. Стреляла она лучше всех в группе, а в подрывном деле стала экспертом, чего никак нельзя было сказать про Винишию, которая едва не угробила всю команду, детонировав гранату прямо в траншее.

– Ну, по крайней мере это доказывает, что я могу это сделать, – хмыкнула она, когда они вернулись в Уонборо-Мэнор.

– Ты в самом деле считаешь, что наша Винишия годится в дело? – как-то спросил Джеймс, когда они вечером сидели в гостиной за кофе и коньяком. – Вряд ли ее назовешь скрытной! – И рассмеялся, глядя, как на террасе Винишия обнимается с Генри.

– Думаю, она справится превосходно, – защитила Конни подругу. – Изворотлива, как уж, а это девяносто процентов успеха, как нам тут толкуют.

– Очень привлекательна, спору нет, и, пожалуй, сумеет выкрутиться из множества переделок. Уж во всяком случае, получше меня, – кисло прибавил Джеймс. – Сейчас затишье перед бурей, а, Кон? И, сказать по совести, я в ужасе от того, что нам предстоит, особенно прыжок с парашютом. Колени мои и без того никуда.

– Ничего, – Конни потрепала его по руке, – может быть, повезет, и «Лиззи» благополучно перенесет тебя через пролив и высадит на французскую землю. – «Лиззи» – так ласково называли легкий одномоторный самолет «Лизандер», верно служивший британским военно-воздушным силам.

– Да уж хорошо бы. Не то, зная мою удачу, непременно повисну на дереве, и меня тут же поймают.

Джеймс единственный из всех не скрывал того, что предстоящие испытания пугают его. Они с Конни в группе были самые тихие и вдумчивые, и между ними завязалась дружба.

– Разве не странно, куда может завести тебя жизнь? – продолжал Джеймс, сделав глоток коньяка. – Будь у меня выбор, я бы предпочел совсем другие возможности.

– Думаю, это касается сейчас большей части населения земного шара. Война! Если бы не война, жила бы я себе в Северном Йоркшире и рожала в год по ребенку.

– Есть новости? – спросил Джеймс, имея в виду Лоуренса.

– Никаких, – вздохнула она.

– Ты не отчаивайся, Конни. – На сей раз Джеймс потрепал ее по руке. – Там такая неразбериха! Есть все основания надеяться, что твой муж жив.

– Я стараюсь, – кивнула Конни, которой каждый прошедший день казался горстью земли на могиле Лоуренса, и сменила тему. – Послушай, вот ты чем займешься, если эта проклятая война когда-нибудь кончится?

– Трудно даже представить, – хмыкнул Джеймс. – Сейчас это кажется совершенно несбыточным! Так же, как ты, вернись домой и начну вить гнездо. Женюсь, произведу на свет наследника... – Он пожал плечами. – Обычное дело.

– Что ж, – улыбнулась Конни, – зато ты сможешь обучить своих отпрысков французскому. Правда, ты так заметно вырос в профессиональном плане за последнее время!

– Ты очень добра, Кон, но должен сказать тебе, что слышал, как наш капитан обсуждал нас всех в разговоре с Бакмастером по телефону. Ну да, подслушал, – ухмыльнулся Джеймс. – Разве нас не учат, что уши даны для того, чтобы собирать информацию? В общем,

капитан пел тебе дифирамбы, говорил, из всех нас ты просто звезда. Отличница! Сектор «Ф» на тебя рассчитывает, моя дорогая.

– Вот уж спасибо! Впрочем, в школе я всегда считалась зубрилой, – рассмеялась Конни. – Беда в том, что у меня не было случая проверить себя в жизни.

– Не горюй, Конни, кажется, теперь тебе представится шанс...

Месяц спустя подготовительный курс завершился. Каждого агента вызвали на разговор к капитану, и тот в своей суровой манере без обиняков указал выпускникам на их сильные и слабые стороны.

– Вы превосходно справились, Констанс, и мы весьма удовлетворены вашими успехами. Единственное замечание, высказанное вашими преподавателями, это некоторое замешательство при принятии решений. А на поле боя от быстроты реакции может зависеть судьба. Вы это понимаете?

– Да, сэр.

– У вас отличное природное чутье, вы это доказали. Прислушайтесь к нему, оно не обманет. Для дальнейшей подготовки, наряду с теми, кто выдержал испытания здесь, мы посылаем вас в Шотландию. Удачи, мадам Шапелль, – он поднялся и с улыбкой протянул ей руку.

– Благодарю вас, сэр.

– И да хранит вас Бог, – прибавил он, когда дверь за ней уже закрывалась.

Так Конни, Джеймс, Винишия и, к восторгу последней, Генри отправились в необжитой район Шотландии, дабы еще основательней освоить тонкости партизанской войны. Упражнялись они вдали от населенных мест: взрывали мосты, на утлых лодках переправлялись через потоки, собирали и заряжали разного вида и производства оружие и в кромешной тьме палили по мчащимся грузовикам. Им подробно объяснили значение демаркационной линии Виши, пересекать которую по-прежнему оставалось опасно, поскольку она разделяла Францию на две зоны, оккупированный немцами север и вишистский юг. Базовые навыки выживания, привитые им в Уонборо-Мэнор, подверглись проверке, когда на несколько дней их оставили на шотландских пустошах на подножном корму. Кроме того,

профессиональный наемный убийца специально приезжал преподавать им способы быстрого и бесшумного уничтожения противника.

После двух недель подготовки Винишию неожиданно отозвали.

– Вот и отлично, – говорила та, второпях собирая чемодан. – Надо думать, меня пошлют в Тэйм-парк для переподготовки. Что-то там происходит, во Франции, какая-то паника, и срочно нужны радисты. Ох, Кон, – она обняла подругу, – будем надеяться, мы еще увидимся! И позаботься о моем Генри, ладно?

– А как же, – вздохнула Конни, захлопывая чемодан и стягивает его с кровати. – Хотя ты, я в этом не сомневаюсь, скоро отыщешь, кем его заменить...

– Возможно, и так. – Винишия подняла на нее глаза. – Возможно, и так...

Раздался стук в дверь.

– Мисс Берроуз, за вами пришла машина.

– Мне пора. Удачи тебе, Кон. – Винишия подхватила чемодан и пошла к двери. – Я рада, что мы с тобой встретились.

– И я. Ты, пожалуйста, не теряй надежды и верь, что вернешься назад.

– Постараюсь, – Винишия распахнула дверь, – но я знаю, Кон, что я там умру. – Оглянулась в дверном проеме, пожала плечами. – Всего доброго, дорогая моя! A bientôt!^[1]

Глава 9

– Итак, Констанс, ваша подготовка закончена, вы готовы к отправке во Францию. Как настроение?

Конни снова сидела напротив мисс Аткинс в лондонской штаб-квартире британской разведывательно-диверсионной службы.

– Полагаю, я готова к отправке, насколько это возможно, – ответила Констанс, ни на йоту не выражая того, что чувствовала на самом деле. После месяца, проведенного в Шотландии, ее переправили в Бьюли в Хэмпшире, где еще в одном реквизируемом государством поместье отполировали ее диверсантские навыки. Научили, как различать форменные мундиры различных родов войск Германии и ненавистной народу французской полиции, органа правительства Виши, наставили, к чему приглядываться, вербуя себе в помощь французских граждан, и внушили ни в коем случае не доверять ничего бумаге. – И, думаю, мне будет легче, когда я окажусь на месте своей дислокации, – заключила она.

– Превосходно! Именно это я и ожидала от вас услышать, – отозвалась мисс Аткинс. – Ваш рейс намечен на следующее полнолуние. Думаю, вас порадует, что прибегать к парашюту вам не понадобится. Вас доставят прямо на французскую землю самолетом марки «Лизандер».

– О, спасибо, – в самом деле обрадовалась Конни. Хоть что-то!

– Итак, у вас есть пара дней отдохнуть и развеяться. Я заказала вам номер в Фоли-корт, это удобная гостиница, которой ведает Корпус медсестер первой помощи. Поживете там до полета. Хорошо бы вам написать письма родным, я буду отсылать их в течение тех недель, что вы будете в отсутствии.

– Что мне следует написать, мисс Аткинс?

– Обычно я советую девушкам писать коротко и бодрым тоном. Напишите, что все хорошо, что вы здоровы. В день отлета, во второй половине дня, я приеду за вами, но, разумеется, оповещу об этом заранее. Когда прибудем на аэродром, сообщу ваше кодовое имя и подпольное прозвище, – и кроме того, сообщу, в какую именно французскую сеть вы направляетесь. А теперь, Констанс, вас хочет напутствовать мистер Бакмастер.

И мисс Аткинс отвела Конни в кабинет начальника.

– Констанс, дорогая моя! – Бакмастер вскочил с места и, распахнув руки, обошел стол, чтобы обнять ее. – Ну как? Готовы? – глядя ей в глаза, спросил он.

– Насколько я могу судить, да, сэр.

– Вот и умница. Мне тут докладывали, что лучше вас учениц не было. Уверен, мы в Секторе «Ф» будем гордиться вами, – излучая оптимизм, говорил он.

– Честно сказать, сэр, я просто жду не дождусь, когда окажусь там.

– Конечно! Ждать и догонять – хуже нет! Знаете, волноваться не стоит, дорогая моя. Я беседовал тут вчера с одной... она вернулась со своего первого задания, так она говорит, самое трудное было – каждый день наматывать мили на велосипеде! Говорит, бедра стали как у слона! – Они посмеялись. – Есть какие-нибудь вопросы, Констанс?

– В общем, нет, сэр, за исключением того, что я беспокоюсь о Винишии. Есть ли новости от нее? Я знаю, несколько дней назад она улетела...

– Нет. – Бакмастер на мгновение нахмурился. – Новостей пока нет. Но это дело обычное, так часто бывает... Радистам требуется время, чтобы наладить связь... А потом, в том регионе, куда она послана, в последнее время возникли некоторые проблемы. Как бы то ни было... – Он подошел к столу, открыл ящик, достал оттуда коробочку и протянул ей. – Это подарок вам, на удачу.

– Благодарю вас, сэр.

– Откройте! – попросил он. – Я дарю это на прощание всем нашим девушкам. Очень, очень полезная вещь, – если вдруг настанут трудные времена, вы всегда сможете это продать! – Конни достала из коробочки маленькую серебряную пудреницу. – Нравится?

– Прелесть! Спасибо, сэр!

– Не могу допустить, чтобы мои девушки пренебрегали своей внешностью, даже на поле боя! Ну что ж, Констанс, мне остается только поблагодарить вас за ваши успехи в учебе. Не сомневаюсь, в ближайшее время мы получим от вас известие. Благослови вас Бог и – удачи! *Bonne chance!*

– Благодарю вас, сэр. До свидания.

Конни повернулась и вышла из комнаты.

Вечером семнадцатого июня Конни и Вера Аткинс прибыли на автомобиле на Тангмерский аэродром в Суссексе. В глубине ангара сели за хлипкий столик, и Вера протянула Конни листок бумаги.

– Констанс, у вас есть двадцать минут, чтобы запомнить все, что здесь написано. Ваше кодовое имя будет «Лаванда», именно им надо пользоваться во всех случаях, когда вы будете общаться с нами или вступать в контакт с другими агентами на месте действия, как французами, так и англичанами. Вы приписаны к группе под названием «Натуралист», которая действует в Париже и его окрестностях. После приземления во Франции – это будет в Во-Бриолле – вас встретят специальные люди, которые предоставят вам транспортные средства и сообщат, как связаться с руководителем, радистом и прочими членами группы.

– Да, мисс Аткинс.

– Должна предупредить вас, Констанс, связь с группой «Натуралист» в последнее время вызывает у нас затруднения. Те, кто вас встретит во Франции, надеюсь, информируют вас точнее. Однако уверена, что вы, с вашим умом и здравым смыслом, справитесь со всеми проблемами. А теперь, – мисс Аткинс поставила на стол небольшой кожаный саквояж, – вот здесь все, что вам потребуется. Документы, в которых вы значитесь как Констанс Шапелль, учительница, проживающая в Париже. У вас много родственников на юге Франции, откуда вы родом. Именно это послужит вам оправданием, если понадобится куда-то съездить, а контрольно-пропускных пунктов, надо сказать, там хватает.

Следом мисс Аткинс достала крошечный пузырек с одной-единственной таблеткой.

– Это ваша таблетка «Ц». Ее надо положить в каблук.

Конни предупредили заранее, так что она сняла специально подготовленный башмачок и отодвинула подметку каблука с полостью, куда аккуратно лег пузырек.

– Будем надеяться, она вам никогда не понадобится.

– Да уж, – кивнула Конни, зная, что в невинной на вид таблетке содержится летальная доза цианида – на случай ареста и, соответственно, пыток.

– Ну что ж, – преувеличенно весело произнесла мисс Аткинс, – это, я думаю, все.

– Да.

– Тогда пойдете, посадим вас на борт «Лиззи».

Они подошли к самолетику, выкрашенному для маскировки в черный цвет. У трапа мисс Аткинс замедлила шаг.

– Ох, чуть не забыла! – Она вынула из кармана жакета конверт. – Это для вас. – Она протянула конверт Конни, которая тут же его вскрыла. Достала листок, прочла – и глазам своим не поверила.

– Что, хорошая новость?

Рука Конни взлетела ко рту, глаза наполнились слезами.

– Мисс Аткинс, Лоуренс жив! Он жив!

– Да, моя дорогая. И три дня назад его морем доставили в Портсмут. У него тяжелое ранение в грудь и сломана нога, но врачи говорят, он настроен оптимистично и успешно выздоравливает.

– Вы хотите сказать, он здесь?! Лоуренс в Англии?! – недоверчиво переспросила Конни.

– Да, дорогая, он здесь, дома и в полной безопасности. Отличная новость, правда?

Конни взглянула на телеграмму, извещающую, что ее муж жив и будет доставлен домой. Там была указана дата отправления – двенадцатое мая. Почти месяц назад.

– Ну что ж, думаю, это придаст вам сил для того, чтобы с успехом вернуться. Пора на борт, дорогая, – энергично проговорила мисс Аткинс, выдергивая телеграмму у вцепившейся в нее Конни. Завертелись пропеллеры самолета. Мисс Аткинс протянула руку. Конни машинально пожала ее. – До свидания, Констанс. Удачи!

Как во сне Конни поднялась по ступенькам и вошла в тесный салон. Как во сне пристегнулась, пытаясь осмыслить то, что ей только что сообщили. Мало того, что Лоуренс жив! Он к тому же здесь, дома, в Англии! Может быть, всего в нескольких часах автомобилем от того места, где она сейчас... И они ей этого не сказали... Как они могли не сказать ей, что Лоуренс нашелся и возвращается домой? Конни закусила губу, чтобы не заплакать, – плакать нельзя, зальешь стекла тесных защитных очков, которые на нее надели, – и с тяжелым сердцем вздохнула. Слишком хорошо она понимала, почему это радостное известие от нее утаили. Знали, что если сказать, то она тут

же все бросит и кинется к мужу, откажется от того опасного дела, на которое сейчас вылетала...

Но сейчас, когда в самолет забрались еще два человека в огромных очках и летных комбинезонах и за ними захлопнулась дверь, понятно, что пути назад нет. Да, сектор «Ф» манипулировал ее личными обстоятельствами. Только в самый последний момент ей сообщили то, что одно могло служить ей стимулом выполнить задание, остаться в живых и поскорее вернуться домой.

– Как мне это перенести? – пробормотала она себе под нос, в то время как самолет выкатился из ангара под лунный свет.

– Конни? Неужели это ты? – прокричал ей сосед, пытаясь перекрыть шум мотора. Этот голос она узнала.

– Джеймс! – обрадовалась она, утешившись тем, что он рядом.

Самолет взлетел в ночное небо. Разговаривать в таком шуме нечего было и думать. Конни охотно схватилась за протянутую ей руку, сжала ее, стиснула и стала смотреть в иллюминатор на черную под луной английскую землю.

– До свидания, мой милый, милый Лоуренс, – прошептала она. – Клянусь тебе, я буду дома, в твоих объятиях, – так скоро, как только смогу.

Глава 10

«Лизандер», направляемый снизу огоньками фонариков в невидимых руках, подскочив, легко коснулся земли. Пилот, повернувшись к пассажирам, победно показал им два больших пальца.

– Вроде все в порядке. Всего доброго, леди и джентльмены! И, конечно, удачи! – добавил он, глядя, как они спускаются по ступенькам на траву летного поля.

– Счастливого пути! *Bienvenue*, – пробормотал человек, который с мешком в руках взбежал по ступенькам, забросил мешок в салон, закрыл дверцу самолета и поспешил вниз к новоприбывшим.

«Лизандер» уже катился по полю, собираясь в обратный полет. Конни посмотрела на него с тоской, жалея, что у нее не хватит мужества побежать за ним, вскарабкаться назад и по зову сердца вернуться в Англию.

– Следуйте за мной, – сказал человек, который забросил мешок в самолет. – И побыстрее, я видел, грузовик бошей проехал несколько минут назад. Если они услышат шум самолета, то вернуться.

Три агента, ведомые проводником, поторопились пересечь поле, Джеймс позади всех. Прекрасная французская ночь была ясной и теплой. Конни с удовольствием вдыхала ночные ароматы. Франция благоухала, как всегда, целительным запахом сухой сосны, – в отличие от влажного воздуха английской деревни. Этот запах не спутать ни с чем другим.

Наконец проводник распахнул дверь деревянной хижины, спрятавшейся в густом лесу. На полу лежали матрасы и одеяла. А в углу стояла портативная газовая плитка, которую хозяин, чиркнув спичкой, тут же зажег.

– Мы останемся здесь до утра, пока не кончится комендантский час. Потом каждый из вас отправится по своему маршруту со станции в Во-Бриолле, до которой отсюда велосипедом двадцать минут. Прошу вас, устраивайтесь поудобней. Летные костюмы сложите вон там, в углу, они останутся здесь, – распорядился проводник. – А я пока сварю вам кофе.

Конни, стаив с себя костюм, смотрела, как разоблачаются другие пассажиры. Второй мужчина был ей незнаком. Они сели каждый на

свой матрас, и проводник раздал им кофе в эмалированных кружках.

– Молока нет, к сожалению. Я знаю, вы, англичане, предпочитаете с молоком, – сказал он. Конни с удовольствием отпила густую темную жидкость, крепкий кофе был ей привычен.

– Меня зовут Стефан, – объявил проводник, – а вы, мадам, надо думать, Лаванда, раз других женщин тут нет.

– Я – Трепасс, – представился Джеймс.

– Прагматист, – сказал незнакомец.

– Приветствую вас, господа, от лица Франции, – сказал проводник. – Подготовленные британские агенты тут на вес золота. В последние дни по стране прокатились аресты. Особенно в Париже. Причина нам неизвестна, но, судя по всему, затесался предатель, иначе с чего бы гестапо так успешно мело! Я, со своей стороны, могу посоветовать только одно: никому не доверяйте. А сейчас ложитесь. Пока есть возможность, надо поспать. Я посторожу и в случае опасности разбужу. Спокойной ночи.

Стефан вышел в ночь, закурил сигарету и закрыл за собой дверь. Три агента улеглись на матрасы.

– Спокойной ночи, друзья, – сказал Джеймс. – Отдыхайте.

– Сомневаюсь, что удастся заснуть, – пробормотал Прагматист, хотя вскоре Конни услышала с его стороны ровное посапывание.

– Конни? – прошептал Джеймс.

– Да?

– Это уже по-настоящему, да?

– Угу, – согласилась Конни, у которой от всех переживаний да еще кофе на пустой желудок разыгралась изжога. Но все-таки потом она, видимо, задремала, потому что, когда Джеймс потряс ее за плечо, в окошко хижины уже сочился дневной свет.

– Просыпайся! Нас ждут.

Спала она одетой, так что оставалось лишь натянуть чулки да обуть туфли. Неподалеку от хижины прохаживались Стефан и незнакомая женщина.

– Доброе утро, Лаванда, – поприветствовал ее Стефан, но с женщиной знакомить не стал. – Ну как, готовы?

– Да, но... – Конни огляделась. – А где бы я могла?.. – И она почувствовала, что краснеет.

– Удобств не имеется, так что найдите себе местечко в лесу! – Стефан, пожав плечами, повернулся что-то сказать Джеймсу.

Конни поторопилась поглубже в чащу, а когда вернулась, ее спутники с незнакомой женщиной во главе уже оседлывали велосипеды.

– Удачи тебе, – прошептала Конни Джеймсу. – Скоро увидимся!

– Да-да, – напряженно кивнул ей Джеймс. – Я из кожи вон вылезу, подорву к черту побольше бошей, чтобы мы скорее вернулись домой!

– Отличный настрой, – похвалила его Конни.

Джеймс, подскакивая на кочках, последним порулил в глубь леса.

– Переждем немного, пусть отъедут хоть на несколько километров, – сказал Стефан. – Ни к чему, чтобы из леса выкатилась большая компания. Вдруг кто-то увидит. Хотите кофе?

– Да, спасибо.

Усевшись на порожек хижины, Конни смотрела, как солнце, поднявшееся уже выше деревьев, яркими пятнами ложится на землю.

– Что ж, Лаванда, давайте я расскажу, что вам предстоит дальше. – Стефан, протянув ей кружку, сел рядом и закурил. – Вам уже, наверное, сказали, что вы поступаете в распоряжение группы «Натуралист» – это самая крупная из наших организаций, она действует в Париже и пригородах.

– Да, – кивнула Конни.

– На беду, буквально на днях прошел слух, что многие из этой группы попали в гестапо, включая Проспера, ее руководителя.

– Да, меня предупредили, сказали, что вы проинструктируете меня, что делать, – ответила Конни, прихлебывая из кружки.

– Нет известий и от радиста Проспера, из чего следует, что он также может быть арестован. – Стефан бросил окурочек и раздавил его башмаком. – Три дня назад мне сообщили, что ждут вашего прибытия и будут встречать на вокзале Монпарнас, но теперь нельзя быть уверенным, кто именно встретит. – Стефан прикуривал следующую сигарету. – Время такое, что мне опасно сопровождать вас. Пока положение дел не прояснится, нам велено сидеть тихо, так что ехать вам придется одной.

– Понятно! – Конни стиснула в руках кружку, словно то был талисман, придающий уверенности.

– Поскольку сведений о вас ни в каких документах, которые могли достаться гестапо, нет, вряд ли во время поездки вы вызовете подозрения. Женщин останавливают для проверки куда реже, чем мужчин. Понимаю, это перебор, требовать такого от человека, который только что прибыл, но нам отчаянно нужен агент, которого боши не знают, а он мог бы выведать, в чем там дело. Вы готовы на это?

– Разумеется.

– Согласно договоренности, вас будут встречать на вокзале у табачного киоска. Вы должны купить пачку «Галуаз» и сразу, как бы нечаянно, уронить ее. Поднять, открыть и закурить сигарету, воспользовавшись вот этими спичками. – Стефан вытащил из кармана и подал ей коробок. – В этот момент к вам подойдут и проводят на безопасную явку.

– А если не подойдут?

– Не подойдут – значит, дело неладно. Вы хорошо знаете Париж?

– Да, я училась в Сорбонне.

– Тогда вам будет легко пройти по этому адресу, – он протянул ей листок.

– Рю де Ренн, дом двадцать один, квартира семнадцать, – прочитала Конни. – Да, я знаю этот район.

– Отлично. Подойдя к дому, вы должны пройти мимо него до конца улицы, а потом перейти на другую сторону и снова пройти. Если заметите где-то гестаповцев или стоящий поблизости грузовик, значит, явка провалена. Вы меня понимаете?

– Да. А если ничего подозрительного нет?

– Тогда поднимитесь на третий этаж, где квартира. Постучите сначала два раза, а потом три – вам должны открыть. Скажете, что курьер не явился и вас послал Стефан.

– Хорошо. – Конни запомнила адрес, бумажку с адресом Стефан у нее на глазах сжег. – А если там никого, куда мне идти?

– В квартире семнадцать дежурят круглые сутки. Если не откроют, знайте, что сеть раскрыта и кто остался, залег на дно. Значит, вступать в контакт с кем-либо из группы опасно. – Стефан вздохнул и глубоко затыкнулся. – В самом крайнем случае пойдете к моему другу. Сам он в группу не входит и к нам отношения не имеет, но его лояльность нашему делу вне всяких сомнений. Он вам поможет, я знаю. Живет он

вот по этому адресу, – Стефан вынул из кармана другой клочок, – там спросите Геро.

Конни, бросив взгляд на адрес, воскликнула:

– Это же на рю де Варенн! Там жили друзья нашей семьи!

– Значит, ваша семья вращалась в высоких кругах, – вскинул бровь Стефан. – Этот район Парижа – из самых престижных.

– А что делать, если Геро там не будет? Сдаться и поездом вернуться сюда?

– Мадам, – сурово отозвался Стефан и вдавил в землю окурок, – в таком случае придумайте выход сами. Снимите комнату в каком-нибудь пансионе неподалеку, поглядывайте в окно и ждите, когда Геро вернется. Ну все, нам пора в путь. И помните, в Париже ни в коем случае нельзя выходить на улицу после комендантского часа. Это самое опасное время.

Он понес в хижину кружки, а Конни осмотрела древние велосипеды, на которых им предстояло ехать до станции, и кое-как пристроила чемодан между корзиной и рулем.

– А кто он, этот ваш Геро? – поинтересовалась она, садясь в седло.

– У нас тут, мадам, лишних вопросов не задают. Но Геро в курсе всего, что произошло, и сумеет внедрить вас в уцелевшее подразделение подполья. Далее вашим делом будет найти способ связаться с Лондоном и как можно скорее доложить, что происходит. В том случае, если на свободе остался хотя бы один радист, – мрачно прибавил он.

До железнодорожной станции они добрались без приключений. Городок выглядел, в общем, так же, как до войны выглядели все французские городки этого края, если не считать безотрадного факта, что над мэрией висел флаг со свастикой. Стефан купил Конни билет. Она заметила, что он постоянно оглядывает платформу.

– Что ж, лучше мне вас тут оставить. До свидания, мадам! – И он по-родственному расцеловал ее в обе щеки. – Будьте на связи.

В бессчетный раз закурив, он направился к своему велосипеду, предоставив Конни одной дожидаться поезда, который прибыл ровно в одиннадцать. Бакмастер как-то пошутил: если в немецкой оккупации Франции есть что-то благотворное, так это то, что общественный транспорт стал ходить по расписанию. Конни поднялась в вагон и уложила чемодан на полку над головой. Поезд тронулся. Осмотрев

вагон, она увидела обычную разношерстную публику. В пустом желудке урчало. Она прикрыла глаза, рассчитывая, что мерный перестук колес усмирит ее измученные нервы. Но на каждой станции глаза сами собой распахивались посмотреть, кто вошел в вагон.

В Ле-Мане она сделала пересадку. В киоске на платформе удалось купить пачку залежалого печенья. Усевшись на скамью в ожидании поезда, Конни впервые увидела живьем немецкого офицера – тот стоял неподалеку, болтал с начальником станции.

Наконец к пяти часам ее поезд прибыл на вокзал Монпарнас в Париже. С толпой пассажиров Конни прошла весь перрон, собираясь с духом, вдруг потребуют документы. Она видела, что кое-кого из приезжих представители полиции останавливают, роются у них в чемоданах. У Конни сердце упало в пятки, когда она шла мимо, но представители власти не обратили на нее никакого внимания.

Возбужденная, что прошла незамеченной, Конни огляделась, ища глазами табачный киоск, у которого назначена встреча с курьером. Сквозь мельтешенье толпы – служащие возвращались с работы – увидела наконец в углу киоск и направилась к нему уверенным шагом. Как условлено, купила пачку сигарет «Галуаз». Забирая сдачу, уронила пачку на пол. Поднимая ее, пробормотала по-французски «Черт возьми!» и, распечатав, достала сигарету. Стараясь держаться естественно, вынула из кармана коробок спичек, которые дал ей Стефан, закурила, поглядывая, не выходит ли кто из толпы, не идет ли в ее сторону.

Она выкурила всю сигарету, но к ней так никто и не подошел. Потушив окурок, она бросила взгляд на часы и вздохнула, как если бы кто-то, кого она дожидалась, опаздывал. Десять минут спустя достала еще одну сигарету, зажгла ее спичкой из того же коробка и снова докурила.

После третьей сигареты Конни поняла, что никто к ней не подойдет. Значит, приступим к плану Б, сказала она себе и вышла из здания вокзала, впервые оказавшись на улицах оккупированного Парижа. До рю де Ренн было недалеко, и прогулка по городу, который она знала и очень любила, повлияла на нее благотворно. В теплый летний вечер улицы были полны народу. Можно было вообразить себе, что все по-старому, как до войны, ничего не переменялось.

Когда Конни дошла до рю де Ренн, уже смеркалось. Найдя нужный дом, настороженно выглядывая, нет ли засады, она прошла мимо него по противоположной стороне улицы. Пройдя до угла, перешла на другую сторону и снова прошла, замирая от волнения, что это гуляние с чемоданом в руках выглядит подозрительно.

Наконец на середине квартала она решительно направилась к массивной парадной двери и уверенно взялась за ручку. Дверь легко отворилась. Пройдя мраморный вестибюль, Конни стала подниматься по лестнице. Шаги гулко отзывались в пространстве высокой лестничной клетки. Помедлив на третьем этаже, она увидела номер семнадцать на двери направо и, переведя дыхание, постучала, как было велено, сначала два, потом три раза.

Никто не ответил. Поколебавшись, то ли подождать, то ли постучать снова, с бьющимся сердцем Конни решила не делать ни того, ни другого. Ей сказали сделать одну попытку, она ее сделала – и теперь умнее уносить ноги. Судя по всему, опасения Стефана, что группа залегла на дно, подтверждались. Развернувшись, она сделала шаг, чтобы сбежать по лестнице, как вдруг дверь квартиры напротив слегка приоткрылась.

– Мадам! – прошептал женский голос. – Ваших друзей нет. Их вчера забрали в гестапо. За домом наверняка наблюдают. Не идите через парадное. Там внизу есть задняя дверь, окажетесь в дворике, а из дворика через калитку тропкой, которой мусорщик пользуется, выйдете на другую улицу. Не медлите, мадам, торопитесь!

Дверь захлопнулась, а Конни, вспомнив наконец, чему ее учили, сбросила туфли, чтобы не топтать по лестнице, и со всех ног кинулась вниз. В глубине вестибюля нашла ту дверцу, про которую говорила женщина, и, молясь про себя, чтобы не попасться в ловушку, повернула ручку и оказалась в тесном внутреннем дворике. Снова надев туфли, открыла калитку, проскочила узенькой тропкой и попала на соседнюю улицу. Развернулась и поспешила подальше от рю де Ренн, принуждая себя двигаться чинно, размеренно и как ни в чем не бывало. Так закончилось ее первое столкновение с настоящей опасностью.

В полуобморочном состоянии от голода и пережитого, на добрый километр отойдя от квартиры семнадцать, Конни набрела на уличное кафе. Чувствуя, что еще вот-вот и ноги откажутся ее нести, села за

свободный столик, поставила под него чемодан. Изучила небольшое, но толковое меню и заказала *croque-monsieur*, горячий сэндвич с сыром и ветчиной. Жадно его жуя, старалась дышать поглубже, чтобы в мозгах прочистилось.

Никогда прежде она не чувствовала себя такой одинокой в этом городе, где жили миллионы людей. И хотя в их числе были ее приятели по Сорбонне и даже родня со стороны матери, все контакты с ними были строго запрещены. То, что помощь и участие, казалось бы, тут, под рукой, а не ухватишь, только усугубляло волнение. Гестапо провело аресты, и участники подполья, Стефан был прав, залегли на дно. Конни допила кофе, придя к выводу, что ей ничего не остается, как отправиться по последнему адресу. Заплатила по чеку, подхватила чемоданчик и была такова.

Вздрагивая всякий раз, как дребезжал проезжающий мимо военный грузовик, Конни пошла на север и дошла до рю де Варенн – широкого зеленого бульвара, застроенного нарядными и изящными особняками. Многие из них, тихие, темные, выглядели нежилыми, но, издали увидев нужный ей дом, она сразу поняла, что он обитаем. Из окон лился свет, и даже видно было, как в одной из комнат нижнего этажа движутся тени.

Набравшись духу, Конни пересекла улицу, поднялась по ступенькам к парадной двери и нажала кнопку звонка.

Секунды спустя дверь открыла пожилая горничная и, оглядев Конни с головы до ног, уронила высокомерное: «Да?»

– Мне нужен Геро, – прошептала ей Конни. – Я только что приехала. Пожалуйста, скажите ему, Стефан передает привет.

Выражение лица горничной стало тревожным.

– Прошу вас, мадам, входите, только тихо, а я пойду отыщу его.

– Так он дома? – с облегчением выдохнула Конни.

Горничная заколебалась.

– Да, но... Одну минуту, мадам, – и она исчезла за одной из дверей вдоль по коридору. Конни же, пока ее не было, одобрительно оглядела прекрасную старинную мебель, мраморные шашечки пола, изящный изгиб лестницы, служившей главным украшением вестибюля. Обитатели дома явно не бедствовали. В этом мире, хорошо ей известном, она чувствовала себя своей.

Минутой позже появился высокий темноволосый мужчина, одетый к обеду. Благодаря чеканным чертам лица, в нем безошибочно угадывался француз. Раскинув руки, он направился к ней.

– Добрый вечер, дорогая моя! – воскликнул он, и изумленная Конни оказалась в его объятиях. – Я вас не ждал, – прошептал он ей на ухо. – У нас гости, они могли видеть, как вы входили в парадную дверь. – И в полный голос осведомился: – Ну, как добиралась?

– Очень долго! – испуганно пискнула она.

– Вы француженка? – по-прежнему не выпуская ее из объятий, прямо в ухо прошептал он.

– Да, моя семья из Сен-Рафаэля, – прошептала она в ответ.

– Как вас зовут?

– Констанс Шапелль. Моя тетка – баронесса дю Монтень.

– Я с ней знаком, – с облегчением произнес хозяин. – Тогда, значит, вы моя двоюродная кузина, приехали погостить. Идите наверх с Сарой, поговорим позже. – И, разомкнув объятия, продолжил: – Путешествовать с юга нынче весьма утомительно, учитывая все эти проверки. Увидимся позже, когда ты придешь в себя, дорогая Констанс.

Это прозвучало как приказ, и выбора у нее не было. Он развернулся и исчез за дверью гостиной.

И, пока дверь оставалась открытой, Конни успела заметить за ней мужчин в немецкой военной форме.

Глава 11

Сара, горничная, провела ее наверх, в просторную спальню, где оставила, чтобы приготовить ей ванну, и Конни, ошеломленная, рухнула в кресло, пытаясь осознать сцену, свидетелем которой стала. Готовясь к высадке во Францию, она проигрывала в уме множество сценариев, и некоторые даже были инсценированы, в учебных целях. Однако кто мог вообразить, что свой первый вечер в оккупированном Париже она проведет, общаясь с врагом?

По коридору Сара провела ее в ванную комнату, где Конни недолгое время блаженствовала в горячей воде, после двух дней пути, когда помыться было совсем негде. Даже улыбнулась, с неохотой выбираясь из ванны и торопясь по коридору в выделенную ей спальню, тому, в каких обстоятельствах порой удается блаженствовать.

Сара, сидевшая на диванчике в ногах кровати, указала на место рядом с собой:

– Садитесь, мадам.

Конни послушно села.

– Месье Эдуард, – это он встречал вас внизу, – попросил меня поговорить с вами, прежде чем вы спуститесь к гостям. Времени у нас мало, поэтому, пожалуйста, слушайте меня очень внимательно. Во-первых, меня зовут Сара Воннэ, я много лет работаю на семью де ла Мартиньерес. Эдуард попросил меня несколько прояснить для вас обстановку.

– Спасибо, – неуверенно произнесла Конни.

– Слышу по вашему голосу, что вам страшно, мадам, и прекрасно вас понимаю. Но, поверьте, вам необыкновенно повезло, по нынешним временам, попасть в Париже в надежное место. Это при том, однако же, что ваш приезд – полная для нас неожиданность и представляет собой угрозу. Надо же, чтобы это случилось именно в тот день, когда мы принимаем... как бы это сказать... гостей! Месье граф просит нас сделать все, чтобы спасти ситуацию. Мадам, в эту ночь вы должны как можно лучше сыграть свою роль. Господин граф представит вас как свою приехавшую с юга кузину. Он сказал, у вас там родня?

– Да, у моей тетки, баронессы дю Монтень, поместье в Сен-Рафаэле.

– А у него в Гассене, неподалеку, и вполне допустимо, что дю Монтень и де ла Мартиньерес – в родстве. За ужином вы расскажете, что приехали в Париж повидаться с дорогими кузенами и сообщить им печальное известие о кончине вашего общего дяди, Альберта.

– Я поняла.

– Вести беседу предоставьте месье Эдуарду. Сами, если будут спрашивать, говорите как можно меньше. Я думаю, вы справитесь.

– Я постараюсь.

Экономка окинула ее взглядом.

– Похоже, вы носите тот же размер, что покойная мадам, матушка месье Эдуарда. Вам следует знать, что умерла она четыре года назад, перед самой войной. Надо думать, ей еще повезло... – Сара вздохнула. – Пойду принесу вам что-нибудь из ее платьев. И, если угодно, помогу с прической. Чем красивее, беззащитнее и бестолковее на вид вы будете, тем лучше для всех. Вы понимаете меня, мадам?

– Да, понимаю.

– А теперь, прошу вас, времени не теряя, займитесь собой. Надо поскорее спуститься в гостиную. А я передам месье, о чем мы тут говорили, когда он поднимется сюда за своей младшей сестрой, мадемуазель Софи, чтобы сопроводить ее вниз. Пожалуйста, не подведите нас. Очень важно, чтобы гости ничего не заподозрили. Иначе, – вздохнув, она поднялась на ноги, – иначе де ла Мартиньересам конец.

– Обещаю вам сделать все, что смогу, – выдавила из себя Конни.

– Мы будем за вас молиться.

Двадцать минут спустя Конни стояла перед закрытой дверью в гостиную. Вспомнив слова Сары, вознесла мольбу небесам, открыла дверь и сделала шаг вперед.

– Констанс! – тут же воскликнул Эдуард и, выйдя из толпы гостей, расцеловал ее в обе щеки. – Ну как, успела прийти в себя от тягот странствия? Несомненно, да. – И прибавил с искренним чувством: – Выглядишь – превосходно!

– Спасибо, – улыбнулась Конни, и сама понимая, что так хорошо, как сейчас вряд ли когда-нибудь выглядела. Сара сотворила чудо с ее волосами, слегка покрасила ее, а потом помогла надеть изумительное вечернее платье, сшитое, как отметила Конни, месье Диором. Бриллиантовые серьги и ожерелье завершили преображение.

– Пойдем, я представлю тебя моим друзьям. – Эдуард предложил ей руку, и Конни, идя по комнате, увидела перед собой море мундиров, которые ее учили различать.

– Ганс, позвольте, я представлю вас моей дорогой кузине Констанс Шапелль, которая приехала в Париж с коротким визитом, чтобы украсить наше существование. Познакомься, Констанс, это комендант Ганс Лейдингер.

Констанс почувствовала на себе оценивающий взгляд высоченного типа в мундире высокопоставленного офицера Абвера, немецкой военной разведки.

– Фройляйн Шапелль, счастлив познакомиться еще с одной очаровательной представительницей семейства де ла Мартиньерес.

– Полковник Фальк фон Вендорф. – Эдуард подвел ее к следующему гостю. Тот был в устрашающем мундире гестапо и представлял собой классического арийца. С нескрываемым интересом оглядев ее с головы до ног, он не пожал ей руку, а поднес к губам и поцеловал. Взгляд его голубых глаз пронизывал насквозь.

– И где же это кузен Эдуард вас прятал, фройляйн Шапелль? – Французский его был безупречен.

Этот вполне невинный вопрос привел Конни в трепет.

– Полковник фон Вендорф...

– Прошу вас, мы все здесь друзья, зовите меня просто Фальк – если мне позволено будет называть вас Констанс?

– Разумеется! – Конни одарила его, как она надеялась, обворожительной улыбкой. – Я живу на юге, а ездить в Париж очень уж утомительно.

– А где именно на юге живет ваша семья?

Но Эдуард уже подвел ее к офицеру в мундире СС, государственной полиции.

– Простите, – отведя взгляд от Фалька, Конни перевела внимание на коменданта Чолтитца.

– *A bientot*, фройляйн Констанс, – тихо сказал ей вслед Фальк.

Эдуард дал ей бокал шампанского и познакомил еще с тремя германскими офицерами и с каким-то чином из вишистской полиции. Кроме того, присутствовали два француза, из которых один был юрист, а второй – профессор, и супруга его Лилиан помимо Конни была пока что единственной дамой среди гостей. Нервно глотнув шампанского,

Конни взмолилась, чтобы хозяину хватило благоразумия за столом усадить ее между соотечественниками.

– Дамы и господа, прошу всех в столовую, а я пойду за сестрой, – сказал Эдуард, направляясь к выходу из гостиной.

Устроившись между французом-профессором и его женой, Конни прошла в столовую. Сара указала ей ее место, и она села, переведя дух, что соседи ее – французы, профессор и юрист. Последний стоял, держась за спинку стула, и совсем уж было вознамерился сесть, как вдруг Сара перехватила его, прошептала ему что-то на ухо, и юрист моментально перешел по другую сторону стола, – а Конни обнаружила у себя под боком гестаповца Фалька фон Вендорфа.

– Фройляйн Констанс, надеюсь, вы не против, что я попросил посадить меня рядом с вами, – с улыбкой произнес он. – Не так часто мне выпадает удовольствие иметь в застолье столь прекрасную компаньонку. Давайте выпьем шампанского, – и он сделал знак лакею, который заторопился с бутылкой.

Между тем в столовую вошел Эдуард, ведя под руку юную красавицу. Это была Софи, его сестра. Крошечная, прелестная, своим неправдоподобным совершенством она напоминала фарфоровую куклу. Темно-синее вечернее платье подчеркивало безупречную белизну кожи и яркую синеву глаз. Светлые волосы, собранные в пучок, открывали лебединую шею, украшенную колье из сапфиров.

Эдуард подвел сестру к столу, и Конни обратила внимание, как та, вытянув руку, проводит пальчиками по спинке своего стула.

Усевшись, она улыбнулась сразу всем и никому в отдельности:

– Добрый вечер, господа. Рада снова приветствовать вас в нашем доме. – Голос у нее был низкий, музыкальный, а речь – настоящей французской аристократки. – И кухня Констанс... Эдуард сказал мне, что ты благополучно до нас добралась, – говоря это, Софи не обратила на Конни взгляд своих синих глаз.

– Это так, и я очень рада нашей встрече, – мягко отозвалась та.

Софи повернулась на звук голоса, перевела на Конни свой чистый, пустой взгляд и ослепительно улыбнулась:

– И, конечно же, нам о стольком нужно поговорить!

Тут ей что-то сказал сосед, а она ответила, глядя при этом поверх голов, и Конни наконец поняла: Софи де ла Мартиньерес – слепа.

Эдуард, окинув стол взглядом, отметил перестановку, в результате которой Фальк фон Вендорф оказался бок о бок с Конни, и занял место напротив Констанс, в окружении немцев.

– Прежде всего – тост! Причина сегодняшнего торжества – день рождения нашего друга Фалька фон Вендорфа, которому стукнуло тридцать пять лет. – В свете свечей блеснул хрусталь дружно поднятых бокалов. – За вас, Фальк!

– За Фалька! – раздался хор голосов.

Герой дня отвесил шутливый поклон.

– И за нашего хозяина, графа Эдуарда де ла Мартиньереса, который устроил нам это торжество. Не говоря уже о том, – Фальк покосился на Конни, – что он сделал мне неожиданный подарок. За фройляйн Констанс, которая прибыла к нам сегодня с юга – и на редкость вовремя!

Конни замерла, улыбаясь, в то время как взгляды участников застолья обратились к ней. Кто бы мог представить, мелькнуло у нее в голове, что немецкие офицеры будут пить за мое прибытие в Париж! Она пригубила шампанского, осторожно, зная, что надо сохранять здравомыслие. И тут, на удачу, лакей внес первое блюдо, и внимание присутствующих переключилось на еду.

В будущем, когда Конни вспоминала свой первый вечер в оккупированном Париже, она думала, что свыше ей явно помогали. Профессор, который сидел слева от нее, преподавал в Сорбонне, так что ей представился повод рассказать о своей учебе. Это подтвердило ее легенду, и не раз, ловко обходя расспросы Фалька с помощью улыбки и взмаха ресниц, она ловила на себе одобрительный взгляд Эдуарда.

В завершение вечера, когда гости наконец принялись расходиться, Фальк снова поцеловал ее руку.

– Фройляйн, сегодня вечером ваша компания доставила мне неизъяснимое удовольствие. Я понял, что вы не только красивы, но и умны. А мне, – поклонился он, – мне нравятся умные женщины. Надолго ли вы в Париже?

– Я еще не решила, – честно ответила она.

– Констанс прогостит у нас столько, сколько ей будет угодно, – пришел ей на помощь Эдуард, провожавший у двери гостей.

– В таком случае я надеюсь, что вы подарите мне новые встречи. И в самом ближайшем времени. *Heil Hitler!*

Еще раз окинув ее взглядом ледяных глаз, Фальк за другими гостями вышел на улицу. Эдуард закрыл за ним дверь и запер ее на засов.

Испытание завершено. Конни почувствовала себя совершенно без сил. Ноги перестали держать ее, она пошатнулась и упала бы, не подхвати ее Эдуард.

– Бедняжка Констанс, – произнес он, приобняв ее за плечи и помогая идти, – вы безумно устали. Давайте-ка выпьем коньяку на ночь.

Он сделал знак Саре, маячившей в коридоре.

– Принесите поднос в гостиную, пожалуйста.

Конни в полном изнеможении рухнула на диван. Сара вошла с подносом. Пока она расставляла пузатые рюмки и разливала коньяк, Эдуард поглядывал на Конни. Как только Сара вышла из гостиной, он поднял рюмку:

– Примите мои поздравления, Констанс. Вы справились с честью. – И впервые за весь вечер улыбнулся не светски, а как полагается, сердечно. Его красивое лицо оживилось.

– Спасибо, – пробормотала она, собираясь с силами, чтобы донести рюмку до губ.

– Пожалуй, лучшее, что я могу сказать, это – добро пожаловать в нашу семью! – Эдуард снова улыбнулся.

Оба чуть слышно посмеялись. И по мере того как спадало чудовищное напряжение этого вечера, они смеялись все больше, до слез, над катастрофой, которая отступила.

– Ах, Констанс, вы и представить себе не можете, что я пережил, когда увидел вас на пороге! Все пропало, подумал я. Полный дом немцев, чины из полиции, гестапо, Абвера, – и извольте, явление третье, агент подполья с визитом!

– А я? Да я чуть не хлопнулась в обморок, когда увидела их мундиры в гостиной! – Конни потрясла головой.

– Вот что, дорогая моя, давайте-ка мы потолкуем об этом завтра, – сказал Эдуард. – А сейчас я могу только еще раз, причем самым сердечным образом, поблагодарить вас. Вы достойно приняли вызов и показали себя превосходной актрисой. Спору нет, сегодня нам помогли

свыше. И, безусловно, ваше воспитание нас выручило, никто не усомнился, что вы из нашей семьи.

– На курсах подготовки, – с улыбкой сказала Конни, – меня все время пугали, что и мой французский, и мои манеры непременно сразу же выдадут во мне представительницу буржуазии. Простой парижской учительнице, говорили мне, все эти изыски не подобают, – и я изо всех сил старалась от них избавиться...

– Что ж, сегодня эти изыски нас спасли. И, похоже, дорогая моя, вы обзавелись воздыхателем, – с некоторой суровостью заметил Эдуард. – Это один из немногих известных мне нацистов, кто сам из аристократов. Однако не позволяйте себя убаюкать льстивыми речами. Держите ухо востро. Фальк фон Вендорф принадлежит к самым опасным типам из тех, кто правит сейчас Парижем. Когда дело касается выявления противников нацистского режима, жалости он не знает. Это на нем ответственность за аресты многих из тех, кто входил в группу «Натуралист», которую вы должны пополнить.

У Конни мороз пробежал по спине.

– Мда... – мрачно уронила она. – Видно, что он образован и любит Францию.

– Он в восторге от нашей истории, культуры и элегантности, но жаждет прибрать это к рукам – для себя и своей страны, что делает его еще более опасным. И он, как мы оба сегодня видели, – Эдуард иронически вскинул бровь, – в восторге от наших женщин. И если он возжелает вас... впрочем, об этом мы поговорим завтра. – Эдуард, поставив рюмку на стол, поднялся и подошел к Конни. – На сегодня достаточно будет того, что у нас вы тут в полной безопасности и можете спать спокойно. – С этим он предложил ей руку. – Отправимся отдыхать?

– Да, – Конни подавила зевок. Они прошли по коридору, поднялись по лестнице.

– Доброй ночи, кузина Констанс, – с улыбкой сказал Эдуард.

– Доброй ночи, кузен.

Сбросив с себя одежду и драгоценности, Конни легла в просторную, удобную кровать. Блаженная волна усталости накрыла ее, и она провалилась в сон.

А наутро распахнула глаза и поначалу не поняла, где она, – но, вспомнив свои вчерашние приключения, со вздохом откинулась на

мягкие подушки. Взглянув на часики, увидела, что минуло уже десять, и схватилась за голову. В жизни своей она не спала так долго. Соскочив с кровати, открыла чемоданчик, достала оттуда незатейливые юбку и блузку, выданные Сектором «Ф», которые сочли такую одежду подходящей для скромной учительницы. Быстренько причесавшись, спустилась вниз в поисках Эдуарда или Софи. В вестибюле ее перехватила Сара.

– Граф у себя в библиотеке, мадам. Он просил пригласить вас туда, когда вы проснетесь. Принести вам завтрак?

– Только кофе, прошу вас, – ответила Конни. После вчерашнего ужина она еще не успела проголодаться. Проблем с продуктами в этом доме, похоже, не было. Вслед за Сарой она подошла к дверям библиотеки, постучалась, вошла.

Эдуард, сидя в кожаном кресле, читал газету. При ее приближении он поднял на нее глаза.

– Доброе утро, Констанс. Садитесь, прошу вас, – и указал на кресло по другую сторону камина.

– Благодарю. У вас прекрасная библиотека, – заметила Конни, окинув восхищенным взглядом книжные полки с полу до потолка.

– Наследие предков и моя страсть. Если удастся, надеюсь его пополнить. Учítывая, сколько книг сожгли нацисты по всей Европе, ценность этого собрания утроилась.

В утреннем свете граф де ла Мартиньерес смотрелся усталым и даже подавленным, ни следа вчерашней живости, а на лице его проявились мелкие морщинки, отчего Конни решила, что ему за тридцать.

– Итак, Констанс, я бы просил вас во всех подробностях пересказать мне всю цепь событий, которая привела вас вчера на мой порог.

И Конни поведала, как курьер, которого она ждала на вокзале Монпарнас, не явился, и как она отправилась на рю де Ренн по адресу, который как раз на этот случай сообщил ей Стефан.

– Как вы думаете, кто-нибудь видел, как вы входили туда? – В глазах Эдуарда застыла тревога.

– Я очень тщательно все проверила, как Стефан меня научил, и поблизости в военной форме не было ни единого человека. Когда на мой стук в дверь не ответили, я собралась уходить. И тут

приоткрылась дверь соседней квартиры, и женщина прошептала в щель, что на квартиру семнадцать был налет гестапо, что ее обитатели арестованы. Она подсказала мне, как уйти через черный ход.

– Как вы думаете, она видела ваше лицо?

– Если да, всего несколько секунд, не больше.

– В таком случае остается уповать, что она достойна доверия, – вздохнул Эдуард. – Что ж, Констанс, судьба пока что явно к вам благосклонна. Квартира семнадцать в группе «Натуралист» была самой надежной явкой. Соседка сказала правду, в ночь, перед тем как вы там появились, гестапо организовало налет. Всех арестовали и, разумеется, продолжают наблюдать за квартирой. Всех, кто проявляет к ней интерес, хватают, надеясь поймать тех, кто не успел узнать про провал. Нет сомнений, что засада была и они вас просто пропустили. Может быть, потому – он покачал головой, – что лицо у вас свежее, а может, решили, что вы пришли к кому-то из жильцов в другую квартиру...

– Стефан сказал, он одну меня и может послать в Париж, потому что и лицо не примелькалось, и ни в каких списках я числиться не могу.

– Он был прав. – Эдуард в задумчивости потер подбородок. Сара меж тем сервировала для них обоим кофе с печеньем. – Должен сказать, вам повезло, что встречал вас именно Стефан. Он человек опытный. Мы с ним знакомы по другим каналам, вне связи с подпольем. Мой адрес он дал вам на крайний случай. Проблема состоит в том...

– Да? – Конни никак не могла понять, каким образом Эдуард включен в схему Сопротивления.

– В том, что с учетом моего... – Эдуард помялся в поисках нужного слова, – положения всякий намек на мою причастность к иностранной разведке или к Сопротивлению должен быть абсолютно, категорически исключен. Даже сказать вам не могу, до какой степени это важно. И вот, извольте, то самое звено, в поисках которого рыщет гестапо, – агент британской разведки – сидит в моей библиотеке и пьет кофе!

– Честное слово, Эдуард, мне страшно жаль, что я стала причиной стольких беспокойств!

– Дорогая моя, никто вас не винит! Стефану необходимо было послать кого-то в Париж и выяснить, как далеко зашла ситуация. А ситуация эта, смею вас заверить, куда хуже, чем он опасается...

– Стефан поручил мне как можно скорее сообщить в Лондон о том, что тут происходит.

– В этом уже нет нужды. На британское правительство я не работаю, но знаком с теми, кто занимает высокие посты в разведке, и связь мы поддерживаем. О сложившейся ситуации я успел сообщить в Лондон утром. Стефан скоро получит известие. И Проспер, который руководил группой, и его радист, – оба они под арестом. Участники группы, кто смог, либо уехали из Парижа, либо залегли на дно, до дальнейших распоряжений. Иными словами, моя дорогая Констанс, здесь просто не осталось той группы, к которой вы могли бы присоединиться.

– Вот как? А может быть, перебросить меня в другую группу?

– В обычных обстоятельствах, да, разумеется, следовало бы. Однако так уж случилось, что вчера вы познакомились кое с кем из весьма влиятельных немцев. – Эдуард, поставив чашку на стол, наклонился поближе к Конни. – Только вообразите себе, Констанс: вас переслали в другую сеть, вы успешно начали ту работу, для которой вас готовили, и вдруг – ап! – вы арестованы, вас допрашивают в застенках гестапо. И тут еще одно совпадение: один из тех, с кем вы вчера познакомились, скажем, полковник фон Вендорф, входит, чтобы вас допросить. И кого же он видит привязанной к стулу? Констанс, кузину дорогого друга графа де ла Мартиньереса, в доме которого он с ней встречался! И что он, по-вашему, станет думать? Что его дорогой друг Эдуард не знал об умонастроениях родственницы? Нет, как минимум он начнет присматриваться и к графу, и к тем французам, которые собираются у него за столом, и, надо полагать, вскоре задастся вопросом, в самом ли деле они искренни и лояльны к немецкой оккупации и вишистскому режиму или только делают вид, что лояльны?

– Да, я все понимаю, но где же выход? И на кого вы работаете, Эдуард?

– Этого знать не надо, – поспешно ответил он. – Действительно, Констанс, поверьте: лучше не знать. Скажу лишь одно. Все, чем я занимаюсь, целью своей имеет освобождение моей страны от нацистов

и от марионеток Виши, людей безвольных, которые, чтобы спасти свои шкуры, идут на все, что приказывают им немцы. Четыре года я потратил на то, чтобы войти к ним в доверие. Мое состояние, вкупе с их жадностью, сделало это возможным. И прошу вас не забывать о том, чего мне это стоит, Констанс. Каждый раз, когда кто-то из них переступает мой порог, я сгораю от желания схватиться за пистолет.

Эдуард стиснул руки так, что побелели костяшки пальцев.

– И что же я делаю взамен? Приглашаю их за свой стол, угощаю лучшим вином из моих подвалов, на черном рынке покупаю лучшее мясо и лучший сыр, веду с ними светские беседы. Вы спросите, как это может быть? Как я терплю это?

Конни молчала, понимая, что эти вопросы задаются не для того, чтобы она на них отвечала.

– А терплю я это ради того, чтобы порой, когда коньяк развязывает языки, пьяный немец невзначай обронил слово-другое. И порой это слово позволяет мне предупредить тех, кто в опасности, и, возможно, спасти жизнь людям. И вот ради этого – да, я готов терпеть их за моим столом.

Конни кивнула, ни слова не говоря.

– Именно потому – вы, конечно же, не можете этого не понимать – ни звука не должно просочиться за эти стены относительно моих связей с организацией, которую нацисты так отчаянно хотят прихлопнуть. Малейший подобного рода намек поставит под угрозу передачу сведений, насущно необходимых организаторам Сопротивления, и, хуже того, приведет к гибели тех беззаветно смелых людей, что сотрудничают со мной... Я боюсь не за свою жизнь, Констанс, а за жизнь тех, за кого я в ответе, – за Софи, к примеру. Живя со мной под одной крышей, она не может не принимать участия в том обмане, в который я вовлечен. И это делает ее уязвимой... Боюсь, – Эдуард поднялся и подошел к окну, за которым купался в утреннем солнце зеленый ухоженный сад, – что ввиду этого карьеру британского агента вы продолжить не сможете.

Смысл сказанного не сразу дошел до Конни. Как, неужели вся ее диверсионная подготовка, все эти физические нагрузки, умственные усилия и, главное, напряжение чувств – все зря?!

– Понятно. И как вы намерены со мной поступить? – спросила она, сама понимая, что вопрос прозвучал жалко.

– Весьма уместный вопрос, Констанс. Я уже сообщил в Лондон, что вы здесь, со мной. И порекомендовал немедленно уничтожить все сведения о вашей отправке в Париж. Всех, кто во Франции знает о ней – их, на удачу, не так много, – известят, что всяческие контакты с вами отныне им запрещены. Принесите мне ваши документы, мы их сейчас же сожжем в камине. Захватите также и чемодан, от него мы тоже избавимся. Новые бумаги для вас готовят. Отныне вы просто Констанс Шапелль, проживающая в Сен-Рафаэле, – в точности как вас знают те, кто уже знаком с моей кухней Констанс.

– И что будет? Меня отошлют домой, в Англию?

– Пока нет, это слишком опасно, – Эдуард взглянул на нее с мрачной улыбкой. – Нельзя допустить, чтобы вас схватили. Боюсь, в ближайшее время вам придется играть роль в соответствии с той легендой, которую мы вчера огласили. Погостите у нас. Будем надеяться, что впоследствии удастся отправить вас на юг, как будто вы возвращаетесь домой, в Сен-Рафаэль, и уже оттуда перебросить вас в Англию. Но сейчас – и вашей вины в том нет – вы поневоле наша пленница.

– И Лондон согласился на это? – недоверчиво спросила она.

– Разве у них есть выбор? – отмахнулся Эдуард, сочтя этот вопрос несущественным, и повернулся к ней. – Поверьте, Констанс, я очень хорошо понимаю то, что вы сейчас чувствуете. Понимаю и ваше горячее стремление помочь своей стране, и горькое разочарование из-за того, что выполнение задания сорвалось. Но, скажу я вам, вы жертвуете своей карьерой ради дела достойного и благородного. Не говоря уже о том, – он повел плечами, – что найдутся и другие способы быть полезной. Вчера вы, красивая женщина, произвели прекрасное впечатление на очень влиятельных мужчин. Фальк приходит к нам постоянно. Кто знает, вдруг он вам что-то сболтнет... – При одной мысли о беседах с Фальком Конни передернуло, но она очень хорошо понимала, что Эдуард имеет в виду. – Ну что же, Софи вызвала сюда свою портниху, та скоро прибудет. Вам нужен гардероб, достойный аристократки из рода де Монтень и де ла Мартиньерес. Да и Софи рада, что в доме появится еще одна женщина. Она редко выходит, ей одиноко, из-за ее... состояния. И еще, она скучает по матери. Могу я попросить вас уделить ей часть вашего времени?

– Конечно же, о чем речь... Скажите, это с ней от рождения?

– Нет, родилась она зрячей, и родители поначалу не заметили ничего странного. Однако зрение мало-помалу сдавало, и когда стала очевидна вся серьезность проблемы, врачи поделаться уже ничего не могли. Софи, впрочем, приноровилась. Она умеет писать, научилась еще до того, как совсем ослепла. И пишет стихи. Чудесные! – искренне восхитился Эдуард.

– Сколько ей было, когда она полностью утратила зрение?

– Семь лет. И поразительно, как обострились при этом, словно бы в возмещение, все другие ее чувства. Слух самый острый, и она по звуку шагов скажет вам, кто вошел в комнату. Она много читает, я заказываю книги, напечатанные шрифтом Брайля, и из этой библиотеки, и из Гассена. Особую страсть она питает к английским романтикам, таким как Байрон и Китс. И рисует! Представляете, ощупает предмет, а потом ухитряется передать на бумаге его форму и цвет. – Эдуард улыбнулся. – Очень талантлива... Она самое дорогое, что у меня есть.

– И красива необыкновенно.

– Да. Печально, правда, что Софи не может увидеть себя в зеркале! Представления не имеет, как хороша. Мужчины, увидев ее впервые, когда они еще не знают о ее увечье... в общем, я видел, какой эффект она на них производит. Она – чудо.

– Да, так и есть...

– А сейчас, – совсем другим тоном произнес Эдуард, – сделайте одолжение, сходите наверх за документами и чемоданом. Мне не по себе оттого, что они еще в доме. – Это была не просьба – приказ. Конни послушно принесла все, с чем вошла в этот дом, и десять минут спустя наблюдала, как догорают в камине ее бумаги. Эдуард же, вытряхнув содержимое чемодана в мешок, указал на ее туфли.

– Обувь тоже, Констанс. Мы оба знаем, что спрятано в каблуке.

– Но других туфель у меня нет!

– Очень скоро появятся.

Пришлось Конни отдать ему туфли. Стоя в одних чулках на ковре, она ощутила в себе бесконечную уязвимость. Кроме одежды, надетой на ней, не осталось ни одной вещи, какую она могла бы назвать своей.

Эдуард так, словно делал это неоднократно, вспорол подкладку на крышке ее чемодана и вытащил спрятанные там франки. Деньги он протянул ей:

– Оставьте это себе, в компенсацию за те испытания, которые вы претерпели, трудясь на благо Франции и Британии. Мы с Софи позаботимся, чтобы, пока вы с нами, в материальном смысле вы ни в чем не нуждались. И разумеется, все будет самого лучшего качества. Софи ждет вас наверху, чтобы познакомить с портнихой. Еще одно... – Эдуард, стоя у дверей, помолчал. – Вряд ли кто-то попытается войти с вами в контакт. Крайне мало кому из вашей организации известно, что вы находитесь здесь. Но в том случае, если кто-то узнает, где вы живете, и попытается с вами связаться, вы не вправе, я подчеркиваю, не вправе идти на контакт. Вы хорошо меня понимаете?

– Да.

– Иначе, – Эдуард строго посмотрел ей в глаза, – иначе все наши труды пойдут прахом, и вы поставите под угрозу жизнь многих и многих людей.

– Я все поняла.

– Вот и отлично. А теперь идите к Софи.

Глава 12

Месяц минул с тех пор, как Констанс вошла под кров графа де ла Мартиньереса. Ей пошили дорогую одежду на все случаи жизни, купили обувь из кожи – подобного качества она не носила со времен начала войны, шелковые чулки. Конни лишь головой качала на горькую иронию ситуации. Она живет как принцесса в доме, где полный достаток, где много слуг. И все-таки внешняя роскошь, в обстановке которой ей приходилось существовать, ничуть не приглушала сознания того, что она здесь не более чем пленница. Лежа по ночам в удобной кровати, она мало того что тосковала по Лоуренсу так, что заходило сердце, но еще и терзалась мыслями о своих соратниках, тех, кто готовился с ней к диверсионной работе и теперь выполнял задания, подвергался опасностям и терпел лишения, о масштабе которых можно было только догадываться. Ее мучило чувство вины. В золоченой клетке, отрезанная от внешнего мира, Конни боялась сойти с ума.

Спасением ей была Софи, и скоро Конни от души ее полюбила. С пронизательностью, обостренной недугом, по одному слову та сразу могла сказать, что Конни в печали. Софи, ровеснице Конни (обеим было по двадцать пять), хотелось побольше узнать о том, как устроена жизнь в Англии. Сама она, по понятным причинам, никогда не покидала Франции. И Конни, сидя в пятнистой тени каштанов на послеполуденной июльской жаре, описывала блеклые, но величественные пространства поросших вереском пустошей, посреди которых стоял Блэкмур-Холл, родовой дом ее мужа. Такие разговоры утешали и в равной мере причиняли боль, но зато помогали поддерживать в памяти живой образ мужа.

Как-то, когда они, любуясь закатом, сидели на террасе, Конни поделилась с Софи тем, как тоскует по Лоуренсу. Софи, само понимание, расспросила Конни о нем подробнее и выразила уверенность, что все кончится хорошо. Однако вечером Конни вдруг впала в панику. Она слишком раскрылась; в конце концов, кто знает, вдруг де ла Мартиньересы держат ее на случай, если понадобится откупиться от нацистов? Ах, но ведь должна же она хоть кому-то верить...

Два дня спустя в дом незвано явился полковник Фальк фон Вендорф. Конни сидела с Софи в библиотеке. Вошла Сара и сообщила:

– К вам гость, мадам Констанс.

Конни, разведя руками, с бьющимся сердцем пошла в гостиную, где уже ждал Фальк.

– Фройляйн Констанс! Неужели? С того раза, как мы в последний раз виделись, вы стали еще прекрасней! – С этими словами он склонился к ее руке.

– Благодарю вас, полковник, я...

– Прошу вас! – перебил ее Фальк. – Мы же договорились обращаться друг к другу по имени. А я, знаете ли, шел себе мимо и вдруг подумал, зайду-ка я проведать прелестную кухню Эдуарда, взгляну, к лицу ли ей Париж. И теперь сам вижу – да, очень к лицу!

– Пожалуй, после провинциальной жизни перемена и впрямь к лучшему, – сухо отозвалась Конни.

– И вот что еще я подумал, – он сделал паузу, – как вы посмотрите на то, что я закончу свои сегодняшние дела, а потом зайду за вами и мы поедем в клуб, поужинать и потанцевать?

Конни охватила дрожь.

– Я... – начала она было, но в этот момент, видимо, оповещенный Сарой, в комнату вошел Эдуард.

– Фальк! Какой приятный сюрприз!

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Я как раз выражал надежду, что ваша прелестная кухня будет настолько добра, что составит мне сегодня компанию.

– Увы, мы приглашены на ужин нашим общим кузенком. Он живет недалеко от Версаля. – Эдуард с ласковой улыбкой взглянул на Конни. – Дорогая моя, ты слишком долго не приезжала в Париж. На тебя такой спрос! Все хотят тебя видеть. Но, может быть, в другой раз ты сможешь принять любезное предложение нашего друга Фалька?

– Почту за честь, герр Фальк, – выдавила Конни улыбку.

– Помилуйте, фройляйн, это вы окажете мне честь! Что ж, Эдуард, в другой так в другой! – Фальк прищелкнул каблуками (на взгляд Конни, это выглядело дурной пародией на старые выпуски кинохроники), вскинул руку: – *Heil Hitler!* – и направился к выходу.

– В субботу мы в опере. Не присоединитесь? – спросил Эдуард, провожая гостя к дверям.

– У вас ложа? – Фальк покосился на Конни.

– Да. Так как?

– С удовольствием приму ваше приглашение. До встречи, фройляйн Констанс.

Когда дверь за ним наконец закрылась, Конни без сил рухнула в кресло.

– Как это ни печально, Констанс, – прокомментировал Эдуард, – наши опасения подтвердились: полковник явно равнодушен к моей прекрасной кухне. – Он взял ее руки в свои. – Я пригласил его в оперу, потому что там по крайней мере смогу быть рядом.

– О Эдуард, – Конни беспомощно потрясла головой.

– Знаю, моя дорогая, – он похлопал ее по руке. – Положение весьма неприятное. Жаль, что мы сразу не выдумали тебе жениха, который ждет не дождется на юге. А теперь уже поздно.

Площадь перед Оперой гудела от голосов нарядной толпы, состоявшей из высокопоставленных немцев, представителей правительства Виши и состоятельных парижан. Французская полиция кольцом держала строй у парадного входа. Стояла удушающая июльская жара. Конни, затянутая в тесный лиф изумрудно-зеленого вечернего платья, чувствовала себя как цыпленок в духовке. Настроения не прибавляло и то, что над зданием Гранд-опера поникли от жары не французские триколоры, а флаги со свастикой. Она прикрыла глаза, чтобы не видеть их. И хотя суть происходящего сводилась к тому, что жизнь продолжается, нормальная повседневная жизнь – конечно же, это была не прежняя привычная жизнь, а жалкая подделка.

Эдуард без устали здоровался, а Конни, держа Софи под руку, вела ее по величественной лестнице.

– Я многого жду от этого вечера, – с улыбкой проговорила Софи, обратив свое прекрасное лицо к Конни, когда та усаживала ее в удобное, обитое бархатом кресло. – Если не считать того, что лучше бы это был не Вагнер. – Она сморщила носик. – Что тут скажешь, кто правит, тот и заказывает музыку. Что до меня, я предпочла бы Пуччини.

Тут в ложу вошел Фальк, как обычно, поцеловал Конни руку и раздел ее взглядом.

– Фройляйн Констанс! Какое изысканное на вас платье! Да, элегантнее французенок на свете дам нет! Как бы я хотел, чтобы мои соотечественницы переняли французский шик.

Он взял с предложенного ему подноса бокал шампанского, и дверь снова открылась, впустив Эдуарда, а следом – точное подобие Фалька. Конни замерла в изумлении, глядя на двойника так, что Фальк довольно расхохотался.

– Что, фройляйн, думаете, двоится в глазах? Уверяю вас, это не потому, что вы выпили слишком много шампанского. Позвольте представить вам моего брата, полковника Фредерика фон Вендорфа. Мы близнецы.

– Мадемуазель, счастлив с вами познакомиться, – Фредерик, сделав шаг к Конни, вежливо пожал ей руку. Теперь, когда он стоял рядом с братом, было видно, что хотя они одного роста и телосложения, взгляд и улыбка Фредерика отличаются теплотой, совершенно несвойственной Фальку.

– А это, – вступил Эдуард, – моя сестра Софи.

Фредерик повернулся к Софи, увидел ее и открыл было рот, чтобы заговорить, но не смог вымолвить ни слова. Он застыл как замороженный. Долгую паузу прервала сама Софи. Протянув ему руку, она сказала:

– Полковник фон Вендорф, я очень рада.

И, на глазах у Конни, их пальцы впервые соприкоснулись. Фредерик, по-прежнему молча, бережно и непозволительно долго держал в руке крошечную ручку Софи, прежде чем вымолвил: «И я рад, мадемуазель». С неохотой он выпустил ее руку, а Софи расцвела так, как будто только что случилось что-то чудесное. К счастью, внимание Эдуарда в этот момент отвлеклось на новых гостей, а Фальк просто не отрывал глаз от Конни.

– Итак, кто же из вас старший? – спросила она, чтобы разрядить напряжение.

– Увы, не я, – отвечал Фальк, – поскольку явился на свет часом позже. И с большим трудом, кстати, поскольку мой старший братец, похоже, отнял у матери все силы! – И Фальк бросил на того взгляд, не оставлявший сомнения в том, что особой любви между братьями нет. – Что, скажешь, не так, Фредерик?

– Прости, брат, не слышал, что ты сказал. – Фредерик, с трудом оторвав взгляд от Софи, повернулся к Фальку.

– Да ничего важного. Только то, что из нас двоих ты явился на свет первым. И с тех пор во многом другом успел меня опередить. – И Фальк засмеялся так, словно это была колкая шутка, но веселья в его глазах не было.

– Ты никогда мне этого не простишь, верно? – беззлобно улыбнулся Фредерик, хлопнув брата по плечу.

– Как давно вы в Париже, Фредерик? – поинтересовалась Софи. – Удивительно, что мы не встретились раньше!

– Мой братец охотится только за крупной дичью, – вмешался Фальк. – Он советник самого фюрера и скорее интеллигент, чем солдат. Наш Фредерик витает в сферах гораздо более высоких, чем мы, простые смертные, служащие в гестапо.

– Меня прислали в Париж эмиссаром, это так, – ответил Фредерик. – Фюрер обеспокоен тем, что Сопротивление все более успешно организует акции саботажа.

– Иначе говоря, он здесь потому, что наверху считают: мы в гестапо со своими обязанностями не справляемся.

– Конечно, это не так, Фальк, – перебил его брат. – Просто противник умен, хорошо организован и слишком часто обходит нас по кривой.

– Да, но разве мы только что не провели самую успешную из облав? Сеть «Натуралист» развалена и опасности больше не представляет.

– С чем я тебя и поздравляю, – кивнул Фредерик. – Подчеркну: я здесь для того, чтобы получить развернутое представление о ситуации и подумать над тем, как улучшить работу.

Конни прислушивалась к этому разговору, стараясь оставаться невозмутимой. Но вскоре свет в зале приглушили, и все расселись по местам. Фредерик торопливо занял кресло рядом с Софи. Конни оказалась между двумя братьями.

– Вы любите Вагнера, фройляйн Констанс? – спросил Фальк, допивая шампанское и возвращая бокал на поднос.

– Я не так хорошо знакома с творчеством этого композитора, чтобы судить. Надеюсь, сегодня я узнаю его лучше, – дипломатично ответила Конни.

– А я надеюсь, что вы, фройляйн Софи и Эдуард поужинаете с нами после спектакля, – подхватил Фальк. – Я чувствую своим долгом показать брату лучшее, что есть в Париже.

От необходимости отвечать на это Конни была избавлена, поскольку зазвучала бравурная увертюра к «Валькирии». Вагнера Конни недолюбливала, находя слишком тяжеловесными и музыку, и сюжеты, и потому большую часть спектакля провела, незаметно разглядывая публику. Ей было очень не по себе от того, что в публичном месте она находится в компании немцев, но что тут было поделаться? Если, как настаивал Эдуард, они действуют в интересах высокого дела, значит, надо проглотить свое отвращение и безропотно вынести то, что рука Фалька касалась ее покрытого шелком колена.

Глянув исподтишка, Конни отметила на лице Фредерика выражение самозабвенного блаженства. Надо же, как на него действует Вагнер, подумала она и только потом осознала, что взгляд его направлен отнюдь не вниз, на сцену, а на Софи.

После представления, которое показалось утомительно долгим, Эдуард принял приглашение братьев поужинать вместе в клубе. Усаживая девушек на заднее сиденье машины, он почувствовал, как сзади что-то ударило об его шею.

– *Traotre!* Предатель! – выкрикнул голос из глубины толпы, и машину принялись обстреливать тухлыми яйцами. Шофер торопливо захлопнул дверь. Машина выехала на проезжую часть, а сзади раздались выстрелы. Эдуард со вздохом достал носовой платок и попытался стереть вонючее содержимое яйца со своего черного смокинга.

Софи с застылым от страха лицом приникла к его плечу.

– Свиньи! – рявкнул Фальк с переднего сиденья. – Будьте спокойны, мы поймаем этих негодяев, и я завтра лично их допрошу!

– Право, Фальк, не стоит поднимать шум, – поторопился возразить Эдуард. – Подумаешь, несколько яиц, не пули же. Просто оскорбленный патриот, которому еще не открылся свет истины.

– Так пусть скорее откроется, всем будет лучше, – парировал Фальк.

Когда они прибыли в клуб, Эдуард, извинившись, отправился в туалетную комнату отмываться, а Фредерик бережно повел Софи вверх по ступенькам.

– У вас рука дрожит, – тихо сказал он ей.

– Понимаете, я не выношу насилия, – Софи вздрогнула.

– Многие из нас вполне разделяют ваше отвращение, – ответил он, ведя ее под руку и лавируя в толпе, чтобы подойти к столику. А усаживая, деликатно, кончиками пальцев коснулся ее плеч и проговорил на ухо: – Не тревожьтесь, мадемуазель Софи, со мной вы будете всегда в безопасности.

Конни танцевала с Фальком, и тот водил руками по ее спине. Всякий раз когда его пальцы касались ее голой кожи, Конни сжималась от отвращения. Эти пальцы, как она знала от Эдуарда, с легкостью ложились на холодный металл спускового крючка, чтобы прямой наводкой выстрелить в человека. Зловонное, пропитанное алкоголем дыхание Фалька обжигало ей щеку, и к тому же он то и дело норовил перехватить ее губы.

– Констанс, вы не можете не осознавать, как сжигает меня желание! Прошу вас, скажите, что будете моей! – бубнил он. Конни, с застывшей улыбкой, цепенела от неприязни, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не выказать этого. Этот человек был отвратителен ей – и, в общем, то, что он немец, особого значения не имело. Будь он какой угодно национальности, он все равно был бы ей противен... Оглядевшись, она увидела, что с немцами танцует довольно много француженок, хотя одеты они, конечно, были не так элегантно, как она. Судя по виду, кое-кто из них – обычные проститутки. Но, если не говорить об одежде, чем, собственно, она от них отличается?..

В другом углу зала танцевали Софи и Фредерик. Впрочем, назвать это танцем можно было только с натяжкой. Они едва двигались. Держа ее руки в своих, Фредерик что-то сказал, на что Софи, улыбнувшись, сделала шаг навстречу. Он нежно обнял ее, и ее голова легла ему на плечо – словно там ей было самое место. Оба они вели себя так, будто их связывает давняя тесная близость, и невольно возникало сомнение, в самом ли деле они лишь несколько часов как знакомы.

– Давайте как-нибудь на будущей неделе сбежим из-под надзора вашего бдительного кузена, – бормотал между тем Фальк, глянув в сторону Эдуарда, который, сидя за столом, не спускал с них внимательных глаз. – Мы сможем побыть наедине...

– Посмотрим, – улыбнулась Конни, гадая, сколько ей еще удастся водить за нос этого человека, который привык получать то, что ему

захочется. – Простите, мне нужно попудриться, – на последних тактах музыки сказала она. Фальк, недовольный, по-военному резко кивнул и вывел ее с танцпола.

Вернувшись к столу, она застала Фалька и Эдуарда за разговором.

– Предпочитает мой друг Ренуара, но на худой конец сойдет и Моне...

– Хорошо, Фальк, договорились, я, как всегда, наведу справки. О, Констанс! Ты выглядишь утомленной, – сочувственно сказал Эдуард, вскочив, чтобы отодвинуть ей стул.

– Так и есть, – виновато улыбнулась она.

– Мы уйдем сразу, как только удастся выманить оттуда Софи с Фредериком, – решил Эдуард.

– Да, – ухмыльнулся Фальк. – Кажется, мужчины в моей семье равнодушны к женщинам в вашей.

Гестаповский лимузин доставил их к дому на рю де Варенн. Конни всю дорогу помалкивала, Софи тоже. Попытки Эдуарда поддержать разговор успехом не пользовались. Когда Сара открыла им дверь, Конни, бросив брату и сестре «Спокойной ночи!», устремилась к лестнице.

– Констанс! – окликнул ее Эдуард. – Сделай одолжение, составь мне компанию в библиотеке. Выпьем с тобой по рюмочке коньяку.

Это было не предложение – приказ. Конни, вздохнув, поплелась за ним в библиотеку.

– Я пить не буду, – с порога отказалась она, видя, что Эдуард взял в руки бутылку.

– Что случилось, дорогая моя? У тебя на лице написано, что ты расстроена. В чем дело? В тухлых яйцах? Или в приставаниях Фалька?

Конни рухнула в кресло и прижала пальцы к вискам. Поились слезы, она просто не смогла их удержать.

– Понимаешь... – она потрясла головой, – я просто не в силах это выносить. Я предаю все, чему меня учили, все, во что верю... Я чувствую себя лгуньей!

– Ну же, Констанс, возьми себя в руки. Я очень хорошо понимаю, поверь мне, что ты сейчас чувствуешь. Конечно, на первый взгляд, мы отлично устроились. Опера, рестораны, танцы... Но мы-то трое – ты

по обстоятельствам, я по убеждениям, а Софи по родственным связям – знаем, каких душевных мук это стоит.

– Прости меня, Эдуард, но тебе хотя бы известно, ради чего эти муки! – воскликнула она. – Тогда как у меня нет никаких доказательств, что ты прав! Я, английский агент, прибыла сюда для того, чтобы работать на благо наших стран, а не ужинать, танцевать и любезничать с нацистскими офицерами! Сегодня, когда та женщина выкрикнула это слово, «предатель», мне стало так стыдно, как никогда еще не бывало! – Конни смахнула слезы со щек. – А она... она, может быть, из-за нас умрет...

– Может, умрет, а может, и нет. Но не исключено, – сказал Эдуард, не сводя с Конни взгляда своих светло-карих глаз, – что благодаря сегодняшнему вечеру я смогу спасти несколько человек. Эти люди, их, пожалуй, с десятков, собираются в одном доме неподалеку отсюда, – и теперь мне стало известно, что нацисты намечают там облаву, и я смогу этих людей предупредить. Таким образом, они не только сами избегнут ареста, но помогут другим смельчакам, которые связаны с ними подпольем, – а таких сотни.

– Каким образом? – недоверчиво спросила Конни.

– Имена людей, причастных к этому подразделению группы «Натуралист», под пыткой назвал человек, которого схватили в ходе последних арестов. Пока ты ходила пудрить свой нос, Фальк мне об этом сболтнул. Я хорошо его знаю – он становится очень разговорчивым, когда выпьет, и не может сдержать торжества. И так заносчив, что выдает себя снова и снова. Хочет показать, как отлично справляется со своей работой. Хотя, правду сказать, – вздохнул он, – Фальк и в самом деле хороший – слишком хороший – профессионал.

Глядя ему в глаза, Конни ответила не сразу. Ей так хотелось ему верить!

– Прошу тебя, Эдуард, умоляю тебя, скажи, на кого ты работаешь, – и тогда я хотя бы смогу спать по ночам, зная, что не предавала своей страны!

– Нет, – покачал он головой. – Сказать этого я не вправе. Ты просто должна мне верить. А кроме того, не исключено, что скоро ты получишь подтверждение моей правоты совсем из другого источника – и, возможно, скорее, чем думаешь. Ведь нашего друга Фалька мы наблюдали сегодня отнюдь не в последний раз. Если в дальнейшем он

станет хвастаться новыми арестами, то тогда да, я, как ты подозреваешь, предатель. Но если явка, о которой я тебе говорил, когда туда нагрянет гестапо, окажется пуста, то не сделать ли вывод, что я сказал правду? Констанс, – Эдуард снова вздохнул, – я согласен, тебе сейчас очень трудно. Ты эту дорогу не выбирала. Но могу уверить тебя, как уверял уже раньше: мы с тобой боремся в одном стане.

– Если бы ты только открыл, на кого работаешь!

– И поставил под удар твою жизнь и жизнь многих других людей? – покачал головой Эдуард. – Нет, Констанс, всех подробностей не знает даже Софи, и так тому и быть. Ведь теперь, похоже, ставки поднялись еще выше. Фредерик, брат Фалька, входит в элитное подразделение офицеров СС при СД, разведывательной единице гестапо. Подчиняется он фигурам на самом верху. Если и он зачистит к нам в дом, следует вести себя еще более осторожно.

– Как видно, Софи необыкновенно ему понравилась, и, что еще хуже, он понравился ей.

– Я говорил, что братья – из прусских аристократов? Оба воспитанны и образованны, но поневоле отметишь, до какой степени они разные. Фредерик – интеллектуал, мыслитель... – Эдуард сделал паузу и поймал ее взгляд. – Не будь он нашим врагом, он бы и мне понравился.

Они помолчали, думая каждый о своем.

– Что касается Софи, – прервал молчание Эдуард, – она неопытна и крайне наивна. Мы всегда всеми силами защищали ее от мира, сначала родители, теперь я. Совсем не разбирается ни в любви, ни в мужчинах. Остается надеяться, что Фредерик в самом ближайшем будущем вернется в Германию. Я, конечно, тоже заметил, что между ними вспыхнула искра...

– А что прикажешь мне делать с Фальком? – спросила наконец Конни. – Эдуард, я замужняя женщина!

Покачивая в ладонях пузатую коньячную рюмку, Эдуард какое-то время удерживал ее взгляд.

– Мы ведь уже договорились, не так ли, что притворство бывает необходимо. Задай себе следующий вопрос, Констанс. Представь, что я возглавляю группу, в которую тебя направили, и приказываю тебе поддерживать и развивать отношения с Фальком в надежде на то, что

он ненароком сболтнет что-то важное, что пойдет на пользу нашему делу, – в этом случае ты могла бы сказать мне «нет»?

Конни отвела взгляд. Она очень хорошо понимала, что он имеет в виду.

– В этих обстоятельствах, конечно же, я бы не отказалась.

– Ну так вымети из сердца все личное, отстранись от происходящего, как актриса, и всякий раз, оказавшись перед Фальком, помни, что на кону дело куда важнее, чем твое отвращение к нему. Я, например, делаю это сутками напролет.

– А разве тебя не трогает, что твои соотечественники считают тебя предателем?

– Еще как трогает, Констанс. Но разве суть в этом? Не в пример больше волнует меня, что мои соотечественники томятся в тюрьмах, что их пытаются и унижают, что их в конце концов убивают. По сравнению с этим моя участь – и моя репутация – сущий пустяк. А теперь, – Эдуард встал, – я должен тебя покинуть. У меня дела.

И, коротко улыбнувшись, вышел из комнаты.

Глава 13

Хотя доказательств, что именно Эдуард предупредил подпольщиков о грозящих им арестах, не было и быть не могло, братья фон Вендорф, через несколько дней придя к ним ужинать, кисло поведали, что операция сорвалась. Фальк, тот был попросту вне себя, – может быть, потому, что брат стал свидетелем его неудачи. Вообще говоря, враждебность, какую Фальк выказывал к Фредерику, бросалась в глаза, представляя собой типичный и ярко выраженный случай нездорового родственного соперничества. Фредерик и в карьере взлетел выше, и в прочих отношениях превосходил брата. Так что вполне вероятно, жестокость, какой Фальк славился по отношению к тем, кто попался в расставленные им сети, объяснялась и подпитывалась отчаянным пониманием, что он всегда будет только вторым.

– Соппротивление – сущая головная боль, и чем дальше, тем хуже, – ворчал Фальк за супом. – Не далее чем вчера партизаны устроили нападение на немецкий конвой в Ле-Мане, перестреляли людей, забрали оружие.

– Действуют они слаженно, этого не отнимешь, – кивнул Фредерик.

– Наверняка в нашей среде работают их шпионы. Иначе откуда им знать, где и когда атаковать? Нужно найти это слабое звено, брат.

– Если кому это по силам, так только тебе, – отозвался Фредерик.

В тот вечер Фальк ушел рано, объявив, что у него дела в управлении. Конни слабо утешало то, что, поглощенный планами придушить Соппротивление, он уделял ей меньше внимания. Все равно пришлось два часа выслушивать, что и как он собирается сделать. Фредерик же, сказав, что побудет еще немного, переместился с Софи и Эдуардом в гостиную, а Конни под предлогом усталости поднялась к себе. Усталость, впрочем, была не вымышленная, ибо притворство – занятие весьма утомительное.

В Париже, этом прекраснейшем из городов мира, ей было одиноко как никогда. Новостей, кроме как в пропагандистских вишистских газетах, прочесть было негде, и создавалось впечатление полной отрезанности от мира. Она понятия не имела, как идут дела у

союзников, и произошло ли открытие второго фронта, о котором так много говорили, когда она вылетала во Францию.

Эдуард эти темы обсуждать с ней отказывался наотрез, да и дома бывал нечасто – по утрам, спустившись к завтраку, они с Софи узнавали, что он уже отбыл. Ну конечно же, думала Конни, если он сообщил в Сектор «Ф», где она, они постараются с ней связаться? Не могут же они предоставить ей возможность жить в сибаритстве и роскоши, когда она выучена убивать!

– О, Лоуренс, – отчаивалась она, – хоть бы ты подсказал мне, что делать! И увидимся ли мы когда-нибудь...

Несколько определеннее ситуация стала, когда с наступлением августа начались налеты союзников на заводы «Рено» в пригородах Парижа, на которых производились автомобильные двигатели для оккупационных войск. Обитатели особняка де ла Мартиньерес переселились в подвал, переоборудованный в некотором соответствии с привычными им представлениями об удобствах: мягкие кровати, газовая горелка, чтобы сварить кофе, и разнообразные настольные игры, дабы не заскучать. По крайней мере, думала Конни, поднимая глаза от книги, вой самолетов над головой заставляет предполагать, что высадка наконец состоялась. Сама она с нетерпением ждала перемен; так или иначе, они принесут избавление от абсурдного положения, в котором она оказалась.

Август, как частенько в Париже, оказался сырым и душным, ни намека на ветерок. У Конни вошло в привычку каждый вечер сидеть с Софи в саду. Эдуард был прав, сестра его обладала недюжинными творческими способностями. Конни давала ей в руки цветок или фрукт – та, трогая его нежными пальчиками, просила Конни его описать, а потом брала палочку угля, и полчаса спустя на листке альбома возникал рисунок лимона или персика.

– Ну как, получилось? – спрашивала она. – Удалось мне ухватить форму и текстуру?

– Да, Софи, тебе удалось, – всегда отвечала Конни.

В один на редкость душный вечер, когда Конни казалось, что у нее голова лопнет, если перезрелая, серебристого цвета туча не разразится дождем, Софи с досадой встряхнула рукой.

– Что такое? – поинтересовалась Конни, обмахивая себя книгой.

– Кажется, уже месяц я рисую одно и то же! Не придумашь ли что-нибудь еще? В нашем шато в Гассене сад полон всяких деревьев, но я не могу вспомнить, какие на них плоды.

Перебрав в уме, какие фрукты она знает, Конни кивнула.

– Я постараюсь, – сказала она, с облегчением поднимая лицо навстречу первым каплям дождя. – Только давай зайдем, сейчас польет! Наконец-то.

Передав Софи на попечение Сары, Конни прошла в библиотеку. Постояла там у окна, вслушиваясь в грохот и рык небес, прекрасный тем, что это природный шум, а не дело рук человека в виде грозящего смертью аэроплана. Гроза была прекрасна и продолжительна, и, насытившись этим зрелищем, Конни принялась просматривать библиотечные полки в поисках того, что Софи могла бы нарисовать.

В библиотеку вошел Эдуард, непривычно натянутый и напряженный.

– Констанс, – через силу улыбнулся он, – я могу тебе чем-то помочь?

– Я ищу книгу, в которой есть описания фруктов. Твоей сестре надоело рисовать лимоны и апельсины.

– Думаю, у меня есть то, что тебе нужно... Я тут недавно купил кое-что... – Он нашел взглядом нужную полку, подошел к ней и длинными пальцами вытянул нетолстый том. – Вот, посмотри.

– Спасибо. – Конни взяла у него книгу и прочла вслух: – «История французских плодовых деревьев, том второй».

– Это вас вдохновит. Впрочем, сомневаюсь, чтобы многое из того, что тут описано, нашлось в оккупированном Париже.

Книга была щедро иллюстрирована, в цвете, и подробно рассказывала про каждый фрукт.

– Боже, какая красота! – восхитилась Конни.

– Издание восемнадцатого века. Отцу удалось приобрести первый том, он хранится в нашем шато, в Гассене. И вдруг недавно, по счастливой случайности, знакомый букинист отыскал второй том здесь, в Париже! В комплекте два эти тома значительно приобретают в цене. Но я покупаю книги совсем не затем. Я просто нахожу, что они прекрасны.

– Эта и в самом деле изысканна. – Конни осторожно погладила светло-зеленый переплет. – Старше двухсот лет, и почти нетронута!

– Я отвезу ее в Гассен, когда в следующий раз туда поеду. Прекрасный справочник получится по нашему саду. Так что пользуйся, как считаешь нужным. Я уверен, ты будешь аккуратна... А теперь, извини, Констанс, мне надо заняться делами.

Дело клонилось к осени, и Конни стала замечать, что Софи часто задумывается. Раньше, когда Конни читала ей вслух, она была очень внимательна и, что-то недопоняв, просила повторить предложение, но теперь, казалось, если и слушает, то вполуха. Та же рассеянность проявлялась и при рисовании; порой, когда Конни пускала в ход все свое красноречие, описывая пузатую лиловую сливу, уголек Софи празднично зависал над чистым листом бумаги. Мысли ее явно витали в иных сферах. Зато она часто писала что-то в маленьком блокноте, одетом в кожаный переплет. Словно зачарованная, смотрела Конни, как Софи заводит зрачки к небесам, ощупывает страницу, примериваясь, куда поместить острие карандаша. Но, решившись как-то спросить, нельзя ли узнать, что Софи пишет, Конни получила отказ.

Однажды, когда они сидели в библиотеке, а вечер был такой непривычно зябкий для сентября, что впервые за сезон в камине разожгли огонь, Софи вдруг мечтательно произнесла:

– Констанс, ты так хорошо описываешь мне разнообразные вещи! Может быть, объяснишь, что чувствуешь, когда влюблена?

Конни так удивилась, что едва не уронила чашку.

– Ммм, – не сразу отреагировала она, сделав глоток и вернув чашку на место, – это трудно объяснить. Я думаю, каждый чувствует что-то свое.

– Тогда расскажи мне, что чувствуешь ты.

– Боже... – Конни помолчала, подбирая слова. – Если говорить о нас с Лоуренсом, то когда мы были вместе, мне казалось, что весь мир купается в солнечном свете. Даже самый серый, наискуднейший день сверкал и искрился, и обычная прогулка превращалась в волшебное приключение, просто потому, что он шел рядом... – Счастливые дни влюбленности и ухаживания вспомнились так остро, что горло перехватило. – И еще мне хотелось, чтобы он ко мне прикоснулся, я ждала этих прикосновений, никогда не боялась их, они одновременно волновали и успокаивали. Рядом с ним я чувствовала себя неуязвимой, особенной и поразительно беспечной, словно, раз он здесь, ничего

страшного случиться не может... И еще, знаешь... Когда мы были в разлуке, час тянулся как вечность, а когда вместе, пролетал как мгновенье... Понимаешь, Софи, в его присутствии я оживала, я... Прости, пожалуйста, – Конни вытащила из кармана платок и промокнула глаза.

– Ах, Констанс! – Софи стиснула руки, а ее огромные незрячие глаза тоже подернулись слезой. – Можно, я кое-что тебе расскажу?

– Конечно, можно, – ответила Конни, пытаясь взять себя в руки.

– Ты так живо описываешь свои чувства! И теперь я точно знаю, что такое любовь. Констанс, прошу тебя, мне нужно кому-то довериться, не то я ума лишусь! Но сначала поклянись, что ни слова не скажешь брату. Поклянешься?

– Если ты просишь, конечно же, я ничего ему не скажу, – пообещала Конни, мрачно предчувствуя, чем именно Софи намерена с ней поделиться.

– Ну так слушай! – Софи глубоко вздохнула. – Уже несколько недель, как я поняла, что влюблена во Фредерика фон Вендорфа. И он тоже в меня влюблен! Вот! Я произнесла это, надо же, я наконец это произнесла!

Она даже рассмеялась от облегчения и порозовела.

– Софи... – только и смогла вымолвить Конни.

– Я знаю, Констанс, знаю все, что ты можешь на это сказать. Что это невозможно, что у нашей любви нет будущего. Но разве ты не понимаешь? Я боролась с собой долго-долго, старалась уговорить себя, что мы не можем быть вместе, но сердце меня не слушается. И Фредерик – с ним все точно так же. Мы не властны над нашими чувствами. Мы просто жить друг без друга не можем!

– Но, Софи, – выговорила Конни, глядя на нее с ужасом, – ты ведь понимаешь, что любые отношения между вами невозможны, ни сейчас, ни в будущем? Ты не можешь этого не понимать! Софи, Фредерик – высокопоставленный нацист. Если союзники выиграют войну, ему почти наверняка грозит арест или даже смерть...

– А если выиграют немцы?

– Вот еще! Они никогда не выиграют! – Такое Конни и обсуждать всерьез не могла. – Но чем бы ни кончилась эта ужасная война, после нее люди, воевавшие с разных сторон, никогда вместе не уживутся. Такая семья ни у кого не встретит поддержки.

– Мы это понимаем, конечно, но Фредерик уже продумал разные способы, как выйти из ситуации.

– Так ты это всерьез, про совместное будущее? – У Конни челюсть свело от напряжения. – Но как? Где?

– Бывает так, Констанс, что руководитель страны устанавливает свои правила, но это не значит, что все, кто вынужден ему подчиняться, разделяют его убеждения.

Конни в отчаянии схватила за голову.

– Ты хочешь сказать, Софи, что Фредерик убедил тебя, что не верит в идеалы нацизма? Но он – национал-социалист и прямой участник событий, приведших к страданиям миллионы людей! На нем ответственность за все, что происходит сейчас в Европе! Твой брат говорил мне, что Фредерик в подчинении у самого Гимmlера. Он...

– Нет! Фредерик притворяется – точно так же, как мы! Он образованный, культурный человек, он набожный христианин, он против догм нацизма! Но что он может поделать? – Софи вздохнула. – Признавшись, что он на самом деле думает, он подпишет себе смертный приговор.

Конни молча смотрела на бедную, запутавшуюся Софи. Мало того что физически слепа – еще и чувство ослепило ее настолько, что она верит всему, что говорит ей возлюбленный!

– Нет, Софи, я не в состоянии поверить тому, в чем ты пытаешься меня убедить, и ты тоже не должна этому верить. Разве ты не видишь, к чему подводит тебя этот человек? Он тебя просто использует! Смеею предположить, что у него есть сомнения относительно Эдуарда, и он рассчитывает, что ты поможешь ему узнать правду!

– Ты ошибаешься, Констанс, – страстно перебила ее Софи. – Ты не знаешь, какой он, ты не слышала наших разговоров! Он хороший человек, я это чувствую и верю ему безоголдно! А когда война кончится, мы убежим, исчезнем.

– Но куда же вы исчезнете, Софи? Где же вы спрячетесь? – Конни хотелось плакать от того, до чего наивна Софи. – За ним будут охотиться, чтобы отдать под суд!

– Мы выпутаемся – и самое главное, будем вместе! – Софи надула губки, совсем как капризный ребенок, которому отказывают в желанной игрушке. Конни, теряясь, рассмеяться ей или закричать, решила подбраться с другой стороны.

– Софи, – мягко сказала она, – я понимаю, чувство, которое ты испытываешь к Фредерику, всецело захватило тебя. Но ты ведь сама сказала, что в первый раз влюблена. Возможно, пройдет какое-то время, и ты сможешь рассуждать более здраво. Что, если это всего лишь страсть, которая скоро пройдет?..

– Будь добра, Констанс, оставь этот покровительственный тон. Я, конечно, слепа, но я взрослая женщина и знаю, что мое чувство – подлинное. Скоро Фредерик на несколько недель уедет в Германию, но он вернется за мной, вот увидишь. А теперь, окажи мне любезность, позови Сару, пусть отведет меня наверх, – отрезала Софи. – Я устала и хочу отдохнуть.

И ошеломленная Конни, поднявшись, чтобы пойти за Сарой, вдруг поняла, что в облике милой и беспомощной девушки таится женщина, которой никогда в жизни никто ни в чем не отказывал.

Глава 14

Несколько дней после того Конни ломала голову, не поделиться ли с Эдуардом тем, что рассказала Софи. Если поделиться, она предаст доверие единственного друга, который у нее сейчас есть. Если же, напротив, промолчать, то тогда она усугубит угрозу, и без того над всеми ними нависшую.

Софи меж тем, пооткровенничав, от нее отдалилась, и Конни завела обычай после обеда бродить по Парижу. Переходила по мосту Согласия Сену и шла дальше, до самых садов Тюильри, проветриться после мрачной домашней атмосферы. И вот как-то раз, возвращаясь с прогулки, увидела мельком знакомое лицо. Конни замерла, столкнувшись со взглядом ярких зеленых глаз, но велосипед проследовал дальше по мосту, мимо.

Винишия...

Из опасения, что за ней наблюдают, Конни подавила в себе желание обернуться. У девушки, проехавшей мимо, черные волосы были аккуратно подстрижены, и одета она была так, чтобы не выделяться в толпе, – в отличие от прежней Винишии, которая только и делала, что приковывала к себе взгляды.

На следующий день Конни в то же время снова прошла по мосту и до садов Тюильри, где посидела на скамейке, любуясь желто-красной россыпью осенних листьев. Может быть, Винишия здесь неподалеку живет. До боли хотелось увидеть кого-то из своих, обняться при встрече. С неделю она повторяла прогулку, но Винишия ей больше не попадалась.

В ту пору Фредерик бывал у них чаще, нежели Фальк. Являлся без предупреждения, чему Софи никогда не удивлялась, а, не скрывая радости, приветствовала его, когда он входил в гостиную. Конни оставалось только надеяться, что Эдуард сам обратит внимание на то, что происходит под самым его носом, но тот часто уезжал по делам, а когда оставался дома, то выглядел рассеянным и усталым.

Так что Конни держала свои страхи при себе и, как могла, старалась не оставлять влюбленных одних в гостиной.

Однако Софи своим невидящим взглядом вполне выразительно давала понять, что ее присутствие нежелательно, и Конни, выдержав с четверть часа, обычно уходила.

К счастью, она нашла союзника в Саре, которая заботилась о Софи с самого рождения и души в ней не чаяла. Частенько, когда Конни маялась под дверью гостиной, Сара пыталась ее утешить.

– Верьте мне, мадам, я не допущу, чтобы мадемуазель Софи обидели, – и тогда Конни с благодарностью оставляла свой пост. Сара была Софи совсем как мать.

Казалось, что в жизни дома ничего особенно не переменялось, но в то же время явно что-то происходило. Как-то раз Эдуард явился под самое утро. Конни, спустившись к завтраку, нашла его утомленным.

– Мне нужно по делам на юг, – объявил он за кофе. – Констанс, если кто-то поинтересуется, где я, скажи, что в Гассене. Вернусь во вторник. Если же явятся незваные гости, поручаю тебе мою сестру. – И вышел.

Конни оказалась перед перспективой еще одного пустого, ничем не заполненного дня. Софи к завтраку не спустилась. Конни побрела в библиотеку, сняла с полки томик Джейн Остин и погрузилась в чтение, живо переживая все перипетии, выпавшие на долю литературных героев. Что еще оставалось, как не читать!

Перед обедом она пошла к себе в комнату, чтобы привести себя в порядок, и, проходя через вестибюль, заметила на коврике перед входной дверью конверт. Наклонилась, подняла его и с удивлением поняла, что письмо адресовано ей.

Ускорив шаг, она взлетела по лестнице, заперла за собой дверь и вскрыла послание.

Дорогая Констанс!

До меня дошло, что ты в Париже. Я, представь себе, тоже – так совпало. Твоя тетушка – ты же знаешь, она давняя знакомая нашей семьи – попросила меня узнать, как ты поживаешь. Остановилась я в «Ритце» и сегодня в три часа пополудни буду рада выпить с тобой чаю. Встретимся, вспомним наши школьные годы, сколько ночей мы, соседки по комнате, провели вместе!

В.

Винишия.

Конни в растерянности прижала листок к груди. Ах, как хочется повидаться! Но ведь она обещала Эдуарду ни под каким видом не идти ни с кем на контакт...

Обедала она в одиночестве. Софи, сославшись на головную боль, поела у себя в комнате.

Так и не придя ни к какому решению, Конни оделась, словно для того, чтобы идти на прогулку, и села на кровать. Глядя на стрелки часов, дождалась, когда они покажут полтретьего, надела шляпку и направилась к входной двери.

Четверть часа спустя, войдя в гостиницу «Ритц», она уверенно прошла в чайный салон, где прежде не раз бывала. Там стоял гул благовоспитанных голосов. Зал наполнился оживленными, хорошо одетыми дамами, и по счастливой случайности, в зоне видимости не наблюдалось ни единого немецкого мундира. Прошло десять минут. Конни изучала меню. Каждая секунда казалась длиннее, чем предыдущая. Что, если это ловушка? Что, если за ней следят? Не лучше ли встать и уйти? Вдруг встревоженный вид Эдуарда означал, что дела плохи, что он уже арестован, и теперь очередь за ней...

– Дорогая моя! Ну надо же, ты стала еще красивее!

Обернувшись, Конни увидела Винишию. В роскошных мехах, ярко накрашенная, та ничем не напоминала скромную девушку, три недели назад мелькнувшую мимо по мосту Согласия. Винишия, стиснув Конни в объятиях, прижалась щекой к ее щеке и отчетливо прошептала:

– Зови меня Изабель. Я живу рядом с тобой в Сен-Рафаэле.

Отстранилась, села рядом.

– Как тебе мои волосы? – любопытствовала она, подбивая прическу. – Я недавно постриглась. Решила, что пора повзрослеть!

– Тебе очень идет... Изабель.

– Закажем что-нибудь? Я голодна после прогулки по магазинам, – пропела Винишия. – И давай по бокалу шампанского, а? Мы же столько не виделись!

– Да, конечно. – И пока Конни делала заказ, Винишия, опустив голову, рылась у себя в сумочке в поисках сигарет и нашла их, только когда официант отошел.

– Будешь? – предложила она пачку «Галуаз».

– Спасибо.

– И каково тебе в Париже? – Винишия дала прикурить Конни и закурила сама.

– Превосходно, спасибо. А что скажешь ты?

– Разница с медлительным югом, безусловно, заметна!

Принесли шампанское, и Винишия разом выпила полбокала, что никак не подобает дамам. Мало того, рука ее, поднося сигарету ко рту, мелко тряслась. А когда она скинула меха и шляпу, оказалось, что она худа как щепка, лицо осунулось, а под глазами темные круги, скрыть которые пудре не под силу. То есть за то время, что они с Конни не виделись, Винишия постарела лет на десять, не меньше.

Следующие полчаса они вели самый дурацкий разговор про тетюшку Конни из Сен-Рафаэля и воображаемых школьных подруг. Принесли заказ. Винишия набросилась на крошечные пирожные и бутербродики так, будто неделю не ела. Конни с виноватым видом тихо пила чай, наблюдая, как Винишия из-под густой челки нервно стреляет глазами по сторонам.

– Что ж, это было неплохо! – закончив, радостно заявила та. – А теперь мне надо к портнихе на рю Камбон. Пойдешь со мной? Мы еще поболтаем!

– Конечно, – кивнула Конни, зная, что отказ не предполагается.

– Встретимся в вестибюле; попудрю носик, пока тебе принесут счет.

И она вышла, предоставив Конни расплачиваться. Потом, спустив львиную долю франков, выданных ей Сектором «Ф», на шампанское и пирожные, Конни стояла в вестибюле, дожидаясь, когда Винишия выйдет из дамской комнаты. Наконец та появилась, взяла ее под руку, и они пошагали прочь от «Ритца» в сторону рю Камбон.

– Слава богу! – выдохнула Винишия. – Теперь можно и поговорить. Там нельзя было, у стен правда есть уши! Никогда не знаешь, кто подслушает и подсмотрит. Зато я отлично поела, впервые за много дней. Итак, где же ты была, Конни? Джеймс сказал, вы вместе прилетели сюда на «Лиззи». А потом ты бесследно исчезла!

– О, неужели ты виделась с Джеймсом? – заслышав знакомое имя, взволновалась Конни.

– Да, но несколько дней назад мне сказали, что его с нами, бедняги, больше нет. Недолго он продержался, светлая ему память,

хотя в наших условиях это самое обычное дело, – с хриплым смешком добавила Винишия.

– Он что, погиб? – в ужасе переспросила Конни.

– Да. Ладно, скажи лучше, где ты скрывалась? И каким образом оказалась в этом огромном доме на рю де Варенн?

– Винишия, я... – Конни вздохнула, еще не придя в себя от вести, что Джеймс погиб. – Это длинная история, и, если честно, я не вправе тебе ее рассказать. Отчасти потому, что сама не все знаю.

– Звучит неубедительно, но, видно, мне придется это принять. А ты, случаем, не перешла на ту сторону, а? Мой товарищ, который шел за тобой от садов Тюильри до самого дома, он сказал, что вскоре после тебя в дом вошел немецкий офицер.

– Винишия, прошу тебя! – взмолилась Конни. – Я не могу тебе на это ответить, поверь мне!

– Так ты с нами еще или уже нет? На этот простой вопрос ты можешь ответить?

– Конечно, я с вами! Послушай, в день моего приезда в Париж произошло нечто, приведшее меня... к моим нынешним обстоятельствам. Ты как никто, Винишия, должна понять, что я ничего больше сказать не могу. И если человек, который в тот вечер меня спас, узнает, что я тут с тобой – он сочтет, что я его предала.

– Вряд ли, – пробормотала Винишия. – Тоже мне предательство – встреча с подружкой детства! Послушай, Кон, – Винишия потащила ее через дорогу, воспользовавшись случаем посмотреть направо-налево, – дело в том, что мне нужна помощь. Ты, конечно же, знаешь, что группа «Натуралист» разгромлена. Радистов, кроме меня, не осталось, и мне нужно перемещаться с места на место, посылать сообщения в Лондон так, чтобы боши не успели перехватить сигнал. Я чуть не попала два дня назад – они нагрянули на квартиру, откуда я унесла ноги за двадцать минут до того. Рация сейчас на другой явке, но там небезопасно. Мне нужно такое место, откуда можно радировать в Лондон и другим агентам, которые работают здесь. Готовится нечто грандиозное. Назначено на завтрашнюю ночь, и это вопрос жизни и смерти, чтобы я связалась с другими. Кон, ты наверняка знаешь, откуда я могу это сделать!

– Прости, но – нет, я не знаю! Не могу тебе объяснить, но я сама как в мышеловке! Мне приказали не разговаривать ни с кем, кто может

проследить мою связь с человеком, о котором я тебе говорила.

– Господи, Кон! – воскликнула Вينيшия, резко остановившись прямо посреди тротуара. – Ну что ты такое несешь? Ты английский агент! Мне глубоко наплевать, кто этот человек, интересы которого ты так рьяно блюдешь, или чем он запудрил тебе мозги. Но я – и те, кто участвует в подготовке завтрашней операции, – мы знаем, что если она удастся, тысячи французов не схватят и не отправят в Германию, на рабский труд. Нам позарез нужна твоя помощь! Ты должна знать, откуда я могу послать радиogramму! – с отчаянием в голосе сказала она. – Если я вечером этого не сделаю, все пропало...

Не сразу, с неохотой, она снова взяла Конни под руку, и они молча пошли дальше.

Конни, прижимая к себе худенький локоток Вينيшии, металась в сомнениях. Она запуталась в паутине, в тонких шелковых нитях правды и лжи, нитях, ведущих куда угодно и никуда. Да, она в нравственном тупике. Да, она потеряла представление о том, кому верить и кому доверять. Однако сейчас, рядом с Вينيшей – измученной, изголодавшейся, отчаявшейся – Конни, которую и без того мучила вина, снова попала под действие обязательств, с которыми была сюда послана.

– Знаешь, можно попробовать дом на рю де Варенн... Но это опасно, – сказала Конни. – Ты сама знаешь, там часто бывают немцы.

– Да наплевать. Эти свиньи часто не видят, что творится у них прямо под носом.

– Нет, Вينيшия, это, конечно же, риск! Но ничего другого я предложить не могу... – говорила Конни, просчитывая в уме, что Эдуарда сегодня ночью не будет и что в саду есть дверь, которая ведет в подвал. Она пользовалась ею летом, когда налеты заставляли ее в саду. Но вдруг налет случится как раз сегодня? Вдруг кто-то увидит, как Вينيшия входит в дом? И вдруг кто-то из близнецов фон Вендорфов явится к ним с визитом – и как раз тогда, когда Вينيшия в подвале начнет свою передачу?

– Если честно, Кон, мне уже все равно, – со вздохом сказала та. – Явочные квартиры в Париже почти все провалены. А потом, кому придет в голову, что радисту хватит духу вести передачу из дома, куда заходят немецкие офицеры? – Вينيшия заглянула Конни в глаза. – Нет, ты все-таки скажи, ты абсолютно уверена, что ты с нами? – И она

засмеялась. – Впрочем, если нет, я так и так погорела, так что какая разница?

Конни поняла, что Винишия требует доказательств, и ничего не остается, как принять неизбежное. Что бы там ни было, независимо от последствий, от нее требуется делом доказать свою верность родной стране и подруге.

– Договорились, я тебе помогу.

Конни вернулась домой и под тем предлогом, что во время последней бомбежки забыла в подвале книгу, взяла у Сары ключ и отперла подвальную дверь, от которой взбегали ступеньки в сад, а потом вернулась в гостиную посидеть с Софи. Та тонкими пальчиками скользила по брайлевскому изданию Байрона, и счастливая улыбка блуждала по ее лицу. Конни не сиделось на месте. В полседьмого она, сославшись на головную боль, сказала, что ужинать будет у себя в комнате.

В восемь она спустилась, чтобы сказать Саре, что поскольку гостей вечером не будет, та может отдыхать. Софи уже была в своей комнате, а Конни, нервничая, мерила шагами свою, то и дело поглядывая на часы. Винишия, думала она, наверняка уже сидит внизу, в подвале, а бедная, невинная Софи знать не знает, что женщина, которую брат принял под свой кров, предает его доверие, подвергая опасности всю семью!

Так прошел еще час.

В десять вечера Конни на цыпочках прокралась вниз и на пути в подвал – проверить, ушла ли Винишия, и добралась уже до кухни – услышала тихий стук в парадную дверь. Сердце ушло в пятки. Приоткрыв дверь из кухни в вестибюль, она увидела, что парадную дверь отворяет Софи, сумевшая самостоятельно спуститься по лестнице. Переступив порог, ее обнимал Фредерик.

Конни, закусив губу, отпрянула в тень, гадая, что происходит. Надо полагать, эти двое договорились о встрече. Десять вечера – сомнительный час для какого угодно визита, не говоря уже о том, чтобы джентльмену в отсутствие третьих лиц посетить даму. Вот ситуация! И еще подумаешь, чего опасаться больше – того, что пострадает репутация и девичья честь Софи, или того, что британская радистка сидит в подвале, а немецкий офицер – на первом этаже, прямо над ее головой.

А пусть их, решила Конни. Фредерику, когда он смотрит в глаза Софи, ни до чего нет дела.

Убедившись, что они скрылись в гостиной, она взлетела по лестнице к себе в комнату. Села у окна, страстно желая, чтобы ночь поскорее кончилась и разгорелся рассвет. Но вскоре она опомнилась. Как можно быть такой эгоисткой? Винишия и другие ее собратья бесчисленное число раз на дню подвергают себя смертельному риску. Что по сравнению с этим одна несчастная ночь?

Наконец с первого этажа послышались шаги, а потом – скрип ступеней, и наверху, рядом, щелчок дверного замка.

Конни перевела дух. Фредерик, видимо, ушел, а Софи легла спать. Странно, правда, что она не слышала, как закрылась входная дверь, но гость, наверное, постарался, покидая дом, не производить шума.

Она широко зевнула. Напряжение отпустило, нахлынула усталость. Упав на подушку, Конни провалилась в глубокий сон и не слышала, как тихо закрылась входная дверь, когда над Парижем разгорелся рассвет.

Глава 15

Блэкмур-Холл, Йоркшир, 1999

Себастьян расплатился с таксистом, достал из багажника чемодан Эмили. Густо валил снег. Эмили повернулась, чтобы бросить первый взгляд на Блэкмур-Холл, и увидела мрачное здание красного кирпича в готическом стиле. Каменная горгулья угрожающе нависала над аркой входной двери, ухмылялась пустым ртом, зубы съедены непогодой, голова увенчана шапкой снега.

Снега было столько, словно дом не в Северном Йоркшире, а где-то в Сибири. Вокруг пусто, бело, безлюдно. Эмили пробрала дрожь – и от холода, и унылого вида.

– Надо же, едва успели, – подойдя, сказал Себастьян. – Хоть бы таксист на обратном пути не застрял! – Эмили взглянула на такси, которое пробивало себе дорогу в снегу. – К завтрашнему дню тут будет ни пройти ни проехать.

– Хочешь сказать, мы будем отрезаны от мира? – спросила Эмили, бредя ко входу в дом. Снегу было по щиколотку.

– Да, такое в наших краях не редкость. К счастью, у нас есть «Лендровер», а у соседа – трактор, который всегда в нашем распоряжении.

– Когда во Французских Альпах идет снег, там умудряются управляться так, что дороги всегда проходимы.

Себастьян, взявшись за большую, покрытую эмалью дверную ручку, повернул ее.

– Добро пожаловать в Англию, моя французская принцесса, в Англию, где любая перемена погоды грозит остановить жизнь, – рассмеялся он. – Добро пожаловать, Эмили, в мое скромное жилище.

Себастьян распахнул дверь, и они вошли в холл, явивший собой разительный контраст с белым простором, расстилающимся вне этих стен. Все было отделано темным деревом: стенные панели, тяжеловесная, ненарядная лестница, и даже огромный камин, к которому первым притягивался взгляд, украшала массивная резьба. Увы, в камине не пылал веселый огонь, и температура в доме почти не отличалась от уличной.

– Пойдем, – позвал Себастьян, бросив чемодан у подножия уродливой лестницы. – В гостиной должны были разжечь камин, я предупредил миссис Эрскин, что мы прибудем.

Он повлек ее за собой по лабиринту коридоров, где стены были оклеены темно-зелеными обоями и увешаны старыми полотнами, на которых мчались по полям всадники, травили собаками дичь. Распахнув дверь, Себастьян ввел ее в большую гостиную – там обои были красно-коричневые, в стиле Уильяма Морриса, и картин тоже висело с избытком.

– Черт! – выругался он, глядя на камин, где серела одна старая зола. – Странно. Это на нее не похоже. Только не говори мне, что она снова уволилась. – Он вздохнул. – Ничего страшного, милая, я его в момент разожгу.

Эмили присела на каминную решетку, а Себастьян ловко и быстро разжег огонь. Когда пламя наконец заплясало, у нее уже зуб на зуб не попадал, и она жадно протянула руки к огню.

– Так, – сказал он, – ты сиди здесь и согревайся, а я пойду вскипячу нам чаю и выясню, что тут, черт побери, произошло, пока меня не было.

– Себастьян... – вскинулась было Эмили, которой хотелось знать, где тут ближайший туалет, но тяжелая дверь захлопнулась. С надеждой, что он скоро вернется, Эмили сидела перед камином, отогреваясь и глядя, как снег за окном становится гуще, свивается в пургу, толстым слоем приникает к стеклу.

Англию она знала плохо – несколько раз бывала здесь с матерью, они останавливались у друзей в Лондоне, – но представление об уютных английских деревеньках, застроенных коттеджами под соломенной крышей, как рисуют на конфетных коробках, самым разительным образом не совпадало с этим суровым, промерзлым особняком-саркофагом посреди белых равнин.

Прошло двадцать минут. Себастьяна все не было, и Эмили потеряла терпение. Она вышла из гостиной и двинулась по коридору, открывая за дверью дверь, заглядывая в темные комнаты в поисках туалета, который наконец нашла, удивившись сиденью – массивному, словно трон. Выйдя, она услышала вдали голоса. Один был ей незнаком, а второй определенно принадлежал Себастьяну. О чем речь, понять было невозможно, но Себастьян явно сердился.

Жаль, что, прежде чем войти в самолет, она не догадалась поподробнее расспросить мужа о местной жизни. Но они были так бешено заняты в те две недели, что прошли со дня свадьбы, – да и занимало их тогда не столько будущее, сколько удивительное, связавшее их прошлое...

– Вот это история! – протяжно выдохнул Себастьян. – И похоже, это только начало. Когда же мы узнаем, что там случилось дальше?

– Когда вернусь, чтобы перевезти на хранение библиотеку. Жак пообещал, что расскажет. По-моему, он страшно переволновался, вспоминая былое.

– Еще бы! – Себастьян притянул ее к себе. – Но, знаешь, есть что-то волшебное в том, как переплелись судьбы наших семейств.

Эмили тронула пальцем сливочно-белые жемчужины на своей шее. Ожерелье матери, которое Себастьян подарил ей в день свадьбы.

– Я выкупил их тогда на аукционе, чтобы вернуть тебе, – сказал он, взясь за застежку, и поцеловал ее. – Ты точно не сердишься на то, что свадьба такая скромная? Ты ведь последняя из де ла Мартиньерес, тебе полагалась пышная церемония. Уверен, на свадьбе твоих родителей присутствовал весь Париж.

И улыбнулся, глядя на нее сверху вниз.

– Да, это так, и именно потому я хотела, чтобы мы поженились тихо, – ответила Эмили. Мысль, что она окажется в центре всеобщего внимания, ужасала ее.

После церемонии бракосочетания, засвидетельствовавшие которую Жерар и приятель Себастьяна, парижский искусствовед, настоял, чтобы угостить всех обедом в «Ритце».

– Видели бы нас ваши родители, Эмили!

Он поднял бокал за здоровье и благополучие молодых и поинтересовался, какие у них планы. Эмили сообщила, что пока шато ремонтируют, намерена пожить с Себастьяном в Йоркшире, в ответ Жерар настоятельно просил ее поддерживать с ним связь.

– Вы можете полностью рассчитывать на меня, Эмили. Будьте твердо уверены: я всегда в вашем распоряжении и сделаю для вас все, что в моих силах.

– Спасибо, Жерар, вы так добры!

– И прошу вас помнить о следующем. Несмотря на то что вы теперь замужем, поместье, средства, вырученные от продажи парижского дома, и, разумеется имя де ла Мартиньерес – все это принадлежит исключительно вам. Прошу вас также иметь в виду, что мне крайне желательно в деталях обсудить ваши активы с вами и с вашим мужем.

– Себастьян сообщает мне все, что мне нужно знать. Он чудесный, Жерар, не представляю, как бы я без него справилась.

– Согласен, но все-таки, поверьте мне, очень важно в браке поддерживать свою независимость. И в особенности финансовую, – подчеркнул Жерар, поцеловал Эмили в щеку и откланялся.

Наконец, когда Эмили от скуки взялась уже листать старые охотничьи журналы, Себастьян с видом измученным и виноватым вернулся в гостиную.

– Прости меня, милая, пришлось кое с чем разобраться. Как насчет горячего чая? Я просто умру, если не выпью.

– Что случилось? – подошла к нему Эмили, и он обнял ее.

– Да ничего особенного – во всяком случае, для стен этого дома. Я был прав. Миссис Эрскин хлопнула дверью и поклялась, что ноги ее здесь больше не будет. Вернется, куда она денется. Она всегда возвращается.

– Ее что-то обидело?

– Как раз об этом, душа моя, я и хочу поговорить с тобой, пока мы будем пить чай.

С кружками горячего чая в руках, раскидав диванные подушки по полу, они удобно устроились у огня, и Себастьян приступил к разговору.

– Мне следует рассказать тебе о моем брате Алексе, причем рассказ этот, должен предупредить, не доставит мне ни малейшего удовольствия. Я чувствую себя виноватым, что не сделал этого раньше, но тогда этот вопрос казался неважным. Теперь же...

– Я тебя слушаю.

– Итак, – Себастьян отхлебнул чаю, – я уже говорил тебе, что наша мать, малышками бросив нас здесь у бабушки, навеки растворилась в тумане. Алекс на полтора года младше меня, и мы с ним – полная, абсолютная противоположность друг другу, ни дать ни

взять Фальк и Фредерик фон Вендорфы. Я, и ты это знаешь, человек организованный, в то время как Алекс всегда был... в свободном полете, в поиске. Не выносил рутины, правил и распорядка. Нас послали в частную школу. Мне там нравилось, я с охотой учился, Алекс маялся и страдал. Его отчислили, место в университете он потерял из-за того, что попался за рулем в пьяном виде. Потом, когда ему было восемнадцать, он уехал за границу, и несколько лет от него не было ни слуху ни духу.

– Где же он жил?

– Мы не знали, пока однажды бабушке не позвонили из одной французской больницы. Алекс, судя по всему, перебрал с героином и, когда его подобрали, был на пороге смерти. – Себастьян тяжело вздохнул. – Бабушка кинулась туда, перевезла его в частную клинику здесь, в Англии. Надо отдать ему должное, он взял себя в руки и с наркотиками покончил. Но потом снова бесследно исчез и вернулся только после того, как бабушка умерла. Знаешь, пожалуй, мне стоит выпить чего-то покрепче. Ты как?

– Мне не надо, спасибо.

Себастьян вышел из комнаты, а Эмили встала, чтобы задернуть шторы. За окнами по-прежнему валил снег. Сев на место, глядя на раскаленные угли, она чувствовала горячее сочувствие к мужу. Брат его, судя по всему, был человеком без чести и совести.

Вернувшись с джином-тоником, Себастьян устроил голову у Эмили на коленях. Она нежно погладила его по волосам.

– И что было потом?

– Бабушка умерла, Алекс вернулся и обосновался здесь, и как-то у нас случилась жуткая ссора. Он кинулся к машине, я предложил его отвезти, потому что он был пьян в стельку, но он сам уселся за руль. Я по глупости сел с ним рядом, и через несколько миль – там у нас на дороге особенно опасный поворот – он не вписался в него, врезался во встречную машину. В общем, Алексу досталось, а мне повезло – везет дуракам! – я отделался треснувшим ребром, сломанной рукой и синяками.

– О боже! – выдохнула Эмили.

– Да, но Алексу пришлось куда хуже.

– Ужас. Но как странно, Себастьян, что ты не рассказал мне этого раньше!

– Ну да, чтобы ты смогла, пока не поздно, дать задний ход! – невесело усмехнулся он.

– Вот еще! Нет, я не об этом. Но ты сам меня научил, что лучше делиться своими проблемами, чем биться с ними один на один.

– Да, ты права. Понимаешь, трагедия состоит в том, что Алекс всегда был очень способным. Куда способней, чем я. Экзамены сдавал с лету, не прикладывая никакого труда, тогда как мне каждый предмет приходилось брать с боем. Алекс, не будь он так несерьезен, мог бы добиться многого.

– Да, знаешь, я часто думала, что одаренным людям выпадает страдать не меньше тех, кому все дается с трудом. Отец говаривал, что все хорошо в меру. Перебор, как и недобор, вечно чреват проблемами.

– Мудрый был человек твой отец. Жаль, что я никогда его не узнаю, – Себастьян поцеловал ее в нос. – В общем, вот тебе история моего блудного брата. Но послушай, ты же, наверное, проголодалась! Давай-ка пойдем в кухню, я приготовлю что-нибудь из того, что найду в холодильнике. Там все же тепло, плита жарит на полную мощь. А потом отправимся в нашу промерзшую спальню. Сдается мне, я найду способ согреть тебя, – Себастьян, потянув за руку, поднял ее с полу. – Пойдем, пойдем поскорей...

Но, спеша за ним по ледяным коридорам, Эмили не могла не спросить:

– Так где же сейчас Алекс?

– Разве я не сказал?

– Нет.

– Здесь, конечно. Алекс живет в Блэкмур-Холле.

Глава 16

Наутро Эмили проснулась ни свет ни заря. Ночь была беспокойная – отчасти из-за всепроникающего холода, который пронизывал все тело так, что, казалось, кости превратились в сосульки и вот-вот треснут. В жизни своей она так не мерзла. Себастьян многословно извинялся, объяснив, что старинная система отопления не работает потому, что кое-кто забыл наполнить топливный бак соляжкой и что он разберется с этим, как только сможет.

Пальцы на ногах совершенно ооченели. Эмили осторожно подвинула ноги поближе к теплему Себастьяну. В комнате стояла беспросветная тьма, сквозь старые парчовые шторы не пробивалось ни лучика света. Интересно, будет Себастьян возражать, если попробовать на ночь штор не задергивать? Дома она всегда спала с открытым окном, любила смотреть, проснувшись, как розовеет небо, как пробуждается новый день.

Она вспомнила, что муж рассказал ей вчера про своего брата, Алекса. Любопытный поворот! Огорошив ее известием, что брат здесь, в Блэкмур-Холле, Себастьян пояснил, что в автокатастрофе тот повредил позвоночник и теперь навсегда прикован к инвалидному креслу. Ему помогает сиделка, которая живет на первом этаже восточного крыла в специально перестроенной для нее квартирке.

– Стоило это, конечно, целое состояние, не говоря уж о том, что надо было пристроить все приспособления, необходимые инвалиду... но разве у меня был выбор? – Себастьян вздохнул. – Как бы то ни было, прошу тебя, не принимай это близко к сердцу. Алекс живет сам по себе и редко появляется в основной части дома.

– А он сумел справиться, после катастрофы, со своей склонностью к выпивке и наркотикам? – осторожно спросила Эмили.

– В основном да. Но пришлось несколько раз сменить сиделку. От двух я избавился потому, что брат уговорил их давать ему алкоголь. Алекс способен быть обаятельным и, при нужде, пускает в ход свои чары. Запомни, Эмили, не верь ни единому его слову! Мой брат кого угодно уговорит, что белое – это черное, и наоборот.

У Эмили, несмотря на все уговоры мужа, что Алекс не опасен и существует автономно, при мысли, что наркозависимый инвалид, да еще врун к тому же, живет, отдельно или нет, но все-таки под одной с ними крышей, мороз по коже прошел.

– Милая?

Теплая рука коснулась ее щеки.

– Да?

– Господи! – воскликнул Себастьян, добравшись до плеча Эмили под слоями всего, что она смогла накинуть на себя ночью. – Ты упакована, как стекло к пересылке! Обними меня!

И Эмили устроилась в его теплых объятиях, он принялся ее целовать, и рассветные страхи развеялись, унеслись прочь...

– Сомневаюсь, чтобы сегодня был подходящий день для прогулки, – сказал Себастьян, когда они, попивая кофе, стояли у окна в кухне и разглядывали сугробы. – Снегу по колено, и, судя по тучам, навалит еще больше. Я позвоню Джейку, это наш сосед, попрошу его пригнать трактор и расчистить дорогу. Припасов у нас немного, надо съездить в деревню, купить все необходимое. Что если я посажу тебя в гостиной? Там библиотека дальше по коридору, думаю, ты отыщешь себе почитать что-то по вкусу.

– Идет, – согласилась Эмили с пониманием, что выбора у нее, в общем-то, нет.

– И еще попрошу, доставить солярки, запустить отопление. Все нынче так чертовски подорожало, и, топи не топи, львиная доля тепла выветривается сквозь сгнившие рамы. – Он вздохнул. – Прости, милая. Говорю же, в последнее время я совсем забросил хозяйство.

– Я могу чем-то помочь?

– Нет, но спасибо, что спрашиваешь. Еще заодно проведу нашу бывшую экономку, миссис Эрскин, и попробую уговорить ее вернуться. Обещаю тебе, в ближайшие два дня все устроится и пойдет гладко. – Они прошли по коридору к гостиной. – Ты, наверное, ломаешь голову, зачем я притащил тебя в этот ад, – добавил он, наклоняясь, чтобы вымести золу из очага. – Все исправится, обещаю. Тут очень красиво, поверь мне.

– Давай я, – Эмили встала на колени с ним рядом. – А ты иди, занимайся своими делами.

– Ты уверена? Прости, со слугами у нас трудновато, – улыбнулся он. – Я знаю, ты к этому не привыкла...

– Себастьян... – Эмили покраснела. – Я научусь.

– Конечно, научишься, я просто шучу. А пока что пройдишь по дому, присмотришь, где тут что. Хотя увиденное, надо полагать, тебя ужаснет. По сравнению с нашей твоя усадьба – просто образец современности! – И Себастьян вышел из комнаты.

Натянув два толстых вязаных свитера, в которых Себастьян когда-то ходил на рыбалку, Эмили с час бродила из комнаты в комнату. Многими из них, очевидно, не пользовались долгие годы, и в отличие от огромных окон шато, сделанных для того, чтобы открыть доступ воздуху, здесь маленькие окошки служили тому, чтобы не впустить холод. Вся обстановка – мрачных тонов отделка и тяжелая мебель красного дерева – наводила на мысль, что ты героиня пьесы эдвардианских времен.

На первый этаж Эмили спустилась с мыслью, что дом отчаянно нуждается в хозяйской руке. Однако, так же, как в случае с шато, на переустройство потребуются огромные средства. Кстати, а сколько денег нужно Себастьяну на содержание дома? Впрочем, вряд ли это имеет значение; ее финансовое положение прочно, и денег на все затеи им хватит до конца дней.

Вдруг ей пришло в голову, что странно, отчего это до свадьбы она не потрудилась узнать, как у Себастьяна с деньгами. Не то чтобы от этого зависело хоть в какой-то мере ее решение, но все-таки теперь, когда они муж и жена, иметь полное представление о финансовом положении семьи – важно. Вернувшись в гостиную, она решила, что поднимет этот вопрос позже, и заметила в окне трактор и следом за ним «Лендровер» Себастьяна. И трактор, и автомобиль с трудом пробивали себе путь от дома к проезжей дороге.

К обеду Эмили соскучилась и проголодалась до того, что отправилась в кухню посмотреть, нет ли чего съедобного в холодильнике. Намазав маслом последний ломоть хлеба, села за стол съесть бутерброд – и тут услышала, как где-то хлопнула дверь, и раздался голос, на сей раз – женский. Дверь в кухню распахнулась. На пороге возникла сухопарая особа средних лет.

– Мистер Карратерс здесь? Он мне нужен немедленно.

Было видно, что ее трясет от гнева.

– Нет, боюсь, вы с ним разминувшись. Он уехал в деревню.

– А вы кто? – грубо поинтересовалась особа.

– Я Эмили, жена Себастьяна.

– Да что вы? В самом деле? Ну, я могу пожелать вам удачи! И раз вы его жена, передайте ему, что я от вас ухожу! Его брат совершенно сумасшедший! Представьте, швырнул в меня чашку! С горячим кофе! Не отскочи я в сторону, имела бы ожог третьей степени, не меньше! Я уже позвонила подруге, у нее вездеход, и она будет здесь через час, чтобы забрать меня. Ни минуты больше не останусь я в этом богом забытом доме, да еще с таким... психом!

– Я все поняла и вам очень сочувствую. – Эмили отметила, что речь женщины несколько неразборчива, возможно, от гнева. – Выпьете со мной чаю? Может быть, нам стоит поговорить, прежде чем вы уедете. Думаю, Себастьян скоро будет...

– И не надейтесь! Ни за что не останусь и не поддамся на уговоры! – перебила ее женщина. – Я однажды уже поддалась и горько об этом жалею. И верить хочу, ради вашего блага, милочка, что ваш муж не взвалит это бремя вам на плечи. Сразу скажу: никого на это место вы не найдете. Вам известно, что миссис Эрскин тоже уволилась?

– Да, но муж сказал, она вернется.

– Она сделает огромную ошибку, если вернется. Она хорошая женщина, и терпит все это только потому, что любила миссис Карратерс, их бабушку. Я знала ее, когда в детстве жила в этой деревне. Славная она была женщина, но через что прошла из-за этих мальчишек, страшно подумать! Ну, это не мое дело. Я пошла собираться. Он уже пообедал, так что дотерпит до того, как ваш муж вернется домой. Да и вообще, пусть угомонится сначала. Надо, чтобы приступ прошел. Он обычно скоро проходит.

– Хорошо, – ответила Эмили, не зная, что тут еще сказать. И сиделке, видимо, эта ее растерянность стала заметна, потому что она вдруг смягчилась.

– Да вы не беспокойтесь так, милая. Алекс на деле неплохой парень, просто, случается, впадает в отчаяние – да и кто хочешь впал бы, будь он на его месте. Сердце у него доброе, и досталось ему с

лихвой. Но я, знаете, стара уже это терпеть. Мне бы тихого, спокойного старичка под опеку, а не избалованного мальчишку, который никогда не вырастет...

Но Эмили могла думать только о том, что сиделка уедет, прежде чем вернется Себастьян. Уедет и оставит ее в этом мрачном чужом доме, уйти из которого, так навалило снегу, нельзя, оставит один на один с невидимым, но пьяным и злым сумасшедшим. Ни дать ни взять фильм ужасов! Она едва сдержалась, чтобы не рассмеяться, до того все это выглядело нелепо...

– Ну что ж, поздравляю с замужеством, – сказала женщина и пошла к двери.

– Благодарю вас, – улыбнулась Эмили.

У самой двери та вдруг остановилась и повернулась к ней.

– Я надеюсь, вы понимаете, что на себя взвалили. Прощайте.

Спустя полчаса в окно гостиной Эмили увидела машину, медленно и осторожно ползущую вниз по подъездной дорожке. Женщина, с которой она разговаривала в кухне, подтащила свой чемодан, уложила его в багажник. Не с первого раза развернувшись, машина отползла от дома.

Снег повалил сильнее. Все небо занавесили, мельтеша и кружа на лету, толстые белые хлопья. Падая, они укладывались в стену, плотно отгораживающую Эмили от внешнего мира. Сердце ее заколотилось, стуча о ребра. Этот сумасшедший брат всего в нескольких шагах от нее, и больше ни единой живой души рядом. Что, если снегу навалит столько, что Себастьян не сможет вернуться? Сейчас три часа дня, в январском небе уже смеркается, и вскоре наступит тьма...

Эмили поднялась с места, понимая, что учатившийся пульс предвещает паническую атаку. Подростком она перенесла немало подобных приступов мучительной тревоги и, повзрослев и справившись с ними, жила настороже, что эта напасть может вернуться.

– Сохраняй спокойствие и дыши глубже, – сказала она себе, но волны страха неумолимо накатывали, одна за другой. Самовнушение не помогло. Она начала задыхаться. Это означало, что контроль над организмом потерян, и уговаривать себя поздно.

Рухнув на диван, Эмили наклонилась так, чтобы голова оказалась между колен. Силы оставили ее, кожу покрыл липкий пот, в глазах

заплясали яркие пятна. Она сомкнула ресницы, борясь за каждый вздох. «Господи, помоги мне, *mon Dieu, mon Dieu...*»

– Я могу помочь? – раздался низкий мужской голос. Голова кружилась, руки-ноги онемели, их покалывало, глаза открыть она не могла, берегла силы, которых не хватало на дыхание. – Послушайте, я могу вам помочь?

Теперь голос был ближе, почти рядом. Щеку, кажется, обожгло чьим-то дыханием, ее взяли за руку... но ответить она не могла.

– Полагаю, вы француженка, новая жена Себастьяна. Вы понимаете по-английски?

Эмили сумела кивнуть.

– Хорошо. Я пойду поищу бумажный пакет, а вы, пока меня тут не будет, все-таки старайтесь дышать. Это будет означать, что вы еще живы.

Эмили не представляла себе, сколько прошло времени, прежде чем ей принесли пакет. Тот же спокойный, уверенный голос велел ей дышать, медленно и размеренно. Это был то ли сон, то ли кошмар, она толком не понимала. Ей было все равно. Владелец уверенного голоса знал, что следует делать, и она, как послушная девочка, подчинялась.

– Вот умница, вы все правильно делаете. Продолжайте дышать. Вот, пульс уже реже. Скоро все кончится, я обещаю.

И в самом деле, бешеный ритм сердца вскоре стих, пульс вернулся почти к обычному, Эмили снова ощутила, что у нее есть руки и ноги, и отодвинула пакет от лица. Откинувшись на спинку дивана, совершенно без сил, мокрая и озябшая, с наслаждением отмечала она приметы того, что тело приходит в норму.

Лишь несколько минут спустя, успев порадоваться, что все позади и она жива, Эмили задалась вопросом, кто же этот рыцарь, который ее спас, и, с усилием приоткрыв один глаз, увидела Себастьяна – но нет, то был не Себастьян. То была улучшенная фотошопом его версия – в радужке с искрами янтаря яркие карие глаза гипнотической теплоты, шевелюра цвета красного золота, безупречной формы нос, губы полней, чем у Себастьяна, и ярче, и четче очерчены скулы, обтянутые чистой, а не веснушчатой кожей.

– Я – Алекс. Рад знакомству.

Эмили прикрыла глаз и замерла, опасаясь, что зрелище сумасшедшего брата, который сидит в считанных сантиметрах от нее,

вызовет еще один приступ. Теплая ладонь накрыла ее руку.

– Я понимаю, что вы бережете силы и потому мне не отвечаете. Отлично знаю, что это такое. У меня этих панических атак было – не сосчитать. Что вам сейчас по-настоящему нужно, так это выпить.

Человек, говоривший с ней так разумно и ласково, разительно не вязался с образом, который живописал ей Себастьян. Прикосновение руки Алекса придавало ей сил и ничуть не пугало. Она собралась с духом и открыла глаза, чтобы рассмотреть его, как полагается.

– Привет, – улыбнулся он, весело глядя на нее.

– Привет, – кое-как выговорила Эмили, еще не вполне овладев речью.

– Какой язык предпочитаете – английский или французский?

– *Français, merci*, – думать на чужом языке было ей сейчас не под силу.

– *D'accord*, – согласно кивнул он и по-французски продолжил: – А вы очень хорошенькая. Брат говорил, что так и есть. Но, должен сказать, открытые голубые глаза идут вам больше. Что ж, примите еще вот это лекарство. – Алекс достал бутылку виски. – Старая карга, которая наконец убралась отсюда, думала, что я не знаю, где она прячет выпивку. Я стащил бутылку из ее чемодана, пока она вам тут плакалась, какое я чудовище. Себастьян мне не верит, но она настоящая пьяница, по бутылке в день выпивает. А теперь, – Алекс ловко подъехал к буфету и открыл дверцу, за которой обнаружился эдвардианский хрусталь, – а теперь мы выпьем на пару, верно? Самая губительная затея – пить в одиночку. – Обмахнув стаканы чистым носовым платком, он щедро плеснул в них виски и, со сноровкой зажав их между коленями, развернулся к дивану.

– Не думаю, что мне стоит, – отказалась Эмили, когда он протянул ей стакан.

– Почему? Можете быть уверены, цели у нас самые медицинские. Нет, в самом деле, теперь моя очередь играть сиделку, и я авторитетно вам говорю, это на благо.

– Все-таки нет, благодарю вас, – опасаясь его поощрять, уперлась Эмили.

– Что ж, раз вы не будете, то и я не буду, – Алекс решительно поставил свой стакан на стол. – А холод здесь стоит – просто зверский! Если не в моих силах согреть вас виски, тогда я хотя бы разожгу огонь.

Эмили не шевелясь смотрела, как Алекс управляется с камином, слишком заторможенная, чтобы помочь.

– Так где же наш Себастьян? – спросил он. – Отправился улаживать бедную миссис Эрскин вернуться в сто двадцать восьмой раз?

– Да, он сказал, что заедет к ней по пути в магазин.

– Сомневаюсь, что он отыщет там что-то съестное. Местные при первых признаках пурги, предвидя осадное положение, сметают все с полок. Это звездный час лавочников, даже древние консервы распродаются. Вам крупно повезет, если достанется хотя бы фасоль в банках. А пурга самая настоящая, – добавил он, глядя в окно. – Я такую погоду люблю, правда. А вы?

Тут его пронизывающий взгляд в полную свою силу обратился на нее, и Эмили поневоле вспомнила, что Себастьян рассказывал про способность Алекса очаровывать и убеждать.

– Не очень. Я, знаете, с тех пор, как здесь, ни разу еще не согрелась.

– Еще бы! Топливный бак уже месяц как пуст. К счастью, у меня имеется тайный арсенал электрообогревателей, – лишь благодаря им моя кровь еще циркулирует. Но только не выдавайте меня мужу! Он немедля все конфискует. Но, в общем, если не брать во внимание то, что мы живем в ледяном доме, мне снег нравится. Впрочем, – Алекс вздохнул, – мне нравится все, что нарушает скучную монотонность нормы. Ведь, согласитесь, сейчас погода сказочная!

– Да, – вяло кивнула Эмили.

Алекс обратил взгляд на стаканы с виски.

– Думаю, мы все-таки должны выпить. Не дело, если выпивка пропадет зря.

– Нет, я не буду, – она опять покачала головой.

– Послушайте! – вскинул бровь Алекс. – А не в том ли все дело, что Себастьян описал меня вам как алкоголика и наркомана?

– Он упомянул некоторую склонность к этому, да, – честно призналась Эмили.

– К наркотикам во дни моей юности я тягу питал, не скрою, – живо откликнулся Алекс, – но алкоголиком никогда не был. Однако это не значит, что я не люблю выпить. Отнюдь! Кто же не любит! Вот вы,

например, француженка. Наверняка пьете вино с колыбели, разве не так?

– Так.

– И как же это случилось, что вы вышли за моего брата?

– Ну, – смутилась Эмили, – я влюбилась. Как правило, люди выходят замуж по этой причине.

– Причина веская, это верно, – кивнул Алекс. – Пожалуй, самое время воскликнуть: добро пожаловать в нашу семью!

Дверь гостиной распахнулась. На пороге стоял промокший, засыпанный снегом Себастьян. С волос у него капало. Эмили, почувствовав себя виноватой, вскочила:

– Привет! Как хорошо, что ты вернулся!

– Мы не слышали, как ты подъехал, – вставил Алекс. Себастьян, хмурясь, не спускал глаз с нетронутых стаканов, которые так и остались стоять на столе.

– Вы не слышали потому, что мне пришлось оставить машину на повороте и всю дорогу до дома идти пешком, с тяжелыми сумками, в пургу! А вы, как я вижу, пьете?

– Нет. Хотя, признаюсь, изо всех сил пытался уговорить твою жену выпить. Она очень скверно себя чувствует, – объяснил Алекс.

– Типичное для тебя поведение, – вскинул бровь Себастьян, после чего с гневом, а не с сочувствием обратился к Эмили:

– Тебе что, в самом деле плохо?

– Нет, спасибо, я в порядке, – нервозно ответила она.

– Я же предупреждал тебя, Алекс, в эту часть дома тебе ходу нет! – Себастьян перевел взгляд на брата.

– Как я уже объяснил Эмили, моя сиделка сделала ручкой, о чем я и пришел тебе сообщить.

– Что? Черт побери, что ты опять натворил? – взорвался Себастьян.

– Я отшвырнул чашку мерзкого кофе, который она мне подала. Бросил в стену. Она так надралась, что положила в кофе соль, а не сахар. И решила, что я метил в нее.

– Считай, на сей раз ты своего добился, Алекс! – сверкнул глазами Себастьян. – Миссис Эркин отказалась вернуться к нам решительно и бесповоротно, и я ее не виню. И то, что эта бедная женщина, твоя сиделка, ушла, меня тоже не удивляет, учитывая твое поведение. Но

вот где, черт побери, при этой погоде я найду ей замену, выше моего разума!

– Послушай, Себастьян, ты знаешь, что я совсем не так уж беспомощен, – возразил ему Алекс. – Я могу себя одеть, вымыть, покормить – и даже вытереть себе задницу. Ночью я вытаскиваю себя из кровати и снова в нее ложусь. Я тысячу раз тебе говорил, что теперь мне нужна не круглосуточная сиделка, а обычная помощница по хозяйству.

– Ты прекрасно знаешь, что это самообман, – поморщился Себастьян.

– Чистая правда, и напрасно ты мне не веришь, – Алекс повернулся к Эмили: – Вы видите, он обращается со мной так, словно мне два года! Ну сами подумайте – он указал на свое инвалидное кресло, – вряд ли мне в этом что-то грозит, верно?

Эмили сидела как зритель перед боксерским рингом, молчала, не зная, что может добавить к этому разговору.

– Да, управляешься с этой штукой ты ловко, ничего не скажешь, – покачал головой Себастьян. – И выхода нет. Придется мне пойти у тебя на поводу, хотя бы эти несколько дней. Потому что сейчас я точно никого не найду.

– Вот и прекрасно. Сто раз тебе говорил, это напрасная трата денег, да ты слушать не хочешь. Что ж, дорогие новобрачные, на этом я вас оставлю, – он развернулся, покатил к двери и оттуда, взявшись за ручку, с улыбкой оглянулся на Эмили. – Рад знакомству, и добро пожаловать в Блэкмур-Холл!

Дверь за ним закрылась. В гостиной повисла тишина. Себастьян протянул руку к стакану с виски и залпом его осушил.

– Мне очень жаль, Эмили. Наверное, ты не понимаешь зачем я тебя сюда притащил. Он сущее наказание, и моего терпения не хватает.

– Я понимаю. И, пожалуйста, не беспокойся обо мне. Я постараюсь тебе помочь.

– Ты очень добра, но если бы я знал, чем... Будешь? – Он показал на второй стакан.

– Нет, спасибо.

Себастьян залпом осушил и его.

– Вот что, Эмили. Думаю, пришла пора поговорить нам с тобой очень откровенно. Понимаешь, у меня возникло мучительное, острое

чувство, что я тебя обманул, что женился на тебе под фальшивой личиной. Ты и сама видишь, здесь все просто в ужасающем состоянии. И если решишь, что это не по тебе, и уедешь, я ни в малейшей степени не буду в обиде. – Он рухнул на диван рядом с ней и взял ее за руку. – Мне страшно жаль, правда.

– Да, дорогой, я начинаю понимать, что твоя жизнь совсем не так налажена, как я полагала. Но я вышла за тебя не потому, что ты благополучно устроен, а потому, что люблю тебя. И теперь я твоя жена и буду участвовать в твоих проблемах, что бы там ни было.

– Ты еще и половины не знаешь, – простонал Себастьян.

– Ну так поделись наконец!

– Дела таковы, – он тяжело вздохнул. – Помимо ситуации с Алексом суровая правда состоит в том, что я разорен. После бабушки у нас и без того немного осталось, но я надеялся, что мой бизнес окрепнет, и я смогу привести этот дом в порядок. Но два года назад Алекс попал в аварию, и уход за ним сожрал львиную долю того, что я зарабатывал. Разумеется, я заложил дом, но на выплаты не хватает, и в банке мне больше ничего не дадут. До того дошло, что топливный бак пуст – солярки не завезли, потому что мне нечем за нее заплатить. В общем, все катится к тому, что мне придется продать Блэкмур-Холл. То есть, конечно, если Алекс даст на это согласие. Половина по закону – его, а он наотрез отказывается уезжать.

– Мне ли не понимать, Себастьян, – проговорила Эмили, – как печально было бы расстаться со старым семейным гнездом! Но, сдается мне, у тебя просто нет выбора. И у Алекса тоже.

– Да, ты, конечно, права. Но – хочу подчеркнуть – как раз перед встречей с тобой мой бизнес начал вставать на ноги. Я принял несколько удачных решений, и мне везло. Впрочем, пожалуй, это к тому, о чем мы сейчас говорим, отношения не имеет. Я толкую о точке Б, а сам нахожусь в точке А. И как мне добраться от одной к другой, вот в чем вопрос. И как бы мне этого ни хотелось, – он пожал плечами, – не думаю, что смогу удержать этот дом. Как поступить с нашим соседом Алексом – это другая история. Он зубами и ногтями ухватится, чтобы остаться здесь, а дом – наш с ним общий. Как ты понимаешь, это очень непросто – устроить где-то человека в положении Алекса.

– Но ты же его не оставишь, правда?

– Конечно, нет, Эмили! – вспыхнул Себастьян. – За кого ты меня принимаешь? Ты же видишь, я отношусь к своим обязанностям очень серьезно.

– Да-да, – поспешила его заверить Эмили. – Я не об этом. Я всего лишь о том, куда его устроить, если ты продашь дом.

– Насколько я могу судить, от продажи дома он получит достаточно, чтобы хватило на многие годы в соответствующем заведении. Что бы он там ни говорил, он нуждается в круглосуточном наблюдении и...

– Себастьян, я заметила, что в течение всего нашего разговора ты все время говоришь «я». Прошу тебя помнить, что это больше не «я». Это «мы». Я – твоя жена, мы партнеры, и мы вместе разберемся с проблемами так же, как ты помог мне с моими дома.

– Ты очень отзывчива, Эмили, но я в самом деле не думаю, что в данных обстоятельствах ты можешь как-то помочь, – со вздохом сказал он и уронил голову на ладони.

– Почему ты так говоришь? Во-первых, у меня есть деньги, ты прекрасно это знаешь. И раз я твоя жена, все, что мое, – твое. Почему я не могу тебе помочь? Я хочу помочь, я подчеркиваю – хочу. В особенности если, как ты говоришь, средства нужны только для того, чтобы продержаться, пока твой бизнес не начнет приносить стабильный доход. Рассматривай меня как инвестора, если тебе так легче!

Себастьян, вскинув голову, в изумлении уставился на нее.

– Эмили, так ты всерьез предлагаешь мне финансовую помощь?

– Разумеется. Не вижу, в чем тут проблема. Ты был рядом в минуту нужды. Теперь я подставляю тебе плечо.

– Эмили, ты ангел! – Себастьян заключил ее в объятия. – Я сгораю со стыда, что не рассказал тебе всего перед тем, как мы поженились. Но только вчера, когда мы сюда приехали, я осознал, как обстоят дела. И вынужден признать, что слишком долго прятал голову в песок. Боже, когда я получил сегодня выписку о состоянии моего банковского счета... это катастрофа какая-то...

– Все. О деньгах ты можешь больше не беспокоиться. Когда сделаешь примерный расчет, какая именно сумма нужна, я распоряжусь перечислить ее на твой счет. Вообще говоря, на мой взгляд, у нас есть проблемы поважней. Например, чем заполнить

топливный бак. – Эмили улыбнулась. – Давай прямо сейчас закажем, а заплатить можно кредиткой по телефону. Тогда мы хотя бы согреемся!

– Милая! – серый от волнения, поднял к ней лицо Себастьян. – Как ты добра! Поверь, мне ужасно неловко!

– Все в порядке. Кроме солярки, добыть которую просто, нашей следующей задачей будет найти кого-то, кто примет на себя заботу о твоём брате. Так?

– Абсолютно. Самый логичный ход – это обратиться в агентство, но цены там...

– Мы только что с тобой согласились, что деньги – не проблема. Но правду ли говорит Алекс, утверждая, что может справиться сам?

– Скажу, что и в лучшие времена не очень ему доверял. – Себастьян покачал головой. – Он не человек, а тридцать три несчастья. Я живу в постоянном страхе, что он угробит себя, поставив жестянку с фасолью в микроволновку, или ухнет до смерти, заказав по Интернету вагон спиртного.

– Так, значит, постоянная квалифицированная помощь ему не нужна? В медицинском смысле?

– Он принимает по утрам что-то, чтобы стимулировать кровообращение, но помощь нужна ему скорее для выполнения бытовых задач.

– Если мы не сумеем никого подыскать, я и сама могу присматривать за ним, по крайней мере какое-то время, – предложила Эмили. – Я научилась кое-чему, когда ухаживала за матерью – последние месяцы она провела в инвалидном кресле. А потом, я ветеринар с дипломом, и знаю, как устроено тело.

– Но могу ли я быть уверен, что ты не поддашься чарам моего братца? – Себастьян, со значением посмотрев на пустые стаканы, перевел взгляд на нее. – Или его влиянию?

– Можешь! – уверила его Эмили, удержавшись от замечания, что это ведь он, Себастьян, выпил виски, а отнюдь не его жена и не его брат. – А то, что время от времени его охватывает отчаяние, неудивительно. Он выходит из дома?

– Редко – но не представляю, чтобы Алекс по средам отправлялся в клуб, где собираются местные инвалиды, чтобы сыграть в лото или выпить разбавленного соку. И, главное, он сам себе этого не представляет. Всегда был сам себе на уме. В общем, – Себастьян

разомкнул объятия и откинулся на спинку дивана, – вот тебе полная картина. Твой муж теперь как раскрытая книга и – в настоящий момент – в финансовой луже.

– Не говори так, Себастьян. Ты ведь не виноват. Ты сделал все, что мог, чтобы помочь брату, наладить свое дело и сохранить родовой дом. Ты не должен себя винить.

– Спасибо, милая. Твоя поддержка мне очень важна. Ты – чудо, самое настоящее чудо! – Себастьян, наклонившись, легонько поцеловал ее в губы. – Теперь надо позвонить поставщикам топлива, пока они не закрылись, и занять очередь в хвосте засыпанных снегом и замерзающих страждущих. Если ты не против, чтобы я пользовался твоей кредиткой, может быть, ты дашь мне ее, им ведь надо назвать номер и прочее, когда расплачиваешься по телефону?

– Разумеется. Она наверху, в сумочке. Сейчас принесу. – Эмили чмокнула мужа в макушку и вышла из комнаты. Поднимаясь по лестнице, она думала о том, что может помочь мужу так же, как он помог ей. Чувство было очень приятное.

Глава 17

Прошла неделя, и жизнь в Блэкмур-Холле понемногу пошла на лад. Снег, валивший три дня, превратился в сугробы, одетые предательски хрупкой корочкой льда, а потом и они стали таять, потому что повысилась температура. За день до того нефтяная компания доставила солярку, и Эмили, проснувшись, отметила, что в доме стало немного, но все же теплее.

Из агентства прислали временную сиделку. Алекса Эмили не видела с того дня, как он спас ее от панической атаки. Щелкнув кнопкой электрического чайника, чтобы сделать чашку кофе и выпить ее наверху, в постели, Эмили подумала, что, похоже, она обживаетея. Себастьян подсчитал, какая сумма ему требуется, чтобы продержаться еще несколько месяцев, она тут же передала поручение в банк, и ему перевели деньги. С тех пор он заметно повеселел.

– Раз уж нас тут снегом засыпало, давай превратим это стихийное бедствие в медовый месяц, – предложил он. – В подвале есть вино, в холодильнике – еда, в камине весело пылает огонь, и, главное, у тебя есть я, а у меня – ты! Будем наслаждаться!

По утрам они подолгу лежали в постели, а потом, надев толстые куртки и резиновые сапоги, совершали пешие прогулки в деревню, где в пабе на обед подавались калорийные английские блюда.

По дороге устраивали битву в снежки и, надышавшись свежим ледяным воздухом, возвращались домой разгоряченные, хохочущие, веселые. Вечера проводили на подушках перед камином, попивали вино, которое Себастьян приносил из подвала, болтали, занимались любовью.

– Как ты красива, – говорил он, в свете каминного огня целуя ее тело. – Как я рад, что ты досталась мне в жены!

В то утро, как началась оттепель, Себастьян повез Эмили в ближайший городок Малтон, чтобы пополнить запасы еды, которые на глазах иссякали. На обратном пути он заставил ее самой повести «Лендрровер». Это было настоящее испытание для водителя, не привыкшего к гололеду, даже если не говорить про ужас левостороннего дорожного движения.

– Милая, важно, чтобы ты это освоила, – приговаривал он, когда она, мокрая от страха, ползла не быстрее улитки. – Когда я буду в Лондоне, тебе придется как-то выбираться из дома!

Готовя кофе, Эмили с удовольствием оглядывала кухню. Стоило выстирать грязные унылые шторы и поставить на сосновый стол вазу с цветами, как комната разительно оживилась. Веселую ноту вносил и симпатичный бело-голубой фарфор, несколько кружек из которого она отыскала в одном из буфетов и расставила их на полке над плитой. Поднимаясь с подносом по лестнице, она видела в окно, что на улице светит солнце, а с блестящих сосулечек срывается капель. Пожалуй, надо сказать Себастьяну, что, если выкрасить кухню в бледно-желтый цвет, там станет совсем славно.

Забравшись в постель, она принялась за кофе.

– Выспалась? – спросил Себастьян, садясь и протягивая руку за своей кружкой.

– Да. Знаешь, я решила, что мне тут, в общем-то, нравится. Этот дом напоминает мне старую, никем не любимую тетушку, которой и надо-то немного тепла и ласки...

– И еще куучу наличных, – протянул Себастьян. – Кстати, про деньги. Теперь, когда снег тает, а ты уже немного обжилась, боюсь, пора мне на несколько дней отбыть в Лондон. Как ты без меня, справишься? Алекс с новой сиделкой вроде бы ладит, досаждать тебе не будет. Конечно, ты могла бы поехать со мной, но у меня там столько работы! Я не смогу уделять тебе никакого внимания. Ты там заскучаешь...

– Где ты там останавливаешься?

– Обычно – в чулане у одного из приятелей. Не «Ритц», но меня устраивает.

– Как долго тебя не будет?

– Думаю, что если уехать завтра с утра, то дня три, не больше. Вернусь вечером в пятницу, – пообещал он. – Конечно, «Лендровер» я оставлю тебе, на тот случай, если погода опять переменится. У меня есть еще старенький драндулет, доеду на нем до станции. А потом, в следующий раз, возможно, подумаем, чтобы поехать вместе. Ну как, отпустишь меня?

– Хорошо, – кивнула Эмили, стараясь не думать, что он оставляет ее одну с Алексом и машиной, которую она боится водить. –

Послушай, я подумывала о том, не перекрасить ли кухню. Как ты на это смотришь?

– Одобрительно. Мне сегодня все равно надо в город, зайти в банк. На обратном пути заедем купить краску. – Себастьян погладил ее по щеке. – Нет, ты чудо, настоящее чудо, и даже не спорь!

Ранним утром на другой день Себастьян уехал. Эмили, напевая, спустилась в кухню, выпила кофе и приступила к работе.

К обеду она полностью выкрасила ту стену, по которой проходил дымоход, и отругала себя, что не попросила Себастьяна помочь ей отодвинуть огромный старый буфет, полностью занимавший другую стену. Присев, чтобы перекусить бутербродом, она услышала, как подъехал автомобиль. Сочтя, что это почтальон, она принялась за стену, где была раковина.

– Салют! – окликнули по-французски ее. Испуганно вздрогнув, Эмили оглянулась и у порога увидела прикатившего в кухню Алекса.

– Что вы тут делаете? – испугавшись, резко спросила она.

– Вообще-то я тут живу, – дружелюбно ответил он, – и хотел известить вас, что моя последняя сиделка уехала раз и навсегда.

– Ох, Алекс! Что вы натворили на этот раз? – И Эмили начала осторожно спускаться со стремянки.

– Хотя вы не говорите со мной как с недоумком!

– А чего же ожидали? Я здесь всего неделю, а уже две сиделки отказались от вас!

– Это мой брат настроил вас против меня, – печально заключил Алекс.

– Ничего подобного! – ответила она по-английски, чтобы подчеркнуть, до чего Алекс неправ.

– Мне нравится, как вы это сказали, со своим прелестным французским акцентом...

– Не переводите разговор, – по-французски одернула его Эмили.

– Прощу прощения. В общем, как бы то ни было, она ушла. И теперь тут только мы с вами...

– Значит, я должна немедленно позвонить в агентство!

– Послушайте, Эмили. Я вас очень прошу, не надо. Хотя бы в ближайшие пару дней. Позвольте мне доказать вам с Себастьяном, что я вполне в состоянии сам о себе позаботиться. Вот если я клятвенно пообещаю вам вести себя паинькой – ни выпивки, ни наркотиков, ни

поездок в местный паб и так далее... – умоляюще смотрел на нее Алекс, – вы назначите мне испытательный срок, а? И при первых же признаках недостойного поведения вызовете подмогу. – Он покачал головой. – Вы даже представить себе не можете, до чего я этого не хочу.

Эмили в нерешительности молчала. Конечно, ей следует позвонить мужу и обсудить ситуацию с ним. И понятно, что как только она это сделает, он тут же примчится домой. А у него там, он сам это сказал, дела, их нельзя бросить... И Эмили приняла решение. Она жена Себастьяна, она справится с его братом вместо него.

– Договорились. Вам что-нибудь нужно? – И она поставила ногу на первую ступеньку стремянки, торопясь снова приняться за работу.

– Пока нет, благодарю вас.

– Если что-то понадобится, дайте мне знать. – Повернувшись к нему спиной, Эмили поднялась на самый верх, обмакнула кисть в краску и принялась отделявать сложной конфигурации угол.

Повисло молчание. Эмили сосредоточилась на движении кисти.

– Хороший цвет. Отличный выбор, – прокомментировал Алекс.

– Спасибо. И мне нравится.

– И мне. И поскольку кухня все-таки наполовину моя, думаю, это неплохо, верно?

– Да.

Они опять помолчали, а потом он спросил:

– А могу я помочь?

Эмили удержалась от шутки, которая так и просилась на язык.

– Я справлюсь, спасибо.

– Должен сказать, я отлично владею валиком, – сообщил Алекс так, словно прочитал ее мысли.

– Один лежит прямо у раковины, лоток и краска там же. – С недоверием она смотрела, как Алекс подъезжает к раковине, снимает с нее банку с краской, аккуратно отливает немного в лоток...

– Откуда начать? Отсюда? – Он указал на кусок стены налево от массивного буфета.

– Если хотите. Жаль, я не могу сдвинуть это сооружение.

– А я помогу вам. Руки у меня сильнее, чем у большинства особей с ногами. Сейчас вдвоем и передвинем.

– Ну давайте. – Эмили спустилась на пол и принялась снимать посуду с верхних полок, в то время как Алекс освобождал нижние. Затем они вместе отодвинули буфет от стены.

– А теперь поведайте мне о себе, – орудуя валиком, попросил Алекс, когда Эмили вернулась на свое рабочее место.

– Что вы хотите знать?

– Все самое главное: возраст, социальное положение, номер паспорта и так далее, – улыбнулся он.

– Мне тридцать один год, родилась в Париже. Мой отец был значительно старше матери и умер, когда я была девочкой. – Эмили решила рассказать ровно столько, чтобы не показаться невежливой. – Я выучилась на ветеринара, жила в квартирке в квартале Марэ, а потом, сразу после смерти матери, познакомилась с вашим братом. Вот, собственно, и все.

– На мой взгляд, вы себя умалаете. Начать с того, что родом вы из семьи, принадлежащей к сливкам аристократии. Сама газета «Таймс» сокрушалась о кончине вашей матушки.

– Это вам сказал брат?

– Нет. Я навел справки. Посмотрел в Интернете.

– Так зачем же тогда расспрашивать, если вам и так все известно?

– Затем, что мне интересно, как вы себя подадите. Мы же теперь родня! И, сказать правду, я ожидал другого. Вы меня удивили, Эмили. Учитывая ваше происхождение и воспитание, я поражен, что вы не избалованная французская принцесса, как это обычно бывает, полная апломба лишь потому, что ей выпало родиться в такой семье. Не так часто молодые представительницы вашего класса выбирают себе карьеру ветеринара. Нет, они находят богатого и влиятельного мужа, а дни проводят, порхая между Карибами, Альпами и Сен-Тропе, в зависимости от сезона.

– Да, вы как раз описали жизнь моей матери, – Эмили позволила себе улыбнуться.

– Вот именно! – Алекс победительно взмахнул валиком. – Итак, вы решили прожить жизнь полярно противоположно тому, как прожила свою ваша мать. И вопрос состоит в следующем, – он потер подбородок, изображая задумчивость. – Почему? Потому ли, Эмили, что ваша мать была так занята своей внешностью и светскими обязанностями, что ей не было дела до вас? Времени на вас не

хватало? И тогда вы возненавидели все это – гламур, глянец и роскошь, потому что для матери они были на первом месте, а вы – всегда на втором. Она воплощала собой природный французский шик, а вы, надо полагать, думали, что никогда не сможете возвыситься до ее стандартов. Вы чувствовали себя нелюбимой и нежеланной. Вам не доставало внимания. Все привело к тому, что вы выросли с крайне низкой самооценкой. Поэтому вы отринули жизнь, которая причиталась вам по праву рождения, так же, как эта жизнь – под стать вашей матери – отвергла вас, и избрали себе существование совсем в ином стиле.

Эмили вцепилась в ручку стремянки, чтобы не упасть.

– И, разумеется, – продолжил Алекс, не в силах остановиться в своем беспощадном анализе, – когда дошло до выбора профессии, вы ступили на стезю ветеринара, особы, призванной помогать, ухаживать, оказывать помощь, – то есть того, кем ваша мать никогда не была. И в том, что касается мужчин... сомневаюсь, что у вас было много возлюбленных. А потом явился мой брат, этакий рыцарь в блестящих доспехах, и вы сдались с потрохами...

– Довольно! – вскричала Эмили. – Прекратите! – Ее затрясло, стремянка под ней пошатнулась, из инстинкта самосохранения она спустилась на пол и сделала несколько шагов к нему. – Да как вы смеете так со мной разговаривать! Как у вас духу хватает! Вы же ничего обо мне не знаете! Ничего!

– Ага... вот теперь, – Алекс ухмыльнулся, – теперь я вижу, что расшевелил высокомерную, избалованную принцессу, которая кроется у вас там, в глубине, как бы вы ни старались ее упрятать!

– Я сказала, довольно! – И, не успев осознать, что делает, Эмили размахнулась и вlepила ему пощечину. Раздался звонкий шлепок. Эмили застыла на месте, будто пощечину дали ей. Впервые в жизни она ударила человека.

– Весомый аргумент, – Алекс потер щеку.

– Простите, – в ужасе пробормотала Эмили.

– Все в порядке, я это заслужил, – оторопело вымолвил Алекс. – Слишком далеко зашел. Со мной это бывает. Прошу вас, Эмили, не сердитесь.

Не отвечая, она повернулась к нему спиной и вышла из кухни, а в холле пустилась бегом и по лестнице поднялась, прыгая через две

ступеньки. Еле дыша, хлопнула дверью спальни, заперлась на ключ, бросилась на постель и, сунув голову под подушку, громко разрыдалась.

Она чувствовала себя как голая, как выставленная напоказ. С чего он взял, что так хорошо ее знает? Как посмел глумиться над ней, будто вскрыть ее тайные чувства – это способ ее унижить?

Что же он за чудовище?

Не позвонить ли ей Себастьяну, сказать, что не может здесь оставаться, что уже на пути в Лондон. Добраться «Лендрровером» до станции, сесть в поезд и через несколько часов оказаться в его объятиях...

Нет, нет, сказала она себе. Себастьян предупреждал ее, что за человек Алекс, какой он манипулятор. Хороша она будет, если признается, что он так легко допек ее, если, как маленькая, бросится за помощью к мужу, у которого и так дел невпроворот! Нет, нужно справиться с этим самой. Алекс – всего лишь скучающий мальчик и развлекается от безделья тем, что провоцирует людей на обиду. Он и сиделок своих допекал так же... Если его присутствие – неизбежная составляющая их с Себастьяном жизни, то ей, Эмили, следует взять ситуацию под контроль.

Придя к этому выводу, она успокоилась и, опустошенная вспышкой гнева, заснула, успев признать, впрочем, что в том, как рассуждал о ней Алекс, есть немалая доля правды...

Проснулась Эмили, когда было уже темно, чувствуя себя все такой же опустошенной, и не сразу поняла, где находится. Взглянув на часы, увидела, что уже шесть. Тихо спустилась вниз, зажигая по пути свет и уповая, что Алекс на своей половине. Осторожно открыла дверь в кухню – и увидела, что там никого нет. Поставила греться чайник, потом оглянулась и заметила, что малярные кисти тщательно вымыты и оставлены сушиться на мойке, а к вазе для фруктов, стоявшей на обеденном столе, прислонена записка.

Дорогая Эмили!

Я искренне сожалею, что вас расстроил. Как обычно, не знаю меры! Давайте начнем сначала, а? Я приготовил ужин, в качестве трубки мира. Очень прошу вас, приходите по-соседски, как только надумаете.

Ваш Алекс.

Эмили со вздохом села за стол. Как ей на это реагировать? Понятно, что это оливковая ветвь, понятно, что он просит прощения. И так же понятно, что у нее стойкая к нему антипатия. Но если жить под одной крышей, необходимо разрядить ситуацию. А потом, подумала она, наливая чай в кружку, если взглянуть трезво, что такого особенно неприятного он ей сказал? Дело, видимо, в том, что говорил он так, словно они уже достигли какой-то степени близости, в то время как до нее еще шагать и шагать... Нет, ну надо же, он едва ее видел, и при этом знает так хорошо... вот это ее и разгневало. И кстати. Ей неизвестно, способен ли Алекс сам за собой ухаживать. Завтра, подумала она, надо позвонить в агентство, пусть пришлют еще сиделку. Себастьян на всякий случай оставил номер, по которому позвонить. А сегодня надо пойти и хотя бы взглянуть, как он там. Ужинать с ним совершенно не обязательно, да и на ужин, скорее всего, консервированная фасоль и жареный хлеб.

Зазвонил стационарный телефон. Эмили поднялась взять трубку.

– Здравствуй, милая, это я.

– Здравствуй, «я»! – Услышав голос мужа, Эмили улыбнулась. – Как ты? И как Лондон?

– Я очень занят. Пытаюсь разгрести гору бумаг, что накопилась за месяцы. Просто хотел справиться, все ли у вас дома нормально?

– Д-да, все отлично, – с некоторой запинкой произнесла Эмили.

– Алекс тебя не беспокоит?

– Нет.

– Не очень тебе там одиноко?

– Я скучаю по тебе, но справляюсь. Затеяла красить кухню.

– Отлично. Что ж, тогда попрощаемся. Спокойной ночи. Если что, у тебя есть мой мобильный. Я завтра еще позвоню.

– Хорошо. Ты смотри, не надрывайся.

– Придется, это же для дела. Люблю тебя, милая.

– И я тебя.

Положив трубку на рычаг, Эмили сделала глубокий вдох, набираясь для неприятного визита сил, и направилась в восточное крыло дома. Любопытно, в каком там все состоянии, думала она,

шагая по коридорам. Дверь, ведущая в квартиру, была приоткрыта. Еще раз вздохнув, Эмили тихо постучалась.

– Входите! Я на кухне.

Толкнув дверь, она вошла в тесную прихожую. Затем, ориентируясь на голос хозяина, повернула направо и оказалась в гостиной. Вид комнаты ее поразил. Беспорядка, который она ожидала увидеть, не было и в помине. Напротив. Гостиная излучала покой и гармонию. Стены светло-серые, гардины на окнах из светло-желтого льна. В камине горел огонь, справа и слева от камина, аккуратно заставленные книгами, висели полки под потолок. У одной из стен удобно устроился современный диван, над ним в ряд черно-белые литографии в рамах. Два элегантных кресла викторианских времен, обитые заново, фланкировали собой камин, над которым отражалась в большом зеркале, одетом в золоченую раму, старинная хрустальная люстра. В середине отполированного до блеска низкого столика – ваза со свежими гвоздиками. Журчание классического фортепианного концерта, доносившееся из невидимых динамиков, довершало картину.

Демонстрируя любовное внимание к деталям и стремление к красоте, чистоте и порядку, гостиная столь разительно контрастировала с ужасающим состоянием остальной части дома, что Эмили едва вновь не потеряла самообладание.

– Добро пожаловать в мой скромный приют, – появился в другом конце комнаты Алекс.

– У вас... красиво, – сама того не желая, признала Эмили. Именно так она и сама оформила бы гостиную.

– Благодарю. Мысль состояла в том, что раз уж выпало до конца дней жить взаперти, то темницу надо сделать покомфортабельней. Вы согласны? – Она и кивнуть не успела, как Алекс продолжил: – Эмили, мне в самом деле, правда, ужасно стыдно за то, что произошло днем. Это было отвратительно. Клянусь, подобное не повторится. Вы этого не заслуживаете. Прошу вас, давайте забудем, что было, и начнем заново!

– Хорошо. И вы меня простите. За пощечину.

– О, как раз это более чем понятно! Я эксперт в том, как сделать, чтобы люди меня невзлюбили. И, честно признаюсь, иногда делаю это нарочно. Наверное, со скуки, – и Алекс тяжело вздохнул.

– То есть вам нравится дразнить людей? Подталкивать их к тому, чтобы они вышли из себя? Показали себя с дурной стороны? Нравится вогнать их в шок, вслух произнося то, чего никто другой не посмеет? И все это для того, чтобы выбить из человека дух, разбить его оборону, захватить над ним контроль?

– Туше, мадам, – с уважением посмотрел на нее Алекс. – Что ж, эта пламенная тирада плюс пощечина – и мы квиты. А теперь – мир?

Он протянул руку, Эмили, подойдя, торжественно ее пожала.

– Мир.

– Ну что, видите? Я вскрыл таившийся в вас темперамент! Вы не спасовали, вы ответили на мой вызов!

– Алекс...

– Да, – немедленно согласился он, – не будем! Довольно умственных баталий! Послушайте, у меня тут есть бутылка очень приличного «распай-ай», которую я берег для особого случая. Выпьете бокал?

Шелковый вкус произведенного в долине Роны вина помнился Эмили по многим семейным обедам...

– Немного выпью, да.

– Отлично. И если вам от этого легче, то сам я от вина воздержусь. Уверяю вас, впрочем: потребление алкоголя у меня под самым строгим контролем. Суть в том, что жизнь выглядит значительно интересней, если вино потреблять умеренно. Проиллюстрирую этот тезис историческим экскурсом. Наши предки часто прибегали к вину, чтобы дело шло веселей. – Алекс, развернув кресло, покотил в кухню. – Даже Иисусу аплодировали за то, что он обратил воду в вино. И от Средневековья до викторианских времен, проснувшись, первым делом каждый припадал к чаше вина, а не к чашке кофе, как мы с вами. Воду они пить не могли – некипяченая, она несла в себе тиф, «черную смерть», или тех отвратительных паразитов, что изнутри выедают желудок. Так и потягивали весь день вино, а к вечеру были ни на что не годны, – он хмыкнул.

– Забавная мысль, – улыбнулась Эмили.

– И нет ничего плохого в том, чтобы сгладить реалии жизни. Ведь что, по существу, представляет собой жизнь? Чертовски долгий и тяжкий путь к смерти. Почему бы не побаловать себя, если выпал случай?

Эмили прошла за Алексом в маленькую, но современную кухню. Сталь, стекло и шкафчики из белого пластика – все сияло чистотой. На обеденном столе, посередине, стояла бутылка вина – открытая, но непочатая.

– Однако все хорошо в меру, не так ли? – взглянула она на него.

– Да. Именно в этом я порой давал маху. Но впредь – нет. Думаю, по этому дому видно, что я все держу под контролем. Даже несколько сдвинут на том, чтобы все было так. Включая меня.

– Но как именно – так?

– Уместный вопрос, – Алекс разлил вино по бокалам. – Так – это расплывчатое слово, подходящее под любое определение. Но если говорить обо мне, который истратил, и я бы даже сказал, растратил свою молодость – по разным причинам, которые мы обсудим как-нибудь потом, – то «так» в моем случае состоит в том, чтобы все, что можно, держать под контролем. В частности, окружающую среду. – Он сделал глоток вина. – Кстати. Если заметите хоть малейшие признаки опьянения с моей стороны, то всегда успеете вырваться из моих когтей и спастись в своем эдвардианском музее. Так что бояться меня не стоит.

– Я вас не боюсь, Алекс, – твердо сказала Эмили.

– Вот и прекрасно, – понимающе глянул он на нее и поднял бокал. – За ваш брак!

– Спасибо.

– И за то, что мы с вами начали с чистого листа! Итак, опираясь на тот факт, что вы француженка, я сделал вывод, что вы скорее смените свое гражданство на британское, нежели объявите, что вегетарианка, и решил приготовить нам отбивную.

– Отлично, – Эмили с любопытством наблюдала, как он открыл холодильник и достал оттуда два куска вырезки в маринаде. Потом, развернув кресло к низко поставленной духовке, уже тихо жужжавшей, проверил что-то внутри. – Я могу помочь?

– Нет, мерси, пейте свое вино. Салат уже готов. Не возражаете, если мы поедем здесь? В столовой слишком торжественно для двоих.

– А у вас есть столовая?

– А как же, – вскинул бровь Алекс.

– Нет, конечно, не возражаю. Как вы покупаете эту еду?

– Что, не слышали про доставку на дом? – Он улыбнулся. – Звоню, диктую, что мне нужно, и – вуаля! – все привозят из местного магазина.

– Полезная вещь, – пробормотала Эмили, сбитая с толку неожиданной самостоятельностью Алекса. – Послушайте, а есть что-то, чего вы не можете?

– В практическом смысле я могу почти все – именно потому так злит, когда мне навязывают сиделок. Признаюсь, поначалу я был довольно беспомощен и круглосуточно нуждался в присмотре, который организовал мне брат. Однако прошло два года, я приспособился и вполне в состоянии передвигаться по дому, садиться в кресло и выбираться из него. Случалось, порой промахивался и приземлялся на задницу – не без того. Но теперь это бывает все реже. – Алекс заправил салат, перемешал его и поставил миску на стол. – Хуже всего изводит то, что на любой пустяк тратится бездна времени. Если угораздило забыть книгу в гостиной, а я уже лег спать, то приходится снова перемещаться в кресло, ехать в гостиную и обратно, а потом снова укладываться. То же касается мытья в душе и одевания. Любое, самое элементарное отправление человеческих потребностей приходится планировать, как военную операцию. Но поскольку человек наделен даром приспособления, мой мозг теперь перепрограммирован согласно особым условиям, в которых я оказался, и рутинные функции работают вполне неплохо.

– Значит, вы уверены, что справитесь без сиделки?

– Эмили, да посмотрите же на меня! – вскинул руки Алекс. – Я сижу в моей прибранной, разумно организованной квартире, готовлю нам ужин. Один. Язык уже болит втолковывать это Себастьяну, но все без толку.

– Я полагаю, он тревожится о вас и не хочет, чтобы случилась беда.

Алекс подавил вздох.

– А я полагаю, нам надо заключить пакт о том, что мы не станем обсуждать ни моего брата, ни его мотивы. Для всех сторон лучше, если этот предмет будет закрыт.

– Послушайте, Алекс, а разве вам есть в чем его упрекнуть? Сразу видно, что он истратил кучу денег, чтобы вы были здесь удобно

устроены, в то время как сам живет в доме, который остро нуждается в ремонте!

Алекс коротко хохотнул.

– Ну да, я же говорю, давайте эту тему забудем. Что ж... прошу за стол, ужин готов!

Только в половине двенадцатого Эмили, пожелав Алексу спокойной ночи, отворила дверь, которая привела ее в промерзшую, запущенную часть дома, где, по контрасту с жильем Алекса, показалось еще промозглее и холоднее. Взбираясь по лестнице в спальню, она чувствовала себя Алисой, провалившейся в Зазеркалье.

Отопление отключилось несколько часов назад, и в спальне было как в холодильнике. Эмили торопливо разделась и нырнула под одеяла. Спать совсем не хотелось, напротив, она была взбудоражена тем, что стала свидетелем демонстрации блестящего, на ее взгляд, ума.

Отличное вино сгладило разногласия, и они сидели и разговаривали о Париже, где Алекс провел два года, о французских писателях, которых они предпочитали. Потом перешли на музыку и науку, Эмили восхищалась широтой знаний своего собеседника.

Она выразила свое мнение вслух, на что Алекс только дернул плечом.

– Когда сидишь без гроша в великом городе – а это был как раз мой случай, – одно из благ состоит в том, что лучшее место, где можно в тепле провести день – это музей, художественная галерея или библиотека. А потом, у меня имеется такой раздражающий всех недостаток, как фотографическая память. – Он улыбнулся. – Память, как у слона. Я никогда ничего не забываю. Вы это, кстати, учтите, Эмили. На будущее.

После того как они отужинали, Алекс, ловко маневрируя, пересадил себя на диван и выглядел совсем как здоровый мужчина, если бы не странный угол, под которым улеглись книзу от колен его ноги. Тут ей стало ясно, каким высоким он был, и она сказала ему об этом. Да, подтвердил он, шесть футов три дюйма – что в его нынешнем положении большой плюс, потому что усиливает способность дотянуться до нужных вещей.

Алекс был, приходилось это признать, очень привлекателен. И куда красивее брата. С его внешностью, обаянием и интеллектом –

страшно подумать, сколько женских сердец успел он разбить до катастрофы, впрочем, ничуть не убавившей его мужского обаяния. Паралич ног не превратил его в калеку, нет. Это точно.

Даже странно, до какой степени не сочетается та обличающая характеристика, которую дал брату Себастьян, с красноречивым, остроумным, вполне здоровым человеком, с которым она провела сегодняшний вечер. Если вспомнить первую встречу с ним, когда, так вовремя появившись, он спокойно и толково помог ей справиться с приступом паники... Итак... кто он, истинный Алекс Карратерс?

Последняя мысль Эмили, перед тем как она заснула, была такой: каково же выпало ее мужу расти бок о бок с младшим братом, который, подобно Фредерику в рассказе старого Жака, превосходил его во всех отношениях...

Глава 18

Спустившись на утро поставить чайник, Эмили с удивлением застала в кухне Алекса. Тот успел уже выкрасить нижнюю часть стены за буфетом.

– Доброе утро, соня! – весело поприветствовал ее он.

Эмили вспыхнула. Знала бы, что он здесь, оделась бы, а то явилась в свитере Себастьяна поверх ночной рубашки и в толстых носках!

– Сейчас всего половина девятого! – огрызнулась она, щелкнув кнопкой на чайнике.

– Да я шучу. Один из минусов того, что у тебя бесчувственные палки вместо ног, в том, что ночью они сами собой дергаются – и, в общем, не дают спать. У меня в ступнях появилось такое странное чувство – они как бы зудят, из чего может следовать, что чувствительность возвращается. Врачи говорят, это хороший признак.

– Так это отлично! – Эмили смотрела на него, прислонясь спиной к раковине. – А каков был первоначальный прогноз?

– Да самый обычный, – легко отозвался Алекс. – Поскольку нервные окончания в позвоночном столбе повреждены, трудно судить с уверенностью, вернется ли чувствительность в ноги, но есть некоторые основания полагать, что скорее всего нет.

– И все-таки не исключена вероятность, что вы снова пойдете?

– Такого медики никогда не скажут. Ложная надежда, поддерживаемая врачом, в наши дни – основание для судебного иска, – улыбнулся Алекс. – Но я, вопреки обычной своей лени, медиков слушать не стал, взялся за ум и в больнице освоил лечебную гимнастику, и дома не перестал упражняться.

– Значит, есть шанс, что вы полностью восстановитесь?

– Насчет «полностью» – не скажу, но пока теплится жизнь, теплится и надежда... А теперь, поскольку я работаю здесь с самого рассвета, не кажется ли вам, что я заслужил чашку кофе, а?

– Ну конечно! – Эмили наполнила кофеварку кипящей водой и достала из шкафчика две кружки.

– Само собой, я оставил вам верхнюю часть стены. Вот бы я вас впечатлил, если бы полез на стремянку! – Он рассмеялся. – Хорошо выпались?

– Да, спасибо! – отозвалась Эмили, дожидаясь, когда кофе будет готов. – Алекс?

– Да, Эм? Я могу тебя так называть? Тебе идет это имя. Оно мягче.

– Если хочешь. Я, знаешь ли, все раздумываю, какая разница между тем, каким ты был вчера вечером, и тем, каким мне представил тебя Себастьян.

– Я просто даю брату то, что он от меня ждет, – неопределенно пожал плечами Алекс.

– Что ты имеешь в виду? Как может Себастьян «ждать», чтобы ты вел себя... неразумно?

– Твой муж – это тема, от которой меня тошнит. – Алекс погрозил ей пальцем. – Особенно когда я весь в желтой краске, а на дворе рассвет.

– Зачем ты постоянно доводишь сиделок до того, что они хлопают дверью?

– Эм... – со вздохом протянул Алекс. – Мы ведь договорились об этом не говорить, да? Скажу только, что раз эти тетки мне по большому счету не нужны, да и выбрать такую, которая меня бы устраивала, мне не дают, должен же я как-то от них избавляться, верно? Раз я физически неспособен помешать Себастьяну селить их в моем доме... Говорю же, я теперь вполне в состоянии сам себя обслужить!

– Ты совершенно в этом уверен?

– Вот только не начинай! – нахмурился он. – Покровительственный тон по отношению к паралитику – и это после вчерашнего безупречного вечера?

– Да, но я за тебя отвечаю...

– Эм, никто за меня не отвечает, и меньше всего – ты. Брату нравится думать, что отвечает он, но, как ты могла заметить за то короткое время, что тут пробыла, я имею отвратительную привычку эту иллюзию разрушать.

– Я просто пытаюсь донести до тебя, Алекс, что если я не выполню указания мужа обеспечить тебя круглосуточной сиделкой, а с

тобой что-то случится, – он никогда меня не простит.

– Даю тебе слово, Эм, – наконец-то всерьез проговорил Алекс, – ничего со мной не случится. А теперь сделай что-то полезное. Налей мне кофе, к примеру.

Час спустя Алекс пробормотал что-то насчет того, что у него дела не сделаны, и отправился к себе. Эмили закончила верхнюю часть стены, потом тщательно прокрасила все огрехи. Отошла на середину кухни, полюбовалась – хорошо!

Смывая с рук краску, она заметила в окно, что сквозь на глазах тающую корку льда пробивается зеленая травка, и решила, что пора пойти прогуляться, подышать свежим воздухом, ознакомиться со здешним ландшафтом.

Солнце ярко светило, когда она вышла через заднюю дверь. Пройдя посадками, которые летом, наверное, представляли собой симпатичный симметрично разбитый цветник, через калитку она оказалась в плодовом саду. Старые обнаженные деревья казались совсем мертвыми, но пласты промерзшей палой листвы вокруг стволов давали понять, что это не так.

Стоя в конце травяного теннисного корта, не знавшего ухода лет десять, не меньше, Эмили поняла, что дом уютно расположен между невысокими покатыми холмами. Далеко на горизонте чуть виднелись темные силуэты настоящих высоких гор. Она прошла дальше, и стало видно, что вокруг дома – пастбища, очевидно, овечьи, судя по заледенелым катышкам под ногами, а взобравшись на поросшую травой вершинку холма, пришла к выводу, что местность и в самом деле живописная, хотя и несколько пустоватая.

Вечером она сделала несколько звонков во Францию. Договорилась с архитектором и строителями, что через пару недель прилетит, чтобы увидеться с ними, но, главное, проследить за тем, чтобы библиотека отца была перевезена на хранение до того, как начнутся основные работы.

Сидя в кухне за чашкой чаю, она порассуждала сама с собой, не стоит ли пригласить Алекса на ужин. Хотелось докопаться до правды в загадочных отношениях между братьями, в их очевидной враждебности. И разве сейчас, когда Себастьяна нет дома, не самое время это сделать?

Постучавшись к Алексу, она нашла его в безупречно прибранном кабинете. Он бойко стучал по клавиатуре компьютера.

– Прости, что беспокою, но, может быть, ты поужинаешь со мной сегодня? И сможешь, кстати, поставить на место буфет?

– С удовольствием, – кивнул Алекс. – Увидимся! – и, погруженный в работу, только махнул рукой. Зато позже, въезжая в кухню, заметил: – Какая ты сегодня хорошенькая! Бирюзовый джемпер – то, что надо, при таком тоне кожи.

– Спасибо, – отмахнулась от комплимента Эмили. – Лучше скажи, можем мы вернуть на место этого мастодонта? Тогда я смогу расчистить кухонный стол, чтобы мы за ним ели.

– Предоставь это мне.

И почти без усилий передвинул буфет к стене. А затем расставил посуду по нижним полкам, а Эмили – по верхним.

– Ну вот! – с удовольствием огляделась она. – Разве так не лучше?

– Отличное преобразование. Даже хочется сюда зайти. Ты настоящая хозяйка, а, Эм?

– Не выношу тусклого, вот и все. Люблю, когда ярко и весело.

– Разве могло быть иначе – ты ведь из Прованса! Я принес бутылку неплохого вина, поскольку знаю, что в подвале остались последние, так сказать, капли. Да, и вот что еще принес, чтобы ты взглянула. – Он достал из кармана сбоку коляски маленькую книжку. – Сдается мне, их написала одна из твоих родственниц. Я подумал, тебе будет интересно. По-моему, они милые, хотя и наивные.

И, пока Алекс открывал бутылку вина, Эмили рассмотрела старенький, переплетенный в кожу блокнот. Перевернув первую из пожелтелых страниц, взглянула на запись – та была по-французски, очень неразборчивым почерком.

– Это стихи, – констатировал очевидное Алекс. – Почерк ужасный, верно? Бог знает сколько времени у меня ушло, чтобы расшифровать эти каракули. Вот, я напечатал, что у меня получилось. – Он протянул ей несколько страниц. – Будто пятилетний ребенок писал! И, в самом деле, некоторые написаны совсем юным поэтом. Но с возрастом проявился явный, настоящий талант. Ты заметила, там под стихотворениями есть имя автора?

– Софи де ла Мартиньерес! – с удивлением прочла Эмили. – Где ты нашел этот блокнот?

– Около месяца назад Себастьян обнаружил одну книгу в библиотеке. Помнится, книга была о фруктовых деревьях Франции. Он сказал, эта книжка была вложена в ту. Попросил меня прочесть ее и расшифровать. Ты знаешь, кто такая Софи?

– Да. Моя тетка, сестра моего отца. Отец избегал о ней говорить, но так случилось, что недавно мне кое-что о ней рассказали. Она была слепая, твоя бабушка познакомилась с ней во Франции во время войны.

– А, слепая! – Алекс покивал. – Тогда с почерком все понятно.

– Ты сказал, Себастьян нашел эти стихи в книге про французские фрукты?

– Так он мне сказал, да.

– Жак – это наш винодел, который рассказал мне, как твоя бабушка жила у нас во время войны, – он упомянул, что Констанс пользовалась как раз такой книгой, чтобы описывать Софи разные плоды, а та потом по этому описанию их рисовала. И про то, что Софи писала стихи, он тоже сказал. Возможно, Констанс привезла обе книги в Англию, когда вернулась домой после войны.

– Какая трогательная история.

– Да. А ты не знаешь, где эта книга про фрукты? Мне бы хотелось на нее взглянуть.

– Книгу я не видел с тех пор, как брат снял ее с полки. – Алекс вдруг призадумался. – А верхние полки, не забывай, вне моей досягаемости, так что, может быть, она еще там.

– Я поищу, и если не найду, спрошу Себастьяна, когда он вернется. – И Эмили снова обратилась к стихам. – Какая прелесть. Софи указала свой возраст под этим стихом. Ей было всего девять лет, когда она его написала. Про то, что именно ей хотелось бы видеть. – Растроганная до слез, Эмили шмыгнула. – Как это все печально!

– А мне особенно нравится вот это, – показал ей, полистав странички, Алекс. – «Свет за окном». Такое простое. Эм, а ты можешь пересказать мне, что ты узнала от этого своего Жака? Как бабушка оказалась во Франции? Меня распирает от любопытства.

И Эмили, за приготовлением ризотто, пересказала то, что поведал ей Жак. Алекс слушал очень внимательно, переспрашивая и уточняя.

– И это пока все, что мне известно, – закончила она, раскладывая еду по тарелкам. – Поразительное совпадение, что столько лет спустя

пути наших двух семейств вновь сошлись.

– Да уж, – Алекс взялся за вилку, – воистину поразительное.

Заслышав нотку сарказма, Эмили насторожилась.

– На что ты намекаешь? Если ты думаешь, что Себастьян искал этой встречи, то ты ошибаешься. Это была чистая случайность, что мы столкнулись в Гассене, он приехал в Вар по делам. И в первый же день рассказал мне, что между нашими семьями есть старинная связь.

– Прекрасно. Значит, никаких проблем, верно?

– Верно. Никаких, – твердо сказала Эмили.

– Вот и чудно. Тогда за ужин?

Но вечер не задался. В воздухе повисла неловкость. Отужинав, Алекс сразу ушел, а Эмили, прихватив с собой кружку какао, поднялась в спальню. С какой стати ей сомневаться в мотивах мужа, думала она, подперев спину подушками и грея руки о кружку. Как бы там ни было, они полюбили друг друга и поженились!

Она читала стихотворения, такие милые и непосредственные, и спрашивала себя, почему отец никогда не рассказывал о своей младшей сестричке. Эмили и узнала-то о ней случайно, девочкой, заглядевшись на портрет, который висел в кабинете отца в парижской квартире. На портрете юная красавица – бирюзовые глаза, распущенные золотые волосы – гладила персидского кота, который лежал у нее на коленях.

– Кто это, папа? – спросила она.

Последовала неловкая пауза.

– Это моя сестра, а тебе она тетя Софи, – наконец ответил отец.

– Какая она красивая!

– Да. Была.

– Она умерла?

– Да.

– Как она умерла, папа?

– Я не хочу говорить об этом.

Тема была закрыта. И, пожалуй, только сейчас, когда Эмили об этом вспомнила, ей показалось, что в глазах отца тогда блеснула слеза.

На следующий день, собрав всю волю в кулак, она съездила в Малтон, записаться на неделю провизией. Вечером она ждала Себастьяна. Он обещал, что в девять прибудет поездом в Йорк, а в

десять рассчитывает быть дома. Так и произошло. Эмили радостно встретила его в дверях.

– Как ты? – обнял ее муж.

– Отлично. – Она потянула его в кухню. – Ну что? Нравится?

Себастьян, оглядев свежеекрашенные стены, восхищенно кивнул.

– Перемена определенно к лучшему! Но как ты справилась с этим огромным буфетом?

– Мне помог Алекс.

– Алекс? – Себастьян потемнел лицом. – Что ему тут понадобилось? Он тебя не тревожил?

– Нет. Он вел себя хорошо. Мне многое нужно тебе рассказать, но давай оставим это до завтра. Ты голоден? Я сварила суп и купила хлеба.

– Вот и славно. – Себастьян уселся за стол. – А можно бокал вина? Если у нас есть, конечно.

– У нас есть. – Эмили достала бутылку, которую вчера принес Алекс. – Там осталось еще с половину, и она наполнила бокал.

– Очень приличное вино, – одобрил Себастьян. – Не может быть, чтобы ты купила его в нашей лавке!

– Нет, конечно, это Алекс принес. Ты лучше скажи, – быстро сменила она тему, – как дела в Лондоне?

– Как я и говорил тебе по телефону, дела крайне запущены, но понемногу я их разгребу. Сегодня я большую часть дня восстанавливал контакты с клиентами, которые значатся у меня в базе данных. Видимо, на будущей неделе придется слетать во Францию. Клиент, благодаря которому мы с тобой познакомились, проявил заинтересованность, и, сдается мне, в одном шато под Ментоной я приглядел для него Пикассо.

– Это же недалеко от Гассена! – вскинулась Эмили. – Может быть, мне поехать с тобой?

– Хорошая мысль! Но, пожалуй, не стоит, я туда ненадолго. Да и насколько я помню, ты сама собралась через неделю во Францию?

– Да, так и есть. Просто я очень скучаю...

– Еще бы! – Себастьян, потянувшись к ней через стол, накрыл ее руку своей. – Вряд ли твое здесь пребывание можно назвать многообещающим началом! Но клянусь тебе, дорогая, как только придет весна, все изменится. И к тому же, должен признать, оказалось,

что ужасно приятно возвращаться домой, когда знаешь, что тебя ждет жена! Суп очень вкусный. Погоду обещают сухую, так что завтра мы с тобой погуляем, покажу тебе, какая у нас тут красота.

– Превосходно, – улыбнулась Эмили. – Ты понимаешь, мне так странно здесь без тебя...

– Понимаю – чужой дом, и, конечно, жизнь в Англии вообще для тебя внове. Но это всего лишь на несколько месяцев – максимум на год, – а уж там мы примем решение, где поселимся. Как-то хотелось думать, что после всего пережитого тебе будет любопытно просто пожить здесь, заботясь о муже...

– Да, если он здесь...

– Эмили, – вздохнул Себастьян. – Я же сказал, сделаю все, что смогу, но, боюсь, пока мой бизнес не восстановится, нам обоим придется смириться с обстоятельствами.

– Ну конечно! – укорила себя за эгоизм Эмили. – И, может быть, ввиду моего успеха здесь, в кухне, стоит подумать о том, чтобы оживить и другие комнаты? Например, спальню?

– Ради бога, все, что угодно! Однако учти: ремонт – такое дело... Начав, ты не сможешь остановиться. Впрочем, так мило с твоей стороны приложить столько стараний... Послушай, я с ног валюсь. Не пора ли спать?

– Давай ты поднимешься и примешь ванну, а я пока тут приберу?

– Спасибо, – Себастьян поднялся из-за стола. – Мне правда нелегко пришлось в эти дни.

Эмили прислушивалась, как он поднимался по лестнице, как взвыли древние водопроводные трубы, когда он повернул кран, – и тут, чувствуя себя виноватой, что не сообщила мужу, что брат его опять без сиделки, но не в силах вынести еще одну сцену, вышла из кухни и коридорами пробралась к Алексу. Постучавшись в дверь, услышала:

– Кто там?

– Эмили. Можно войти?

– Дверь не заперта.

Алекс, с книжкой сидевший у огня, встретил ее улыбкой.

– Привет.

– Привет. Пришла проверить, в порядке ли ты.

– Нет, не в порядке. Упился и лежу, давлюсь рвотой, – съязвил он. – Полагаю, ты сказала Себастьяну, что я без присмотра?

– Нет, пока нет. Он очень устал, и я не хочу его расстраивать. Завтра я попробую его убедить, что круглосуточная сиделка тебе не нужна. И если он все-таки будет настаивать, что нужно кого-то нанять, скажу, что ты вполне обойдешься приходящей помощницей по хозяйству. В конце концов, так он еще и сэкономит!

– Эм, я... – Алекс остановился на полуслове, потом продолжил: – Нет, ничего... Спасибо, что ты на моей стороне. Тут теперь как-то легче дышать.

– Да, но многое зависит от того, сумеешь ли ты убедить Себастьяна, что нуждаешься только в помощи по хозяйству.

– Разумеется. Правда, должен признать, я не мастер заправлять постель и мыть пол. Обычно в пододеяльнике оказываюсь я, а не одеяло. – Он рассмеялся. – Но приложу все старания и буду паинькой. Обещаю. И в любом случае, спасибо тебе за помощь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Эту тему Эмили подняла на следующий день, когда они с мужем, нагулявшись по окрестностям, сидели в уютном пабе. Стоило ей оповестить его об отъезде последней сиделки, как Себастьян сделал грозное лицо, и она поторопилась добавить, что, на ее взгляд, Алекс в состоянии многое делать для себя сам – и им следует дать ему шанс.

– Эмили! – в отчаянии вскричал Себастьян. – Мы уже не раз обсуждали это! Очень мило и трогательно, что ты хочешь помочь! Но, боюсь, ты не понимаешь, до чего он капризен и переменчив! Что, если у него опять начнется запой? Или он рухнет на пол, пересаживаясь в кресло?

– Пригрозим, что тогда не миновать ему очередной постоянной сиделки. Знаешь, не исключено, что, получив некоторую независимость, он станет поспокойней. А если мы установим в большом доме «кнопку тревоги», то по крайней мере всегда будем знать, что с ним порядок.

– Получается, ты готова взять ответственность за него? Потому что, – Себастьян отхлебнул пива, – у меня в ближайшее время не будет времени исполнять каждый каприз моего братца. А у него капризов и прихотей – будь здоров!

– Пока он ни о чем меня не просил. Напротив, помог мне выкрасить кухню и угостил ужином.

– Неужели? Впечатлен! Значит, пустил в ход все свое знаменитое обаяние. Прости, Эмили, я наблюдал такое уже сто тысяч раз. Я предупреждал тебя, какой он ловкий манипулятор! И что же? Похоже, он полностью тебя покорила! Может быть, он и метит в то, что ты возьмешь его на себя. Алексу всегда нравилось все у меня отнимать, – насупясь, прибавил он.

– Прекрати, Себастьян! – Такой детской обиды Эмили никак не ждала. – Мне порой кажется, оба вы хороши, один лучше другого. Да ничего он у тебя не отнимет! Я знаю, что не вправе вмешиваться, но могу я предложить, чтобы мы попробовали прислушаться к Алексу? На какое-то время? Он жаждет независимости, и, возможно, ладить с ним будет легче, если он получит ее. Почему не дать ему шанс доказать его независимость?

И Себастьян, значительно помолчав, кивнул:

– Ладно, сдаюсь. Если ты сама этого хочешь. Но, Эмили, как ты не видишь? Он ухитрился полностью тебя обаять, переманить на свою сторону, а я, если не соглашусь, буду выглядеть занудой!

– Спасибо! – Положив ладонь ему на руку, Эмили пожала ее. – Просто хочется, чтобы жизнь в доме шла спокойней. И в особенности ради тебя, потому что ты – мой любимый. Скажи, у нас есть время доехать до Хогарта? Очень хочется взглянуть на дом викария, где жили сестры Бронте!

Вечером, когда Себастьян в кабинете засел за компьютер, Эмили пошла к Алексу. Она застала его в кухне, за ужином.

– Себастьян согласился с моим предложением.

Лицо Алекса осветила улыбка.

– Ты – чудо. Спасибо тебе, Эм!

– Я попробую подыскать для тебя помощницу, и как можно скорее, но пока ее нет, если что-нибудь нужно, только скажи.

– Посиди со мной полчасика, а?

– Не могу. Готовлю ужин.

– А, ну да. Что ж, – Алекс снова принялся за еду, – тогда приятного вам вечера.

– Спасибо. И тебе.

Себастьян был в кухне, когда она вернулась.

– Куда ты пропала? Я тебя звал.

– Сбегала проверить, как Алекс. У него все нормально.

– Хорошо.

В течение ужина он был тих.

– Что такое, Себастьян? – не выдержала Эмили, убирая со стола. – Ты какой-то... сам не свой. Что-то случилось?

– Нет, ничего. Хотя... да. Поди ко мне, сядь, – он похлопал себя по коленке. Эмили послушно села, поцеловала его в щеку.

– Ну, поделись.

– Да... я знаю, прозвучит это по-детски и несерьезно, но, видишь ли, не хочу я тебя делить.

– Что это значит?

– Смотри, как оно получилось! Алекс умудрился очаровать тебя, убедить, что никто не нужен ему в помощь. И поскольку он теперь сам по себе, ты беспокоишься, чувствуешь себя обязанной ходить проверять его – вот как ты сегодня сделала. Он заманивает тебя, завладевает твоим вниманием, наверное, жалуется на своего брата-тирана и плетет про меня всякую ложь.

– Себастьян, какая ерунда! Алекс никогда о тебе не говорит, поверь мне.

– Так оно или не так, а мне не по себе. Понимаешь, я же буду уезжать, не всегда смогу тут находиться, и что же мне теперь, думать, как ты с ним тут наедине? Видно же, что ты не сможешь ему отказать! Я знаю, ты скажешь, это неадекватная реакция, но ты не представляешь, что он за человек! С него станется – я не зря это сказал – отнять тебя у меня!

– Ничего подобного не случится, – Эмили погладила Себастьяна по голове. – Я люблю тебя. Я только стараюсь помочь.

– Я все понимаю, милая. Я понимаю, ты думаешь, что я идиот, но Алекс – гений манипуляции. И я не хочу, чтобы он разрушил наши чудесные отношения.

– Он не разрушит, я тебе обещаю.

– Наверное, это была глупая идея – привезти тебя сюда, но, – он поджал губы, – в сложившихся обстоятельствах я просто не вижу иного выхода.

– Ты ведь знаешь, мне – нет, нам! – нам вполне по средствам снять в Лондоне квартиру, Себастьян. Тогда мы могли бы жить вместе и...

– Эмили, вот ты сама сказала: «мне», – напрягся он. – Я полностью отдаю себе отчет в том, что моя богатая жена может купить и продать небольшую страну, и состояние ее от этого не уменьшится, но оставь своему мужу хотя бы гордость! Я хочу быть обязан себе самому, как бы тяжело это ни было. – Он взглянул на нее. – Ты меня понимаешь?

– Да.

– Прости, что я так на этом настаиваю, но меньше всего я хочу, чтобы кто-нибудь думал, будто я женился на тебе из-за денег.

– Я знаю, что это не так.

– Вот и отлично. Ну, спать?

Себастьян уехал в понедельник утром – сначала в Лондон, а оттуда во Францию.

День выдался свежий и яркий. Эмили обнаружила в амбаре старый велосипед и решила прокатиться в деревню. Прислонив велосипед к стене продуктовой лавки, она, войдя, встала в конец небольшой очереди.

– Могу я повесить это на вашу доску объявлений? – спросила она женщину за стойкой, когда подошел ее черед, и протянула открытку, в которой предлагала работу уборщицы. Продавщица взяла открытку, прочла и со вспыхнувшим в глазах интересом посмотрела на Эмили.

– Да, стоит фунт в неделю. Так вы, значит, жена мистера Карратерса? – произнесла она. Ее йоркширский выговор был такой сильный, что Эмили с трудом ее поняла. А новость, видно, уже разошлась!

– Да, это я. Я заплачу за две недели, – сказала она, роясь в кошельке.

– Хорошо, – кивнула женщина. – Что-то я сомневаюсь, чтобы вы кого-нибудь нашли. На вашем месте я попробовала бы еще местную газету.

– Я так и сделаю, *merci* – то есть... спасибо!

Выйдя на улицу, Эмили поспешила к велосипеду. Но ее кто-то догнал:

– Миссис Карратерс?

Не привыкшая отзываться на фамилию мужа, она не сразу сообразила, что обращаются к ней.

– Да?

– Я Норма Эрскин. Много лет служила экономкой в Блэкмур-Холле. Как раз перед вашим приездом уволилась.

– Да, Себастьян говорил мне об этом.

– Он приехал ко мне домой просить вернуться, но я сказала, что с меня хватит, и переубедить меня он не смог.

Миссис Эрскин была пухлая, невысокая, с живым, теплым взглядом женщина.

– Мне так жаль, что Алекс вас расстроил, – извинилась Эмили.

– Хм, – был ее ответ. – Многого о том, что в доме происходит, вы не ведаете, и не мое дело сплетничать. Могу сказать только, что бабушке их в ее могиле наверняка неспокойно. Я терпела, сколько могла, потому что обещала ей их не бросать, но всему есть предел, и моему терпению тоже. В любом случае рада с вами познакомиться. Я только надеюсь, что вы знаете, что на себя взяли, выйдя за него. Впрочем, это теперь не мое дело, – повторила она.

– Я уже поняла, что ситуация тут непростая.

– И это еще мягко сказано! – миссис Эрскин закатила глаза. – Как устроились, сносно?

– Привыкаю понемногу, да, благодарю вас.

– Буду рада, если вы как-нибудь заглянете на чашечку чаю, мой коттедж последний по левой стороне, при выезде из деревни. Заходите меня навестить, милочка, рассказать, как идут дела.

– Спасибо, вы очень добры.

– Ну что ж, тогда до свидания! – Садясь на велосипед, Эмили упустила сочувственный взгляд, каким проводила ее Норма Эрскин.

Следующие несколько дней она была занята, крася их с Себастьяном спальню в теплый, приглушенный розовый цвет. Съездив в Малтон, она купила там толстые пуховые одеяла и красивое постельное белье – древние одеяла, которыми они укрывались, кололись, кусались и были невыносимо тяжелыми. Сняла старые шторы и заменила их маркизетом, благодаря чему в комнатах стало светлее. Прошлась по дому в поиске картин повеселее, развесила их по стенам.

Вечером зашла к Алексу проведать его и оставила номер своего мобильного, чтобы он позвонил, если что-то ему понадобится. После

откровенного разговора с Себастьяном она решила ограничить контакты с его братом до минимума.

Покончив со спальней, она спустилась вниз, чтобы поесть, и тут раздался звонок стационарного телефона.

– Алло?

– Здравствуйте. Это миссис Эрскин? – в трубке звучал женский голос.

– Нет. К сожалению, она уволилась.

– Вот как? А Себастьян дома?

– Нет, он во Франции.

– В самом деле? В таком случае я позвоню ему на мобильный. До свидания.

Раздались короткие гудки. Эмили пожала плечами и вернулась к своему ужину.

– Я поговорила с симпатичной девушкой, которая готова у тебя убираться, – вскоре сообщила она Алексу, найдя того за компьютером.

– Фантастика! – улыбнулся он ей. – Кто такая?

– Ее зовут Джо, она из деревни, живет с родителями. Окончила школу, в университет отправится на будущий год, а пока решила подкопить денег.

– Ну, во всяком случае, ей не шестьдесят!

– Она придет завтра, чтобы с тобой познакомиться. Прошу тебя, Алекс, не пугай ее, ладно?

– Не стану, Эм.

На экране компьютера постоянно сменялись какие-то таблицы.

– Чем это ты занят?

– Торгую!

– Торгуешь? На бирже?

– Да. Только брату не вздумай сказать. Он не одобрит. Предъявит обвинение в азартных играх и конфискует мой комп. – Алекс, подняв руки, закинул их за голову. – Как насчет чая?

Чувствуя себя виноватой, что не заходила к нему несколько дней, Эмили согласилась.

– Я приготовлю, – сказала она и отправилась в кухню, сиявшую, надо признать, чистотой. – Тебе с сахаром?

– Один кусочек, пожалуйста.

Пока грелся чайник, она быстренько открыла холодильник, посмотреть, достаточно ли там продуктов. Да, вполне. Что ж, неплохо... Алекс слово держит. Она перевела дух и поставила на поднос две кружки, чайник, сахарницу и молочник.

– Давай переместимся в гостиную, – предложил он. – Мне надо передохнуть от экрана.

– Как ты научился играть на бирже? – спросила Эмили, протягивая ему кружку.

– Методом проб и ошибок. Я самоучка. Отличный способ заработать себе на жизнь, если ты практически не выходишь. И бессонница тоже на руку: в любое время ночи где-нибудь да открывается рынок.

– И как, есть успехи?

– Да, причем все больше и больше. Я занимаюсь этим почти полтора года и уже исчерпал то, что называется «удачей новичка». Поначалу, конечно, натворил глупостей, но сейчас справляюсь неплохо.

– Это та область деятельности, в которой я решительно ничего не понимаю.

– А мне она помогает держать мозг в тонусе, не говоря уже о том, что прибыль неплохую приносит. А как ты?

– Спасибо, отлично.

– Не скучаешь одна в своем мавзолее?

– Нет, я перекрашиваю дом.

– Молодец! – кивнул Алекс. – А я думал, ты будешь ко мне заглядывать.

– Некогда было, прости.

– Как насчет чтобы сегодня поужинать? Мне сегодня с фермы доставили роскошную гусиную печень.

– У меня дела...

– Ясно. Значит, он просил тебя держаться подальше.

– Нет, это не так.

– Хорошо, – Алекс со вздохом вскинул руки, словно сдаваясь.

– Извини, Алекс!

– Эмили, да подумай сама, – не выдержал он. – Разве не смехотворно, что два разумных человека, застрявших в этой глуши, едят в разных концах дома!

– Пожалуй, – поневоле согласилась она.

– Решено. Жду тебя в семь тридцать. И если ты не проболтаешься, я тоже не проболтаюсь, – подмигнул он.

Прежде чем отправиться в назначенный срок на ужин, Эмили попробовала позвонить Себастьяну. У него был включен автоответчик, и она оставила ему сообщение, умолчав, с легким чувством вины, о том, что собралась поужинать с его братом. Ни слова от Себастьяна с тех пор, как он уехал в понедельник, не было.

– Входи-входи, – Алекс разжигал в гостиной камин. – У меня отличные новости! Одна из нефтяных компаний, молодая и активная, в которую я вложилась какое-то время назад, только что открыла месторождение под Квебеком.

– Я за тебя рада!

– Благодарю! – Видно было, что он сам на седьмом небе. – Красное или белое? – И указал на бутылки, стоявшие на кофейном столике.

– Мне красное, пожалуйста.

– А вот любопытно, где Себастьян? – поинтересовался он, подавая ей бокал.

– Во Франции.

– Воистину, ты соломенная вдова! Может быть, предложить ему, чтобы он брал тебя с собой в поездки?

– Я предлагала, – вздохнула Эмили, усаживаясь на диван, – но он говорит, что очень занят работой, а мне не хочется ему мешать. Может быть, как-нибудь в другой раз.

– Что ж, а ты задумывалась о том, чем заняться, пока ожидаешь мужа?

– Нет, не задумывалась. Мне пока есть чем заняться, к тому же это временная ситуация.

– Да, конечно. Твое здоровье! – Он пригубил вино.

– А ты? Ты будешь жить здесь?

– Надеюсь, что да. Я люблю этот дом, всегда любил.

– Так почему ты столько времени провел с ним в разлуке?

– О, а вот это совсем другая история, – посмотрел на нее Алекс. – Причем та, которую в нынешних обстоятельствах лучше не обсуждать.

– Но объясни мне хотя бы, почему, если между вами, тобой и твоим братом, такая... враждебность, ты тем не менее готов делить с

ним дом? И что будет, если Себастьян не сможет его содержать? Дом так остро нуждается в уходе и...

– Эмили, не дави на меня. Давай лучше перейдем на нейтральную территорию. Мы заключили пакт, помнишь?

– Ты прав. Извини. Очевидно, я многого просто не знаю и многое не в силах понять.

– Да, и не мое дело ставить тебя в известность, – с печальной улыбкой закрыл он тему. – Приступим к еде?

Гусиная печень оказалась вкуснейшей и напомнила Эмили родной дом. «Фуа-гра» входила в число любимых блюд ее отца. Потом она сварила кофе, и они вернулись к камину, в гостиную.

– Тебе не одиноко здесь, Алекс?

– Бывает порой, но я всегда был одиночкой, так что не сильно скучаю по компании. И я не выношу дураков, что осложняет выбор компаньонов для ужина. Речь, разумеется, не о присутствующих. А вот признайся, ты ведь и сама одиночка, а, Эм?

– Да, верно. У меня никогда не было много друзей... Это потому, что ни в одном обществе я не чувствовала себя свободно. Одноклассницы по парижской частной школе казались мне глупыми и избалованными. Однако в университете, из-за моей фамилии, многим людям было неуютно со мной.

– Не помню, кто сказал, что прежде чем кого-то полюбить, надо научиться любить себя. Пожалуй, мы оба сталкивались с этой проблемой. Я-то уж точно.

– Что ж, как ты сам указал с такой беспощадной точностью, в детстве я жила с ощущением, что крупно разочаровала свою мать. В таких обстоятельствах любить себя трудно.

– А у меня родителей не было, так что на них я это свалить не могу, – пожал плечами Алекс.

– Да, Себастьян мне рассказывал. Но, конечно же, то, что их не было, не могло не сказаться? Ты что-нибудь знаешь о том, где сейчас твоя мать?

– Нет.

– Ты вообще ее помнишь?

– Бывает, накатит что-то такое, к примеру, почувствую запах... Косячок, к примеру, всегда напоминал мать. Может, моя склонность к

наркотикам досталась мне по наследству. – Алекс ухмыльнулся. – Генетически обоснована.

– Не понимаю, как это можно – желать утратить над собой власть, и никогда не пойму. Я это ненавижу.

– Все наркоманы, Эмили, в сущности, бегут от себя. И от реальности. Годится все, что смягчает тягости бытия. Как ни печально, самые интересные люди из тех, кого мне довелось знать, были наркозависимы. Чем ты толковей, тем больше думаешь; чем больше думаешь, тем острее понимаешь, как бессмысленна жизнь, и тем больше хочешь бежать от этой бессмыслицы. Но должен тебя обрадовать: я соскочил. Я прекратил винить в своих проблемах других людей. Это дорога в никуда. Я перестал строить из себя жертву и принял ответственность на себя. И в тот момент, когда это случилось, несколько лет назад, многое встало на свои места.

– И все-таки ужасно грустно, что вы с Себастьяном росли без отца и матери. Хотя, – Эмили помолчала, – когда я была маленькой, я придумывала себе, что родители меня удочерили. Тогда можно было помечтать о том, как любит меня моя родная, настоящая мать. Я ужасно страдала от одиночества – хотя росла в красивом доме и у меня было все, о чем можно только мечтать.

– Люди вечно хотят того, чего у них нет, – философски заметил Алекс. – Вот когда проснешься утром, поймешь, что желание недостижимого глупо, и здраво посмотришь на то, что у тебя есть, вот тогда ты вступишь на тропу, которая ведет к спокойствию духа. Жизнь – это лотерея, игральные кости брошены, остается довольствоваться тем, что имеешь.

– Ты что, проходил терапию?

– Разумеется, – усмехнулся Алекс. – Кто же ее не проходил?

– Я, – улыбнулась она.

– Повезло! И представь, я потом осознал, что пристрастился и к терапии тоже, так что я это бросил. Многие методы не работают. Тебе объясняют, как получилось, что ты поскользнулся, и, как правило, следует вывод, что виноват в этом кто-то другой. Что, разумеется, служит тебе оправданием и мотивирует вести себя как свинья. Один врач так и сказал мне открытым текстом – у тебя есть все основания и все права злиться. Вот я и злился целый год. Было классно – пока я не понял, что обидел и обратил против себя всех, кем дорожил.

– А вот я никогда не злюсь, – задумчиво произнесла Эмили.

– Не согласен, ты вышла из себя, когда дала мне пощечину, – с ухмылкой возразил Алекс.

Эмили вспыхнула.

– Да, ты прав!

– Извини, это было нечестно, – но я имел в виду, что иногда приступ злости идет на пользу. Однако постоянным твоим состоянием это быть не должно – как у меня было целый год. Мы – люди, понимаешь, Эм? Замороженное, бестолковое племя.

– Но ты в себе разобрался, – с улыбкой заметила Эмили.

– Ну еще бы, и к тому же понял, что никогда не перестану себя удивлять. Из злобного наркомана я превратился в маниакального поборника чистоты и порядка, который сам не свой становится, если дело идет не по его правилам. Но, с другой стороны, может быть, только так у меня получится выжить. Главное, кого я могу контролировать, – это себя. И меньше всего в мои планы входит снова свалиться в зависимость.

– Такая самодисциплина восхищает меня, – с чувством призналась Эмили. – Алекс, а могу я спросить, был ли у тебя кто-то близкий?

– Ты хочешь сказать, женщина?

– Да.

– Скажу честно, женщинам, с которыми я был близок, нет числа, но ни одна долго не продержалась. Эм, я был не из тех, с кем можно установить прочные отношения.

– Но теперь, когда ты стабилен, как думаешь, могло бы получиться?

Алекс задержал на ней взгляд.

– С правильным человеком – думаю, да. Думаю, мне бы этого хотелось.

– Значит, когда-нибудь ты ее найдешь!

– Может быть, и найду, – Алекс посмотрел на часы. – Прости меня, Эм, я сейчас проявлю невежливость и попрошу тебя уйти. Нужно проверить мои нефтяные акции. Уже полночь, на Дальнем Востоке открываются рынки.

– Ох, я и не заметила, что так поздно! – Эмили поднялась. – Спасибо за компанию и за «фуа-гра».

– Это тебе, Эм, спасибо.

– Завтра я приведу уборщицу, – оглянулась она, взявшись за ручку двери. – Знаешь, Алекс, мне жаль, что Себастьян сейчас не видит тебя.

– Мой брат видит меня таким, каким ему хочется. А я реагирую соответственно. Спокойной ночи, Эм.

– До завтра.

Двадцать минут спустя, лежа в постели и с удовольствием оглядывая преобразенную спальню, Эмили обдумывала прошедший вечер. С Алексом ей спокойно. Может быть, потому что отношения между ними лишены всяческих осложнений. Таким, каким она его наблюдала, Алекс ей нравился. Однако то, что они так хорошо ладят, совсем не обрадует ее мужа – а значит, ей следует быть настороже.

Эмили вздохнула. Ах, вот бы братья примирились, забыли прошлое, и жизнь в Блэкмур-Холле стала бы куда приятней!

Глава 19

Себастьян вернулся к концу недели, совершенно измотанный. Эмили попыталась поговорить с ним за ужином, но он думал о чем-то своем. Когда они легли, она спросила, в чем дело.

– Извини, ситуация трудная, вот и все.

– Ситуация... в бизнесе?

– Да. Я только что выяснил, что чертов банк не делает прямого списания с моих счетов. И парень, которому я во Франции доверил найти для меня Пикассо, оказался мошенником. Перехватил сделку. Говорит, у него уже есть предложение на семь миллионов, а мне досталась только парочка смазанных фотографий. Так что настроение у меня дрянь.

– Ты же знаешь, я всегда помогу финансово, ты только скажи. – Эмили предприняла попытку помассировать ему плечи – он лежал к ней спиной.

– Спасибо, милая, но ты знаешь, я не готов мчаться к тебе с протянутой рукой при любой проблеме.

– Прошу тебя, Себастьян, ты так мне помог, когда я в этом нуждалась! Если любишь, разве в тягость просить поддержки?

– Наверное, для девочек это так, – он дернул плечом, стравивая ее руку. – Ну ладно, мне надо поспать.

Все выходные Себастьян провел взаперти у себя в кабинете перед компьютером. За ужином отделялся словом-другим, а в постели сразу поворачивался спиной. В воскресенье вечером, придя в спальню, Эмили застала его собирающим чемодан.

– Ты уезжаешь? – спросила она.

– Да. Завтра мне нужно в Лондон.

– Я поеду с тобой.

– Сомневаюсь, что тебе понравится дыра, в которой я останавливаюсь.

– Мне это не важно, – твердо сказала она.

– А мне важно.

– Я могу снять нам номер в отеле.

– В последний раз тебе говорю, мне не нужны твои чертовы деньги!

Эмили, потрясенная, замолчала. Ей казалось, что ее ударили по лицу. Не в силах заснуть, она лежала бок о бок с мужем, гадая, как ей себя вести, и жалея, что не с кем поделиться.

Утром Себастьян уехал. Небрежно поцеловал в щеку, пообещал, что приедет в пятницу.

Погода была противная, промозглая, под стать настроению. В доме витал запах сырости, и Эмили благодарила небеса, что в середине недели уезжает во Францию. Забредя в библиотеку, она вспомнила про книгу о плодовых деревьях, о которой говорил Алекс, и стала ее искать. Безуспешно просмотрела все полки. Зато заметила томик рассказов Скотта Фицджеральда, взяла его в гостиную и устроилась у огня.

Зазвонил мобильный. Высветился номер Алекса.

– Да?

– Привет! Ты как?

– Нормально, а ты?

– А я просто отлично. Девушка, которую ты мне нашла, Джо, – очень славная. Не суетится и делает только то, что нужно. Она мне подходит. Спасибо тебе, Эм.

– Я рада.

Повисло молчание.

– Ты точно в порядке, Эм?

– Да.

– Ну, пока. Хорошего тебе дня.

– Спасибо.

Эмили отключилась, гордясь, что не выдала своего настроения. Как ни хотелось ей разобраться в странном поведении мужа, Алекс не тот человек, с кем можно обсудить поведение Себастьяна. Он сам недвусмысленно дал это понять.

Двадцать минут спустя, однако, кто-то постучался в дверь гостиной.

– Алекс? Привет, – вздохнула она.

– Привет, Эм. Если я некстати, скажи, я унесу ноги. Просто мне по твоему тону показалось, что не так уж все ладно. Вот я и пришел, по-соседски, проверить.

– Спасибо. Мне и в самом деле что-то не по себе.

– Я так и подумал. Может, поговорим?

– Н-не знаю... – Глаза защипало от готовых пролиться слез.

– Знаешь, это иногда помогает. Если позволишь, с радостью сыграю роль психотерапевта. Надо же тебе когда-то начать! Мину, как положено, постараюсь держать нейтральную. Мне это тоже будет в новинку, – Алекс посмеивался, и Эмили знала: он несет этот вздор, чтобы ее приободрить. – Смею заключить, что расстроил тебя мой брат. Скажу только, что позавчера он ворвался ко мне без стука – а я этого терпеть не могу – и порвал меня на куски за то, что я тебе досаждаю.

– Да? Но я ни слова ему не сказала. Правда не сказала, Алекс, поверь мне!

– Да верю я, верю. Просто ему хотелось выпустить пар.

– Да, он был ужасно не в духе все выходные. Не представляю, что с ним такое.

– Ну, Эм, – Алекс протяжно вздохнул, – случай, скажу я тебе, тяжелый. Я, конечно, мог бы обрисовать тебе психологические особенности данного индивида – чтобы ты во всей красе поняла, за кого вышла замуж, но мы ведь договорились, с моей стороны это некорректно. Так что замечу лишь, что Себастьян по природе своей склонен к резким сменам настроения и депрессиям. Надеюсь, он изменится ради тебя.

– И я надеюсь... – Эмили отчаянно хотелось узнать побольше, но подталкивать Алекса к откровенности значило бы, что и он поступится принципами, и она будет выглядеть как предательница по отношению к Себастьяну. – И погода такая унылая... Я так рада, что в среду лечу во Францию...

– Счастливая! Там тебе станет повеселей. И, возможно, про Софи что-то еще узнаешь, про ее стихи.

– Непременно попрошу Жака досказать эту историю.

– Хотелось бы мне побывать в библиотеке твоего шато! – Алекс улыбнулся. – Книги – моя страсть, в особенности старинные.

– Мне нужно проследить, чтобы их упаковали бережно и перевезли на хранение, пока не начался ремонт. Я в ужасе от того, что библиотеку срывают с места. Но это необходимо...

– А я уверен, что твой отец одобрил бы твое решение. Печально, кстати, что громкое имя де ла Мартиньерес исчезнет – по сути, уже исчезло, когда ты вышла за брата.

– О нет! Я намерена оставить свою фамилию. Мы с Себастьяном обсудили это и решили, что так правильно.

– Но если у тебя родится ребенок, он будет Карратерс, да?

– Думаю, до этого еще далеко, – заявила Эмили и резко сменила тему. – Послушай, пока меня нет, не стоит ли Джо оставаться тут на ночь? Когда я ее расспрашивала, она сказала, что если возникнет необходимость, охотно переночует.

– Нет, необходимости в этом нет. Она оставила мне номер мобильного. Ты можешь не волноваться, Эм, я в самом деле перешел на самообеспечение.

– Жаль только, что ты сидишь взаперти, Алекс. Тебе не хватает свежего воздуха.

– Иногда берет тоска, да. Но когда установится погода, я смогу хотя бы круг сделать по нашему когда-то красивому саду. И, только не выдавай меня Себастьяну, подумываю купить автомобиль, приспособленный под мои нужды.

– Идея отличная! А когда я вернусь из Франции, мы уложим твое кресло в багажник «Лендровера» и куда-нибудь прокатимся. Как ты на это смотришь?

– С восторгом, – расцвел Алекс. – О, что бы я дал за пинту в настоящем пабе!

– Значит, договорились, – улыбнулась Эмили, недоумевая про себя, отчего Себастьян до этого не додумался. Впрочем, учитывая, какие между братьями отношения, меньше всего ему, наверное, хочется видеть напротив себя в пабе физиономию брата.

– Мне пора, – Алекс освободил кресельные тормоза. – Семейка нефтяных акций быстро растет, надо за ней приглядывать. Счастливо съездить во Францию, Эм. С нетерпением жду, что ты поведаешь мне о бурном прошлом моей бабули. *Adieu* и *bon voyage!* – и, взмахнув рукой, укатил.

Эмили вызвала местное такси из фирмы, которую порекомендовал Себастьян. Замирая от счастливого нетерпения, прибыла в международный аэропорт Лидс-Брэдфорд. И когда, взяв курс на юг, самолет взмыл над серыми просторами индустриальной северной Англии, она жалела только о том, что не смогла дозвониться до мужа. Его мобильный был переключен на автоответчик. Ни на одно из сообщений, которые она ему оставляла, Себастьян не отозвался.

Утешиться ей, кроме слов Алекса про присущие ему смены настроений, было нечем. Перед отъездом она лежала за полночь без сна, терзаясь, что их отношения испортились. Воспринять то, как из любящего, всепонимающего мужа Себастьян превратился в человека, который даже на звонки не отвечает, было непросто.

Самолет приземлился в Ницце, залитой неярким мартовским солнцем. Эмили взяла напрокат машину и отправилась в Гассен, который могла назвать своим домом, в тот знакомый, обжитой мир, где на сердце становилось легко.

В шато жизнь была ключом. У парадного входа стоял огромный фургон. Уставшая Марго обняла ее на пороге.

– Мадам! Как я рада вас видеть!

– Взаимно, Марго, – улыбнулась ей Эмили.

– Делаю, что могу, но они все время спрашивают, что куда, а я не знаю! – взволнованно говорила та. – Они уже начали, с библиотеки.

– Как?! Их просили не начинать без меня!

– Ох, это я виновата, мадам. Они явились три часа назад, а мне не хотелось, чтобы они болтались без дела.

– Ну, ничего, – быстро произнесла Эмили, подавив раздражение. – Ничего, я уже здесь.

– Выпьете что-нибудь с дороги?

– Да, чаю. Принесите в библиотеку, пожалуйста.

– Ну конечно, мадам.

В библиотеке Эмили обнаружила, что половина полок уже пуста, а в воздухе столбом стоит потревоженная, накопившаяся за века пыль.

– Здравствуйте, – сказала она рабочим, деловито раскладывая книги по водонепроницаемым ящикам, – их было человек пять. – Я Эмили де ла Мартиньерес.

– Польщен знакомством, мадам, – коренастый мужчина, поднявшись, протянул ей натруженную руку. – Как видите, мы работаем споро. А библиотека у вас замечательная! Есть такие старинные книги... – Жиль, как он назвал себя, объяснил ей, что они пронумеровали каждую полку и, соответственно, все контейнеры. – Так мы сможем вернуть книги на те места, на которых они столько лет простояли.

– Отлично, – кивнула Эмили, умиротворенная тем, что работа организована, судя по всему, разумно, а с книгами обращаются бережно. Оглядывая царящий вокруг хаос, она вскинула бровь, заметив вдруг сына Марго, Антона, который, невзирая на суматоху, сидел и самозабвенно читал.

– Здравствуй, Антон! – подойдя, сказала она.

Мальчик, вздрогнув от неожиданности, поднял глаза, в которых плеснулся страх.

– Мадам де ла Мартиньерес! Простите, мама велела мне помочь, но я нашел это, и открыл, и...

Эмили посмотрела на книгу. Это было старое издание «Отверженных» Виктора Гюго, она сама в детстве читала эту книгу. Антон поднялся с пола, и Эмили улыбнулась – он напомнил ей героя книги Гавроша, храброго сорванца.

– Читай на здоровье, – положив руку ему на плечо, она легонько подтолкнула мальчика, чтобы тот сел. – Что, любишь читать?

– О да, мадам, очень люблю. И мне так нравится здесь... – Он повел рукой, охватывая библиотеку. – Когда мама приводит меня с собой, я всегда прихожу сюда и смотрю на книги. Но я никогда не трогал их раньше, уверяю вас, мадам, никогда! – спохватившись, добавил он.

– Я думаю, эту мы оставим тебе. Дочитаешь дома. Ты ведь будешь бережно с ней обращаться, правда?

– О, конечно, мадам! – Лицо мальчика озарила радость. – Я так рад! Спасибо.

– Антон! Ты тут не мешаешься, а? – заметив сына, всполошилась Марго. Она принесла поднос с чаем.

– Нет, конечно же, нет! – Эмили взяла чашку. – Он такой же, как мы с папой, книжный червь! И, похоже, очень толков. – Она улыбнулась. – Выбрал «Отверженных» – а это книжка серьезная, непростая даже для взрослого, не говоря о ребенке.

– Да! – с гордостью кивнула Марго. – Он у меня в классе один из лучших. Хочет попасть в хороший университет, изучать литературу. Как надолго вы к нам, мадам? Из мебели в доме осталась только та, что в вашей спальне. Но Жан и Жак предложили вам комнату, пожить у них.

– Да, но сегодня я переночую здесь. Кровать и комод в моей спальне спокойно можно отнести на свалку. А вот завтра переберусь к Жану и Жаку. Спасибо, Марго, вы замечательно потрудились.

Они вышли из библиотеки и направились в пустую кухню.

– Я оставила вам несколько тарелок, ложки-вилки и, разумеется, чайник. И, знаете, они не вывезли холодильник – сказали, он такой допотопный, что вы, наверное, решите его заменить?

Колоссальный объем всего сделанного в очередной раз лег грузом на плечи. Всякий раз она поражалась тому, что задумала, но Себастьян, оберегая ее, многое брал на себя.

– Конечно, заменим. Завтра утром у меня назначена встреча с архитектором и подрядчиком, который будет вести все работы.

– А долго ли продлится ремонт, мадам? – осторожно поинтересовалась Марго. Было заметно, насколько она устала.

– Ох, не знаю. Может быть, год. Или полтора.

– Понятно. Просто дело в том, что... простите, мадам, но, видимо, мне нужно поискать другую работу? Тут ведь мне делать будет совсем нечего.

– Что вы, Марго! – вскинулась Эмили, сообразив вдруг, что ей следовало давно оговорить этот вопрос с прислугой. – Вы работаете на нашу семью пятнадцать лет! Разумеется, я буду платить вам, как обычно, все то время, пока длится ремонт. Пока я в Англии, вы будете присматривать за домом и за рабочими и держать меня в курсе того, что происходит.

– Вы так добры, мадам! Конечно же, я все сделаю, – с явным облегчением ответила Марго. Видно было, что у нее камень с души упал. – Могла бы, работала бы бесплатно, но вы же знаете, что я не могу. Я не богата и стараюсь подкопить на учебу Антона. – В глазах Марго отразилась тревога. – Порой меня беспокоит, что тут происходит, когда я не здесь.

– Но вы же здесь, Марго, – умиротворяющим тоном произнесла Эмили. – Вы замечательная помощница. И не беспокойтесь о деньгах – лучше представьте, сколько грязи придется вам вывозить, когда этот ремонт закончится!

– Ах, спасибо, мадам, это так благородно! Думаю, родители гордились бы вами. – В глазах ее засверкали слезы. – Этот дом сохранится для Франции и для будущих поколений, которые пойдут от

ваших детей. Ну, все, мадам, ужин я вам приготовила, а теперь нам с Антоном пора домой, у нас ужин еще не готов.

– Да, конечно. Увидимся перед моим отъездом. Я оставлю вам деньги. И еще раз – спасибо за все.

Марго вышла. Эмили осталась в просторной, отзывающейся эхом кухне одна. Постояла немного и пошла в библиотеку – посмотреть, чем она может помочь.

С приходом сумерек все книги были в фургоне и готовы к отправке.

– Мадам де ла Мартиньерес, прошу вас подписать эти бланки. Тут указано, что вы проверили содержимое контейнеров и подтверждаете, что в них находится двадцать четыре тысячи триста семь книг. Ваш муж, когда я с ним разговаривал на прошлой неделе, назвал страховую сумму в двадцать один миллион франков.

– В самом деле? – удивилась Эмили. – А это не слишком?

– Коллекция весьма впечатляющая, мадам. И на вашем месте, когда книги вернутся, я бы пригласил опытного букиниста, чтобы он оценил их как полагается. В наши дни старая книга может потянуть на целое состояние.

– Да, разумеется. – Себастьян предлагал то же самое, но она всегда смотрела на книги как на ценность духовную, а не финансовую. – Спасибо вам за помощь и за совет.

Огни фургона исчезли в ночи. Проводив их глазами, Эмили вернулась в кухню поужинать супом из бычьих хвостов, который приготовила Марго. У стены стояли два черных мешка для мусора, в которые несколько недель назад, перед тем как вывезли мебель, она сложила то, что нашла в ящиках отцовского письменного стола. Теперь она достала оттуда, сколько захватила рука, пачку бумаг. Там оказались письма и личного, и делового характера, вперемежку, написанные в шестидесятых годах, и фотографии родителей, сделанные как в Париже, так и здесь, в саду, в основном во время светских мероприятий. И еще там было множество снимков, на которых была запечатлена она – младенцем, девочкой и подростком.

Умиротворенная, потеряв представление о времени, Эмили перебирала бумаги и фотографии, свидетельства жизни отца. Удивительным образом теперь он стал ей ближе, и, читая нежные письма, которые писала отцу мать, она уронила слезу. Из писем

следовало, что Валери любила мужа, и уже за одно это Эмили испытывала к ней благодарность. Утирая глаза и нос, тронутая и счастливая, она подумала, что, узнав прошлое, можно излечить свою боль.

В самом деле, наверное, то, что она закрылась от своей семьи и ее богатой истории, мешает ей быть счастливой в настоящем и будущем. Разумеется, кое-чему прощения нет... но если она поймет, почему это произошло, то, возможно, сумеет освободиться от тяжелых воспоминаний.

Взглянув на часы, она увидела, что уже полночь. Проверила свой автоответчик, не звонил ли Себастьян, – прилетев во Францию, она сразу оставила ему сообщение. Механический голос известил ее, что сообщений не поступало.

Вздохнув, Эмили вышла из теплой кухни и побрела в холодную спальню, радуясь, что не забыла захватить из Блэкмур-Холла испытанного товарища, грелку.

Уже в постели, в который раз она расстроилась, вспомнив про холодность и неразговорчивость Себастьяна, но решила, что отчаиваться не будет. В конце концов, она была одинока всю жизнь. Ей не привыкать.

Глава 20

Утро выдалось суетное – приехали архитектор и подрядчик. Пройдясь по всему дому, они подробно, в деталях обсудили план работ, и Эмили только губу закусила, увидев, во что выльется их стоимость, – однако же архитектор уверил ее, что ни сантима понапрасну они не истратят, она сама в том убедится, когда рыночная цена поместья после реставрации сразу подскочит.

– В ближайшие месяцы мы будем поддерживать с вами самую тесную связь, – сказал Адриан, подрядчик. – Только не удивляйтесь, что шато примет довольно плачевный вид, когда вы в следующий раз его увидите, – и немало пройдет времени, прежде чем ваш чудесный дом возродится в его былой красоте.

Наконец, когда они уехали, Эмили заперла парадную дверь и медленно обошла все комнаты. Ходила и, смущаясь своей сентиментальности, честное слово давала каждой, что происходящее ей во благо, что она станет лучше.

С Жаном была договоренность, что она у них с отцом поужинает и переночует. Вернувшись в буфет, где стоял ее чемодан, а рядом – два черных мешка с отцовскими бумагами, она вытащила оттуда кипу, которую еще не просматривала. Увидев пожелтый конверт, открыла его. Внутри лежал снимок. Молодой Эдуард, лет, наверное, двадцати, на пляже, покровительственно обнимал за плечи очень красивую светловолосую девочку. Эмили узнала ее по портрету в парижском кабинете отца. Это была его сестричка, Софи. В конверте обнаружился и сложенный вдвое листок, вырванный из блокнота. Эмили развернула его. Знакомым, детским, неуверенным почерком там было написано: «*Mon frere...*»

«Мой брат», прошептала Эмили и стала разбирать трудный почерк. Это была хвалебная песнь Эдуарду, подписанная, как и другие ее стихи, «Софи де ла Мартиньерес, 14 лет».

Пальцы онемели от холода. Эмили спохватилась, что сидит в нетопленной комнате, тогда как в кухне тепло, и вернулась на свой стул у плиты.

Стихотворение Софи живописало то обожание, с каким девочка относилась к брату. Так почему же Эдуард избегал о ней говорить? Что

произошло между ними, преисполнившее его молчаливой печалью? Загадка. Положив конверт в сумку, Эмили взяла чемодан, мешки и в последний раз захлопнула дверь шато.

В тот момент, когда машина свернула на гравийную дорожку, ведущую к дому Жана, вдруг зазвонил мобильный. Увидев, что звонит Себастьян, она резко затормозила.

– Где ты был? Я чуть с ума не сошла! – охваченная сразу и облегчением, и яростью, закричала она в трубку.

– Милая, извини! Я оставил зарядку в Йоркшире, а батарейка в среду разрядилась!

– Себастьян, это не оправдание! Что, больше нет телефонов, чтобы связаться со мной? – кричала Эмили, не в силах себя сдержать.

– Я пытался! Правда! В четверг вечером я позвонил в Блэкмур-Холл, но никто не ответил – ты ведь уже во Франции.

– А почему ты не оставил мне сообщение на мобильном?

– Эмили, умоляю! Дай объяснить! Это все очень просто. Номер твоего мобильного у меня только в моем мобильном, а он разрядился, понимаешь? Поэтому я не мог позвонить, пока сегодня вечером не вернулся в Йоркшир и не включил зарядку.

– Ты мог бы позвонить Жерару. У него есть мой мобильный, – ее не переставало трясти.

– Но его номер у меня тоже только в мобильном, а мобильный сел! Эмили, ради бога, – продолжал Себастьян устало, – мне очень жаль, правда. Ну, извини. И, прежде чем ты спросишь, да, я искал зарядку в Лондоне, но телефон у меня такой старой модели, что в магазинах таких нет. Да и заниматься этим мне было некогда. В общем, назови это стечением обстоятельств. И больше мне сказать нечего, кроме того, что мне это будет уроком: надо продублировать все контакты в добрую старую записную книжку. А потом, какие, собственно, еще могли быть причины тому, что я не звонил?

Его словам нельзя было отказать в здравом смысле, и это пресекло дальнейшие всплески эмоций Эмили. В самом деле, какие еще могли быть причины?..

– Ты не представляешь, как я волновалась! Особенно после последнего твоего приезда, когда ты был таким... странным. Даже стала подумывать, не хочешь ли ты меня бросить! – Гнев стих, теперь

Эмили еле удерживалась от слез. В ответ на это в трубке раздался тихий смешок.

– Бросить тебя? Дорогая моя, да едва месяц прошел, как я на тебе женился! Что я, по-твоему, за человек? Настроение у меня, да, признаюсь, последнее время было дрянь. Но ведь у всех случаются подъемы и падения, разве нет?

– Наверное. – Эмили закусила губу, уже чувствуя, что кругом не права и виновна в поспешных умозаключениях.

– Что, мой братец так настраивает тебя, да? Сеет семена, которые дают всходы? Да, – Эмили почувствовала, как он кивнул головой, – уверен, что так и есть.

– Нет, Себастьян, Алекс ни слова против тебя не сказал, поверь мне.

– Не лги мне, Эмили. Я знаю, что он за человек, – в голосе Себастьяна звенел металл.

– Ни слова, – повторила Эмили, но, не желая превращать в ссору первый за четыре дня супружеский разговор, сменила тему: – Так ты говоришь, ты сейчас в Йоркшире?

– Да. Как там у тебя дела?

– Книги вывезены, все готово к ремонту.

– Ох, прости, что не смог быть рядом, чтобы помочь. Много всего.

– Ну так это же хорошо, так? – уже спокойно отозвалась Эмили.

– Да... правда, не так хорошо, как хотелось бы, но... Когда ты вернешься домой?

– Завтра.

– Значит, я смогу приготовить тебе что-нибудь вкусное, мы поужинаем, и я постараюсь загладить безобразное поведение моего мобильника. Еще раз прости, Эмили, но я не виноват. И я, честно, пытался дозвониться в четверг.

– Хорошо, давай это все забудем, ладно?

– Да. И если я чем-то в силах помочь тебе отсюда, только дай мне знать.

– Спасибо. Все под контролем.

– Хорошо, милая, будь на связи.

– И ты! – Эмили изобразила подобие улыбки. – До завтра.

Она посидела, глядя в пространство, гадая, стоит ли ему верить. Отец всегда говорил, что серьезные ситуации частенько происходят по

самым простым и легко объяснимым причинам. Возможно, ей тоже стоит придерживаться этой мысли. Однако, что там ни говори, а четырехдневное молчание мужа посеяло семена сомнения в ее душе. И пусть Алекс ни слова в осуждение брата не произнес, само нежелание говорить о нем уже наводит на размышления. Судя по всему, Алексу есть что сказать.

Снова включив зажигание, она проехала те сто метров, что оставались до дома, и припарковалась. Оставила вещи в багажнике и сразу пошла в винодельню, зная, что Жан часто работает допоздна.

Действительно, он был там, сидел за столом, окруженный стопками папок.

– Эмили! Добро пожаловать! – Он встал и, обойдя стол, расцеловал ее в обе щеки. – Рад тебя видеть. Твоя комната ждет, мы приготовили ужин. Ты, наверное, без сил.

– Как вы добры, что пригласили меня, Жан. А где Жак? – Эмили взгляделась в полутьму, где обычно сидел на широкой скамье Жак, обертывая бутылки.

– Я отправил его домой, разжечь очаг. Сегодня холодно, особенно здесь, чего доброго, подхватит простуду. Ты же знаешь, этой зимой он много болел. Да и возраст, что говорить, – Жан вздохнул. В его глазах плескалась тревога. – Как дела в шато? Все готово?

– Да, скоро начнется новая жизнь, – кивнула Эмили.

– Я даже выразить тебе не могу, как мы с отцом довольны, что шато останется в вашей семье. Ты не только спасла нас от голода, ты спасла наш дом, который мы так любим. Я правда думаю, если бы пришлось уехать, это прикончило бы отца. Ну что, пойдём к нам, посидим у огня, выпьем по стаканчику? В этом году розовое особенно удалось. Погода была как на заказ. И скоро мы узнаем, заслужило ли наше розовое медаль на ежегодной ярмарке виноделов. Если да, это будет первая награда, которую наша винодельня завоевала, и мне кажется, шансы у нас хороши.

Они пощелкали выключателями, гася свет в винодельне, и через короткий коридор прошли в коттедж. Жан распахнул дверь, ноздри защекотал аромат вкусной домашней еды.

– Проходи в гостиную, там отец наверняка откупорил нам бутылочку, – сказал Жан.

В гостиной Жак, осев в кресле, дремал у камина. Даже Эмили, которой отец Жана всегда казался дряхлым стариком, не могла не заметить, как сильно он сдал. Она повернулась к Жану и прошептала:

– Может быть, пойдём на кухню? Пусть себе спит!

– Не волнуйся, не разбудим, он теперь глух как пень. Садись, Эмили, – Жан указал на стул и взял со стола бутылку. – Попробуй-ка этого.

Она взяла бокал, покачала в руках, чтобы красивое бледно-розовое вино омыло стенки, и потянула носом, вдыхая аромат.

– Пахнет изумительно, Жан!

– Я добавил в купаж сорта «Шираз» больше обычного, и мне кажется, смесь удалась.

Эмили сделала глоток и улыбнулась.

– Прелесть!

– Конечно, конкуренция очень высокая, много денег вкладывается в новейшие технологии. Но я из кожи вон вылезу, чтобы идти в ногу, – дернул плечом Жан. – Ну, хватит о делах, у нас будет время их обсудить. Скажи лучше, как тебе в Англии? И как тебе замужняя жизнь?

Никогда еще странная, напряженная, ледяная атмосфера Блэкмур-Холла не казалась ей так далека – столь невообразимо приятно ей было сидеть с Жаном в этом уютном, знакомом с детства домике.

– Хорошо, хотя привыкну я, конечно, не сразу. И Себастьян часто отсутствует по работе, – честно призналась она.

– Я знаю, он часто в разъездах. Да вот на прошлой неделе вечером я заметил незнакомую машину, которая спускалась по дорожке к шато. Заметил и подумал себе, если машина не поедет назад, пойду взгляну. Понимаешь, когда Марго на ночь уходит, я считаю себя здесь сторожем. Пошел взглянуть – и это оказался твой муж.

– В самом деле? Себастьян был здесь на прошлой неделе? – едва вымолвила Эмили, изо всех сил постаравшись не выдать своего удивления.

– Да. А ты что, не знала? – поднял на нее внимательный взгляд Жан.

– Нет, что он во Франции, я, конечно, знала. Наверное, дела завели его куда-то неподалеку, и он решил заехать в шато, – быстро нашлась она.

– Да, конечно. Наверное, я его напугал, когда вошел в дом. Он был в библиотеке, в груди книг.

– О! Ну, очевидно, он решил помочь мне и начал их упаковывать, – с легким сердцем сказала Эмили.

– Он пробыл два дня, хотя после того раза я больше его не видел, не хотел беспокоить. В конце концов, он твой муж и, значит, имеет право бывать в шато, когда ему вздумается.

– Да. – Про себя, однако же, Эмили поразились, почему в разговоре Себастьян не упомянул, что провел здесь два дня. И снова в душе ее появилась тревога. – Он так добр, что нашел время помочь мне с библиотекой, – пробормотала она.

– Он помог тебе в те трудные дни...

– Да, это так. А теперь, – Эмили отчаянно хотелось сменить тему, – я тебе кое-что покажу. Я нашла это в йоркширском доме. – И она достала из сумки конверт со стихами, которые расшифровал и перепечатал Алекс. – Их написала моя тетка, Софи де ла Мартиньерес. Жак, помнишь, в прошлый раз, рассказывая про военные времена, упомянул, что она писала стихи. – Протягивая листки Жану, она заметила, что один глаз у старика приоткрыт.

– Хорошие стихи, – тихо сказал Жан, прочитав последнее. – Папа, ты хочешь взглянуть?

– Да. – Взгляд старика был вполне бодрым, и Эмили заподозрила, что глухота его преувеличена и зависит от обстоятельств. Жан вложил стихи в трясущиеся руки отца. Пока тот читал, они сидели молча.

Закончив, он поднял на них глаза. В них стояли слезы.

– Какая она была красавица, умница... и такой ужасный конец... я... – Лицо Жака исказилось, он был не в силах совладать с чувствами.

– Жак, пожалуйста, расскажите мне, как она умерла, – попросила Эмили. – И почему мой отец никогда о ней не говорил? И почему Констанс увезла эти стихи в Йоркшир?

– Эмили, – Жан легонько коснулся ее руки, – сбавь обороты. Видишь, папа расстроен. Давай поужинаем, а он пока немного придет в себя.

– Конечно! Прошу прощения, Жак. Теперь, когда от нашей семьи осталась одна я, мне так хочется разузнать побольше!

– Сначала поедим, – мрачно решил Жак, и тогда Жан подал ему трость и помог встать.

За ужином старик в основном молчал, а Жан, сменив тему, вернулся к виноградникам и своим планам модернизации и расширения.

– С должным уровнем финансирования, я уверен, мы за пять лет добьемся стабильного дохода. Хорошо бы стать в имении наконец статьей прибыли, а не статьей расхода!

Слушая воодушевленного Жана, Эмили думала о том, как он до сих пор привлекателен. Чистая кожа, ореховая даже после зимы, каштановые волосы волнистыми локонами обрамляют лицо – он выглядел моложе своих тридцати девяти. В подростках она даже некоторое время думала, что влюблена в него.

Когда они стали убирать со стола, Жак вдруг зевнул.

– Папа, отвести тебя в спальню? – спросил Жан.

– Нет! – отрезал Жак. – Я не хочу спать. Это я от чувств раззевался. Жан, принеси арманьяк, и я расскажу Эмили, что еще помню. И, к несчастью для меня, – Жак издал звук, похожий сразу на смешок и на стон, – это все. Я тут долго думал, Эмили, когда вы уехали, не унести ли мне это с собой в могилу, и решил, – он пошевелил плечами, – что нельзя понять настоящее, если не знаешь прошлого.

– Жак, это урок, который я тоже выучила, – тихо проговорила Эмили. – И, если помните, мы остановились на том, что Констанс согласилась помочь Винишии...

Мой брат

*Высокий, сильный,
Рука на моем плече,
Направляешь.
Всегда заботлив и
ласков,
Ты меня видишь?
Загадочный,
терпеливый,
Склоняешься надо
мною,
В руке – книга.
Ты меня видишь?
От тебя исходит
сияние,
Я – в твоей тени
Расту и взрослею.
Ты меня видишь?
Покинешь меня
когда-нибудь,
Откроешь новую
жизнь,
И не узнав, как я
люблю тебя.
Ты меня видишь?*

*Софи де ла
Мартиньерес*

1932, 14 лет

Глава 21

Париж
1943

Через два дня Эдуард вернулся с юга домой. Выглядел он измотанным и прошел наверх, к себе в комнату, задержавшись на лестнице только затем, чтобы сказать Конни, что вечером будут гости. Ей следует быть в гостиной в шесть тридцать.

Любопытно, кто явится на сей раз, подумала Конни, вознеся небесам молитву, чтобы только не братья фон Вендорф. Она понемногу приходила в себя после сумасшедшей позавчерашней ночи, когда Винишия передавала информацию из подвала их дома, и в то же время явился незванным Фредерик.

На следующее утро, стоило Саре уйти за покупками, как Конни сбежала вниз, чтобы осмотреть и запереть подвал. Однако ключа не было. Она осмотрела все внутри и снаружи. Нет, пропал. Слабым утешением служило лишь то, что Винишия не оставила в подвале ни малейших следов своего там пребывания – ни намек на сильный, характерный аромат «Галуаз» в воздухе, ничего из вещей не тронута и не сдвинуто с места. И пока никакой реакции немцев на радиопередачу – а это при том, что обычно, знала она это по опыту, реакция следует очень быстро. Если бы они перехватили сигнал, идущий из этого района, то незамедлительно обыскали бы все дома в округе, понимая, что радист после передачи всегда стремится побыстрее унести ноги.

В половине седьмого, как требовалось, Конни при полном параде вошла в гостиную. Сара ввела полусонную Софи, неправдоподобно прекрасную в новом лиловом платье, усадила в кресло. Конни, исподтишка внимательно ее оглядев, пришла к выводу, что в Софи появилось нечто новое, знание, отличающее жажду от опыта. Она излучала сияние: не дева, а молодая женщина в полном цвету.

Эдуард спустился вниз отдохнувший и посвежевший, снова хозяин жизни, которому все нипочем. Поцеловал сестру, сделал ей комплимент и рассказал, кто у них сегодня в гостях – обычный состав преуспевающих французов, вишистских чиновников и немцев.

В семь тридцать все приглашенные собрались, за исключением Фалька. Фредерик передал хозяину извинения брата: тот вынужден опоздать, но непременно явится позже.

– Бойцы Сопротивления ворвались в Управление принудительных работ на рю де Франк Буржуа, захватили картотеку на шестьдесят пять тысяч карточек и спокойно ушли. Более чем понятно, что мой брат вне себя.

О программе УПР Конни узнала во время своей диверсионной подготовки. Это был реестр, в котором значилось почти сто пятьдесят тысяч молодых французов. Именно их подвергали аресту с тем, чтобы отправить в Германию для работы на военных заводах. Подобная практика вызывала понятное недовольство многих французов и делала правительство Виши крайне непопулярным. В результате многие законопослушные граждане, в принципе готовые подчиняться любой власти, перешли на сторону Сопротивления. Конни, слушая Фредерика, позаботилась о том, чтобы не выдать восторга, испытанного ею при вести об успехе Сопротивления, – но отметила про себя, что определенно отчасти это заслуга Виниши.

– Разумеется, последуют карательные акции, – добавил один из гостей, вишист. – Мы станем еще беспощадней к бунтовщикам, которые вносят разлад в жизнь нашей страны.

Когда подали кофе и коньяк, в прихожей раздался звонок. Вскоре в комнату вошел Фальк.

– Прошу прощения, господа. Дела! Нашему режиму еще предстоит справиться с недовольными.

Эдуард налил ему коньяку. Фальк обвел взглядом присутствующих и, отыскав Конни, направился к ней. Она стиснула зубы.

– Фройляйн Констанс, как поживаете?

– Спасибо, неплохо. А вы?

– Как вы слышали, эта «сражающаяся Франция» проявляет активность, но не сомневайтесь, мы над этим работаем, они от нас не уйдут. Впрочем, о работе лучше не будем. Мне нужно отвлечься. – Протянув руку, он коснулся ее щеки. Ей показалось, что по лицу потекла струйка ледяной воды.

– Фройляйн, возможно, вы могли бы...

– Итак, у вас большие проблемы, – послышался голос Эдуарда, явившегося разрядить ситуацию.

– Да, но мы всех поймем и накажем. У нас уже есть добровольцы из французов, которые не одобряют проделок Сопротивления и выразили готовность оповещать нас об их намерениях. Кстати, они действуют даже в этом районе. Наш перехватчик запеленговал сильный сигнал, идущий из какого-то дома на вашей улице. Мы немедленно проверили ваших соседей, но ничего не нашли. Ваш дом я, разумеется, приказал не тревожить.

У Конни кровь застыла в жилах, тогда как Эдуард серьезно обеспокоился.

– Откуда же мог быть сигнал? – недоуменно спросил он. – Мои соседи, это я знаю точно, все люди лояльные и законопослушные.

– Брат, – внезапно вмешался в разговор Фредерик. – Если дело было вечером два дня назад, то я навещал здесь мадемуазель Софи, и ей захотелось послушать музыку. Граммофон не заводился, и она сказала, что в доме есть радио. Желая доставить ей удовольствие, я нашел станцию, которая передает классическую музыку. Так что, Фальк, – покаянно вздохнул Фредерик, – боюсь, это и был тот сигнал, который вы перехватили. Прошу прощения, что доставил вам лишние хлопоты. Зато могу уверить тебя, что в доме присутствовала вся мощь ЭсЭс, и на моих глазах сюда вошла только кошка.

Удивительное признание Фредерика выбило из колеи даже неизменно спокойного Эдуарда. Фалька оно также, судя по его виду, не убедило.

– Вряд ли я вправе арестовать офицера чином выше меня за желание угодить даме, – ответил Фальк, не скрывая своего раздражения. – Разумеется, мы об этом инциденте забудем, но настоятельно призываю вас, Эдуард, немедленно сдать свой радиоприемник, во избежание дальнейших недоразумений.

– Непременно, – кивнул Эдуард. – В эту ночь меня дома не было. Софи, тебе не следует поощрять подобное поведение.

– Но ведь музыка, которую мы слушали, была так прекрасна! – улыбнулась, сидя в кресле, Софи. – «Реквием» Моцарта стоит любых беспокойств, разве не так? – Сказано это было с таким невинным очарованием, что сгустившееся было в комнате напряжение развеялось. Конни видела, что Фредерик не отрывал от Софи глаз, в

которых светилась нежность. В отличие от того же цвета глаз Фалька – в тех была только сталь и никакой теплоты. Если и впрямь глаза – зеркало души, то у Фредерика и Фалька, вопреки их одинаковой упаковке, души были явно не родственные.

Следующим утром Эдуард присоединился к Конни, когда та сидела в библиотеке.

– Так, значит, без меня тут был Фредерик?

– Да. Но не я его пригласила – твоя сестра. Я понятия не имела об этом.

– Понятно, – тяжело вздохнув, Эдуард скрестил руки на груди. – Знаешь, я заметил, что их влечение друг к другу переросло в настоящее, глубокое чувство. Софи говорила с тобой об этом?

– Да, – призналась Конни. – Я попыталась убедить ее в том, что подобные отношения не могут иметь будущего. Но она моим предостережениям не вняла.

– Можно только надеяться, ради блага Софи, что Фредерик вскоре уедет. – Он повернулся к Конни: – Ты была с ними, когда он здесь был?

– Нет. Фредерик явился, когда я уже легла.

– Это невероятно! – Эдуард схватился за голову. – Воистину, Софи потеряла всякое представление о приличиях! И в одиночку принимать гостя непозволительно, а уж тайно, ночью – это просто неслыханно!

– Прости меня, Эдуард, но я, правда, не знала, как поступить. Я в доме всего лишь гостя, разве могла я вмешиваться? Софи ведь хозяйка! Я не вправе указывать ей, что делать, а чего нет. Тем более когда она с немецким офицером, да еще такого полета. Мне очень, очень жаль!

Эдуард поник.

– Разве не довольно того, что они насилуют и губят нашу прекрасную страну? Того, что они ее грабят? Неужели им нужна еще и моя сестра? Знаешь, я порой... – и умолк.

– Что, Эдуард?

Он посидел, глядя в пустоту, потом снова заговорил:

– Прости, Констанс. Я устал, и поведение сестры меня поразило. Мне кажется, я сражаюсь на этой войне уже так долго... бесконечно давно. В общем, подождем, когда Фредерик отбудет в Германию. Если же нет, придется принять другие, более суровые меры.

– А кстати, как тебе эпизод с картотекой, захваченной Соппротивлением? Разве не блеск?

– Да, – кивнул он и как-то странно на нее посмотрел. – И это еще не все, поверь мне, далеко не все...

Эдуард вышел из библиотеки, оставив Конни с книгой, которую та позабыла открыть. В этот момент она была уверена, что Эдуард де ла Мартиньерес участвовал в налете на Управление принудительных работ. Эта уверенность удивительным образом ободряла. Но она все равно чувствовала, что, как муха, попалась в сеть, сплетенную не ею, что она пассивна, хотя ее готовили к действию. Впору сойти с ума... Почему Фредерик отвлек внимание на себя, рассказав про радио? Неужели Софи права, и он противник нацизма? Или, входя в дом, он уже знал, что радиосигнал идет отсюда, и пришел сам все разведать?

Конни закрыла лицо руками. Как же она запуталась! Все вокруг знакомы с правилами игры, у каждого – своя роль, а она чувствует себя щепкой, которую швыряет волна по прихоти и тайной воле других.

– Лоуренс, – прошептала она, – помоги мне.

Она огляделась. На полках рядами стояли книги, стояли и смотрели на нее жестко, холодно и бездушно, в почти одинаковых переплетах, по которым никак не скажешь, что на их страницах. Отличная метафора о жизни, которую она вынуждена вести.

За обедом Софи – Конни в последние дни мало ее видела – показалась ей вялой и бледной. Поковырялась в еде, поднялась и, извинившись, ушла к себе.

Через два часа, когда она так и не вышла из спальни, Конни постучалась в ее дверь. Софи лежала на кровати, лицо серое, на лбу холодный компресс.

– Дорогая моя, тебе что, нехорошо? – Конни, присев на кровать, взяла ее за руку. – Я могу чем-то помочь?

– Нет, я не больна. По крайней мере физически... – Софи вздохнула и с силой улыбнулась. – Спасибо, что зашла, Констанс. Мы что-то редко с тобой видимся... Мне тебя не хватает.

– Так вот, я уже здесь.

– Ох, Констанс, – Софи закусил губу. – Фредерик сказал, что скоро уедет. В Германию. Как я это переживу? – Ее незрячие глаза заблестели от слез.

– Переживешь, потому что должна пережить, – Конни сжала ее ладонь. – Так же, как я живу без Лоуренса, хотя это очень трудно.

– Да. Я знаю, ты скажешь, что я наивная и не понимаю, что такое любовь. Что я забуду Фредерика, потому что у нас нет будущего. Но я взрослая женщина и знаю, что в моем сердце.

– Я просто пытаюсь тебя уберечь, Софи. Я понимаю, как тебе трудно.

– Констанс, я знаю, что мы с Фредериком будем вместе. Я знаю это здесь, – она приложила руку к сердцу. – Фредерик говорит, он найдет способ, и я ему верю.

Конни вздохнула. На фоне всех трагедий четырех военных лет, когда миллионы людей погибли либо потеряли своих близких, любовные страдания Софи могли бы выглядеть пустяком. Но для самой Софи они были самым главным на свете просто потому, что это была ее жизнь.

– Что ж, раз Фредерик говорит, что найдет способ, значит, найдет, – мягко сказала Конни, сочтя, что главное – это утешить. Ведь если Фредерик скоро уедет, возможно, ситуация разрешится сама собой.

Несколько следующих недель прошли беспокойно. Начались ночные налеты – сирены противозвушной обороны врывались в сон, и парижане в поисках безопасности снова перебрались в подвалы. Рассказывали о воздушных атаках на заводы «Пежо» и «Мишлен», расположенные в промышленных пригородах столицы. Дома, в Англии, прочтя подобные новости в «Таймс», Конни отозвалась бы на них с радостью, но здесь газетные статьи были полны цифр, говоривших о том, сколько погибло невинных французов, работников этих заводов.

По-прежнему совершая ежедневную прогулку до садов Тюильри, она чувствовала, как слабеет пульс города, как понемногу люди теряют веру в то, что война когда-нибудь завершится. Давно обещанная высадка союзников так и не осуществилась, и Конни начала сомневаться, осуществится ли.

Усевшись на скамью, на которой она обычно сидела, Конни заметила, что к ней приближается Винишия. Они обменялись словами, подобающими при встрече, и Винишия присела рядом. Наряженная в свой костюм состоятельной дамы, на сей раз она не потрудилась

накраситься, и с лицом, обтянутым бледной до прозрачности кожей, выглядела истощенной.

– Спасибо, что выручила тогда с подвалом. – Она достала из сумочки непременною пачку «Галуаз». – Будешь?

– Нет, спасибо.

– А я на них прямо живу. Помогают заглушать голод.

– Дать тебе денег на еду? – предложила Конни с радостью, что хоть чем-то может помочь.

– Нет, не нужно. Проблема в том, что я вечно мечусь, как заяц, чтобы боши не перехватили сигнал. Вечно в пути на моем несчастном велосипеде, так что нет случая спокойно сесть и поесть.

– Как в целом дела?

– Да ты знаешь, Кон, – Винишия глубоко затянулась, – шаг вперед и два назад. Но по меньшей мере наши люди теперь лучше организованы, чем летом. И лишняя пара рук всегда пригодится. Я тут подумала и решила, что, наверное, это не важно, что ты теперь не официальный агент. Нет никаких причин, чтобы ты не могла помочь нам как обыкновенная француженка. А кроме того, если ты познакомишься с людьми, с которыми я работаю, возможно, они помогут тебе уехать из Франции.

– Правда? – Конни мигом воспряла духом. – Ох, Винишия, я знаю, что моя жизнь – сущий пикник по сравнению с твоей, но я бы все, все сделала, только бы выбраться из этого дома.

– Я уже сказала товарищам, что ты мне помогла, и уверена, они сделают все, чтобы отплатить за услугу. Предлагаю тебе прийти к нам на встречу. Гарантировать ничего не могу, да и ты должна понимать: всегда есть риск, что найдется предатель, который стукнет немцам, где у нас сбор. И – ты ведь моя подруга. И мне жаль тебя, ты застряла в этом доме, развлекаешь свиней.

Винишия улыбнулась, и под завесой серой усталости вспыхнула искрой ее прежняя красота.

– Между прочим, тот малый, у которого ты живешь, похоже, занимает в Сопротивлении очень высокий пост. Я слышала, в Париже есть очень влиятельный человек, номер два после Жана Мулена. Если это твой малый, милочка, то понятно, почему Лондон предпочел пожертвовать твоей блистательной карьерой, когда ты перед всем гестапо явилась к нему на порог. Ладно, мне пора! – Винишия

встала. – В среду в подробностях расскажу, где и когда встречаемся.
Пока, дорогуша, увидимся!

Глава 22

Согласно договоренности, в следующую среду Конни пришла в Тюильри, но Винишия не объявилась. Конни дождалась ее только на четвертый день своего сидения все на той же скамейке. Руля на велосипеде, та не подала виду, что они знакомы, и просто проехала мимо, глядя прямо перед собой и пробормотав:

– Кафе «Де ла Пэ», Девятый район, сегодня в девять вечера, – и была такова.

Конни принялась ломать голову, как ей уйти из дома так, чтобы никто не заметил. Эдуард ни за что на свете не позволит, чтобы она вышла вечером одна, без сопровождения. Пожалуй, лучше всего будет объявить, что у нее болит голова, и после ужина подняться к себе. В это время Эдуард обычно запирается у себя в кабинете. Убедившись, что он так и сделал, она спустится в кухню и уйдет через подвал, который по-прежнему был не заперт, потому что ключа так и не нашли.

Однако вечером, сразу после ужина, когда Эдуард уже вышел из-за стола, а Конни собралась последовать его примеру, в дверь позвонили, и Сара вышла открыть. Вернулась она со словами:

– Это полковник фон Вендорф, мадам Констанс, он ждет вас в гостиной.

Чуть не расплакавшись, Конни поплелась в вестибюль, там нацепила на лицо сияющую улыбку и вошла в гостиную.

– Здравствуйте, герр Фальк. Как поживаете?

– Да неплохо, но я несколько дней не видел вас, фройляйн, и мне не хватает вашей красоты. Я пришел просить вас доставить мне удовольствие и пойти сегодня куда-нибудь потанцевать.

Конни начала было бормотать извинения, но Фальк, покачив головой, приложил палец к ее губам:

– Нет, фройляйн, вы мне слишком часто отказываете. Сегодня я отказа не принимаю. Заеду за вами в десять вечера. – Он пошел к выходу из гостиной и вдруг, словно передумав, остановился. – Думаю, настроение у меня будет прекрасное. У моих подчиненных сегодня очень важная встреча в кафе «Де ла Пэ». – Он улыбнулся. – Итак, увидимся, фройляйн.

Охваченная ужасом, Конни смотрела, как за ним закрывается дверь. Сердце ее стучало как молот. Нужно предупредить Винишию, что гестапо обо всем знает. Взбежав наверх, приколола к волосам шляпку, кинулась вниз, через вестибюль, открыла парадную дверь и уже ступила на порог, когда ее вдруг схватили за руку.

– И куда это ты, Констанс, в такой час и в такой спешке?

Она повернулась к Эдуарду, догадываясь, что написано у нее на лице.

– Мне нужно! Эдуард! Это вопрос жизни и смерти!

– Пойдем в библиотеку, и ты расскажешь мне, что тебя так всполошило. – Твердой рукой он вернул ее в дом и закрыл дверь.

– Пожалуйста! – взмолилась Конни. – Я ведь тут не в тюрьме! Ты не можешь держать меня здесь против моей воли! Мне нужно сейчас уйти, не то будет поздно!

– Констанс, ты тут не в тюрьме, но я не могу допустить, чтобы ты ушла ночью неизвестно куда. Либо ты мне все расскажешь, либо мне и впрямь придется посадить тебя под замок. Не думай, что твоя активность, включая встречи с «подругой» в «Ритце», прошла незамеченной, – мрачно сказал он. – Я не раз тебе повторял, мы не можем так рисковать. Нельзя, чтобы деятельность Сопrotивления так или иначе указывала на этот дом.

– Да, – призналась Конни, потрясенная его осведомленностью. – Женщина, с которой я встречалась в «Ритце», – агент, нас вместе готовили в Англии. Она попросила меня помочь. Она – моя подруга, отказать ей я не могла.

– А теперь скажи, куда ты направлялась сегодня?

– Эта подруга сказала сегодня, что ее подпольная группа в девять вечера встречается в кафе «Де ла Пэ». А Фальк только что сообщил, что он тоже об этом знает. Гестапо будет их ждать. Я должна пойти их предупредить, Эдуард. Прошу тебя, – снова взмолилась она, – отпусти меня!

– Нет, Констанс. Ты прекрасно знаешь, сделать этого я не могу. Если тебя схватят, только вообрази себе, что станет со всеми, кто живет в этом доме.

– Но не могу же я просто сидеть здесь, когда ей готовят ловушку! Прости, Эдуард, говори что хочешь, а я пойду! – И она рванулась к двери.

– Нет!

Эдуард крепко схватил ее за плечи. Конни принялась вырываться – и отчаянно разрыдалась, поняв, что схватки не выигрывает.

– Успокойся, Констанс, не вынуждай меня дать тебе пощечину. Ты сегодня в это кафе не пойдешь. – Он посмотрел на нее и со вздохом закончил: – Я пойду.

– Ты?!

– Да. У меня в таких делах опыта столько, что тебе и не снилось. – Он взглянул на часы. – Когда у них встреча?

– В девять. Остался час.

– Значит, я успею встретиться с кем-то, кто распространит сигнал тревоги. – Эдуард вымученно улыбнулся. – Если же нет, то пойду туда сам. Предоставь это мне. Сделаю, что смогу, обещаю.

– Ах, Эдуард! – Силы покинули ее, Конни уронила голову на руки. – Прости, что я тебя подвела!

– Об этом поговорим позже. А сейчас, если я хочу успеть вовремя, надо идти. И если меня вдруг кто-то спросит – он вскинул бровь, – я в постели с мигренью.

– Эдуард! – вдруг вспомнила Конни. – Фальк заедет за мной в десять, мы едем потанцевать...

– Значит, к десяти я должен вернуться.

Он вышел из библиотеки, а Конни рухнула в кресло и несколько минут спустя услышала, как щелкнула язычком замка входная дверь.

– Господи, – стиснув руки, взмолилась она, – пусть он успеет вовремя!

Как часовой, сидела она у окна гостиной, дожидаясь возвращения Эдуарда. Ночь была теплая, но она дрожала от страха. Часы на каминной доске тикали, отмеряя секунды, и когда звякнул дверной звонок, Конни подскочила, вспомнив про Фалька. Вышла в вестибюль и увидела, как горничная, открыв дверь, впускает его.

– Вы приехали рано, герр Фальк, я еще не готова, – проговорила.

– Вы ошиблись, фройляйн Констанс. – Гость улыбнулся с нехарактерной Фальку сердечностью. – Я Фредерик. Хотел узнать, принимает ли мадемуазель Софи? Возможно, она говорила вам, что завтра я уезжаю. Пришел проститься.

– Да, конечно, она в библиотеке. – Конни указала рукой на нужную дверь. – И простите, что я приняла вас за Фалька. Он обещал

зайти.

– Не извиняйтесь, прошу вас. Такое случилось прежде и, я уверен, случится не раз впредь. – Обойдя ее с легким поклоном, Фредерик прошел в библиотеку и прикрыл за собой дверь.

Гадая, что там еще впереди, Конни поднялась к себе в комнату, чтобы подготовиться к предстоящему испытанию. Оделась, накрашила губы, спустилась и вновь заняла свой пост у окна, чтобы сразу предупредить Эдуарда, что Фредерик в доме.

Стрелки часов показывали без четверти десять, когда на улице послышались шаги. Подбежав к двери, Конни распахнула ее, и Эдуард буквально упал ей в руки. Он сразу выпрямился, натужно дыша, и она ахнула при виде крови на его правом плече, сочащейся сквозь пиджак.

– Боже мой, Эдуард, ты ранен! Что случилось? – громко прошептала она.

– Я опоздал. Когда я спустился в кафе, там уже были гестаповцы. Началась перестрелка... Даже не знаю, кто именно меня зацепил. Не беспокойся, Констанс, кость не задета, пуля прошла сквозь мягкие ткани. Со мной все обойдется. Вот за твою подругу я, к сожалению, не поручусь... – с трудом выговорил он.

– Эдуард, – поспешно сказала она, – у нас гость, он не должен тебя увидеть...

Но было поздно. Эдуард смотрел мимо нее, на Софи и Фредерика, которые вышли в вестибюль.

– Эдуард, да вы ранены! – воскликнул в изумлении Фредерик.

– Нет, это пустяки, – быстро ответил тот. – Просто вышел из ресторана и попал на улице в переделку.

– Фредерик, что случилось? – всполошилась Софи. – Ты ранен, брат? Надо вызвать врача? Доставить тебя в больницу?

– Ничего не нужно, – пьяный от боли, выговорил Эдуард. – Я лучше пойду наверх.

– Я тебе помогу, – вызвалась Конни.

– Нет, скажи Саре, пусть приготовит мне ванну, – морщась, Эдуард начал взбираться по лестнице. – Утром буду как новенький, не волнуйтесь. Спокойной ночи.

Все трое стояли внизу, пока он мучительно преодолевал ступень за ступенью. Едва он дошел до самого верха и скрылся, как раздался дверной звонок.

– Это ваш брат, – бросила Конни, торопливо срывая свое пальто с вешалки. – Прощайте, герр Фредерик! Софи, увидимся позже.

Конни открыла Фальку, широко улыбаясь:

– Я готова! Пойдемте?

Не привыкший к столь радостному приему, Фальк удивился, что его не пригласили войти, но предложил ей руку, и они сошли по ступенькам к ожидавшей его машине. Шофер распахнул перед Конни заднюю дверь, и Фальк сел с ней рядом, обдав ее острым, кислым дыханием, как всегда с перегаром. Мазнул ее по плечу свастикой, вышитой на рукаве мундира, и по-хозяйски положил руку на коленку.

– Уфф! Как хорошо оторваться от дел хоть на время! Да, день выдался занятой.

– Но успешный? – сохраняя самообладание, спросила Конни.

– Чрезвычайно успешный! Двадцать человек захватили, хотя у них было оружие, и мы потеряли отличного солдата, он был моим другом. Кое-кто, конечно, ушел... но вот те, кого мы взяли, ох как они начнут раскалываться, когда мы возьмем их за бока! Ничего, всех, кто сегодня ушел, найдем. Но это, – он похлопал ее по коленке, – это будет завтра. А сегодня – они за решеткой, а я хочу отдохнуть.

Конни тошнило от ужаса, а Фалька так и распирало от ликования. Когда они вошли в клуб, она, извинившись, пошла в туалет и закрылась в кабинке. Села на крышку унитаза, опустила голову между колен. Ужасная слабость охватила ее. Дыхание вырывалось короткими, рваными толчками. Игра окончена? Когда Фредерик скажет брату, что Эдуард явился домой с огнестрельной раной, у Фалька наверняка вспыхнут подозрения. И, возможно, Фредерик успел уже доложить об этом в гестапо!

И все из-за нее! Она нарушила запрет Эдуарда, не оправдала его доверия, вступила в контакт с Вينيшей и, не сумев ее предупредить, разрушила его тяжело добытое и тщательно оберегаемое прикрытие, толкнула его под пулю.

– Что я наделала! – простонала она. А Вينيша! Удалось ей, как Эдуарду, уйти, или она сидит сейчас в казематах гестапо и ждет пыток? Всех участников Сопротивления сначала пытаются, а потом отправляют в лагеря смерти или, если повезет, расстреливают на месте.

Конни стиснула зубы, вышла из кабинки, ополоснула лицо. Заново накрашила губы и, глядя на себя в зеркало, приняла решение.

Сегодня она должна сделать так, чтобы у Эдуарда, если он еще не арестован, было как можно больше времени, чтобы прийти в себя. Чего бы ей это ни стоило.

Эдуард лежал в постели и, сжимая зубы, терпел боль.

После того как он принял ванну, верная Сара промыла рану, смазала ее йодом, присыпала белым стрептоцидом и забинтовала.

– Месье Эдуард, – в отчаянии проговорила она, – так нельзя, вам нужно в больницу. Хотя бы вызвать врача! Рану надо правильно обработать. Кость не задета, да, но рана глубокая и там внутри, может быть, еще есть шрапнель!

– Сара, вы же знаете, что я не могу, – он поморщился, потому что от йода щипало, как от укусов тысячи пчел. – Надо справляться своими силами. Фредерик фон Вендорф уехал?

– Нет, он еще в библиотеке с мадемуазель Софии.

Эдуард взял Сару за руку.

– Сара, вы ведь понимаете, что для меня почти наверняка все кончено? В кафе меня видело множество людей, в том числе офицеры гестапо. Все вы в равной мере попадаете под подозрение. Я... – Эдуард попытался сесть, но не смог и, морщась, откинулся на подушки. – Сара, вы должны, как мы раньше планировали на случай подобных обстоятельств, немедленно покинуть дом. Взять мадемуазель Софи и Констанс и поехать в Гассен. Гестапо может нагрянуть сюда в любую минуту.

– Месье, – Сара покачала головой, – вы же знаете, я этого не сделаю. Тридцать пять лет я работаю в вашей семье. Я восхищаюсь вашим мужеством. Два года назад эти свиньи застрелили моего мужа. Я вас не оставлю.

– Вы должны, Сара, ради Софи. Прошу вас, соберите вещи и, не теряя времени, уезжайте. В библиотеке, в бюро, возьмите деньги и документы, я все для вас троих заранее приготовил. Если повезет, сумеете выбраться из Парижа, но перед тем, как отправиться дальше на юг, надо будет добыть новые документы. Так будет надежней... Я предупреджу друзей, что вы едете. Они помогут...

В дверь спальни постучали.

– Откройте, а потом делайте, что я сказал.

Сара выполнила приказ. На пороге стояли Фредерик и – под руку с ним – Софи.

– Ваша сестра, Эдуард, сгорает от беспокойства, – объяснил Фредерик. – Мы можем войти?

– Разумеется.

Эдуард не мог не отметить, как бережно Фредерик подвел Софи к кровати, где усадил на стул.

– Милый брат, что случилось? – Софи ощупью нашла руку Эдуарда. – Ты сильно ранен?

– Нет, родная моя, я же сказал, рана сквозная, кость не задета. Пустяки. В кафе, куда я случайно зашел, вспыхнула перестрелка, и я попал в самую гущу. – Эдуард говорил это утешающим тоном, а сам думал, что, возможно, каждым словом своим подписывает смертный приговор – и себе, и сестре. Однако Фредерик смотрел вовсе не на него и не на блюдо с шариком шрапнели, который Сара с трудом выковыряла из раны. Он не отводил глаз от Софи.

– Да, я слышал, что по всему городу налеты, – сказал Фредерик, оторвав взгляд от Сары и посмотрев на ее брата. – Что ж, мне пора вас покинуть. Пожалуйста, Эдуард, если вам что-то понадобится, сразу дайте мне знать – можно звонить напрямую в управление гестапо. Вот, я сейчас дам вам номер. – Фредерик вынул из внутреннего кармана блокнотик и карандаш, написал несколько цифр, вырвал страничку и положил на тумбочку рядом с блюдцем. – Спокойной ночи, Софи. Позаботьтесь о брате. – Нежно поцеловал ей руку, кивнул Эдуарду и вышел из комнаты.

Конни вернулась к Фальку с неестественно яркой карминовой улыбкой. Потом они ужинали, Фальк – с большим аппетитом, а она ковырялась в еде. Он расспрашивал ее о довоенной жизни, о доме в Сен-Рафаэле, о планах на будущее.

– Думаю, трудновато что-то планировать, пока не кончилась война, – задумчиво проговорила Конни. Фальк тем временем доливал вина ей в бокал. – Но ведь она кончится когда-то, это ведь неизбежно? – Фальк внимательно на нее посмотрел. – Но, конечно, – поспешно добавила она, – пока французский народ не поймет, что для него лучше, здесь будет неспокойно.

– Да, именно так, – кивнул Фальк. – А вот что вы скажете о своем кузене Эдуарде? Интересный он человек, верно?

– Весьма, – сдержанно согласилась она.

– Французский аристократ, история семьи уходит в глубь веков, фамильное древо полно имен храбрецов, готовых отдать жизнь за родину, – рассуждал Фальк, глядя Конни прямо в глаза. – Фамильное представление о чести и все в таком духе. И тем не менее Эдуард проявил готовность встать под знамена Германии и ее растущей новой империи. Я, знаете ли, частенько думаю, возможно ли, чтобы представитель такого славного рода пошел на это?

– Насколько я понимаю, дело в том, что его представление о будущем совпадает с вашим. Он видит так же, как вы. Он признает, что старая добрая Франция в нынешнем своем состоянии нежизнеспособна, и находит выход в идеалах, предложенных фюрером.

– В самом деле, надо признать, что правое крыло нашего движения весьма благожелательно настроено к таким влиятельным людям, как он. Однако, – Фальк сделал вдох, – имеются и такие, кто не раз выражал сомнение в том, что поддержка, которую он оказывает нашему делу, в полной мере чистосердечна. Его имя связывали с некоей подпольной организацией интеллектуалов, а в последнее время – даже с Сопротивлением. Что касается меня, то я, разумеется, отбрасываю эти подозрения как досужие сплетни.

– И вы полностью правы, Фальк. Сейчас все в Париже под подозрением... Наверное, даже я, – и она с трудом улыбнулась.

– Нет, фройляйн. Уверяю вас, в вашем деле – никаких вопросительных знаков. А Эдуард – он дома сегодня? Когда мы отужинаем, давайте поедem к вам, и я переговорю с ним, предупрежу, что его имя упоминалось в связи с деятельностью Сопротивления. В конце концов, это мой долг дружбы. Эдуард столько раз проявлял гостеприимство по отношению к нам с братом!

– Разумеется, Эдуард дома! Но ведь час уже поздний, он будет в постели. А потом, – Конни собралась с духом, коснулась пальцем рукава фон Вендорфа, – разве мы сегодня не отдыхаем? – И, склонив набок голову, кокетливо ему улыбнулась.

Его взгляд прояснился, он хлопнул ладонью по столу.

– Верно! Сегодня – отдых! Пойдемте потанцуем.

Двигаясь в такт музыке, Конни прижалась к нему и отзывалась на ласки так, словно о них мечтала. Он целовал ее, змеиным языком размыкая ей губы, и чувствовалось, что возбуждение его растет.

– Пойдемте куда-нибудь, где мы будем одни, – прошептала Конни с единственной целью – отбить у него желание навестить сейчас Эдуарда. – И сейчас же!

Фон Вендорф вызвал автомобиль. Гаркнул адрес шоферу и, не теряя времени даром, принялся грубо лапать ее. Машина остановилась перед многоквартирным домом, занимающим целый квартал в нескольких минутах ходьбы от штаба гестапо на авеню Фош. Фальк отпустил шофера, лифтом они поднялись на третий этаж и едва вошли в квартиру, как он потащил ее в темную спальню.

– *Mein Gott!* Я ждал этого с той самой минуты, как увидел тебя! – выдохнул он и принялся срывать с нее платье. Скинув с себя китель и расстегнув брюки, он бросил ее на кровать. Конни стиснула веки, чтобы не заплакать, когда он, больно тиская грудь, с силой в нее проник. Подняла бедра навстречу, имитируя удовольствие, чтобы этот кошмар поскорее закончился.

Однако кошмар только начинался. Он оскорблял ее по-немецки, смрадно дыша в лицо. Было невыносимо противно и очень больно. Когда стало казаться, что дольше терпеть невозможно, что она вот-вот потеряет сознание, – Фальк издал низкий рык и, мокрый, рухнул, придавив ее телом. А отдышавшись, поднялся на локте, посмотрел на нее сверху вниз:

– Для французской аристократки ты трахаешься, как проститутка! – перевалился на постель и закрыл глаза.

Обманутая иллюзией безопасности, Конни возблагодарила судьбу, что все прошло сравнительно быстро. Однако минут десять спустя немец очнулся. Повернул к ней голову, ухмыльнулся и принялся себя гладить. Потом, схватив за плечи, подтащил ее к краю кровати и грубо скинул на пол, а сам, перекинув ноги, уселся так, чтобы поместить ее между ног.

– Герр Фальк! Послушайте! Я... – и больше говорить не могла, потому что, зажав ей нос, он вынудил ее открыть рот.

– Вы, французская голубая кровь, вы думаете, что вы выше нас, – в такт толчкам тела говорил он, больно стискивая в ладонях ее голову,

чтобы она не могла отвернуться, – ничего подобного! Вы, женщины, все одинаковы: шлюхи и проститутки!

И пока длилась эта страшная ночь, он насиловал ее раз за разом и, не умолкая, грязно ругал женщин. Конни плакала, умоляла, но он был глух. Когда он положил ее на живот и вошел в отверстие, природой для этих целей не предназначенное, силы ее иссякли, и Конни потеряла сознание.

Очнулась она, когда в комнату сочился бледный рассвет. Фалька рядом не было. Вся в слезах, окровавленная и избитая, шатаясь, она поплелась в ванную. Кое-как вымылась, собрала разбросанную одежду, оделась и взглянула на часы. Было начало седьмого. Каждый шаг давался с трудом. Еле шевеля ногами, она открыла дверь и оказалась в гостиной. На каминной доске стояла в серебряной рамке одна фотография. Женщина – приятная на вид, пухленькая – обнимала двух ангельски хорошеньких малышей, оба – копия Фалька в миниатюре.

Конни вернулась в ванную. Ее вырвало. Она ополоснула лицо, выпила воды из-под крана и вышла на улицу.

Глава 23

На нетвердых ногах она переступила порог особняка де ла Мартиньерес.

– Мадам, – мгновенно окликнула ее Сара. – Мы вас ждем! Где же вы пропадаете? – И тут она разглядела, в каком состоянии Конни. – Что случилось?!

Конни, не отвечая, прошла мимо нее и поднялась к себе. В ванной открыла оба крана и остервенело терла тело так, что его защипало от боли.

Внизу снова позвонили в дверь. На сей раз Фредерик.

– Мне надо видеть графа, мадам, – сказал он Саре.

– Но месье еще спит! – возразила та, и снова ее проигнорировали. Перескакивая через две ступеньки, Фредерик взлетел по лестнице и без стука вошел в спальню хозяина дома.

Тот, лихорадочно блеснув глазами, ибо за ночь рана все-таки воспалилась, посмотрел на него с испугом, не сразу сообразив, который это из братьев.

– Прошу извинить меня, граф, за бесцеремонное вторжение, – торопливо проговорил Фредерик. – Однако явился я с тем, чтобы предупредить: вы и ваша семья в огромной опасности. Мой брат давно заподозрил, что вы замешаны в деятельности Сопротивления. Утром он зашел ко мне в кабинет сообщить, что один из его подчиненных узнал вас, когда в кафе «Де ла Пэ» происходил арест группы «Психология». Он в любую минуту может явиться сюда, чтобы арестовать вас, вашу кухню и Софи. Послушайте меня, месье, вы должны немедленно уехать!

Эдуард смотрел на него с нескрываемым изумлением.

– Почему вы мне это говорите? Именно вы! Как я могу вам верить?

– Потому что выбора у вас нет – и потому что я люблю вашу сестру больше жизни. Выслушайте меня. – Фредерик сделал несколько шагов к кровати и посмотрел Эдуарду в глаза. – Ваша ненависть к представителям моей нации вполне объяснима, но среди нас есть люди, у которых не было иного выбора, и они вынуждены принимать участие в деле, в которое больше не верят. Круг этих людей ширится с

каждым днем. Эдуард, подобно вам, я использовал свое положение с тем, чтобы доступными мне средствами уменьшить количество жертв. Подобно вам, я связан с теми, кто борется за то, чтобы наши страны не превратились в пыль под нацистскими сапогами. Но теперь говорить об этом не время. Вы должны встать и покинуть дом.

Эдуард покачал головой.

– Не могу, Фредерик. Посмотрите на меня, я болен. Хотя наших дам вывезти в самом деле необходимо. Я же слишком заметен и только привлеку к ним внимание.

– Фредерик! – на пороге возникла Софи. – Ты здесь! Что происходит?

Он мигмом оказался рядом и нежно обнял ее.

– Не волнуйся, моя Софи, я позабочусь о твоей безопасности. Я как раз говорил твоему брату, что дом под подозрением, и гестапо может явиться в любой момент. Ты должна сейчас же уехать, *mein Liebling*.

– Сара уже собрала мои вещи. Брат еще вчера об этом распорядился. Мы готовы. Эдуард, ты должен встать и одеться.

– У меня машина внизу. Я доставлю вас, куда скажете, – добавил Фредерик. – Только, прошу вас, не медлите.

– Но послушайте, Фредерик, вы же ставите себя под угрозу, – проговорил Эдуард, пытаясь сесть, но бессильно упал на подушки.

– Наш долг – сделать все для наших любимых, – ответил Фредерик, не разнимая объятий. Софи отстранила его, подошла к кровати, на ощупь нашла руку брата, потрогала его лоб.

– У тебя температура, но все равно нужно встать! – жалобно сказала она. – Господи! Фредерик говорит, они скоро за нами придут!

– Софи, ты же знаешь, если бы мог, я бы встал, – сохраняя спокойствие, ответил Эдуард. – Поверь, я найду способ дать о себе знать. С тобой будут Сара и Констанс, а я последую за вами, как только смогу. Все, отправляйтесь!

– Но как я могу тебя тут оставить...

– Довольно пререканий, дорогая сестра, и делай, что тебе говорят. С Богом! Я буду молиться, чтобы мы поскорее встретились.

Эдуард, притянув сестру, расцеловал в обе щеки и сделал знак Фредерику увести ее из спальни. Дверь за ними закрылась. Он сомкнул глаза и постарался привести мысли в порядок.

Внизу, уже наготове, ждали Конни и Сара. Фредерик, подхватив чемоданы, провел их к машине.

Эдуард, мучительно выпрямив спину, смотрел из окна, как они отъезжают.

– Куда вас доставить? – спросил Фредерик, надевший для маскировки шоферскую фуражку.

– На Лионский вокзал. Мы поедем к моей сестре, чтобы получить там новые документы, – сказала Сара, единственная, кто был в состоянии разговаривать.

– А куда потом? – спросил он.

Конни так взглянула на Сару, что та промолчала. Однако Софи, которая видеть этого не могла, ответила:

– В нашу усадьбу, в Гассен.

В зеркало Фредерик заметил, как Конни в ужасе возвела взгляд к небесам.

– Констанс, я знаю, вам невыносима мысль, что можно довериться немцу. Прошу вас, я также рискую многим. Легче всего было бы вас всех арестовать и напрямую доставить в гестапо. Уверяю вас, мои действия сегодняшним утром не останутся незамечены. Расплатой может быть смерть.

– Да, – вся на нервах кивнула Конни. – Простите меня, Фредерик, я признательна вам за помощь.

– Мы с Фальком одной крови, но люди совсем разные, – продолжил тот. – Нет сомнений, он заподозрит, что я приложил руку к вашему исчезновению, и сделает все, чтобы убедить начальство в моей виновности.

У Лионского вокзала три женщины вышли из автомобиля. Фредерик достал из багажника их чемоданы.

– Удачи вам и счастливой дороги, – тихо сказал он, придержав рукой Софи, которая подалась к нему. – Нет, я же шофер, помнишь? Но, *mein Liebling*, клянусь тебе, скоро я приеду и непременно найду тебя. А теперь – поторопитесь!

– Я люблю тебя, Фредерик, – торопливо сказала Софи и затерялась в вокзальной толпе.

– И я люблю тебя, моя Софи, всем сердцем люблю, – пробормотал Фредерик, усаживаясь за руль.

В особняк де ла Мартиньерес на рю де Варенн Фальк явился через час после отъезда женщин. На звонок в дверь никто не ответил, на стук – тоже, хотя он стучал кулаком, так что пришлось ему приказать своим штурмовикам взломать дверь. Осмотрев дом от подвалов до чердака, ни единой души они не обнаружили. Весь кипя, Фальк в гневе вернулся на службу прямиком в кабинет брата и застал его за сборами. Тот укладывал в портфель бумаги, готовясь к отъезду в Германию.

– Я сейчас с рю де Варенн, ездил их арестовывать. Вообрази, никого нет! Похоже, их кто-то предупредил. Как это могло быть? При том, что единственный, кому я говорил о своих подозрениях, – это ты!

Фредерик щелкнул замком портфеля.

– В самом деле? Это настораживает. Но ведь ты сам говорил, в Париже и у стен есть уши.

Фальк придвинул к нему лицо.

– Я знаю – это был ты! Ты думаешь, я дурак? Когда ты сказал, что в ту ночь вы с Софи слушали радио, ты прикрывал Эдуарда. Мы оба знаем, что радиоприемник никак нельзя спутать с радиопередатчиком! Из-за тебя я выгляжу дураком, в то время как ты – предатель! И это уже не впервые! Остерегись, брат, – скалился Фальк, – я знаю, чего стоят твои ученые словеса, которыми ты заморочил начальство, я знаю, кто ты в действительности!

Фредерик с полной доброжелательностью посмотрел на него через стол.

– В таком случае тебе следует доложить о том, что ты знаешь. Сейчас нам пора прощаться, но, уверен, скоро мы встретимся.

– Ч-черт! – Как всегда, спокойствие Фредерика подействовало на Фалька, как красная тряпка на быка. – Думаешь, ты выше меня, с этими твоими степенями, званиями и прожеками, которыми ты дурачишь фюрера? Тогда как это я работаю день и ночь во славу нашего дела!

Фредерик, сняв портфель со стола, пошел к двери, но, словно вспомнив что-то, повернулся:

– Это не я думаю, что я выше, брат. Это ты думаешь, что ты ниже.

– Я найду их! – закричал Фальк, высунув голову в коридор. – Всех! И эту шлюху, которой ты околдован!

– Прощай, Фальк, – вздохнул Фредерик, скрываясь за поворотом.

Тот изо всех сил шарахнул кулаком в дверь.

Эдуард очнулся от забытья. Тьма стояла такая, что хоть глаз выколи. Он похлопал себя по карману, нашупал спички. Зажег одну, взглянул на циферблат. Три пополуночи. Пять часов прошло с тех пор, как раздался топот штурмовиков в доме над головой. Он вытянул затекшие ноги, коснувшись ступнями противоположной стены. Эта тесная, глубокая, выложенная кирпичом нора, лаз в которую скрывал неприметный люк в подвале, была выкопана еще во времена революции, чтобы уберечь его предков. Места там было для одного, от силы двух человек. Впрочем, легенда утверждала, что однажды ночью, когда Париж пылал и аристократов дюжинами везли в телегах на гильотину, в ней укрылись Арно де ла Мартиньерес, его жена и двое детей.

Эдуард встал на колени и зажег еще одну спичку, чтобы разглядеть в потолке люк. Разглядев, остаток сил использовал на то, чтобы его откинуть. Выбравшись в подвал, тяжело дыша, растянулся в изнеможении на влажном каменном полу. Подполз к буфету, где на случай авианалетов, от которых спасались здесь обитатели дома, в бутылках хранился запас воды, открыл одну и жадно приник к горлышку. Мокрый от пота, дрожащий от холода, бросил взгляд на раненое плечо. Рубашка промокла, из раны сочилась кровь с гноем. Ему срочно нужна медицинская помощь. Но об этом нечего даже мечтать. Он знал, что за домом ведут наблюдение. Он в ловушке.

Вспомнив о сестре, Эдуард взмолился, чтобы все они – Софи, Конни и Сара – нашли безопасное прибежище. Возвел глаза к потолку. Трещины, исчертившие грубую штукатурку, поплыли и закружились. Он сомкнул веки и провалился в беспамятство.

Конни была только рада, что Сара взяла командование на себя. Сидя в купе вагона первого класса, она прикрыла глаза, чтобы не видеть двух немецких офицеров, которые расположились напротив. Сара вела с ними вежливую беседу, и оставалось только Бога благодарить, что ей хватает на это сил.

Софи молчала, незряче глядя в окно, где проплывал мимо индустриальный пейзаж парижских предместий.

Конни же думала о том, что произошло минувшей ночью. Душа ее была оскорблена и растоптана. С ней обращались как с никчемным мешком из плоти и крови. Как после этого жить? Как смотреть в глаза Лоуренсу?

Она сделала это, чтобы уберечь Эдуарда, дать ему время продумать план побега. Но Эдуард остался в Париже, одинокий, больной. Возможно, сейчас он уже в лапах Фалька, в гестапо. «Я старалась, Эдуард!» – беззвучно выкрикнула она. Хотелось плакать, но плакать было нельзя. Измученная, она задремала.

Поезд мчался на юг. На каждой остановке Конни чувствовала, как Сара замирает в опаске, что весть об их побеге распространилась, что в вагон ворвутся солдаты. Офицеры, которые сидели напротив, в Сансе вышли, и хотя другие пассажиры к ним в купе не подсели, Сара говорила вполголоса.

– Мы выйдем в Дижоне и остановимся у моей сестры. Она живет недалеко от вокзала. Надо купить новые документы. Эдуард договорился вчера со знакомым, он нам поможет. Подвергаться проверке на контрольно-пропускном пункте очень рискованно. Наверняка полковник фон Вендорф уже разослал приказ задержать нас.

Удивленная, Софи перевела на Сару незрячий взгляд.

– А я думала, мы едем в шато!

– Так и есть, – Сара погладила ее по руке. – Не беспокойтесь, моя дорогая, все хорошо.

Несколько часов спустя, уже в сумерках, они сошли с поезда. Сара уверенным шагом повела их по узким улочкам городка. В дверь одного из домов, по виду совсем деревенского, она постучалась.

Отворила дверь женщина, удивительно на Сару похожая, посмотрела на нее и в изумлении всплеснула руками.

– Флоренс, – не дала ей рта раскрыть Сара, – как хорошо, что ты дома!

– Да откуда же ты? – воскликнула та. – Ну, входи же скорей! Всех прошу в дом!

Она провела их в тесную кухоньку, усадила за стол и сразу исчезла, чтобы появиться вновь с кувшином вина, хлебом и сыром.

– Кто это, Сара? – настойчиво спросила Софи.

– Моя родная сестра, мадемуазель, – весело отозвалась та, радуясь встрече. – А Дижон – мой родной город, я тут выросла.

Конни потягивала вино, вполуха прислушиваясь к живой болтовне сестер. Тело ее еще болело от ночных испытаний. Хлеб и сыр она глотала с трудом, изо всех сил стараясь прогнать видения, которые проносились перед глазами.

Флоренс рассказывала, что на прошлой неделе немцы забрали всех молодых людей и угнали их в Германию на работы – так они отомстили за то, что активисты Сопротивления взорвали железнодорожный мост в окрестностях Дижона. Сара в ответ поведала о том, что творится в Париже и как она беспокоится о своем хозяине, графе де ла Мартиньересе, судьба которого неизвестна.

– Ну хоть вы у меня живы-здоровы, – ответила Флоренс, похлопывая сестру по руке. – Твоих подопечных, однако же, мы все-таки поселим на чердаке. – Она взглянула на Софи, которая не притронулась ни к хлебу, ни к сыру. – Вы должны извинить меня, мадемуазель де ла Мартиньерес, ведь мой дом нельзя сравнить с тем, к чему вы привыкли.

– Что вы, мадам, я так вам признательна за то, что вы дали нам кров над головой, рискуя своей жизнью. Мой брат, я уверена, сумеет отблагодарить вас, если... – она прослезилась, и Сара приобняла ее за плечи.

– Мадемуазель, я знаю месье Эдуарда с тех пор, как он был семенем во чреве вашей матушки. Он отыщет выход, не сомневайтесь. Я знаю это сердцем, – Сара похлопала себя по груди.

Чуть позже Сара помогла Софи подняться по крутой лестнице в комнатку на чердаке, раздела ее, уложила в постель и поцеловала, как маленькое дитя.

– Добрых снов, моя дорогая, – попрощалась она на ночь. – Отдыхайте, мадам Констанс.

Когда Сара ушла, Конни быстро разделась, не смея взглянуть туда, где, она знала, разливаются черные, уродливые синяки, через голову натянула ночную рубашку. Улеглась в узкую постель, благодарная, что можно вытянуть усталые ноги и согреться, все-таки стоял декабрь, под лоскутным стеганым одеялом.

– Спокойной ночи, Софи, – сказала она.

– Я постараюсь уснуть, но мне так холодно, и все мои мысли вертятся вокруг брата. Ах, Констанс, как мне это перенести? В один день я потеряла Эдуарда и Фредерика.

И Софи всхлипнула – так жалостливо, что Конни выбралась из-под одеяла и подошла к ее кровати.

– Двигайся, – сказала она. – Вдвоем теплей.

Обнявшись, они улеглись рядом.

– Знаешь, если твердо верить, что Эдуард на свободе, то тогда он найдет способ приехать к нам, – сказала Конни с уверенностью, которой не чувствовала. Наконец, не размыкая объятий, они заснули.

Эдуард видел мать, которая возвышалась над ним. Ему было семь лет, и она уговаривала его что-то выпить, потому что у него жар.

– Мама, как же вы здесь? – пробормотал он, счастливый тем, что она рядом. Ее присутствие было чудесно, оно утешало. Но потом ее лицо изменилось, она стала Фальком. В мундире гестаповца тот целился в него из револьвера.

Он очнулся и, увидев над собой потолок подвала, застонал. Отчаянно хотелось пить. Однако тело его, когда он попытался заставить себя подползти к буфету, отказалось ему подчиняться. То впадая в забытие, то приходя в сознание, он понял, что смерть близка. Что ж, близка – и прекрасно. Он будет только рад. Жаль, что умрет он, так и не узнав, спаслась ли сестра.

– Господи, – хрипло прошептал он, – возьми мою жизнь, но пусть она будет жива... пусть будет жива... – И уверился в том, что бредит, что душа его вот-вот расстанется с телом, потому что ангел с волосами цвета воронова крыла, паря над ним, положил на его пылающий лоб благодетельно прохладную ткань и смочил его пересохшие губы. Сон этот длился и длился, ангел его не покидал и каким-то чудом даже уложил на мягкую кровать, и ему стало гораздо, гораздо спокойней. В какой-то момент, очнувшись, он понял, что потолок над головой больше не вертится, остановился и впервые не выглядит так, словно вот-вот на него рухнет. Значит, подумал Эдуард, я еще жив, я в ловушке, и надежды на то, что удастся выбраться, никакой.

– Только не говорите мне, что вы в самом деле пришли в себя! – раздался вблизи женский голос. Он повернул голову и встретил взгляд неправдоподобно прекрасных зеленых глаз. Глаза эти сияли на

бледном лице в ореоле иссиня-черных волос. Это был ангел, которого он видел во сне, и в то же время живая, земная женщина, непостижимым образом проникшая в этот подвал.

– Кто... – слабо пробормотал он, болезненно закашлявшись на полуслове, – кто вы?

– Какое имя вам предпочтительно? – сверкнула она глазами. – У меня их много. Официально я Клодетт Десалли, но вы можете звать меня Винишия.

– Винишия... – Что-то в этом было смутно знакомое.

– А вы, сэр, вы, я полагаю, Эдуард, граф де ла Мартиньерес? Владелец и в настоящий момент единственный обитатель этого дома?

– Да... но как вы здесь оказались? Я...

– Это история долгая, – отмахнулась Винишия. – Поговорим об этом позже, когда наберетесь сил. Пока достаточно с вас того, что, когда я вас обнаружила, вы были на грани смерти, да-да! Скорее мертвы, чем живы! Сама не понимаю, каким чудом я умудрилась вас вытащить, – назвать меня известной сестрой милосердия было бы явным преувеличением. Так что я очень собой горда! – Она рассмеялась и встала, чтобы принести ему из буфета фляжку с водой. – Вот, пейте, и как можно больше. А я пойду погрею вам суп. Только предупреждаю, кухарка я еще хуже, чем сестра милосердия!

Эдуард попытался сфокусировать взгляд на стройной фигуре, склонившейся над огоньком газа, но веки слипались... Когда он проснулся, она не исчезла, а все так же сидела рядом на стуле, читала книгу.

– Привет, – улыбнулась она. – Надеюсь, вы не против, что я прокралась наверх и порылась в вашей библиотеке. А то здесь несколько скучновато.

Эдуард встревожился и вскинулся было сесть, но она, покачав головой, остановила эти попытки:

– Успокойтесь, прошу вас. Клянусь, меня никто не заметил, хотя за домом они все так же следят. Поверьте, я тайный агент, меня хорошо этому обучили. Я даже была в числе лучших! – похвасталась она.

– Прошу вас, объясните, кто вы? И как вы меня нашли? – взмолился Эдуард.

– Я Винишия. А как нашла, объясню, если пообещаете съесть суп. Температуру мы с вами сбили, воспаление остановили, теперь следует

набираться сил.

Винишия встала, принесла от плиты жестяную кастрюльку и принялась кормить его ложкой.

– Знаю, – кивнула она, – уже остыл. В прошлый раз не успела я согреть его, как вы уснули.

Эдуард с трудом заставил себя проглотить несколько ложек.

– Ладно, потом, – Винишия поставила кастрюльку на каменный пол. – А то, чего доброго, вас вырвет, мне только этого не хватало.

– Расскажите же наконец, как вы нашли меня! – возобновил мольбы Эдуард.

– Думаю, вы на меня рассердитесь, когда я расскажу, как, но, с другой стороны, если бы я сюда не проникла, вы бы сейчас не разговаривали – ни со мной, ни с кем-либо еще. Я британский агент, радистка. Когда почти всю группу арестовали, я выследила Конни, нас готовили с ней вместе, и упросила ее – отмечу, с большим трудом – пустить меня в этот подвал, чтобы передать срочные новости домой, в Лондон. И вам следует радоваться, что я это сделала, потому что это было в ночь перед налетом на Управление принудительных работ, который вы, как мне случайно стало известно, деятельно готовили. – Винишия одарила его многозначительным взглядом. – Отстучав радиogramму, я ушла и прихватила с собой ключ, – она повертела его в руке, – на тот случай, вдруг еще понадобится отсидеться. И вот после ночи в кафе «Де ла Пэ», когда, как вы знаете, многих схватили, я вернулась сюда. Естественно, сразу поняла, что в доме обыск, поэтому переждала, пока наружные часовые не отправятся ужинать, прокралась садом, отперла дверь и нашла вас, полумертвого, на полу.

– Понятно, – не выразив удивления, отозвался Эдуард.

– Только не сердитесь на Конни, ладно? Она всего лишь сделала ту работу, ради которой была сюда послана.

Эдуард так устал, что не смог расспрашивать дальше. Ныло плечо. Он постарался лечь поудобнее и ограничился:

– Спасибо, что спасли...

– Это стрептоциду спасибо, – улыбнулась Винишия, – и еще тому, что в доме полно припасов. Рана ваша затягивается, но у вас, видимо, по природе крепкий организм. Возможно, благодаря всем этим яствам, которыми вы потчевали своих немецких друзей. Надеюсь, вы не в

претензии, что прошлой ночью я залезла в ваш холодильник и угостилась бутербродом с гусиной печенкой.

– Вы не можете не понимать, мадам, что враги, которых я тут принимал, – отнюдь не мои друзья, – осадил ее Эдуард.

– Ну конечно! Я вас просто поддразниваю!

– Знаете, – вздохнул он, – я и в кафе-то в ту ночь явился, потому что гестаповский офицер обмолвился вашей подружке Констанс, что там будет облава. Она рвалась сама туда бежать, предостеречь вас, но я настоял, что сделаю это лучше, – но опоздал. Да еще пулю схватил.

– Вот, значит, как? Вы пытались спасти мою жизнь, а я спасла вашу! Значит, мы квиты. Не возражаете, если я закурю?

– Нет, – качнул он головой, и Винишия вытащила пачку «Галуаз». – За домом еще следят?

– Нет. Убрались пару часов назад и пока не вернулись. У них полно проблем и без того, чтобы тратить время на птичек, которые уже упорхнули. Кстати, а где Констанс?

– Наутро после облавы они уехали: Констанс, моя сестра и ее горничная. Я отправил их на юг, но где они сейчас, знать не могу.

– А куда они намеревались поехать?

– Я бы предпочел об этом не говорить, – уклончиво ответил он.

– Ну вот! – оскорбилась Винишия. – А я-то думала, мы на одной стороне! Я ведь отлично знаю, кто вы, месье граф! В нашей среде о вас говорят с большим почтением. Тот факт, что ваше прикрытие лопнуло, – для Сопротивления огромная потеря. И я виню себя в том, что сыграла в этом свою роль. Но то, что вам так долго удавалось маскироваться и водить немцев за нос, – ваша выдающаяся заслуга. Знаете, Геро, – она выделила интонацией его подпольную кличку – вам следует как можно скорее выехать из страны. Гестапо из кожи вон вылезет, чтобы вас схватить.

– Уехать я не могу. Моя сестра слепа и, следовательно, крайне уязвима. Если ее арестуют с тем, чтобы выяснить, где я... – Его передернуло. – Я даже думать об этом не в силах...

– Надо полагать, у вас есть где-то тайное место?

– Времени обсудить это не было, но они знают, что делать.

– Ваша сестра в надежных руках, не сомневайтесь. Когда нас учили, лучше Констанс агента не было.

– Да, она замечательная. А как же вы, Винишия? Какие планы у вас?

– Увы, смываясь в последний раз с конспиративной квартиры, я вынуждена была бросить рацию там. В Лондоне об этом знают и должны прислать новую. Пока что мне велено затаиться. И вот я пытаюсь сделать себя полезной, изображая сестру милосердия! – Она рассмеялась. Эдуард посмотрел на нее с восхищением. Вот ведь женщина, в самой страшной опасности не теряет присутствия духа!

– Вы смельчак, – тихо проговорил он. – Мне с вами повезло.

– Благодарю вас, сэр! – Винишия похлопала ресницами. – Я просто выполняю свой долг... В таких обстоятельствах что еще остается, как не смеяться? Весь мир пошел кувырком, вот я и пытаюсь каждый день проживать так, словно он у меня последний. Что вполне может оказаться правдой. В общем, я стараюсь видеть во всем захватывающе интересное приключение, – и она широко улыбнулась, но от Эдуарда не укрылось страдание, спрятанное на дне ее глаз. – Что ж, думаю, еще несколько дней, и вы будете в силах подумать о плане побега. Если не возражаете, к операции по вывозу вас из Франции я подключу свою группу. А пока что деваться нам некуда. Поднимусь наверх, поищу что-нибудь почитать и воспользуюсь ванной. Неплохо бы, кстати, и вас помыть... – Она сморщила нос. – Вам что-нибудь нужно, Эдуард?

– Нет, благодарю вас. Поосторожнее там наверху, – добавил он, глядя, как Винишия поднимается по ступенькам, ведущим в кухню.

– Не сомневайтесь, все будет хорошо, – легко ответила она.

Эдуард глубоко вздохнул и вознес хвалу Господу, что благодаря череде невероятных случайностей эта необыкновенная женщина вошла в его жизнь и спасла его.

Глава 24

На следующее утро Сара сказала, что, на ее взгляд, им пока что следует оставаться там, где они есть.

– Надо дождаться следующей переправы через реку, – объяснила она Конни за утренним чаем. – Как вы смотрите на то, мадам Констанс, чтобы в ваших новых бумагах значилось, что вы домохозяйка из Прованса? И какое имя вам бы хотелось?

– Что, если Элен Латур? – предложила Конни, вспомнив соседскую девочку, с которой когда-то давно играла на пляже Сен-Рафаэля.

– Тогда Софи может стать вашей сестрой, Клодин. Но, конечно, – понизила голос Сара, – ей придется прятаться, когда мы прибудем на место. Слишком много местных, которые могут ее узнать.

– Но ведь боши наверняка станут искать нас в Гассене? Фальк знает про шато!

– Месье Эдуард рассказал мне, где можно надежно спрятать Софи. Есть там такое местечко. Что и говорить, лучше всего было бы поскорее уехать из Франции, но Софи это не по силам. В шато мы по крайней мере не будем зависеть от других. Сейчас даже конспиративные квартиры небезопасны. Гестапо не жалеет денег на подкуп информаторов, и соседи могут донести. Нам с вами нужно, прежде чем сниматься на документы, на всякий случай изменить внешность. – Сара показала на флакон с пергидролем и хмыкнула, заметив, как изменилась в лице Конни. – Что, боитесь? Тогда лучше подумайте, каково мне! Я-то выкрашусь в рыжую! И еще надо что-то сделать с вещами мадемуазель Софи. Они слишком изысканные и приметные.

Конни покачала головой:

– Сара, да вы настоящий профессионал! Откуда вы все это знаете?

– Мой муж два года помогал партизанам, пока его не поймали и не убили. И я тоже не раз была на подхвате. Задача заключается в том, что надо исхитриться и выжить. Когда понимаешь, что вопрос стоит именно так, учишься всему с лету. А теперь, – Сара показала на дверь уборной на задах дома, где над маленькой чугунной раковиной был

установлен водопроводный кран, – вон там намочите волосы, прежде чем наносить краску.

Конни, несколько подавленная, взяла флакон и пошла, куда сказано. Надо же, уж ее учили-учили, а Сара, простая служанка, подготовлена к делу куда лучше!

Два дня спустя, когда по узенькой улочке мимо их дома за несколько часов проехала уже третья патрульная машина, Сара сказала, что ночью пора уходить.

– Нельзя больше ставить мою сестру под удар. У нас есть новые документы, но все-таки рисковать, проходя через контрольный пункт, не стоит. Через реку переправимся лодкой. Сегодня.

– Хорошо, – кивнула Конни, бросив взгляд на Софи, которая сидела за кухонным столом. Ни по рождению, ни физически не приспособленная к тому, что с ней происходило, она, казалось, была не здесь, а где-то в ином мире. Конни взяла ее за руку.

– Мы сегодня уедем, моя дорогая, и уже скоро ты будешь в том доме, о котором мне столько рассказывала.

Софи только кивнула. Видно было, что она ужасно несчастна. Ее нарядили в крестьянскую одежду, и грязно-бежевого цвета толстая вязаная кофта подчеркивала ее бледность. С тех пор как они приехали в Дижон, она почти ничего не ела и, мало того, Конни частенько приходилось вести ее в уборную, где ее выворачивало наизнанку. Даже если через реку они переправятся благополучно, до Гассена еще не одна сотня километров. Софи нездорова, это ясно, и оставалось молиться, чтобы она осилила долгую и опасную дорогу домой.

В десять вечера Конни, Софи и Сара примкнули к группке из шести человек, собравшихся на берегу Соны. Вскоре подошла лодка. Конни вошла в нее первой, а Сара осторожно, из рук в руки, передала ей Софи. В полной темноте лодка отправилась в свой короткий путь. Попутчики молчали, а достигнув места назначения, выбрались на берег и тихо разошлись по замерзшему полю, исчезнув в ночи.

– Возьмите Софи под руку, мадам Констанс, а я возьму под другую, – велела Сара. – Мадемуазель Софи, милая, надо побыстрей, нельзя, чтобы нас кто-то заметил.

– Ах, куда опять? – простонала Софи, подхваченная спутницами. – Мне так холодно, я почти не чувствую ног! – Однако полноватая Сара, не привыкшая к такой физической нагрузке, не стала тратить сил на слова.

Наконец вдалеке слабо замерцал огонек. По мере того как вырисовывались очертания здания, Сара замедляла шаги. Свет исходил от масляной лампы, которая висела на гвозде, вбитом к амбарную стену.

– Вот тут мы и переночуем. – Сара толкнула дверь, сняла лампу с гвоздя и, войдя, в ее тусклом свете они увидели повсюду тюки сена.

– Вот сюда. – Сара, все еще тяжело дыша, огляделась, выбрала тюк поприглядней, подвела к нему Софи, усадила. – Вот, тут сухо.

– Мы что, будем спать в амбаре? – ужаснулась Софи. – Всю ночь?

– Не все же нам спать на пуховых перинах, – хмыкнула Конни.

– Да, и надо радоваться тому, что есть, – поддержала ее Сара. – Ложитесь, милая, я устрою вас поудобней.

Уложив Софи, Сара улеглась рядом с ней.

– И вы поспите, мадам Констанс, – сказала она. – Путь предстоит долгий. Надо набраться сил. И вот еще что, пока я не забыла. На тот случай, если, не дай бог, со мной что-то стрясется, возьмите вот это, – она протянула Конни листок. – Это адрес шато де ла Мартиньерес. Прибудете на место – сразу идите в винодельню, она неподалеку от усадебного дома. Найдете Жака Бенуа. Месье Эдуард сказал, он нас ждет. Ну, спокойной ночи.

Конни прочла адрес, запечатлела его в памяти, зажгла спичку и спалила бумажку, чуть погревшись ее недолгим теплом. Зарылась в сено, обхватила себя руками и взмолилась, чтобы побыстрее пришло утро.

Проснувшись, она увидела, что Сары нет, а Софи еще спит. Вышла из амбара, обошла его, чтобы облегчиться, и почти сразу увидела, что Сара возвращается, а за ней плетется впряженная в телегу лошадка.

– Это Пьер, фермер, он тут живет по соседству, я упросила его доставить нас до Макона, там станция. Садитесь на поезд где-то ближе – опасно.

Они разбудили Софи, усадили на один из тюков сена, которые Пьер погрузил в телегу, сели сами. Возница, краснолицый,

немногословный, щелкнул кнутом.

– Что за народ, – тихо ворчала Сара, – с этой войной чем дальше, тем они жаднее! Я ведь втолковала ему, что у нас беда, что дама под моей опекой незрячая, нет, все равно заломил цену. Ну да ладно... Зато мне сказали, ему можно верить.

Конни же размышляла о том, какой приятной была бы эта поездка летом, как весело везла бы свою поклажу лошадка по зеленым полям Бургундии. Пройдет несколько месяцев, застывшие поля оттают, покроются кружевной лозой... А сейчас они четыре часа тряслись и мерзли, пока возница не остановился на въезде в Макон, сказав:

– Придется вам выйти тут, мне дальше нельзя.

– Спасибо, месье, – устало отозвалась Сара. Они слезли с телеги и поплелись по направлению к центру.

– Я устала... – стонала Софи, которую они снова вели под руки, еще неся чемоданы. – Мне дурно...

– Чуть-чуть потерпите, милая, а там сядем на поезд, который доставит нас в Марсель, – утешала ее Сара.

На железнодорожной станции Сара приобрела билеты, а потом они пошли в кафе, располагавшееся прямо у входа в вокзал. Конни с удовольствием жевала булку, пусть даже черствую, запивая ее теплым кофе. Софи пригубила чашку, поперхнулась и сразу ее отставила. На платформе, усадив Софи на скамью, Сара отвела Конни так, чтобы можно было переговорить с глазу на глаз.

– Она чем-то больна, да, Сара? – встревоженно спросила Конни. – И уже несколько недель, верно? Так что вряд ли это из-за наших дорожных передряг...

– Да, мадам. Совсем не в этом беда, – мрачно кивнула Сара. – Все гораздо серьезней. Посмотрите на нее: бледная, часто тошнит... Видели, как она отпихнула чашку, потому что ей запах не нравится? Разве вы не догадываетесь, в чем дело, мадам?

И Конни в ошеломлении поняла, о чем говорит Сара.

– Вы полагаете, что...

– Да не полагаю я. Я уверена. Вы же знаете, я во всем помогаю мадемуазель. У нее не пришли месячные.

– Беременна? – в ужасе прошептала Конни.

– Да, вот только ума не приложу, когда они это успели, – вздохнула Сара. – Когда сумели остаться вдвоем так надолго, чтобы...

Но в том, что так и есть, сомнений нет. По всем приметам, она ждет ребенка.

С упавшим сердцем Конни поняла, что точно знает, когда такая возможность возникла, и что было это, когда Софи осталась на ее, Конни, попечении. Но кто бы вообразил, что Софи, с ее воспитанием, сможет такое сотворить? Такая невинная... почти дитя... Нет, поправилась Конни, какое она дитя! Софи – женщина, испытывающая те же желания, что и любая другая, и, кстати, ровесница самой Конни. Просто все в доме, включая ее саму, относились к ней как ребенку. И в довершение ко всему – у Конни прямо желудок перевернулся при мысли о грозящих последствиях – отец ребенка – немецкий офицер, эсэсовец!

– Сара, – вымолвила она, – а я ведь думала, что хуже уже ничего быть не может...

– Да. Мало того, что беременна вне брака, так еще, упаси Господь, просочится, кто отец ребенка...

– Не просочится, – утешила ее Конни. – Никто, кроме нас, не знает, а мы никому не скажем...

На станцию прибыл поезд, и они пошли назад к той скамье, где сидела Софи.

– Ох, мадам, вы еще поймете, что всегда кто-нибудь знает, – подавила вздох Сара, – и в непременно разболтает. Но сначала надо нам довести ее до шато, а уж там подумаем, как быть дальше.

Взять билеты в первый класс они не решились, не так они выглядели, поэтому ехали в третьем. В битком набитом вагоне было грязно, пахло немывтым телом. Конни, утешая себя, что с каждой минутой они ближе к безопасности, к дому, на остановках замирала от страха. Немцы, опасавшиеся высадки союзников на юге страны, стягивали силы к Марселю, и на платформах было полно солдат. Сара и Софи, по счастью, дремали, хотя сидеть было жестко, а вагон не отапливался. А перед Конни, стоило ей закрыть глаза, вставали видения той страшной, мерзкой, четырехдневной давности ночи.

Перед самым Марселем по рядам прошел контролер, предупреждая, что в поезде немецкий патруль проверяет у всех документы. Конни, с забившимся сердцем, разбудила спутниц. Все, кто был в вагоне, насторожились, предчувствуя недоброе, в воздухе повис

страх. Любопытно, мрачно подумала Конни, много ли еще народу едет, как они, с поддельными документами?

Вошел немецкий офицер, гаркнул: «Аусвайс!». Под прицелом сотен глаз пошел по рядам, никого не пропуская. Сара, Софи и Конни сидели в последнем ряду. Агония ожидания казалась им бесконечной.

– Фройляйн, ваши бумаги! – рявкнул офицер на Сару, сидевшую у прохода.

– Прошу вас, месье, – дружелюбно улыбнулась она. Взглянув на них, он перевел взгляд на нее.

– Где вам их выдали, фройляйн?

– В мэрии города, где я живу, Дижона.

Он еще раз прищурился на бумагу и покачал головой.

– Они поддельные, фройляйн. На них неправильная печать. Встаньте!

Сара поднялась с места, трясась как осиновый лист. Немец, выхватив пистолет из кобуры, ткнул ее дулом в живот.

– Месье, я ни в чем не виновата, я никому не сделала зла, прошу вас... я...

– *Aus!* – И под дулом Сару вывели на перрон. Она вышла из вагона, ни разу не оглянувшись, не бросив на своих спутниц ни единого взгляда. Один только намек на то, что они едут вместе, и арестовали бы всех троих.

Несколько секунд спустя раздался свисток, и поезд тронулся дальше.

Весь вагон в ужасе смотрел на то место, где только что была Сара. Конни, стиснув руку Софи, чтобы та молчала, равнодушно пожала плечами. Да, сидела тут какая-то женщина. Кто такая, понятия не имею.

В Марселе они вдвоем сошли с поезда, чтобы пересесть на тот, что идет в Тулон. На перроне Конни усадила Софи на скамью. Только тут та решилась заговорить.

– Боже, Констанс! – в отчаянии выдохнула Софи. – Куда они увели Сару? Что с ней будет?

– Не знаю, милая, – ответила та, изо всех сил изображая спокойствие, – но мы с тобой ничего не могли поделать. Но я точно

знаю, что Сара ни за что нас не выдаст. Она очень любит тебя и всю вашу семью.

– Ох, Констанс, она рядом со мной с того дня, как я родилась, – всхлипнула Софи. – Как я буду без нее?

– У тебя есть я, – Конни погладила ее по руке. – Я ее заменю, обещаю.

Когда пришел поезд на Тулон, Конни вошла в вагон с внутренней дрожью. Если бумаги Сары подделаны так грубо, значит, точно такие же и у них. Это случай распорядился так, чтобы документы Сары проверили первыми, вцепились в нее, а у них просто не успели спросить.

Там, в поезде, который, постукивая на стыках, шел вдоль Лазурного берега, Конни осознала, что рядом с ними нет больше заботливой и преданной Сары. Жизнь Софи, так же как ее собственное существование, зависит теперь исключительно от нее.

– Ну и как мы сегодня? – поинтересовалась Винишия, ставя на столик у кровати чашку кофе. – У нас, между прочим, закончилось консервированное молоко. Я извела все банки, что нашла наверху.

– Мне лучше, спасибо, Винишия.

Два последние дня Эдуард только и делал, что спал да ел, и сегодня проснулся вполне бодрым, с чувством, что идет на поправку.

– Это хорошо, – сказала Винишия. – Значит, пришла пора принять ванну. Помыться – это очень гуманный акт, и по отношению к себе самому, и по отношению к тем, кто делит с тобой кров. – И для убедительности сморщила нос.

– Вы полагаете, можно рискнуть подняться наверх?

– Абсолютно! Ванная в глубине дома, на окнах ставни. Я каждый вечер отмокаю там при свечах. Блаженство! – Она потянулась, как кошка. – Ну, пейте кофе, а я пойду налью вам воды.

Час спустя, помывшись, Эдуард и впрямь почувствовал себя совсем другим человеком. Винишия принесла из его гардеробной чистую одежду, сменила повязку на подживающей ране.

– Надо же, Эдуард, какой вы высокий! – ахнула она, когда он спустился по ступенькам в подвал. – Послушайте, мне надо выйти добыть что-то съестное. В кухне только и осталось, что кошачий корм, а это не по нутру даже мне. У меня тоже есть свои пределы.

– Нет, позвольте, схожу я! – вскинулся он.

– Вот еще, выдумали! Я умею незаметно слиться с толпой, тогда как вы, месье, возвыситесь над ней, как жираф! Нет, предоставьте это мне. Я мигом.

Минут двадцать спустя она вернулась с двумя батонами свежего хлеба. Эдуард с удовольствием, впервые за время болезни, жевал свой и думал о том, что аппетит восстановился, а это – хороший знак.

– Я переговорила с ребятами из моей группы, они работают над планом, как поскорее вывезти вас из Франции, – сказала Винишия. – Как вы смотрите на то, чтобы перебраться в Лондон? Мы работаем в контакте с организацией «Свободная Франция», которую возглавляет де Голль, у нее в Лондоне штаб. Вас там ждут с нетерпением, чтобы расспросить, проконсультироваться. Конечно, если мы сумеем доставить вас в целости. Просто беда, какой вы высокий. Никуда не спрячешь.

– Но что станется с моей сестрой, Софи? И с вашей подругой Констанс? – Эдуард покачал головой. – Нет, я не могу уехать и бросить их здесь.

– Скажу вам без обиняков, Эдуард, это как раз лучшее, что вы можете сделать для сестры. Боши рыщут за вами по всей стране! А разлука будет недолгой. Высадка союзников неизбежна. Войне скоро конец.

– Знаете, теперь я жалею, что не оставил Софи здесь, со мной, – вздохнул он.

– Нет смысла жалеть! Сделанного не воротишь, – философски заметила Винишия. – Я послала на юг весточку, чтобы поджидали вашу Софи. Так что наши друзья начеку и при необходимости помогут.

– Спасибо, Винишия! – Эдуард поцеловал ей руку. – Я послал их туда в уверенности, что вскоре смогу догнать.

– Нет, не сможете, и с этим ничего не поделаешь, – отозвалась она. – Кстати, по всей улице висят листовки с вашей физиономией. Разыскивается граф де ла Мартиньерес! И награда обещана! В Париже вы теперь знаменитость, Эдуард. Еще один аргумент в пользу того, что надо поскорее убираться.

– В таком случае вы страшно рискуете, помогая мне.

– Не больше обычного, – усмехнулась она. – Впрочем, удачу лучше не искушать и не тянуть время. Завтра мы отсюда уходим.

Эдуард неохотно кивнул.

– Надеюсь, без слов понятно, как высоко я ценю все, что вы для меня сделали. И делаете.

– Исходя из того, что я слышала, Геро, – резковато сказала Винишия, чтобы не показать, как растрогана, – а слышала я, будто за эти четыре года вы спасли бесчисленное количество людей, это честь для меня.

В Тулоне Конни вывела измученную Софи из вагона, вытащила чемоданы. Стояла ночь, темно было хоть глаза выколи, и лил дождь. Она подошла к билетной кассе и нагнулась к зарешеченному окошечку, за которым сидел кассир.

– Простите, месье, когда следующий поезд до Гассена?

– Завтра в десять утра, – был ответ.

– Понятно. А не подскажете, есть тут где-то гостиница, где мы могли бы переночевать?

– Налево по этой улице, – ответил кассир, неодобрительно глянув на мокрую, растрепанную Конни, и захлопнул окошко. Взявшись за руки, они потащились по указанной улице, пока, вымокшие до нитки, не добрались до гостиницы.

Там было обшарпанно, но тепло. Конни сняла номер и повела Софи вверх по лестнице, ворча про себя, что в нормальных обстоятельствах за такую цену им мог бы быть обеспечен «Ритц». Час спустя, обсохнув, насколько это было возможно, умывшись и причесавшись, они спустились в ресторанчик поужинать.

– Ну вот, мы почти дома, – сказала Конни. – Софи, будь умницей, съешь что-нибудь, а?

Но обе только поковырялись в тарелке. Конни не давали покоя мысли о Саре, Эдуарде и Винишии. Они с Софи хотя бы на свободе, сыты, в тепле. Да еще ее, Конни, готовили в Англии именно к такой работе, и она должна наконец доказать, чего стоит. Тут в мысли ее ворвался мужской голос:

– Далеко ли путь держите, мадам?

Обернувшись, она увидела за соседним столом молодого человека. Он с любопытством наблюдал за ними.

– Мы возвращаемся домой, – осторожно ответила она. – Тут неподалеку, на побережье.

– Да, Лазурный берег! Лучше места нет на земле!

– Не могу не согласиться с вами, месье.

– Что, навещали родню?

– Да. – Конни подавила зевок. – И дорога была долгой.

– Любая поездка в наши дни – испытание. Сам я инженер-аграрник, много езжу и много вижу. – Он вскинул бровь. – А вы что, путешествуете только вдвоем?

– Да, и уже почти дома, – ответила Конни, обеспокоенная таким градом вопросов.

– Это смелое предприятие в наши нелегкие времена. Особенно если учесть, что ваша спутница... – и молодой человек указал на свои глаза.

Конни окатила волна паники. Не с ума ли она сошла, сидя у всех на виду в ресторане с очевидно слепой сестрой человека, которого разыскивает гестапо?

– Нет, моя сестра не слепа, она просто очень устала. Пойдем, Клодин, уже поздно. Доброй ночи, месье! – Она дождалась, когда Софи поднимется самостоятельно, и лишь потом подхватила ее под локоть и вывела из зала.

– Кто это был? – прошептала Софи.

– Понятия не имею! Но я сомневаюсь, что нам стоит тут оставаться... – шепотом же ответила Конни. Они поднялись на второй этаж, когда чья-то рука коснулась ее плеча. Она испуганно оглянулась – перед ними стоял тот самый мужчина из ресторана.

– Мадам, не пугайтесь, – тихо проговорил он. – Я знаю, кто вы такие. Мои друзья предупредили меня, что похожая молодая дама, – он показал на Софи, – должна проехать этой дорогой, и попросили помочь ей и ее спутницам. Я заметил вас еще на марсельском вокзале и представился бы скорее, если бы не то, что случилось с третьей вашей подругой. Мой долг – сопроводить вас до конца вашего путешествия. Мне прекрасно известно, кто такой брат мадемуазель Софи.

Конни стояла в нерешительности, не зная, что делать.

– Он герой, мадам, – прибавил мужчина, глядя на нее со значением. Услышав подпольную кличку Эдуарда, Геро, Конни кивнула.

– Благодарю вас, месье. Мы будем вам очень признательны.

– Завтра мы вместе отправимся к дому мадемуазель Софи. Меня зовут Арман, и я к вашим услугам. Спокойной вам ночи, дамы.

– Как ты думаешь, ему можно верить? – спросила Софи, укладываясь в постель. Если гестапо не ворвется сюда завтра с утра, значит, можно, подумала Конни, но вслух сказала другое:

– Думаю, да. Твой брат через своих связных сумел сообщить сюда, чтобы нас ждали.

– Ах, да когда же он к нам приедет! – вздохнула Софи. – И, Констанс, я не могу не думать о бедной Саре! Что нам делать?

– Нам остается ждать, когда ее допросят и отпустят, а дорогу в Гассен она найдет. А теперь подумай о том, что завтра мы будем дома, и постарайся уснуть, Софи.

Позавтракав еще горячим, только с огня, круассаном, Конни немного повеселела. Арман, сидя за столиком в углу ресторана, кивнул ей, выпил свой кофе и посмотрел на часы.

– Рад нашему знакомству, мадам. Мне пора на станцию, к поезду. – Улыбнулся и вышел.

Переждав пару минут, Конни повела Софи по улице, ведущей к вокзалу, где Арман, заметив их, приветственно приподнял шляпу. Она купила два билета, усадила на платформе Софи. Арман, стоя неподалеку, невозмутимо просматривал газету.

Прибыл маленький местный поезд. Пассажиры столпились у дверей, образовав давку. «Французы! – подумала Конни. – Англичанам такое не свойственно». В вагон они с Софи вошли в числе последних, отыскивали себе местечко, и Конни оглянулась, ища глазами Армана, – но тот, видимо, устроился в другом вагоне.

Поезд шел вдоль берега моря. Ехать до Гассена было чуть более двух часов. Конни разглядывала прибрежные деревушки, из которых летом, надо полагать, открывались виды на морскую лазурь, а сейчас, в начале декабря, в берег бились злые серые волны. Конни поехала, мечтая оказаться в тепле. Она продрогла до костей.

Поездка прошла без происшествий, и в Гассене Конни и Софи вышли из вагона снова под проливной дождь. Когда поезд ушел, а пассажиры, которых было немного, разошлись, у станции остались только они да ослик, запряженный в тележку.

Через несколько минут откуда ни возьмись появился Арман, ведя два велосипеда. Конни ужаснулась.

– Месье, вы должны понимать, что Софи на велосипедах не ездит. Как насчет ослика и тележки?

– Шарлотта, это ослица, доставляет почту в деревню, – Арман нежно поглядел на Шарлотту. – Но ее отсутствие насторожит деревенских, а нам лишние осложнения ни к чему.

– Но, месье, она ведь ничего не расскажет?

– Шарлотта да, ей верить можно, – с улыбкой в глазах подтвердил Арман. – А вот за хозяина ее, почтальона, я не поручусь. Шато в пяти минутах езды отсюда. Мадемуазель всего-то и нужно крепко держаться за меня, и все.

– Нет! – отшатнулась Софи. – Я не смогу.

– Мадемуазель, вы должны. Вот, – он посмотрел на Конни, – возьмите это. – Арман протянул ей чемоданчик Софи, и Конни поставила его в корзинку, приделанную к рулю. – И помогите мадемуазель сесть.

– Прошу вас, не заставляйте меня! – взмолилась Софи.

Конни, насквозь промокшая, потеряла терпение.

– Софи, ради бога, делай, как говорят, пока мы не подхватили тут пневмонию! – прикрикнула она, и Софи, от удивления, надо полагать, позволила им себя усадить.

– Крепко возьмите меня за пояс и не отпускайте, – распорядился Арман, становясь на педали перед Софи. – Отлично. Ну, поехали!

Сквозь струи дождя Конни смотрела, как, подпрыгивая, они виляют по неровной дороге, а потом поехала следом. Через несколько минут Арман свернул на тропку, там очень скоро остановился, дождался, когда подъедет Конни, и сказал, обращаясь к дрожащей Софи:

– Ну что, мадемуазель, вот вы и прокатились! – Ссадил ее, уложил велосипед на землю, знаком велев Конни повторить его действия. – Отсюда пойдем пешком, на колесах здесь не проехать. Обогнем шато сзади и виноградниками – сразу к винодельне. Нам повезло, от станции ни единой души не встретили. – Он осторожно повел Софи по ухабистой, в лужах, тропке. – Дождь явно на нашей стороне.

– Мы на месте? – спросила Софи.

– Да, еще минутка – и будем в тепле.

– Слава богу! – от души воскликнула та.

– Жак вас ждет не дождется, – прибавил Арман. Один звук этого имени прибавил Софи сил, она ускорила шаг.

Сквозь струи дождя появилась основательная постройка с воротами по центру фасада. Арман потянул на себя тяжелую деревянную створку. Они вошли. Конни перевела дух, оказавшись под крышей. Изнутри здание показалось ей еще обширней. Высокое, скудно освещенное пространство было наполнено запахом забродившего винограда. Огромные дубовые бочки строем стояли вдоль стен. Из боковой двери показалась фигура мужчины.

– Мадемуазель? Это вы? – из сумрака подал он голос.

– Жак! – Софи распахнула тоненькие детские руки, и к ней кинулся высокий, плотно сложенного, лет тридцати человек с лицом обветренным и до черноты загорелым.

– Софи! Мадемуазель Софи! Благодарение Богу, вы живы! – Он подхватил ее на руки, прижал к своей широкой груди, и, уткнувшись ему в плечо, она зарыдала. Глядя ее мокрые волосы, он нежно шептал: – Не плачьте, маленькая моя, Жак здесь, Жак за вами присмотрит!

Конни и Арман молча наблюдали за этой сценой. Жак, очнувшись, оглянулся на них.

– Спасибо, что довели, – проговорил он охрипшим от чувств голосом. – Я и не надеялся, что она вынесет дорогу. Вас кто-нибудь видел?

– Нет, Жак, там так льет, что в двух сантиметрах ничего не разглядеть, – рассмеялся Арман. – Очень удачно вышло.

– Вот и хорошо. Ну, дамы, у меня в домике горит очаг, вам надо срочно переодеться. Еще простудитесь. – Жак выпустил Софи из объятий и подошел к Арману. – Спасибо тебе, друг. Месье граф не забудет, что ты для него сделал.

– Да я ничего и не сделал! А благодарить вон кого нужно! – Арман указал на Конни.

– А где же Сара? – удивился Жак.

– Месье, я...

– Сару арестовали в Марселе, – вмешался Арман.

– Вот как... Тогда кто же вы? – прищурился Жак.

– Верный друг графа и одна из нас. Впрочем, мадам Констанс скоро сама тебе все объяснит, – сказал Арман.

– Ну что ж, – удовлетворился таким объяснением Жак, – пойдете, дамы, довольно вам мерзнуть. А с тобой мы скоро увидимся! – кивнул он Арману.

– Конечно. Прощайте, мадам Констанс. Думаю, это не последняя наша встреча!

– Спасибо огромное, – с чувством сказала Конни. – Далеко ли вам ехать?

– Таких вопросов мы друг другу не задаем. Пристанищ у меня много! – Он подмигнул, поднял воротник пиджака и вышел из винодельни.

– Пойдемте, – пригласил Жак, кивнув Конни, и повел Софи в дверь между двумя огромными бочками и далее коридором, заканчивающимся другой дверью. Они оказались в чистой кухне, а потом в маленькой гостиной, где в камине жарко пылали дрова, и тепло окутало Конни. – Я пойду наверх, найду, во что вам переодеться. Та одежда, что вы с собой привезли, верно, такая же мокрая, как та, что на вас, – махнул он на чемоданы, с которых на каменный пол уже натекла лужа.

– Ах, Констанс! – воскликнула Софи, снимая и протягивая ей свое пальто. – Никогда в жизни я так не радовалась приезду!

– Да, поездка выдалась непростой, но все позади, Софи, и ты можешь теперь отдохнуть.

Жак спустился сверху с байковыми мужскими рубашками и двумя толстыми свитерами.

– Пока сойдет, – мрачно сказал он, подавая каждой по полотенцу, высушить волосы. – Сейчас сварю кофе и приготовлю поесть. – Он вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

– Интересно, а почему Жак не отвел нас сразу в шато? – спросила Софи, когда Конни помогла ей снять все остальное. – У меня там одежды – полный гардероб.

Конни, представления не имея, как далеко шато отстоит от винодельни и в чем состоит план, только пожалала плечами.

– Наверное, он считает, что важнее поскорее тебе согреться.

– Да, и я так рада, что мы здесь! Шато – мое самое любимое место на свете! – Софи боролась с пуговицами, застегивая рубашку Жака,

которая была ей ниже колен.

– А теперь сядь вот сюда и распусти волосы, – велела Конни, переодевшись сама, и собрала в кучу мокрую одежду, которую, прежде чем развесить перед огнем, пришлось выжать над кухонной раковиной.

Жак явился из кухни с подносом, поставил его на стол. Конни прихлебывала кофе, слушая, как Софи щебечет, расспрашивая хозяина о людях, которые работали на винограднике.

– К сожалению, мадемуазель Софи, тут остался один я. Все остальные либо ушли воевать, либо увезены в Германию работать на бошей. Меня не взяли потому, что я делаю шнапс, а им нравится его пить. Здесь неподалеку завод, где они делают торпеды. Недавно приехали, просят еще, а я говорю – нет, закончился, слишком много вы пьете... врал, конечно.

– Но я думала, немцев тут почти нет, – удивилась Софи. – Я думала, тут спокойно!

– Много переменялось с тех пор, как вы в последний раз приезжали сюда, мадемуазель, – вздохнул Жак. – Все живут в страхе, так же как и в Париже. Несколько недель назад на ипподроме Ля Фу под Сен-Тропе была устроена публичная казнь. Расстреляли четырех партизан из группы, в которую входит наш бравый Арман. Нет, времена смутные, и никакая осторожность чрезмерной не будет.

– А как же шато? Где наша экономка? Где горничные?

– Все разошлись по своим домам, Софи. Шато закрыто вот уже два года.

– Но кто будет ухаживать за нами, когда мы поселимся там?

– Милая мадемуазель, – Жак взял ее руку, – вы не будете жить в шато. Это слишком опасно. Если месье Эдуард спасся, то это первое место, куда немцы кинутся его искать. И если найдут вас здесь, то никакого сомнения, что арестуют и будут допрашивать. Вы ведь, судите сами, жили с братом под одной крышей и были свидетельницей того, как он вел свою опасную двойную игру.

– Да какая же я свидетельница! Ведь я знать ничего не знаю, – в отчаянии сжала руки Софи. – Я даже не представляю, жив мой бедный брат или нет!

Как же замкнуто она существовала, подумала Конни, как всесторонне оберегал ее Эдуард! С точки зрения физических тягот в

четыре военных года ничего для Софи не изменилось. И до войны, и во время войны она жила в заботе и изобилии. Вата, в которую окутали ее любовь брата и семейное состояние, защищала ее от любой возможной опасности.

– Софи, дорогая моя, поймите, нельзя, чтобы вас кто-то здесь видел, – продолжал Жак. – Разве месье Эдуард не объяснил вам? Он послал вас сюда не затем, чтобы вы жили тут открыто, как в старые времена. Нет, боши арестуют вас сразу, как только узнают, что вы здесь. Брат послал вас ко мне, потому что знал, как и я знаю, что здесь есть укромное место, где можно переждать, пока не кончится война. А она скоро кончится, я вам обещаю.

– И что это за укромное место? – со слезами спросила Софи.

– Я покажу вам позже, после того как мы поедем. Что касается вас, мадам Констанс, то вас мы устроим здесь в доме, со мной. Скажем, что вы моя племянница, приехали помочь по хозяйству, если кому-то вздумается спросить.

– А не думаете ли вы, что разумней мне отсюда пойти своим путем? – осторожно спросила Конни. – Предположим, Арман сведет меня с местными подпольщиками, и мы как-нибудь найдем способ переправить меня домой, в Англию? Я...

– Помилуйте, а кто же тогда будет заботиться о мадемуазель Софи? – воскликнул потрясенный этой идеей Жак. – Я мужчина, я для этого не гожусь! – Он даже поерзал от смущения. – И раз ее присутствие здесь – тайна, как я могу нанять кого-нибудь из деревни! Никому нельзя доверять!

– Констанс! Не покидай меня! – взмолилась Софи. – Я тут одна пропаду, ты же знаешь! Пожалуйста, останься со мной! – И протянула к ней руки.

В который раз мысль выскользнуть из хватки семейства де ла Мартиньерес растаяла в воздухе. Смирившись, Конни кивнула.

– Конечно, я тебя не оставлю, Софи.

– Спасибо! – с облегчением вздохнула та и инстинктивно, Конни не преминула это заметить, прикрыла живот рукой. Софи снова обратилась к Жаку: – А то укромное местечко, оно здесь, у тебя в доме?

– Нет, Софи, конечно же, нет. Тут часто бывают боши, заходят за выпивкой. – Жак покачал головой. – Сказал же, поедем, и я покажу.

Оставалось радоваться тому, что Софи поужинала, съела целую тарелку поданного Жаком вкусного овощного рагу.

– Я что-то вдруг так проголодалась! – с улыбкой призналась она. – Наверное, это действует воздух Прованса.

После ужина Конни снова усадила ее у очага. Софи зевнула.

– Так хочется спать, Констанс, глаза сами собой закрываются.

– Ну так поспи!

Софи задремала, а Конни перешла в кухоньку помочь Жаку прибраться после ужина. Тот с мрачным лицом ставил вымытые тарелки в буфет.

– Знаете, это место, где мадемуазель Софи придется скрываться, ей будет не по душе, хотя я постарался как мог сделать его поуютней, даже ковры туда отнес. Но это подземелье, и там холодно, и дневного света почти нет. Вот уж, в самом деле, поневоле порадуешься, что ей, бедняжке, к отсутствию света не привыкать! – Жак покачал головой. – Для человека с обычным зрением такая участь, право, была бы страшнее смерти. Будем надеяться, что война скоро кончится, и Софи выйдет на волю.

– И мы все выйдем на волю, – по-английски пробормотала себе под нос Конни.

– Надо поскорее ее туда увести; я при ней не сказал, но гестаповцы вчера обыскали и шато, и винодельню с подвалами. Видимо, из Парижа пришло известие, что Эдуард скрылся. Но там они ни за что ее не найдут. А вы, мадам? Как это вышло, что вы теперь вроде горничной при Софи?

– Видите ли...

Жак правильно прочитал сомнение в ее глазах.

– Мадам, винодельней де ла Мартиньерес моя семья управляет уже двести лет. Мы с месье Эдуардом вместе выросли. Он мне как брат. Мы оба мечтали, как сделать жизнь в этой стране лучше. И поскольку нам предстоит жить под одной крышей, думаю, разумней вам мне доверять.

– Вы правы. – Конни собралась с духом и вкратце изложила свою историю. Жак слушал спокойно, не отводя глаз от ее лица.

– Значит, – заключил он, – вы хорошо выученная диверсантка, но выучка ваша пропадает впустую. Очень жаль. Но зато, если снова

нагрянут немцы и наткнутся на вас, вы не новичок и сумеете себя держать. Как вы думаете, есть у них ваша фотография?

– Нет. К тому же я изменила цвет волос.

– Хорошо. Завтра я добуду для вас новые документы. Мы выдадим вас за мою племянницу, которая приехала из Гримо помочь мне с уборкой. Как вы на это смотрите?

– Положительно, Жак, – кивнула Конни, думая, сколько еще личин придется сменить ей, прежде чем она выберется из Франции. – Делайте, что считаете нужным.

– Я поселю вас наверху, в маленькой спальне рядом с моей. Жаль, что нельзя устроить так же мадемуазель Софи, но вы же понимаете, мадам, если гестапо вломится сюда посреди ночи, из-за ее слепоты мы не сможем быстро ее спрятать. А я поклялся месье Эдуарду, что сберегу ее. Придется ей потерпеть...

– Да, конечно. Но боюсь, есть еще одно обстоятельство, о котором вам нужно знать, – Конни решила, что должна рассказать ему о Софи всю правду. – Видите ли... Софи беременна.

На лице Жака отразилась гамма эмоций, кончая ужасом.

– Как?! Кто?! Эдуард знает?

– Нет, и даже Софи еще мне об этом не говорила. Мне рассказала Сара, ее горничная, она знает ее как никто. Но это еще не самое худшее, месье... – Конни сделала паузу. – Отец ребенка – немец, высокопоставленный офицер ЭсЭс. – Жак замер, совершенно сраженный. – Я сожалею, что вынуждена вам это сказать, – видя его реакцию, добавила она.

– Моя маленькая Софи... Поверить не могу! – Жак потряс головой. – А я-то думал, ей грозят только боши! Нет, если станет известно, что у нее ребенок от эсэсовца, на нее обрушатся проклятия всей Франции! Недели две назад у нас в деревне женщина, о которой знали, что она спит с немцами, пропала из своего дома. Потом тело нашли на берегу. Ее избили до смерти и бросили в море. – Жак покачал головой. – Ну и дела, мадам, хуже не придумаешь...

– Знаю, – кивнула Конни. – Но что поделаешь?

– Вы уверены, что о ее связи с немцем никому не известно? И о том, что из этого вышло?

– Да, абсолютно уверена.

– И на том спасибо, – выдохнул Жак. – Пусть оно так и остается.

– Могу только добавить, пожалуй, что Эдуард сказал мне однажды, что этот немец ему нравится. При других обстоятельствах, сказал он, мы могли бы стать друзьями. В самом деле, Фредерик помог нам бежать из Парижа. И я верю в то, что человек он хороший.

– Нет! – возмутился Жак. – Он немец, а немцы насилуют нашу страну и наших женщин!

– Согласна, но порой форма, которую на тебя надели, не соответствует тому, что ты за человек. И тому, во что ты по-настоящему веришь, – Конни вздохнула.

– Значит, еще важнее, чтобы Софи была хорошо спрятана. Хотя один Бог знает, чем все обернется для нее после войны... – мрачно рассуждал Жак. – Понимаете, я с самого ее детства люблю ее, как родную. Мне думать невыносимо, что... – его передернуло. – Это война, будь она проклята, разрушила жизнь прекрасной молодой женщины! Всякий скажет, что одинокой и незамужней матери во всякие времена жить непросто, а уж теперь... Хоть бы Эдуард выбрался из этой переделки и снова взял жизнь под уздцы... А пока мы с вами должны сделать все, чтобы защитить нашу Софи.

Той же ночью Жак привел их в винный подвал, где стояли огромные, в шесть метров высотой, из русского дуба бочки, в которых зрело вино. Остановясь перед одной из бочек в самой глубине помещения, Жак поднялся по маленькой приставной лестнице к огромному крану, снял несколько боковых досок и забрался в бочку. Софи и Конни, стоя внизу, слышали шорох и треск. Наконец в проеме показалась голова Жака.

– Забраться будет сложновато, мадемуазель Софи, но вы не бойтесь, я вас поддержу. Мадам Констанс, пусть она поднимется по лестнице, а я уж тут ее подхвачу. А потом вас, следом.

– Мы что, забираемся в бочку? – изумилась Софи. – Я ведь не буду жить в бочке?

– Давай, Софи, возьми Жака за руку, он поможет, – подтолкнула ее в спину Конни, направляя по лесенке, и Софи исчезла во тьме, откуда послышалось, как Жак тихо и ласково ей что-то втолковывает.

– А теперь вы, мадам Констанс, – повысил он раздавшийся эхом голос.

Конни взобралась следом и сверху разглядела, что три доски из основания бочки вынуты, а Софи и Жак, у которого в руке был

светильник, стоят в темноте уже под бочкой. Она влезла в проем и вскоре оказалась рядом с ними.

– Пойдемте, – сказал Жак, свободной рукой пригнув Софи голову. Конни тоже пригнулась, чтобы не стукнуться лбом. Туннель – она не знала, как еще назвать этот низкий проход, – показался ей бесконечным. Никогда не страдавшей клаустрофобией, даже ей стало не по себе, когда Жак наконец привел их к маленькой дверце. Он отомкнул дверцу, и они оказались в квадратной комнате с голыми кирпичными стенами, под потолком которой виднелось маленькое зарешеченное окно. Присмотревшись, Конни разглядела в полутьме кровать, кресло, комод и даже ковер на каменных плитах пола.

– Где мы, Жак? – пискнула Софи, когда он усадил ее на стул. – Тут так холодно и промозгло! А запах...

– Мы в подвале шато. Через стенку – винный подвал. Вы будете здесь в безопасности, мадемуазель.

– Ты хочешь сказать, я должна здесь остаться? В этом холодном, сыром месте? И пробираться этим длинным туннелем каждый раз, когда мне захочется выйти? – в голосе Софи прозвучал ужас. – Ты не можешь оставить меня здесь, Жак, прошу тебя! Это бесчеловечно!

– Дорогая моя, послушайте меня внимательно. Поскольку никто не видел, как вы входили в шато, нет никаких причин, чтобы время от времени не подниматься в дом. Конечно, при плотно закрытых ставнях. И можно будет гулять во внутреннем дворике, там вас никто не увидит. Но сейчас, ради вашей же безопасности, вам, конечно же, следует оставаться здесь.

– А как мне мыться? – почти в истерике вскричала она. – И все прочее, что полагается даме?

Жак открыл еще одну дверцу и осветил внутрь.

– Вот, тут есть удобства.

Конни, заглянув, увидела умывальник с тазом и тумбочку для ночного горшка. Тут парафиновая лампа в руке Жака внезапно погасла, и все трое оказались в крошечной тьме. Да, это был тот мир, в котором обитала Софи, мир тьмы. Жак пытался снова разжечь лампу, и пока это у него не получалось, у Конни было время порадоваться за Софи, что той все равно, горит лампа в ее застенке или не горит.

– Я не могу быть здесь одна, – ломая руки, вымолвила Софи. – Не могу!

– Выбора нет, – вдруг посуровел Жак. – Днем, я же сказал, сможете выходить, но ночью мы рисковать не можем!

– Конни! – вскричала Софи, направив руку в ее сторону. – Пожалуйста, не оставляй меня здесь! Умоляю!

Жак, не обращая внимания, повернулся к Констансу:

– Я должен показать вам, мадам, как отсюда сразу попасть в шато. Тот, кто придумал этот тайник, знал толк в таких вещах: здесь два выхода.

Он подошел к противоположной стене, где оказалась еще одна дверь, и повернул ключ. Толкнул дверь, и, когда она распахнулась, Конни увидела расстилавшийся перед ней просторный винный подвал. Жак провел ее в противоположный его конец и указал на ступеньки:

– Они ведут в хозяйственные помещения дома. Если не открывать ставни, можно брать в кухне воду и готовить еду. Только огонь разжигать видом нельзя. Мы находимся в долине, а деревня – над нами, там сразу заметят дым.

– Я все поняла, – кивнула Конни, почувствовав облегчение от того, что из подземной темницы есть путь полегче.

– Я сейчас вас тут оставлю с мадемуазель, чтобы вы устроили ее на ночь. Завтра можно будет подняться наверх, принять ванну, сменить одежду... Повторю еще раз: вечером никакого огня, даже с закрытыми ставнями. Его будет видно на мили вокруг. Внимание нам привлекать ни к чему.

– Хорошо.

– Сумеете найти дорогу назад? Уверены? Я оставлю вам лампу, – говорил он, шагая назад в темницу, где, уронив голову на руки, тихо плакала Софи.

Он ушел, а Конни села на кровать рядом с Софи и взяла ее за руку.

– Софи, милая, постарайся быть сильной. Тебе ведь только ночью придется бывать здесь. Я думаю, не такая это большая цена за безопасность.

– Но здесь так ужасно! И этот запах... – Софи передернуло. – Констанс, ты посидишь со мной, пока я не усну?

– Ну конечно!

И, легонько укачивая Софи в руках, как ребенка, Конни раздумывала, как это получилось, что, засланная во Францию

английской разведчицей, она превратилась в защитницу и прислугу избалованной аристократки.

Глубокой ночью Эдуард и Винишия сидели на опушке густого леса, откуда открывался вид на большое поле. Дело было где-то на западе от Тура. Так долго и мучительно они добирались туда на различном транспорте, что Эдуард, совершенно измученный, потерял представление об ориентирах. Однако он все-таки одолел этот путь, и теперь человек, сидевший с другого боку от Винишии, под низкий гул мотора мигал фонариком через поле. Три вспышки дали летчику знать, что все в порядке, и самолет начал снижаться.

– Ну что, мой друг, похоже, вам удастся благополучно унести ноги. Передавайте привет доброй старой Англии, ладно? – жизнерадостно сказала Винишия.

– Ну конечно. А вам не хочется улететь со мной? – повернулся к ней Эдуард, и взгляд ее прекрасных зеленых глаз на мгновение смягчился.

– В идеальном мире, конечно бы, улетела, – кивнула она. – Я целый год не видела родителей. Но тот мир, где мы с вами живем, не идеален. Моя работа не кончена.

– Никогда в жизни я не смогу отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали! – с чувством проговорил Эдуард, и при мысли, что он оставляет ее в опасности, взгляд его затуманился. Чувство юмора Винишии, ее смелость и неизменное присутствие духа поддерживали, подбадривали его и в болезни, и в опасной дороге. – Я буду скучать.

– И я! – улыбнулась она.

– Если нам повезет и мы оба выберемся из этой войны, я бы очень хотел снова увидеться с вами, Винишия.

– И я. – Отчего-то смутившись, она опустила глаза.

– Винишия, я... – И, повинуясь порыву, Эдуард обнял ее и поцеловал, крепко и страстно, в губы. Самолет приземлился. Винишия отстранилась. Он увидел, что и в ее глазах стоят слезы, и легонько приподнял ей подбородок. – Крепитесь, мой ангел. И берегите себя, пожалуйста. Ради меня.

– После этого поцелуя – как же иначе! Ну, пойдете. Пора.

Они побежали к «Лизандеру», который прилетел, чтобы доставить его на ее родину. Перед тем как взойти по лесенке, Эдуард

протянул ей небольшой сверток.

– Прошу вас, если у вас или кого-то из подпольщиков будет случай встретиться с моей сестрой, передайте ей это – и она поймет, что я жив.

– Что-нибудь придумаю и передам непременно, – пообещала Винишия, сунув сверток в рюкзак.

Уже у люка Эдуард в последний раз обернулся.

– Удачи, мой ангел! Я буду молить Бога, чтобы мы встретились снова.

Он вошел в самолет, и маленький люк закрылся. Винишия, не отрывая глаз, следила, как самолетик рулит по земле, набирает скорость, подпрыгнув, взлетает и разворачивается в сторону Ла-Манша.

– Пойдем, Клодетт, время не ждет, – проговорил ее товарищ Тони, тот, что подавал знаки фонариком. Он взял ее за руку и повел через поле. Глядя на яркое ночное небо с полной луной, превратившей схваченное инеем поле в сверкающую сказочную страну, Винишия со смутной тоской подумала, что Эдуард де ла Мартиньерес – человек, которого наконец-то она смогла бы по-настоящему полюбить.

Днем позже, передав сверток Эдуарда связному, который направлялся на юг, Винишия поездом вернулась в Париж. Прибыв на новую конспиративную квартиру, в прихожей она с облегчением сбросила рюкзак и поспешила на кухню, чтобы вскипятить воду для чая.

– Добрый вечер, фройляйн. Очень рад, что могу с вами познакомиться.

Повернувшись на голос, она застыла на месте под ледяным взглядом бледно-голубых глаз полковника Фалька фон Вендорфа.

После недельного пребывания в гестапо, где ее допрашивали и пытали, ничего не добившись, Винишию вывели во двор. Солдат, привязывая ее к столбу, смотрел на нее с отвращением.

– Дали бы девушке последнюю сигаретку, – с вымученной улыбкой проговорила она.

Он раскурил сигарету, сунул ей в рот. Пару раз затянувшись, Винишия мысленно попрощалась с родными. Но в тот момент, когда

палач целился ей в сердце, она думала о поцелуе Эдуарда де ла Мартиньереса.

Глава 25

Гассен, юг Франции

1999

Жак, посеревав от усталости, замолчал.

– Довольно, папа, тебе нужно отдохнуть, – распорядился Жан. – Пойдем, я отведу тебя наверх.

– Но я должен досказать эту историю... Я еще не закончил...

– На сегодня хватит, пойдем. Времени у нас достаточно. Может быть, завтра продолжим. – И он повел отца к двери.

Оставшись одна, Эмили, глядя в огонь, представляла себе Винишию. Смелая и веселая красавица, перед самой гибелью она полюбила ее отца...

Жан, сбежав с лестницы, устроился у каминной решетки.

– Вот ведь история, а? – пробормотал он.

– Да. И надо же, всюду любовь! Как жаль мою тетю – если бы не роман с немцем... ее жизнь могла бы сложиться иначе...

– Ну, нам же известно, что случилось после войны с француженками, которые проводили время с врагом. Их брили наголо, мазали дегтем, обваливали в перьях и даже расстреливали соседи...

Эмили содрогнулась.

– И из всех мужчин Софи выбрала...

– Разве мы выбираем, кого полюбить, Эмили? – тихо спросил Жан.

– А ребенок, которого родила Софи? Он тоже умер?

– Кто знает? Придется нам подождать, когда папа доскажет, как все вышло. Но знаешь, сдается мне, Фредерик был человеком неплохим. Где ты родился, когда – всего лишь игра случая. Разве человек сам выбирает свою участь? Разве по своему выбору идет воевать? В те годы выбора у них не было, что бы они там себе ни думали, на чьей они стороне.

– Сколько же им всего выпало... – вздохнула Эмили. – Это, знаешь, совсем по-иному представляет наше существование...

– Вот именно. Слава Богу, после двух мировых войн Запад усвоил уроки. На хотя бы какое-то время, – проговорил Жан. – Но война

неизбежна; это в человеческой натуре – желать перемен и не ценить мира. Грустно, но это так. И случается, критические обстоятельства проявляют в человеке лучшее, что в нем есть. Твой отец определенно спас Констанс, когда сам пошел в кафе предостеречь Винишию. А Констанс подвергла себя самым ужасным испытаниям, какие могут выпасть на долю женщины, чтобы уберечь Эдуарда. Но, разумеется, в человеке могут проявиться и качества самые отвратительные. Как это было с Фальком. Чрезмерная власть опасна для того, кто ею обладает.

– Тогда я рада, что у меня никакой нет, – с улыбкой ответила Эмили.

– Еще как есть, Эмили! – возразил ей Жан. – Что за привычка себя недооценивать! Ты красивая, умная и добрая женщина. Уже этого обычно достаточно, но тебе повезло родиться в старинной, благородной и небедной семье. Тебе много, очень много дано! Подумай об этом, а я пошел спать, мне, как всегда, вставать с птицами.

– Да, конечно. И ты прав, Жан. Мне дано много, и, может быть, только сейчас я учусь это ценить...

– Вот и отлично! – Жан встал. – Что ж, увидимся утром!

– Спокойной ночи!

Чуть позже, лежа на старенькой кровати в спальне, где, судя по всему, жила в былые времена Констанс, слыша, как шумит вода в общей ванной, где моется Жан, как щелкнул потом замок его двери, Эмили думала о том, что Жан и его отец – это все, что осталось у нее от родных. Утешившись мыслью, что они у нее есть, она заснула.

Наутро, спустившись в кухню, она сразу увидела, что Жан встревожен.

– Папа задыхается, я вызвал врача. Кофе?

– Да, спасибо. Я могу как-то помочь?

Заметив, как она огорчена, Жан приобнял ее за плечи.

– Нет, он просто старый и слабый. Мне жаль, Эмили, но сегодня он нам ничего не расскажет.

– О чем ты говоришь! Важнее всего, чтобы ему стало легче.

– Давай договоримся, что ты поскорее вернешься, чтобы узнать, что было дальше, – Жан улыбнулся. – Кров и стол для тебя всегда наготове.

– Возможно, в следующий раз я привезу с собой мужа. Это ведь история и его бабушки.

– В самом деле. Послушай, ты позавтракаешь одна? Мне нужно кое-что сделать до того, как придет врач. Я только надеюсь, что отца не увезут в больницу. Он там в последний раз просто измаялся. Но в любом случае до твоего отъезда еще увидимся. – Жан кивнул и вышел из кухни.

Позавтракав, Эмили поднялась наверх, чтобы собрать свои вещи. За стеной слышался кашель Жака. Осторожно постучав в его дверь, она заглянула в комнату.

– Можно войти?

Жак приглашающе махнул рукой.

Глаза его были открыты и, подходя, она со страхом подумала, что это бесцветное, усохшее тело напоминает ей, то как мать выглядела перед смертью. Присев на край кровати, Эмили улыбнулась старику.

– Я хотела сказать спасибо за вчерашний вечер. С нетерпением буду ждать, когда вы поправитесь и сможете рассказать, что там было потом.

Жак, открыв рот, издал скрежещущий хрип.

– Не нужно говорить, отдохайте, – ласково проговорила Эмили.

Жак схватил ее за кисть своей корявой рукой, с неожиданной силой сжал, кое-как улыбнулся и покивал.

– До свидания – и, пожалуйста, поправляйтесь! – Эмили наклонилась и легонько прикоснулась губами к тонкой коже на его морщинистом лбу.

Когда ей пришла пора уезжать, Жан был наверху у отца, с доктором, так что она оставила на кухне записку, поблагодарив их обоих, села в машину и поехала в Ниццу. Поневоле ее грызло чувство вины, что Жак разболелся, может быть, из-за того, что столько сил потратил, вспоминая былое.

Самолет взмыл в небо. Эмили молилась, чтобы Жак выжил, но приготовила себя к тому, что конца истории она может и не узнать. Впрочем, где-то над севером Франции сознание ее переключилось на Блэкмур-Холл.

Мысль о возвращении в Йоркшир после двух дней, проведенных там, куда стремилось ее сердце, не очень радовала. Холод, серое английское небо и тревожная атмосфера в доме – на это требовалось себя настроить. А кроме того, придется поинтересоваться у мужа, почему он провел два дня в шато, не сказав ей об этом ни слова.

Самолет приземлился, пройдя сквозь плотные дождевые облака – день был серый и неприветливый. Эмили стиснула зубы. Да, она выбрала себе этого мужа и эту жизнь, как бы уныло это сейчас ни выглядело. Выйдя из аэропорта, она отыскала на стоянке старый «Лендровер» и сказала себе, что мрачный, убогий дом и парочка братьев в состоянии войны – пустяк по сравнению с тем ужасом, о котором рассказывал вчера Жак.

Подъехав к Блэкмур-Холлу, она не увидела и следа драндулета, в котором Себастьян обычно добирался до станции, а войдя в дом, нашла его снова промерзшим, так что, поставив чемодан, пошла включить отопление. Все это свидетельствовало, что Себастьяна в последние дни в доме не было. Не странно ли? Вчера, когда они говорили по телефону, он сказал, что звонит отсюда...

Возможно, пожалала она плечами, всегда готовая оправдать мужа, привыкнув жить без отопления, он не подумал его включить. Потом поднялась в спальню – там все было в точности, как когда она два дня назад уезжала. Пройдя в кухню заварить себе чай, она увидела, что полбутылки молока, оставленной ею в холодильнике, по-прежнему там. «Прекрати!» – одернула она себя. Ведь могло быть так, что Себастьян приехал вечером, не ужиная, улегся спать, а утром снова уехал в Лондон. Как бы то ни было, нужно съездить в деревню купить продуктов.

И только она открыла входную дверь, чтобы снова усесться за руль «Лендровера», как на подъездной дорожке показался драндулет Себастьяна.

– Милая! – раскинул он руки, подходя к ней. – Как я рад, что ты дома! – Он наклонился ее поцеловать. – Я соскучился!

– И я, Себастьян. Я так переволновалась! Я...

– Все, Эмили! – Он приложил палец к ее губам. – Мы уже вместе.

Радовало, что Себастьян снова был весел и мил, и они чудесно провели выходные. Занимались любовью, поздно вставали, проголодавшись, вместе готовили еду, а в воскресенье вечером прошлись по поместью. В садах, хоть и неухоженных, стали заметны первые приметы весны.

– Здесь столько проблем, я просто не знаю, с чего начать, – посетовал Себастьян, когда они шли по лужайке к дому.

– Мне нравится работать в саду, – ответила Эмили. – Пожалуй, этим я и займусь. Надо же мне делать что-то, пока тебя нет.

– Резонно, – кивнул Себастьян. Они вошли в кухню. – Чаю?

– Да, хорошо бы.

– Не очень-то здесь уютно, да? И боюсь, мне придется часто отсутствовать в ближайшее время.

– В таком случае мне стоит подумать, чтобы перебраться с тобой в Лондон, – твердо сказала Эмили, когда он подал ей кружку чаю. – Это неправильно, столько времени проводить врозь, особенно в начале семейной жизни. И нелепо, что ты не позволяешь своей жене воспользоваться ее деньгами, чтобы наладить жизнь, – добавила она, поражаясь своей смелости.

– Да, ты права. Давай подумаем об этом через какое-то время. – Себастьян чмокнул ее в нос. – Можно присмотреть небольшую квартирку. К той дыре, где я сейчас обитаю, я тебя, миллионершу, точно не подпущу, – с улыбкой ответил он.

На языке вертелось, что она готова жить с ним где угодно, «с милым рай и в шалаше», но счастливая, что он взглянул благосклонно на ее стремление переехать с ним в Лондон, Эмили решила пока не настаивать. Однако о том, как он оказался в шато, не сказав ей, впрочем, спросила.

Они лежали в постели, и Себастьян, подперев рукой голову, как-то странно на нее посмотрел.

– Что, ты в самом деле не помнишь, как я тебе говорил, что собираюсь туда? – Он хмыкнул. – Рановато для слабоумия, не находишь? Ну с какой стати я бы об этом промолчал?

– Себастьян, я уверена: ты мне об этом не говорил! – настойчиво повторила Эмили.

– Ну и что? Разве это что-нибудь значит? К примеру, я же не жду, чтобы ты спрашивала у меня разрешения приехать сюда, понимаешь? Мой приезд в шато был спонтанным. Образовалось немного свободного времени, и я подумал, а поеду-ка я и начну паковать библиотеку. Ты бы ведь не стала возражать?

– Нет, конечно.

– Ну вот! Спокойной ночи, милая. Мне завтра рано вставать к поезду. Попробую заснуть.

Себастьян выключил свет, а Эмили устремила глаза в потолок. Поразительно. Умеет же ее муж преподносить свои действия в самом разумном свете, в то же время выставляя ее и глупой, и кругом неправой! Или, может быть, она и впрямь неправа... Подавив вздох, она закрыла глаза. Вспомнилась фраза о том, что брак – это большой труд, и порой некоторые вещи надо принимать такими, какими они есть.

В шесть утра Себастьян уехал, а Эмили попробовала снова заснуть, но ей это не удалось. Она встала, спустилась сварить кофе, впервые с приезда в Йоркшир включила мобильник и прослушала все сообщения. Одно было от Жана: отца перевезли в Ниццу, где его госпитализировали и прописали курс лечения, ему уже лучше. Как только Жак вернется домой и сможет продолжить рассказ, Жан ей сообщит.

День выдался солнечный. Эмили решила пройтись по саду, посмотреть, с чего она может начать. Это важно – не бездельничать, а делать что-то полезное, пока у нее есть время. Но в цветнике стало ясно, что работы там столько, что никаких ее физических сил не хватит. Бесчисленные клумбы нуждались в прополке, стрижке и удобрении. Только весной она сможет понять, что удастся спасти после многих лет небрежения. А пройдясь по фруктовому саду, совсем пала духом.

Впрочем, вернувшись к дому, чтобы подкрепиться кофе, она нашла, к чему приложить силы. Можно попробовать оживить симпатичную, по утрам солнечную террасу, на которую есть выход из кухни. Мощенная старыми каменными плитами, по трещинам она вся поросла мхом.

Эмили составила список, что нужно купить в магазинчике «Все для сада», примеченном у дороги в нескольких милях от дома. Если подналечь и посадить кое-что, получится приятное местечко, где можно будет завтракать по утрам.

Вернувшись с покупками, Эмили подумала, что надо бы зайти к Алексу. Чувства к нему она испытывала самые противоречивые. Он явно был ей по сердцу, но всякий раз после встреч с ним, хотя о Себастьяне он ничего неприятного не говорил, даже от умалчивания она чувствовала себя потом растревоженной. Едва наладив отношения

с мужем, она опасалась опять их испортить. И все-таки в семь вечера Эмили постучалась Алексу в дверь.

– Открыто!

Он был в кухне, ужинал. Увидев ее, улыбнулся:

– Привет, незнакомка!

– Привет! – Эмили от чего-то смутилась. – Вот, пришла взглянуть, как ты...

– Все отлично, спасибо. А у тебя как?

– И у меня тоже.

– Хорошо. Может быть, присоединишься? – Алекс показал взглядом на сковороду с жарким, стоявшую на плите. – Я всегда готовлю с избытком.

– Нет, спасибо. У меня тоже ужин готов. Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. Тогда я пойду, чтобы ты спокойно поел. Если какие-нибудь проблемы, звони мне.

– Ладно.

– Доброй ночи, Алекс! – Она вымученно улыбнулась и пошла к двери.

– Доброй ночи, Эмили, – печально ответил он.

Несколько дней вслед за тем Эмили деятельно вычищала террасу и меняла землю в замшелых горшках с останками давно засохших цветов. Потом она посадила в них зимние анютины глазки, а через пару недель планировала добавить петунии, незабудки и ароматную лаванду.

Жан позвонил сказать, что его отец уже дома, и ему не терпится закончить рассказ, так что Эмили на будущей неделе решила лететь во Францию и сразу заказала билет. И еще она перехватила Джо, девушку, которую подрядила помогать Алексу, когда та шла к велосипеду, и спросила, устраивает ли ее работа.

– О, очень даже устраивает, миссис Карратерс! – воскликнула та. – Алекс чудесный человек. И такой умный! На будущий год у меня курс русского языка в университете, так он меня готовит!

– Он что, говорит по-русски? – удивилась Эмили.

– Да. И по-японски, по-китайски немножко и по-испански. Ну и по-французски, конечно. – Джо вздохнула. – Просто беда, что он сидит

в этом кресле и не может никуда выбраться! Только он никогда не жалуется, миссис Карратерс. Хотя я на его месте волком бы взвыла.

– Понятно, – отозвалась Эмили. И, помахав Джо, которая покатила дальше, в очередной раз почувствовала себя бессердечной, что сторонится деверя.

Приближению пятницы она была рада. Себастьян за неделю позвонил только раз, но Эмили начала привыкать к тому, что когда он в отъезде, то слишком занят работой, чтобы звонить. На этот раз он явился в приподнятом настроении, рассказал, что продал картину одного из своих новых художников и получил неплохие комиссионные. Эмили предложила ему полететь вместе с ней во Францию, послушать конец истории, которую рассказывал Жак, но он сказал, нет, дела не пустят. Что касается Алекса, заверила его Эмили, тот в порядке, и видятся они редко.

– Он вполне самостоятелен, Себастьян.

– Что ж, ты была права, а я нет, – огрызнулся он.

– Я совсем не об этом.

Они сидели за домом на обновленной террасе. Поежившись, когда узкий ломоть йоркширского солнца скрылся за облачком, Эмили поднялась на ноги.

– Пойду приготовлю ужин.

– Кстати, мне, наверное, понадобится на пару дней в Женеву, так что в следующие выходные меня здесь не будет.

Эмили, подумав, кивнула.

– Тогда, может быть, я приеду туда к тебе из Франции? На машине. Это недалеко.

– Мне бы этого очень хотелось, но поездка не развлекательная – у меня все время расписано.

– Ну что ж, – вздохнула она, не желая спорить, и ушла в кухню.

Утром в понедельник Себастьян уехал. Проводив его, Эмили, всерьез уязвленная, легла снова. Как это получилось? Она изо всех сил старается не жаловаться, поддерживает мужа в его усилиях наладить свое дело, не претендует на его время и знаки внимания, но видит его все меньше и меньше. Что ей делать здесь, в Йоркшире, где она предоставлена сама себе? Проводить дни, латая дыры в доме, который ей не принадлежит и который, может быть, вообще будет продан,

показалось ей вдруг совершенно бессмысленным. А решение не общаться с Алексом означало, что весь день она будет одна...

С тяжким вздохом Эмили встала, оделась. Стоит ли, вяло размышляла она. В принципе, если лень, можно весь день проходить в ночной рубашке, все равно никто не придет. Мысль была неприятная.

Она оседлала велосипед и поехала в деревню купить молока и хлеба – или что там в Англии сходит за хлеб, – но проехала мимо продуктовой лавки и остановилась лишь у последнего коттеджа по левой стороне дороги. Прислонив велосипед к стене грубой каменной кладки, подошла к входной двери и постучалась. Если миссис Эрскин не захочет открыть, она просто уедет, и все. Но ведь та сама пригласила ее заглядывать, и пришло время узнать побольше о враждующих братьях Карратерсах.

На втором ударе дверь распахнулась, и приветливая улыбка Нормы Эрскин дала Эмили понять, что ей рады.

– Здравствуйте, милочка, а я-то думала, когда же вы выберете часок заглянуть ко мне! – Она повела Эмили по узкому коридору. – Так удачно, я как раз чай заварила.

Они оказались в старомодной, но безукоризненно чистой кухне. Шкафчики из желтого пластика, электроплита «Бэби Беллинг» и холодильник «Электролюкс» – все напоминало о шестидесятих годах двадцатого века.

– Ну что, милочка, как там мои мальчики, не обижают вас? – улыбнулась миссис Эрскин.

– Нет, не обижают, – вежливо ответила Эмили.

– Рада это слышать. Не ссорятся, как у них водится, нет? Наверное, это вы на них благотворно влияете. Вам с молоком или с лимоном?

– С молоком, спасибо.

Хозяйка разлила чай, сама села напротив и продолжила:

– Хотя что-то я сомневаюсь, чтобы этих двух кто-нибудь примирил.

– Не вполне понимаю, о чем вы, – дипломатично отозвалась Эмили.

– Думаю, замечали, что между братьями словно кошка черная пробежала? Казалось бы, взрослые люди, могли бы забыть старое. Но, сдается мне, дел уж никак не поправить.

– Да, особой близости между ними нет.

– И это мягко сказано. – Миссис Эрскин вздохнула, потянувшись через стол, потрепала Эмили по руке. – Я понимаю, милочка, вы замужем, вам положено быть на стороне мужа.

– Да, конечно, но вы правы, атмосфера в доме тяжелая. А когда понятия не имеешь, с чего все началось, трудно разобраться, что к чему. Вот я и пришла к вам с просьбой, чтобы вы меня просветили. Если я пойму, в чем корень проблемы, мне, может быть, будет легче чем-то помочь.

Миссис Эрскин, помолчав, внимательно на нее посмотрела.

– Тут дело такое, милочка, что тогда мне придется открыть вам кое-что не очень приятное о человеке, за которого вы вышли замуж. Сомневаюсь, чтобы вам это понравилось. Понимаете, здесь стоит только начать, только дернуть за ниточку, клубок покатится – и размотается вся правда. Лгать вам, миссис Карратерс, я не смогу. Вы точно уверены, что этого хотите?

– Нет, конечно же, я этого не хочу, – честно сказала Эмили. – Но это лучше, чем ломать себе голову и строить догадки.

– Полагаю, Алекс вам ничего не рассказывал?

– Ни слова. Наотрез отказался говорить и о брате, и о прошлом вообще.

– Он человек порядочный, этого у него не отнять. Ну что ж, – экономя хлопнула себя по коленям. – Надеюсь, я делаю то, что должно. Однако помните, вы сами меня попросили!

– Хорошо, – пообещала Эмили.

– Вы, наверное, знаете, что мамаша родила их в коммуне хиппи, в Америке, неизвестно от кого, а потом маленькими сюда привезла?

– Да, – кивнула Эмили, с напряжением вслушиваясь, чтобы получше разобрать йоркширский диалект.

– Они были как две горошинки в стручке, с разницей всего в полтора года, и милее малышей я в жизни не видела! И хотя старший из них – Себастьян, с самого начала сомнений не было, что Господь поцеловал младшего. Алекс читал и писал, когда ему еще и четырех не исполнилось, и такой был ласковый и милый, что всегда добивался, чего хотел. Я так никогда не могла отказать ему в куске пирога, даже перед обедом! – миссис Эрскин тихонько посмеялась. – И вылитый ангел, с огромными карими глазами. Поймите меня правильно, миссис

Карратерс, не хочу быть несправедливой, ваш муж, он тоже был славный паренек, но не так одарен, как Алекс, что тут поделаешь. Он и толковый был, и на вид неплохой, но с Алексом – никакого сравнения. И, понятное дело, из кожи вон лез, чтобы вырваться вперед, но Алекс всегда побеждал, даже не шевельнув пальцем. – Вздохнув, она покачала головой. – И бабушка их в Алексе просто души не чаяла, что дела тоже не облегчало...

– Понятно. Бедный Себастьян!

– Вот и я говорю, милая, и с возрастом все стало только хуже. При всякой возможности поставить Алекса под удар Себастьян ее не упускал. Надо же ему было хоть в чем-то побеждать, верно? И всегда говорил, что это Алекс начал, а сам всегда без единого синяка.

– Понятно, – неприятно пораженная, снова сказала Эмили. – А Алекс лез в драку?

– Нет, – миссис Эрскин поморщилась. – Никогда. Он обожал брата и хотел только одного – ему угодить, и если Себастьян говорил, что виноват Алекс, тот кивал, ни слова не возразив. Ваш муж с детства обладал даром убеждения, будто белое – это черное. – Она покачала головой. – Дела пошли лучше, когда Себастьяна послали в частную школу, и он приезжал на каникулы, хвалясь своими успехами. Но потом в ту же школу отправили документы Алекса, он мигом получил стипендию и уехал, а мы предвещали ему великое будущее. И тут мадам Констанс – то есть миссис Карратерс – стала получать письма из школы, что от Алекса одни неприятности. Мы понять ничего не могли, ведь добрее и мягче мальчика на свете не было, ему всегда было интересней сидеть с книгой, чем драться. Но как бы то ни было, через год его исключили из школы и послали домой. Вроде как пожар он устроил в только что выстроенном спортивном зале.

– Неужели?

– Из школы написали, что да, а сам он ни слова не проронил, хотя мы с бабушкой допрашивали его с пристрастием. Ну, у меня есть свои подозрения, – миссис Эрскин со значением подняла бровь, и Эмили ее поняла. – Алекса отдали в местную школу, куда, правду скажу, я и своих детей не отправила бы. Никуда не годная школа, и Алексу там было совсем не место. Ненавидеть он ее ненавидел, но экзамены все равно сдавал с блеском, и ему выделили место в Кембридже. Бабушка его была на седьмом небе, что любимый мальчик ее все одолел. А

Себастьяну, на учебу которого денег не жалели, еще повезло, что его приняли на отделение истории искусств в Шеффилде.

Женщина остановила рассказ, глотнула чаю. Эмили смиренно сидела, ожидая продолжения.

– Ну вот, лето, перед тем когда Алексу предстояло ехать в Кембридж, наши мальчики наслаждались вкусом взрослой жизни. Алекс накопил денег на машину, и они вместе ездили на ней в паб. Автомобильчик был старенький и двухместный, но Алекс им страшно гордился, – она вздохнула. – И вот однажды вечером он домой не приехал, а явилась полиция. Алекс попал в аварию, столкнулся с другой машиной. Пьян был в стельку, и его посадили в камеру протрезвиться. Слава богу, никто серьезно не пострадал, только обе машины всмятку, годились лишь в металлолом. Алекса обвинили в вождении в нетрезвом виде, и в Кембридже принять его отказались, раз он был под судом.

– Кошмар, – пробормотала Эмили. – Впрочем, Себастьян говорил, что у Алекса проблемы с алкоголем. Возможно, это было начало...

– А я на это вам скажу, – миссис Эрскин покачала головой, – что до того раза он, садясь за руль, никогда ни капли спиртного не принимал. Так гордился своей машиной, что не стал бы подвергать ее риску. Он и сейчас клянется, что пил в тот день один апельсиновый сок... И как алкоголь попал ему в жилы, ума не приложу. В общем, мечты про университет рухнули, и осенью он на те деньги, что скопил, работая в местной лавке, уехал за границу. И пять лет мы о нем ничего не знали...

– Да, Себастьян говорил мне, что он исчез.

– Пропал бесследно. И не писал – бабушка все глаза выплакала, не знала, жив он или мертв. А потом раздался звонок из французской больницы, нам сообщили, что он, можно сказать, на пороге смерти. Я в наркотиках, милочка, ничего не понимаю, но он, похоже, чего только не попробовал. Мадам Констанс немедленно к нему полетела.

– Она поместила его в частную клинику, да?

– Да, и он вернулся домой чист как стеклышко, но вскоре опять уехал, и увидела я его только через четыре года. Даже на похороны бабушки не явился. – Миссис Эрскин прослезилась. Достав из-под манжеты носовой платок, она высморкалась. – Простите, милочка, я просто вспомнила, как мадам Констанс все время о нем спрашивала,

до последнего дня, не приехал ли. Но мы не знали, где он, некуда было написать. Так что она так с ним, с ее мальчиком, и не простилась. Думаю, Алекс и сам себя не простил, что его тут не было. Бабушку он обожал, в этом можно не сомневаться.

– Я уверена в этом...

– Он, правда, говорит, что часто писал домой и адрес обратный указывал, но мы ни единого письма не получили, ни единого! – Она помолчала. – В общем, наверное, сказался шок, что бабушки больше нет, – Алекс остался здесь и взялся за ум. Поговаривал, что, пожалуй, станет учителем. Прямо изнутри переменялся... Или, вернее, – улыбнувшись сквозь слезы, поправилась она, – стал таким, каким был в детстве. Себастьян перебрался в Лондон, и я была рада, что Алекс взял бразды правления на себя, потому что у меня уже голова шла кругом. И тут как-то на выходные объявился из Лондона ваш муж. Вспыхнула ссора, из-за чего, не знаю, и я вижу, как Алекс выскакивает из дома, садится в машину и включает мотор. Но не успел он уехать, как Себастьян уселся с ним рядом. Машина рванула по дорожке, я занялась своими делами, и тут опять звонок из больницы, оба мальчика там. Вы, конечно, знаете, что ваш муж отделался легким испугом, а Алексу досталось хуже некуда.

– Он снова был пьян, да?

– Нет, милая, – миссис Эрскин потрясла головой, – это вы перепутали. Пьян он был, когда попал в первую аварию. На этот раз вина лежит на водителе другой машины, той, которая налетела на Алекса. Когда дошло до суда, анализы показали, что в крови Алекса ничего не было, и его оправдали. Только теперь он парализован до конца своих дней. Что за судьба такая, думаю я порой. Ходит беда за ним по пятам... А когда его выписали из больницы, ваш муж мне объявил, что опекунство над братом он берет на себя, и никаких пререканий. Я-то рассчитывала, что стану ухаживать за Алексом сама, ему со мной было бы проще, но ваш муж заявил на это, что мне и без того есть чем заняться.

– Так почему же вы решили уйти от нас?

– Как бы вам это сказать... Я понимаю, что ваш муж делает все возможное, чтобы помочь брату, но сиделок он нанимает таких, что я бы их близко к дому не подпустила! – Миссис Эрскин поморщилась. – И понятно, что Алекса они раздражают. Поневоле подумаешь, что ваш

муж выбирает худших. Хуже не бывает. А если вдруг попадетя приличная, с которой Алекс подружится и начнет ей доверять, то Себастьян мигом найдет в ней изъян и ее выставит! И понятно, что поначалу Алекс нуждался в постоянном уходе, но теперь-то он стал здоровей и сам со многим справляется! А еще – вы ведь знаете, тем, кто ухаживает за инвалидами, выплачивают пособие – так вот, ваш муж его получает, мне это точно известно. Может, ему и правда эти деньги нужны... Не знаю...

Эмили сидела затаив дыхание, переваривала услышанное. Значит, Себастьян получает деньги на Алекса...

– Повторю еще раз. Я должна верить, – бывшая экономка, виновато взглянув на гостью, подчеркнула: – должна верить, что ваш муж печется об интересах брата. Но дома-то, что ни говори, его часто нет, он то и дело в Лондоне. А я всегда там, и эти вечные склоки, ссоры и смены сиделок никому не в радость, и мне тоже. А уж последняя... – Она закатила глаза. – Уж если Алекс запустил в нее чашкой, то я и подавно бы запустила. Пила она, извините меня, как лошадь! Сколько я пыталась втолковать это вашему мужу, но у него как пробки в ушах! И терпению моему пришел конец, исстрадалась я за мастера Алекса и ушла. Сил моих больше нет.

– Понятно.

– А теперь, – со вздохом произнесла миссис Эрскин, – ваш черед со всем этим справляться. Уж как я вам сочувствую, милая, просто всем сердцем!

Эмили не знала, что на это сказать.

– Спасибо, миссис Эрскин, что поделились со мной.

– Надеюсь, я не брякнула ничего бестактного. Все чистая правда, все как есть. Они оба хорошие...

Женщины помолчали. Эмили – с пониманием, что миссис Эрскин в ходе рассказа пустила в ход всю дипломатию. Словно прочтя ее мысли, та добавила:

– Они ведь росли у меня на глазах. Я люблю их обоих, что бы они ни натворили...

– Да, миссис Эрскин. Спасибо за чай. – Навалилась вдруг страшная усталость. Эмили встала из-за стола. – Я очень ценю вашу откровенность. А теперь мне пора.

– Да, милая. – Хозяйка, проводив ее к выходу, у двери положила большую, натруженную ладонь ей на плечо. – Надеюсь, я не выпустила в курятник лису. – И, встретив вопросительный взгляд, пояснила: – Ну, не сказала того, чего вам лучше бы не знать.

– Я могу лишь поблагодарить вас. Мне требовалось понять, и я поняла.

– Отлично. И помните, вы всегда найдете здесь чашку чаю.

– Еще раз спасибо. – Эмили переступила порог и взялась за руль велосипеда.

– Присматривайте за Алексом, ладно? Он такой уязвимый... – Встретившись с миссис Эрскин глазами, Эмили поняла, что та имела в виду. Она кивнула и поехала назад в Блэкмур-Холл.

Глава 26

К Алексу в тот вечер она не пошла. Устроилась у камина в гостиной и, чтобы ничего не забыть, подробно записала все, что рассказала ей миссис Эрскин. Сомневаться в основательности характеристик, которые экономка дала братьям, не приходилось, и в целом они совпадали с ее собственными впечатлениями. Разве она не столкнулась уже с умением Себастьяна перевернуть все с ног на голову и убедить тебя, что черное – это белое, причем именно в этих словах? С его способностью излагать факты так, что любой из них предстает в ином свете, она также уже познакомилась.

Неужели Себастьян, как дала понять миссис Эрскин, – лгун, мошенник и провокатор, который ни перед чем не остановится, чтобы уничтожить родного брата? И если правда, что у Себастьяна зуб на Алекса, значит ли это, что он на этом основании плохой человек?

Эмили припомнила случай с мобильным телефоном, когда Себастьян с легкостью убедил ее, что расстраиваться из-за того, что он не звонил ей несколько дней, глупо и нелепо. И пусть он уверяет, что заранее сообщил ей о своем намерении заехать в шато, чтобы начать упаковывать книги, она точно помнит, что этого не было. И почему он не хочет, чтобы она ездила с ним в Лондон, а оставляет ее здесь, в Йоркшире?

Нет, так дальше нельзя, так черт знает до чего додумаешься.

Она сейчас в состоянии, которое отец называл «луна на ущербе», – когда человеческий организм истощен, а разум потерял свою остроту.

Поднявшись в спальню, Эмили порылась в своей косметичке, нашла таблетки от бессонницы, которые прописал ей врач после смерти матери, и одну запила водой. Прежде всего нужно выспаться. А уж завтра она двинется в своих поисках дальше.

В шесть вечера она постучалась в дверь Алекса, весь день перед тем потратив на то, чтобы логически примирить собранные факты и выстроить их в порядок. Вооруженная бутылкой красного вина, она услышала голос Алекса.

– Я у компьютера! – крикнул он. – Кое-кто из моих отпрысков потерпел значительные убытки сегодня, а все из-за того, что на Фиджи не уродился сахарный тростник! Иди сюда!

– Здравствуй, Алекс! – Эмили остановилась в дверях, замороженная игрой красного и зеленого на экране его компьютера.

– Здравствуй, – ответил он, не отрывая глаз от экрана. – Давно не виделись.

– Я принесла вот это! – Эмили протянула бутылку. Повернув голову, Алекс изобразил причитающееся случаю удивление.

– Ты уверена?

– Вполне.

– Что ж, сюрприз приятный. – Он отъехал от компьютерного стола и с широкой улыбкой развернулся лицом к гостье. – Я тебя имею в виду, не вино.

– Прости, что не пришла раньше.

– Да ладно, нам, изгоям, к этому не привыкать! И все-таки я рад тебя видеть, Эм. Мне принести бокалы или ты сама?

– Я сама.

– Вот и умница.

Отыскав в кухонных шкафчиках штопор и два бокала, Эмили прошла за Алексом в гостиную, где он, нагнувшись, принялся разжигать огонь. Откупорила бутылку, разлила вино по бокалам, один подала ему. Он смотрел на нее с нескрываемым интересом.

– *Santù*, – сказала она и сделала глоток. – Твое здоровье!

– Ну, давай, – Алекс по-прежнему не сводил с нее умных глаз. – Давай, начинай.

– Что?

– Ты пришла мне что-то сказать или спросить. Я весь внимание.

– Да, так и есть. – Эмили поставила бокал на стол и села в то кресло у камина, которое стояло поближе к нему. – Алекс, ты лжец?

– Что?! – хмыкнул он. – Ну что я могу на это ответить? Конечно, нет! А если честно, то я врал, наверное, когда сидел на сильных наркотиках, но в тех обстоятельствах это норма.

– Прости, пожалуйста, но мне казалось, я должна об этом спросить, имея в виду, что хочу просить тебя – более того, умолять! – сказать мне правду.

– Да, ваша честь. Правду и ничего, кроме правды. Эм, что происходит?

– Я вчера съездила к Норме Эркин.

– А, понятно. – Алекс сделал глоток вина. – И что эта достойная женщина тебе рассказала?

– О вашем детстве, по моей настоятельной просьбе, и проявила себя великим дипломатом. Но в результате у меня возникли вопросы, которые я хочу задать тебе, – ну, чтобы справиться с тревогой, которая меня одолевает, и расставить все по местам.

– Ага... Думаю, мне понятно, к чему идет дело. А именно, к разговору, которого я всячески старался избежать, – оценил обстановку Алекс. – Ты точно уверена, что хочешь продолжить? Ведь я скажу тебе одну правду. Только правдой это, как всегда у людей, будет только с моей точки зрения. Она может оказаться и пристрастной, и извращенной.

– В таком случае, думаю, будет проще, если я сначала задам тебе несколько простых вопросов, а ты будешь отвечать «да» или «нет».

– Эмили! А ты не думала о карьере юриста? Мне кажется, тебя ждет успех! – попытался он разбить напряжение.

– Алекс, это серьезно.

– Да будет вам, ваша честь, ничто в этой жизни не серьезно до такой степени, пока ты жив и трепыхаешься.

– Прошу тебя, Алекс!

– Извини. Буду отвечать «да» и «нет» и не стану вдаваться в подробности, пока ты не попросишь. Начинай.

Эмили заглянула в свой список.

– Итак, первый вопрос. Когда ты был маленьким, случалось ли, что твой брат дразнил тебя и задирали? А потом, когда надо было держать ответ, врал насчет того, кто затеял драку или проказу, и ответственность всегда падала на тебя?

– Да.

– Когда ты получил свою стипендию и поехал учиться в ту школу, где уже учился твой брат, было ли так, что он опять старался представлять дело так, будто это ты виноват в неприятностях, которые там случались? К примеру, не он ли разжег тот пожар, за который тебя исключили из школы?

На лице Алекса отразилось сомнение, он ответил не сразу:

– Я вынужден думать, что, да, он. Это сделал уж точно не я, хотя четверо мальчиков и учитель присягнули, что видели, как кто-то вроде меня выбежал из спортзала как раз перед тем, как там вспыхнул огонь. Нас с Себастьяном на расстоянии спутать было очень легко.

– Почему ты не защищался?

– Я-то думал, тебе нужны «нет» или «да»? – вскинул бровь Алекс. – Ну подумай сама, разве я мог указать пальцем на брата? Да и никто бы мне не поверил. Себастьян представил себя белей белого. Настоящий Макавити из стихотворения Элиота. «Он двадцать алиби подряд представит на суде, как доказательство того, что не был он нигде»^[2]. И доказательств, кстати, что это был он, никаких нет, так что вопрос остается открытым.

– Я поняла. Хорошо, теперь следующий вопрос: пил ли ты спиртное в ту ночь, когда вы двое – тебе было восемнадцать – поехали вечером в паб, а кончилось все тем, что тебя обвинили в вождении в нетрезвом виде?

– Нет, насколько я знаю, не пил. В пабе я, как всегда, заказал апельсиновый сок.

– Ты веришь, что твой брат подлил тебе спиртного в питье?

– Да, – не колеблясь ответил он.

– Ты когда-нибудь обвинял его в этом?

– Нет. Тут ничего не докажешь.

– Ты считаешь, он сделал это для того, чтобы ты не учился в Кембридже?

– Да.

– Ты уехал из Йоркшира за границу для того, чтобы уберечься от брата, которого зависть съедала до того, что он ни перед чем бы не остановился, лишь бы разрушить все, чего ты достиг?

– Да.

– В ночь аварии, перед тем как ты сел в машину, между вами с Себастьяном была жаркая ссора. Она случилась из-за того, что он хотел продать Блэкмур-Холл, а ты нет?

– Да.

– Ты винишь Себастьяна в этой аварии?

– Нет, – твердо ответил Алекс. – Авария – это авария, и он тут ни при чем.

– Ты уверен?

Алекс ответил не сразу.

– Ну вот смотри. Я жутко на него разозлился, и мы продолжили ссориться и в машине, потому что он ни за что не хотел из нее выйти. Тогда я остановился на обочине и совсем уж собрался развернуться и ехать домой, как вдруг из-за поворота вылетел тот маньяк и врезался прямо в нас. Так что, – Алекс пожал плечами, – на вещи можно смотреть двояко. В обычных обстоятельствах, не ссорясь с братом, я бы не стоял на этой обочине. Но это можно сказать о чем угодно! В общем, мне просто не повезло, и вину за это на твоего мужа я возложить не могу. Что дальше?

– Как ты думаешь, после этой аварии сделал ли твой брат все возможное, чтобы максимально осложнить тебе жизнь? К примеру, нанимал сиделок, в которых ты уже не нуждался и которые тебя раздражали. Или увольнял тех, что тебе нравились.

– Да.

– Как на твой взгляд, он делает это потому, что у него есть такая возможность или за этим кроется какая-то иная причина? К примеру, отравить тебе жизнь так, чтобы ты сдался и согласился продать дом?

Еще одна пауза. Алекс сделал глоток вина и внимательно на нее посмотрел.

– Не исключено. Дом в нашей совместной собственности, и для продажи необходимо мое согласие. По разным причинам, я продавать не хочу. Это все?

Эмили посмотрела в шпаргалку. Там был еще ряд вопросов – но те, крайне неприятные, относились к ее личным отношениям с Себастьяном. Сейчас не до них. На сегодня хватит. Она кивнула:

– Да.

– Ты понимаешь, надеюсь, что если задашь те же вопросы моему брату, то получишь ответы диаметрально противоположные?

– Да. Только помни, у меня есть глаза и уши, Алекс... и еще мозг.

– Бедняжка Эм! – внезапно воскликнул он. – Ввязалась в игру кошки с мышкой, а кому верить, ты не знаешь!

– Будь любезен, не говори со мной свысока! – рассердилась она. – Я просто пытаюсь понять, что происходит, и мне уже ясно, что вы оба совсем не те, за кого себя выдаете.

– Безусловно, так оно и есть. Прости, если что-то ляпнул. Я сочувствую тебе от всей души. Еще вина?

Эмили протянула ему бокал и, помолчав, сказала:

– Послушай, почему ты тут остаешься? Ты сказал, у тебя есть деньги. Уж конечно, для вас обоих было бы безопасней, во всех смыслах, продать этот дом и разойтись, каждый своей дорогой.

– Да, решение разумное, но оно не принимает в расчет чувств. Бабушка горела желанием примирить нас, братьев. Она думала, что, завещав дом в совместную собственность, сможет добиться этого. Идея оказалась непродуктивной. Я пытался, но это невозможно. И понемногу мое терпение иссякает. Себастьян рано или поздно своего добьется. Я это понимаю.

– Но зачем ему продавать дом? Он говорил мне, что любит его и хочет заработать денег, чтобы навести тут порядок.

– Эм, я могу отвечать только за себя, а это вопрос, который ты лучше задай ему. Однако, да, я честно хотел пойти ему навстречу, потому что этого желала бы бабушка. Я принес ей столько слез и горя, когда сбежал из дома и ступил на скользкую дорожку к забвению... А ведь я ее обожал...

– Но она догадывалась, почему ты сбежал?

– Вполне возможно, но по справедливости, Эм, несмотря на то, что мой брат все детские годы меня изводил, обвинить его в том, что я скатился к наркотикам, я не вправе. Это был мой собственный выбор. Я хотел заглушить боль от потери того, как все могло бы быть, и достиг той точки, когда кажется, что ничего хорошего в жизни уже не будет. Чего бы я ни добился, как бы я ни старался, все равно все пойдет прахом и толку не будет. Ты меня понимаешь?

– Да, вполне, – кивнула Эмили.

– Но тем самым я глубоко ранил мою любимую бабушку, и этого я себе никогда не прощу. В общем, живя здесь и честно пытаюсь наладить отношения с Себастьяном, я в какой-то мере перед ней каюсь.

– Я понимаю.

– Послушай, Эм, – помолчав, сказал Алекс. – У меня душа неспокойна. Из-за тебя. Я бы просил тебя помнить, что наши неурядицы с братом вовсе не означают, что он не в состоянии поддерживать хорошие отношения с другими людьми. Мне совсем не хочется, чтобы то, что произошло между нами в прошлом, бросило

тень на твое к нему отношение. Напротив, я хочу, чтобы вы были счастливы вместе.

– Как ты можешь заботиться о нем после всего, что он с тобой сделал?

– Я понял, что расти вечным вторым – и не важно, реальным или воображаемым, – судьба невеселая. Я хорошо знаю теперь, каково было Себастьяну. Может быть, и сейчас тоже. Ты как никто должна понимать, что он чувствует. – Он посмотрел на нее в упор, и она вспыхнула.

– Да, у всех есть свои тайны и свои недостатки.

– И сильные стороны тоже. Брат, например, поразительно изворотлив. Что называется, выйдет сухим из воды. Прошу тебя, дай ему шанс, Эм. Не опускай руки!

– Не опущу, – пообещала она.

– А теперь давай поужинаем! Мне сегодня с фермы привезли отличное мясо. И хорошо бы ты поделилась, что еще узнала о боевой юности моей бабки.

За ужином Эмили изложила ему, как могла точно, рассказ Жака.

– Нимало не удивлен, – кивнул Алекс, когда она замолчала, и с чувством добавил: – Бабушка была женщина выдающаяся. Она бы тебе понравилась.

– Что тут скажешь, кроме «мне очень жаль»? – отозвалась Эмили.

– В самом деле. Никогда не примирюсь с тем, что сделал, но, наверное, так оно и должно быть. Потрясение, вызванное ее смертью, привело меня в чувство. Я стал лучше, чем был.

Эмили заметила, что уже полночь.

– Мне надо идти, Алекс. Завтра лечу во Францию, дослушать рассказ Жака, но как только вернусь, сразу дам знать. Спасибо тебе за откровенность, за честность, за справедливость по отношению к Себастьяну. Доброй ночи! – Она наклонилась и легонько поцеловала его в щеку.

– Пока, Эм.

Дверь за ней закрылась. Алекс вздохнул. Надо бы рассказать ей больше, гораздо больше, но руки у него связаны. Пусть сама разбирается, за кого вышла замуж. Он сделал все, что мог.

А Эмили забралась под одеяло в состоянии хоть и взволнованном, но все-таки с чувством облегчения, поскольку подоплека отношений

между братьями ей стала теперь понятна. Вооруженная фактами, она как-нибудь справится с ситуацией. Себастьян – не сумасшедший, он просто неуверенный в себе мальчик, которого всю жизнь сжигала ревность к младшему брату, который во всем его превосходил. Можно ли, исходя из этого, считать его плохим человеком? Нет...

Теперь, понимая, в чем дело, она сможет ему помочь. Нужно, чтобы он жил с ощущением, что его любят, ценят, оберегают. Не обязательно ведь, как в случае с Фальком и Фредериком, чтобы один был чистое золото, а второй – воплощение зла? Ни жизнь, ни люди не бывают исключительно черны или белы... Или, – Эмили, вздохнув, щелкнула выключателем лампы, – она придумывает оправдания поведению мужа, потому что не может вынести простой и жестокой правды? Которая состоит в том, что она сделала чудовищную ошибку...

Подъехав к шато, Эмили, несмотря на все предупреждения подрядчика, расстроилась – так грустно дом выглядел с забитыми провалами окон и дверей. Два часа она провела с архитектором, осматривая, что уже сделано, а потом подъехала к винодельне, где, как обычно, корпел за бумагами Жан.

– Эмили! Как я рад тебя видеть! – Он поднялся поцеловать ее в щеку.

– Как отец себя чувствует?

– Прямо ожил с приходом весны. Сейчас отдыхает, а вечером будет готов продолжить рассказ. Велел мне предупредить тебя, – Жан вздохнул, – что конец там не очень счастливый.

Но Эмили, после умственного и эмоционального смятения прошедшей недели, сейчас, вдыхая легкий, благоухающий воздух Прованса, ничего уже не боялась.

– Жан, это мое прошлое. Не будущее и не настоящее. Обещаю, я справлюсь.

Он задержал на ней внимательный взгляд.

– Послушай, да ты изменилась! Словно выросла, повзрослела. Прости, что я это говорю.

– Ну что ты, Жан. Я думаю, ты совершенно прав.

– Говорят, когда умирают родители, ты по-настоящему становишься взрослым. Словно в утешение за то, что потерял.

– Пожалуй.

– А теперь, пока отец спит, может, поговорим о виноградниках? А, Эмили? Я хочу рассказать тебе, что задумал.

Эмили старалась сосредоточиться на фактах и цифрах, которыми принялся осыпать ее Жан, но сделать свои выводы не могла: чувствовала себя недостаточно подготовленной. В тонкостях виноделия она была несведуща, и ей было совестно, что Жан вынужден советоваться с ней, спрашивать разрешения, можно ли расширить дело, в то время как она представления не имеет, что посоветовать и как помочь.

– Я вполне доверяю тебе, Жан. Я знаю, ты сделаешь все возможное, чтобы винодельня начала приносить прибыль, – сказала она, когда он принялся убирать бумаги.

– Спасибо, Эмили, но я обязан обговорить все с тобой. Ты владеешь и предприятием, и землей.

– Так может быть, мы это изменим? – осенило ее. – Может быть, владельцем должен стать ты?

Жан посмотрел на нее с удивлением.

– Послушай, что если мы обсудим это за стаканчиком розового?

Так что они сели на террасе с вином и принялись обсуждать.

– Можно сделать так: дело я выкуплю, а землю буду арендовать – тогда те, кто придет после меня, не смогут отделить винодельню от имения, – предложил Жан. – Много я предложить не смогу, и так придется брать кредит в банке, и на выплату процентов уйдет время. Однако в возмещение могу платить тебе какой-то процент с прибыли, которую получу.

– Звучит разумно. Мне, конечно, понадобится спросить Жерара, что он об этом думает, и нужно, чтобы он проверил, нет ли в старых документах каких-либо оговорок, запрещающих такой поворот дела. Впрочем, если они есть, я уверена, что вправе их отменить. Я вдруг почувствовала себя всемогущей... – и она рассмеялась.

– И тебе очень это идет, – рассмеялся и Жан.

– Пожалуй, – Эмили в раздумье сделала глоток вина. – Знаешь, когда умерла мама, я была в ужасе от того, что надо управляться с поместьем, парижским домом и всем наследием целиком. Первым моим побуждением было все продать, и дело с концом. Но теперь – я

столькому научилась за этот год! Знаешь, кажется, я чуть толковей, чем раньше, предполагала... – и осеклась. – Прости, что-то меня занесло...

– Милая Эмили, одной из твоих проблем всегда был недостаток уверенности в себе. В общем, если ты не против обдумать эту идею, скажу, что я крайне заинтересован, чтобы мы достигли соглашения. Но ты, наверное, голодна? Пойдем в дом поедим, а потом у нас как раз хватит времени дослушать рассказ отца.

Жак, по мнению Эмили, выглядел гораздо лучше, чем в прошлый раз.

– Это весенний воздух согрел мои старые кости, – коротко хохотнул он за свежим морским лещом, поданным на ужин. – Ну как, ты готова, Эмили? – спросил он, когда они перешли в гостиную. – Только предупреждаю, история непростая.

– Я готова.

– Если я помню правильно, остановились мы на том, что Констанс и Софи прибыли в шато, а Эдуард улетел в Англию...

Рай

*Розовый, как
спелый персик,
рассвет,
Бьется в берег
голубая волна.
Дуновения весны
след,
Роза рос и
ароматов полна.
Красота, куда ни
кинь взор.
Ликование для всех
чувств...
...Страх ночной в
мрачнейшей из нор
Омертвелый дол
темен и пуст.
Взвоят дико
мистраль за окном.
Пальцы стынут и
стонет земля.
Красота, взмахнув,
словно птица,
крылом,
Улетела к лесам и
полям.
Нежный,
затянувшийся
поцелуй,
Ноша тяжела и
легка.
Я запомню кожей,
как наяву
Обнимала меня*

*твоя рука.
В черном мраке
брезжит свет
чистоты.
Ты ведь знаешь,
рай для меня – где
ты.*

*Софи де ла
Мартиньерес*

Апрель 1944

Глава 27

Гассен, юг Франции

1944

– Кто-то идет! – тревожно прошептал Жак. – Где Софи?

– В подвале, спит, – насторожилась Констанс.

– Пойди предупреди ее, – велел Жак, не отрываясь от дверного глазка. – Нет, погоди! Это Арман. – И, с облегчением переведя дух, отворил дверь.

Арман, прислонив свой велосипед к стене, вошел. Целый месяц проведя в обществе только Жака и Софи, Конни была необыкновенно рада увидеть его веселое, выразительное лицо.

Мужчины коротко, но крепко, как принято у французов, обнялись, и по проходу из винодельни Жак провел гостя в дом.

– Присаживайся, дружище, и расскажи нам все новости. Мы тут изголодались в неведении. Констанс, будь добра, сделай нам кофе.

Та неохотно кивнула, боясь пропустить хоть словечко. Ее нынешнее положение сиделки и няньки при Софи – Софи, которая весь последний месяц отказывалась вставать с постели, выходить во внутренний дворик, чтобы подышать свежим воздухом, и есть тоже отказывалась, хотя Конни не уставала ее увещевать, – с каждым днем тяготило ее все больше.

Торопливо поставив три чашки на поднос и наполнив их дымящимся кофе, она понесла поднос в гостиную.

– Спасибо, мадам Констанс, и счастливого вам Нового года! – Арман взял свою чашку и сделал глоток, от удовольствия прикрыв глаза.

– И давайте помолимся, чтобы сорок четвертый год ознаменовался освобождением нашей страны, полным и окончательным, – горячо проговорил Жак.

– Правильно ты все сказал, – кивнул Арман и достал из рюкзака сверток. – Вот это передали для мадемуазель Софи, но я думаю, она не станет возражать, если вы откроете его сами, мадам. Там хорошие вести.

Конни сняла обертку, увидела поблекший зеленый переплет, название книги – и улыбнулась:

– Это второй том «Истории французских плодовых деревьев»! – Она подняла на Жака сияющие глаза. – Книга из парижской библиотеки Эдуарда. Он мне когда-то с гордостью ее показывал. Полагаю, это означает, что он в безопасности?

– Да, мадам. Эдуард ушел от опасности, – кивнул Арман. – И помогает нам даже оттуда, где он скрывается. Мадемуазель Софи наверняка повеселеет, когда узнает, что брат ее жив и здоров. И кто знает? Он может вернуться скорее, чем мы можем предположить, – и не делает этого сейчас только потому, что боится поставить вас под удар.

– Вам известно, как ему удалось бежать? Он был едва жив, когда мы расстались! – Конни прижимала книгу к груди.

– Подробностей я не знаю, мадам, но вот девушка, британский агент, которая спасла ему жизнь, говорят, попала немцам в лапы, и они расстреляли ее. В паршивые времена мы живем, мадам, – но хотя бы Геро ушел от расправы.

– А Сара? Что-то известно о Саре?

– К сожалению, нет. Ничего, – Арман помрачнел. – Она просто исчезла... и таких много. А мадемуазель Софи, как она?

Жак и Конни переглянулись.

– В общем, неплохо, – пробурчал Жак. – Но тоскует по брату и рвется на свободу. Но что поделаешь, когда война на дворе?

– Скажите, пусть не теряет надежды. Совсем недолго осталось терпеть. Скоро все кончится, и тогда не только она, мы все выйдем на свет божий. Вот-вот высадутся союзники, – и мы все делаем, чтобы этот день наступил скорей, – Арман, глядя на Конни, так сердечно ей улыбнулся, что она оживилась. – Что ж, мне пора.

Они смотрели, как он уезжает, с благодарностью, что он привнес ноту надежды в их монотонную и уединенную жизнь. Бедняжка Софи страдает, что заперта в подземной тюрьме, но и они с Жаком вели такое же замкнутое существование, вызванное необходимостью ее уберечь.

– Как она сегодня? – спросил Жак.

– По-прежнему, – ответила Конни, собирая на поднос чашки. – Похоже, совсем пала духом.

– Может, новость, что брат жив, ее приободрит?

– Пойду спущусь, расскажу ей.

Жак, не говоря ни слова, кивнул. Конни вернулась в кухню, взяла в кладовой фляжку молока, положила ее в полотняную сумку, в которой носила в подвал припасы, как почтальон, перекинула сумку через грудь.

– Попробуй выманить ее подышать, – вслед ей посоветовал Жак.

– Попробую.

Конни привычно забралась в дубовую бочку, вынула доски дна, зажгла масляную лампу и, пригнувшись, пошла по туннелю. Этот ход, ужаснувший ее, когда она преодолевала его в первый раз, теперь совсем ее не пугал. Открыв дверь в подвал, в слабом свете, сочившемся из окошка под потолком, она увидела, что Софи лежит, повернувшись к стене, и спит. Подходило время обеда.

– Софи, – осторожно потрясла ее Конни, – просыпайся, у меня хорошие вести.

Та повернулась на спину, потянулась. Просторная ночная рубашка из белого батиста не могла больше скрыть, как округлился ее живот.

– Какие еще вести?

– Связной только что принес чудесную новость! Твой брат жив и здоров!

Софи села.

– И едет сюда? Едет забрать меня отсюда?

– Возможно, – слукавила Конни. – Но разве не славно знать, что он в безопасности? Он прислал нам книгу о фруктовых деревьях. Помнишь, я тебе читала из нее в Париже, а ты рисовала?

– Помню... – Софи, подтянув колени к груди, обвила их руками. – Чудесные были времена...

– И они вернуться, уверяю тебя!

– И Эдуард скоро приедет, – мечтательно проговорила Софи, направив взгляд в пустоту, – и заберет меня из этого ада. Или, может быть, Фредерик... – Она вдруг схватила Конни за руку. – Ах, Конни, ты представить себе не можешь, как мне его не хватает!

– Отчего же, я представляю! Ведь и у меня есть человек, по которому я скучаю.

– Да, твой муж, – кивнула Софи, как-то сразу погасла и опять улеглась. – Нет, я не верю, что эта война когда-нибудь кончится. Я

думаю, что умру в этой дыре.

За последний месяц Конни слышала эти слова десятки раз и по опыту знала, что средств вывести Софи из этого состояния нет.

– Скоро весна, Софи, скоро начало новой жизни. Ты должна в это верить.

– И я хочу, правда, очень хочу! – но тут, под землей, когда я одна ночью, поверить в это ну никак невозможно!

– Я понимаю, тебе трудно, но сдаваться нельзя.

Две женщины молча сидели в полутьме, Конни – недоумевающая, отчего Софи так и не призналась ей, что беременна. Не может же она сама этого не понимать, видя перемены, случившиеся с ее телом? Или, чего доброго, возвращенная в тепличных условиях под опекой Сары и Эдуарда, она не догадывается, что происходит? Конни столько раз порывалась с ней об этом заговорить! По ее подсчетам, ребенок родится через полгода. Да, пожалуй, эта тема – единственное, что может вывести Софи из болота уныния. Значит, надо брать быка за рога.

– Софи, – мягко начала Конни, – ты ведь знаешь, да, что очень скоро у тебя будет ребенок?

Слова эти повисли в сыром, застоялом воздухе подвала, и последовало молчание столь долгое, что Конни подумала, уж не уснула ли Софи снова. Но нет, прервав паузу, та уронила:

– Да.

– И это ребенок Фредерика?

– Конечно! – оскорбилась Софи.

– И ты знаешь, да, что женщина, которая носит ребенка, должна заботиться о том, чтобы он рос и развивался в благоприятной среде? То есть не только хорошо питался, но и дышал свежим воздухом, и чтобы у его матери было хорошее настроение?

Последовала еще одна пауза.

– Давно ли тебе известно? – спросила наконец Софи.

– Сара узнала сразу и сказала мне.

– Да, Сара, конечно, – Софи вздохнула и улеглась поудобнее. – Как я по ней скучаю!

– Я знаю, Софи. Я стараюсь изо всех сил, но понимаю, что заменить ее не могу, – ответила Конни, сама слыша, как зазвенел ее голос.

– Прости меня, Констанс! – Софи, видно, тоже это услышала. – Я понимаю, как много ты для меня делаешь, и я очень тебе признательна, правда. А что касается ребенка... Я стеснялась сказать тебе. Ты думаешь, я что, не понимаю, что я наделала? – Софи стиснула руки. – Нет, наверное, всем будет лучше, если я умру. Что скажет брат, когда узнает? Господи, что он скажет?

– Он поймет, что ты живой человек и сделала это из-за любви, – принялась успокаивать Конни. – И следствием этой любви стала новая жизнь, которую еще предстоит выпустить в мир. Софи, не сдавайся. Не падай духом. Ты должна бороться – так, как ты никогда еще не боролась! – ради твоего ребенка.

– Но ведь Эдуард никогда меня не простит, никогда! И ты, Констанс... В ту ночь, когда брата не было в Париже, я обманула твое доверие, привела Фредерика к себе в спальню и по собственной воле легла с ним! Ты должна меня ненавидеть! – в отчаянии проговорила Софи. – Но нет же, ты вот, рядом, заботишься обо мне, просто потому, что ты добрая душа и у тебя нет выбора. Но ты не понимаешь, Констанс, что это такое, когда ты всем в тягость! С раннего детства меня ни на минуту не оставляли одну, чтобы я не упала. Ни единого раза я не могла сделать простейших вещей, которые все делают. Я всегда завишу от чьей-то помощи, я по лестнице сама не могу подняться, сходить в ванную или надеть новую вещь, которую раньше не надевала! Не могу выйти из дома и пойти по улице... – Она прижала к вискам тонкие пальчики. – Прости меня, Констанс, но мне так себя жалко!

– Ну конечно, милая, – Конни приобняла ее. – Такая жизнь и вправду не сахар.

– И вот я встречаю человека, который не видит во мне слепую, который, в отличие от всех, кого я в своей жизни знала, не обращается со мной как с беспомощным ребенком. Нет, Фредерик относится ко мне как к женщине, на мое увечье не обращает внимания, слушает, что я говорю, без снисхождения, любит меня такой, какая я есть, хочет быть со мной рядом. Но – вот незадача! – он враг. И из-за этого я не могу, не должна любить его! Иначе я изменница, я предаю мою страну! И вот теперь он уехал, а я ношу его ребенка – и это еще одна обуза для тех, кто рядом со мной! И ты, Констанс, еще спрашиваешь

меня, почему я залегла здесь и хочу умереть? Да потому, что без меня всем станет легче!

Конни потеряла дар речи. Софи впервые дала ей понять, как глубоко она чувствует и как мучается из-за того, что во всем зависима от других.

– Если бы не я, – продолжала Софи, – Сара не была бы в том поезде и ее бы не арестовали. Наверное, ее уже расстреляли или послали в какой-нибудь из этих чудовищных лагерей, где она так и так умрет.

Конни искала правильные слова и, похоже, нашла их:

– Софи, то, что ты есть, это такое бесценное счастье для твоей семьи, что никто и не думает, что ты стоишь каких-то забот. Тебя просто любят!

– И что я сделала, чтобы отплатить за эту любовь? Опозорила всю семью! – По ее щекам полились слезы. – Нет, говори что хочешь, а Эдуард никогда меня не простит. Как я ему признаюсь?

– Давай об этом подумаем позже, ладно, Софи? А сейчас самое главное – это здоровье, твое и твоего ребенка. Ты должна все сделать, чтобы он благополучно родился. Ты вообще этого хочешь?

Софи ответила не сразу.

– Иногда мне кажется, что лучше бы нам обоим лечь тут и умереть. Но потом мне приходит в голову, что все, кого я люблю, меня покинули, и эта жизнь внутри меня – единственное, что у меня осталось. А потом, это ведь частица Фредерика... Ах, Констанс, я совсем запуталась! Так ты не ненавидишь меня за то, что я сделала?

– Нет, Софи, – вздохнула Конни. – Ну как я могу тебя ненавидеть? Скажу тебе по секрету, ты не первая женщина, которая оказалась в таких обстоятельствах, – и не последняя тоже. Обстоятельства, я согласна, тяжелые, очень даже, но только вспомни, что крошечное невинное существо, которое растет у тебя в животе, ничего об этом не знает. И каким бы ни было его наследие, или что бы там ни сулило будущее, разве не твой долг перед ребенком дать ему шанс родиться? Вокруг столько смертей, столько несчастья! А новая жизнь – это новая надежда, и разве важно, в каких обстоятельствах она зачата? Ребенок – это божий дар, Софи.

Замолчав, чтобы перевести дыхание, Конни подумала, не ее ли католическое воспитание вложило ей в уста эту страстную речь, и

поняла, что истово верит всему, что сейчас сказала.

– Все, что ты можешь сейчас, – это холить и лелеять то, что растет в тебе, – мягко добавила она.

– Да, ты права. Ты такая добрая и такая мудрая, Констанс! Нет слов, как я тебе благодарна! И когда-нибудь я найду способ тебя отблагодарить.

– Ты уже сейчас можешь это сделать, если перестанешь лежать тут, мечтая о смерти. Прошу тебя, Софи, дай мне помочь тебе и твоему ребенку!

– Да, прости, – вздохнула та. – Я погрязла в своих страданиях, когда вокруг столько настоящего горя. Все, с сегодняшнего дня я постараюсь исправиться. А когда приедет Фредерик, мы придумаем план...

Конни только головой покачала:

– Ты в самом деле веришь, что это возможно?

– Я знаю, что так и будет, – уверенно сказала Софи. – Он сказал, что непременно за мной приедет, и мне сердце подсказывает, он никогда меня не подведет.

– Тогда и ты, Софи, не должна подвести Фредерика.

И Софи воспряла духом! Начала есть, как полагается, подниматься в шато и в садик за стенами, где они прохаживалась под руку. Как-то утром она закинула голову, глубоко вдохнула, принялась.

– Послушай, Конни, воздух сегодня пахнет иначе, не так, как вчера. Значит, весна совсем близко. Жить станет веселей.

Наступил март. В саду пышно расцвела мимоза. В шато не приходил никто из чужих, Жак не разрешал Конни ездить в деревню за продуктами, сам делал это. Они жили в постоянной тревоге, что нагрянет гестапо, однако единственным проявлением внимания со стороны немцев был приезд какого-то снабженца, который явился за сотней бутылок вина и двумя бочками шнапса для военного завода.

– Уединение – залог нашей безопасности, – сказал как-то Жак. – Верить никому нельзя, и пока Софи на моей ответственности, расслабляться не будем. Так что придется тебе до поры удовлетворяться моей компанией, а мне – твоей.

Что ей оставалось, как не согласиться! Не говоря уже о том, что, сведенные необходимостью, они подружились. Конни обнаружила, что за обветренной кожей и простыми манерами Жака скрываются ум, сметливость и рассудительность. Много вечеров, когда Софи засыпала в своем подвале, они проводили за шахматами. Жак делился тонкостями возделывания винограда и изготовления вина. Конни трогала его неизменная преданность Эдуарду, который был ему и друг, и патрон. В свой черед и она в подробностях поведала ему о своей жизни в Англии, о дорогом Лоуренсе, который не знает, жива она или нет...

Конни казалось, что она живет в вечной темноте, либо внизу в подвале, либо в комнатах наверху, за всегда закрытыми ставнями. Порой она вела Софи наверх, и они сидели в чудесной библиотеке, собранной поколениями графов де ла Мартиньерес, читали что-нибудь при свете масляной лампы. Как-то Конни наткнулась там на первый том «Истории плодовых деревьев Франции» и отнесла его в домик Жака.

– Красивые книги, – признал тот, осторожно перелистывая хрупкие страницы с цветными картинками. – А первый том в прежние времена мне показывал Эдуард – его купил когда-то старый граф. Вот они и соединились, эти два тома, после вековой разлуки.

По мере того как расцветала весна, округлялось и тело Софи. Щеки ее порозовели от вечерних посиделок под ветвями старого каштана в углу внутреннего дворика. Жак, когда Софи принимала воздушные ванны, всегда был на чеку, боялся непрошенных визитеров.

Однажды к ночи, покончив с дневными делами, Жак и Конни сидели за стаканом вина.

– Ты имеешь представление о том, когда родится ребенок? – спросил он.

– Не раньше июня, согласно моим подсчетам.

– И что нам тогда делать? – вздохнул Жак. – Как это можно, чтобы первые месяцы жизни дитя провело в холодном, сыром подвале? И вдруг кто-то услышит плач? И как Софи будет ухаживать за ребенком, не видя его?

– В обычных обстоятельствах у нее была бы няня. Но сейчас не обычные обстоятельства...

– Да уж.

– Значит, – со вздохом сказала Конни, – роль няни мне придется взять на себя. Хотя опыта у меня никакого...

– Я вот подумал, Констанс, не разумнее ли сразу сдать ребенка в приют? Тогда никто, кроме нас троих, не будет знать о его существовании. Ну подумай, что у него за будущее? – Жак покачал головой. – И когда Эдуард узнает всю правду, даже подумать боюсь, как он поступит...

– Определенно здоровое зерно в этом есть, – с неохотой признала Конни. – Но Софи об этом лучше не говорить. Она пока прекрасно справляется.

– Ладно, – кивнул Жак, – но имей в виду, я знаю один приют при монастыре в Драгиньяне, как раз для таких случаев.

– Мы подумаем, – тоже кивнула Конни, решив, что не стоит ему рассказывать, что в последнее время Софи увидела в своем еще не рожденном ребенке олицетворение Фредерика и символ их взаимной любви, отчего преисполнилась к нему нежности, и эта нежность с каждым днем возрастает. Это настроение Конни всячески в ней поощряла, чтобы Софи было чем жить. Жак – мужчина. Ему этого не понять.

В начале мая к ним заехал Арман. Они сели в садике Жака, смакуя розовое, налитое из бочки вино прошлого урожая. Усталый и отощавший, Арман рассказал им, как его партизанский отряд, скрывающийся на поросших густым лесом склонах Ля-Гард-Френе, готовится к высадке союзников, которую они ждут на юге.

– Мы хотим, чтобы боши думали, что высадка грозит им со стороны Марселя и Тулона, тогда как союзники планируют высадиться здесь, на пляжах Кавальер и Раматюэль. И партизаны делают все, чтобы заморочить немцев и отравить им жизнь, – улыбаясь, говорил Арман. – Мы перерезаем телефонные линии, взрываем железнодорожные мосты, перехватываем конвои с оружием. Нас уже тысячи, борцов за правое дело, и англичане помогают, присылают по воздуху и сбрасывают оружие, и организованы мы хорошо. Констанс, я знаю, вы прошли подготовку как раз для такой работы. Не могли бы вы нам помочь? Нам нужно послать связного в...

– Нет, Арман, даже не думай. Она из этого дома еще не показывалась, – на полуслове пресек его Жак, – и сюда к нам никто не лез. Если увидят, что Констанс катается на велосипеде туда-сюда, это вызовет подозрения, а нам надо думать о мадемуазель Софи.

– Но разве я не могу выехать с заднего хода? – огорчилась Констанс. – Я хочу помочь!

– Знаю, моя дорогая, и надеюсь, тебе еще представится случай. Но сейчас у нас другие задачи, – Жак многозначительно посмотрел на нее.

– А как насчет других способов поучаствовать, а, Жак? – спросил Арман. – Нам приходится переправлять подбитых британских летчиков в Англию, и, случается, им нужно где-то пересидеть, пока не придет лодка на Корсику, мы ведь через Корсику их переправляем. Может, ты смог бы пустить их к себе?

Жак покачал головой:

– Не хотелось бы привлекать внимание...

– Но, Жак, можно проделывать это потихоньку! – включилась в разговоры Конни. – Софи у себя в подвале, от винодельни вдали, и должны же мы тоже внести свой вклад! Эдуард ведь делал, что мог! Даже подвергая опасности семью!

– Да, Констанс, ты права. В самом деле, как я могу отказать? – признал Жак. – Пожалуй, летчиков можно прятать на чердаке.

– Вот спасибо! – расплылся в улыбке Арман.

– А ты, Констанс, – Жак поднялся, – будешь за ними присматривать.

– Конечно, – кивнула Конни, думая, как неплохо было бы за компанию с летчиками уплыть на Корсику.

– Значит, я – или кто-то из наших – свяжемся с вами, когда понадобится, – заключил Арман. – Ну, мне пора!

Первые два британских летчика прибыли в три утра недель позже. Конни даже прослезилась, услышав английскую речь. Пробыли они сутки. Оба, изможденные и измученные, горели желанием вернуться домой.

– Не горюй, милая, – сказал ей один, когда она вела их по лестнице на чердак, – немцы слабеют на глазах, Гитлер теряет хватку. Так или иначе, все скоро кончится, и счет уже не на месяцы, а на недели!

Когда наутро, еще до рассвета, они уходили, Конни протянула ему конверт.

– Прошу вас, когда будете дома, бросьте это в почтовый ящик!

– Конечно! Что это за цена за вкусную кормежку, впервые за столько недель! – рассмеялся он.

Проводив их, Конни снова легла, согретая новой надеждой. Летчики благополучно доберутся домой, и до Лоуренса дойдет весть, что она жива и здорова.

Срок Софи приближался, она отяжелела, ей становилось все труднее подниматься по лестнице. Но при этом от нее исходило сияние, и на здоровье она не жаловалась.

В шато, в кладовке при комнате экономки Конни нашла шерсть и спицы, а в библиотеке – руководство по вязанию. Теперь, сидя по вечерам рядом с Софи во внутреннем дворике, она вывязывала крошечные распашонки, пинетки и чепчики. И порой не без зависти поглядывала на Софи: они с Лоуренсом всегда хотели детей.

Вязала она, и сидя с Жаком в саду при его домике. Нежная молодая лоза заботливо укрывала листвой мелкие непрозрачные ягодки – вскоре, налившись соком, они станут тяжелыми кистями.

– Осталось всего несколько недель до *vendange*, сбора урожая. Вот только не знаю, найду ли я поденных рабочих, – вздохнул Жак. – Теперь у всех есть дела поважней, чем собирать виноград.

– Давай я тебе помогу, – вызвалась Конни, хотя и понимала, что толку от нее будет немного. В обычные времена Жак нанимал дюжину рабочих, которые трудились с рассвета до темноты.

– Очень тронут твоим предложением, Констанс, но, сдастся мне, твоя помощь понадобится в другом месте. Ты имеешь хоть какое-то представление о том, как принимать роды?

– Нет. Как ни удивительно, в курс диверсионной подготовки акушерство не входит. Но я прочла много романов, а там в таких случаях всегда кто-то кричит: согрейте побольше воды, принесите полотенце. Поручиться не могу, но мне кажется, как-нибудь справлюсь, когда придет время.

– Меня беспокоит, вдруг что-то пойдет не так, и Софи понадобится медицинская помощь. Что нам делать тогда? В больницу же ее не повезешь!

- Я сделаю все, что смогу.
- И это, дорогая моя Констанс, – Жак вздохнул, – предел наших возможностей.

Сбитые летчики чередой ночевали на чердаке, а после отплывали на Корсику. Каждый раз, когда они покидали дом, Конни вручала им конверт для переправки Лоуренсу. В письмах всегда было одно и то же: «Дорогой мой, не волнуйся обо мне – я здорова и надеюсь скоро вернуться домой». Какое-нибудь из них, думала Конни, июньским вечером надписывая уже пятый конверт, доберется до Лоуренса.

В комнату с озабоченным лицом вошел Жак.

– Констанс, вокруг шато кто-то бродит. Поднимись наверх к летчикам, скажи, чтобы сидели потише, а я пойду посмотрю, кто это.

Он взял охотничье ружье и вышел из дома.

Предупредив летчиков, Конни спустилась вниз и обнаружила в гостиной Жака, который стоял, наставив дуло на высокого, болезненно худого блондина, а тот, сдаваясь на милость победителя, держал руки над головой.

– Не подходи! Это немец! – Жак ткнул дулом пленному в грудь. – Сядь! Вон туда, – и указал на стул у камина, где тот будет загнан в угол. Пленный покорно сел и только потом осторожно опустил руки. Конни взглянула на него: прозрачные голубые глаза, огромные на истощенном лице, спутанные светлые волосы, грязная, оборванная одежда, болтающаяся на нем, как на вешалке, – взглянула и подумала: «Я сейчас в обморок упаду!»

– Констанс, это я, Фредерик, – хрипло проговорил пленник. – Вы не узнаете меня без мундира?

Конни усилием воли заставила себя снова посмотреть ему в глаза. Выражение их было единственным ключом к загадке, кто это из близнецов фон Вендорфов. Прочтя в глазах доброту и испуг, она перевела дух.

– Ты что, его знаешь? – с написанным на лице недоверием повернулся к ней Жак.

– Да, – кивнула она. – Это Фредерик фон Вендорф, он полковник ЭсЭс. Софи он тоже известен, – подчеркнула голосом Конни, надеясь, что Жак поймет все без слов.

– Понятно, – кивнул он, однако ружья не опустил. – И что вам угодно?

– Я приехал повидаться с Софи, как обещал ей. Она здесь?

Никто ему не ответил.

– Как видите, – Фредерик указал на свои обноски, – я больше не офицер немецкой армии. Более того, меня ищут. И если найдут, то отправят в Германию и расстреляют как предателя.

Жак презрительно хмыкнул:

– И вы думаете, мы поверим этим сказкам? Откуда нам знать, что это правда? Вы, боши, что угодно наврете, лишь бы спасти свою шкуру!

– Вы правы, месье, – невозмутимо ответил ему Фредерик. – Я действительно ничем не могу подтвердить свою правоту. Я могу только сказать все как есть. – Он повернулся к Конни. – После того как я доставил вас троих на Лионский вокзал, я не вернулся в Германию. Я знал, что мой брат Фальк не успокоится, пока не отдаст меня под суд за то, что я помог вам бежать. Уже не в первый раз он усомнился в моей преданности делу рейха. Я понял, что врагов у меня хватает, а друзей нет.

Без офицерской формы Фредерик выглядел беспомощным. В его глазах застыли усталость и боль.

– Куда же вы направились, Фредерик? – спросила Конни.

– Единственной моей мыслью, Констанс, было добраться сюда, чтобы увидеть Софи – ведь я это ей обещал. Покинув Париж, я укрылся в Пиренейских горах и затаился там, пользуясь где подкупом, где поддержкой добрых людей. Был на подсобных работах, доил коз и кормил цыплят, пока не решил, что могу рискнуть пересечь Францию и найти Софи. Этот путь занял у меня много недель.

– Однако вы ловкач, что ухитрились не попасться в руки ни немцам, ни нам, – по-прежнему недоверчиво заметил Жак.

– Вело и направляло меня одно желание – увидеть Софи. Однако удача моя на исходе. Есть человек, который может догадываться, куда зовет меня сердце, и он заинтересован в том, чтобы меня затравить. – Фредерик развел руками. – Но это не имеет значения – я знаю, что, будь то немцы или французы, смерть моя неизбежна. Я просто хочу в последний раз повидаться с Софи. Прошу вас, Констанс, скажите хотя бы, жива ли она?

В его глазах стояли слезы. Он сидел, оборванный, исхудавший, неузнаваемый, под наставленным на него дулом ружья. Сердце Конни преисполнилось жалости. Вот мужчина, который не скрылся, спасая свою жизнь, а поставил все на кон, чтобы увидеть любимую. И не важно, какой он национальности, каких политических убеждений, не важно даже, что он, может быть, служа нацизму, запятнал себя преступлениями, – как человеческое существо сейчас он заслуживал сочувствия.

– Да, она здорова, – заявила Конни. Жак бросил на нее остерегающий взгляд, но она продолжила: – Вы голодны? Судя по вашему виду, вы вряд ли помните, когда ели в последний раз.

– С благодарностью приму все, что вы сможете мне дать, но, Констанс, скажите сначала, Софи здесь? Я смогу ее видеть? – спросил Фредерик.

– Сейчас принесу поесть, а потом мы поговорим. Жак, можешь опустить ружье. Фредерик не желает нам зла, поверь мне. Сделай одолжение, поднимись сказать нашим друзьям, что для тревоги нет повода. К нам приехал родственник, но на глаза ему лучше не попадаться.

– Если ты уверена... – неохотно послушался Жак.

– Не сомневайся, – кивнула Конни, которой приятно было для разнообразия покомандовать. – Пойдемте в кухню, Фредерик, поговорим, пока я приготовлю поесть.

Тот с усилием встал, и было видно, что каждый шаг дается ему с трудом. Он достиг цели своего путешествия, адреналин иссяк, усталость, голод и отчаяние брали свое. Конни плотно прикрыла дверь и указала на деревянный стул у обеденного стола.

– Умоляю, Констанс! Она здесь? – снова спросил Фредерик.

– Да, Софи здесь.

– О господи... – Уронив голову на руки, он разрыдался. – Как же долго я шел сюда... ночевал в канавах, рылся в отбросах... Не приведи Бог, думал я, она умерла... Я так часто думал об этом, что...

Он вытер нос рукавом.

– Простите, Констанс. Я понимаю, я вам неприятен... Но вы не представляете, через что я прошел...

– Вот, выпейте это, – Конни поставила перед ним стакан вина и коснулась плеча. – Это поразительно, что вы сюда добрались.

– Мне сыграло на руку то, что и французы, и наши понимают – вот-вот все переменится. Вся Франция в хаосе, Сопротивление набрало силу. Мы... то есть немцы, – поправился он, – пытаются удержать Сопротивление в рамках. И, возможно, Франция – это последнее место, где меня могут искать. За исключением одного...

– Подкрепитесь, – Конни поставила перед ним тарелку с ломтями хлеба и сыром.

– Обыски уже были? – Фредерик запихнул ломоть хлеба в рот и проглотил, не разжевывая.

– Да, и никого не нашли. Мы с Жаком всеми силами стараемся, чтобы шато выглядело нежилым. Никто и не подозревает, что она там.

– А Эдуард? Он тоже здесь?

– Нет. Он же знает, что его появление здесь поставит Софи под удар.

– Ну и я ненадолго. И я не хочу, чтобы вы из-за меня рисковали. Итак, – он торопливо допил вино, – увижу Софи и уйду. Отведете меня к ней? Умоляю, Констанс!

– Отведу. Пойдемте.

Она провела его в винодельню и оттуда через бочку – в туннель.

– Бедная моя, милая Софи, – бормотал он. – Как она это выносит? Выходит ли хоть иногда на воздух?

– У нее нет выбора, кроме как выносить это ради ее собственной безопасности, – сказала Конни уже у двери. – Она тут и, может быть, спит. Я войду первая, чтобы она не перепугалась. И, Фредерик... – она обернулась поймать его взгляд, – вы тоже приготовьтесь... к сюрпризу.

Три раза постучав, она тихонько приоткрыла дверь. Софи сидела в кресле под окошком, с книгой шрифтом Брайля, уложенной на высокий живот.

– Констанс? – встрепелась она.

– Да, дорогая. – Конни, подойдя, ласково сжала ее плечо. – Не волнуйся, но к тебе гость. Думаю, ты будешь счастлива, когда поймешь, кто он.

– Софи, моя Софи, это Фредерик, – раздался шепот из-за спины Конни. – Я нашел тебя, *mein Liebling*.

Софи, приоткрыв рот, словно онемела.

– Это не сон? – с трудом проговорила она. – Фредерик? Неужели?!

– Да, моя любовь, это я!

Софи раскинула руки, книга упала на пол. Конни попятилась и уже в дверях сквозь слезы увидела, как влюбленные обнялись. Она тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

Глава 28

Всю ночь она просидела на страже в гостиной Жака. Пробило два, когда, отправив летчиков, он, зевая, туда вошел.

– Хоть эта забота с плеч долой! А как насчет голубков? – Жак ткнул пальцем в пол. – Он еще там?

– Да.

– Ты ходила проверить?

– Да, один раз. Слышно, как они разговаривают.

– Прости, Констанс, но ты, правда, веришь ему? Может, это такой трюк, а влюбленная женщина – приманка?

– Уверяю тебя, это не так. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять: он совершенно искренен. Видно же, что он много дней был в пути. Да и нас бы тут не было, если бы он не помог нам бежать из Парижа. Но главное, он по-настоящему любит Софи.

– А если за ним слежка?

– Да, такая вероятность есть...

– Судя по тому, что ты рассказывала мне о его брате, Констанс, это стопроцентная вероятность!

– Но в подвале они в безопасности! И Фредерик знает, что должен скоро уйти. Как можно отказать им в нескольких часах свидания, когда, вполне может статься, другого у них не будет! Прошу тебя, Жак, дай им немного времени! Им о стольком надо поговорить...

– Пусть уходит, – упрямо ответил Жак. – Если кто узнает, что я принимал тут нациста, мне конец.

– Пожалуйста, милый Жак, пусть он уйдет завтра! – стояла на своем Конни.

Они чудом уместились на кровати, которая и для одной Софи была узковата. Лежа в его руках, Софи не переставая гладила его лицо, волосы, грудь, словно убеждая себя, что Фредерик действительно рядом.

От усталости он то и дело проваливался в сон, но резко просыпался и опять стискивал Софи в объятиях.

– Скажи, любовь моя, что нам делать? – спрашивала она. – Есть на этой земле место, куда мы можем бежать?

Фредерик нежно поглаживал ее обтянутый тонкой голубоватой кожей живот.

– Ты останешься здесь, пока не родишь. Другого выбора нет. Я завтра уйду и, Бог даст, найду где укрыться, пока война не закончится. Ждать уже недолго, это я тебе обещаю.

– Я слышу это уже который год, а она все никак не кончается, – жаловалась Софи.

– Кончится, моя дорогая, клянусь, ты должна мне верить. И тогда я найду местечко для нас, приеду и заберу тебя. Тебя и нашего ребенка.

– Не покидай меня! Я без тебя тут не выдержу! – И, сама понимая, что мольбы ее тщетны, уткнулась лицом в его теплое плечо.

– Надо потерпеть, осталось всего несколько месяцев. Ты должна быть сильной, для нашего малыша. И наступит день, когда мы расскажем ему, какая смелая у него мамочка, как много она сделала для того, чтобы он появился на свет. Софи, милая, – Фредерик нежно поцеловал ее в лоб, нос и подбородок, – я же обещал, что найду тебя, и нашел. И в будущем не подведу тоже, верь мне.

– Я верю, верю! А теперь давай поговорим о чем-нибудь повеселей. Расскажи мне про свое детство, – попросила Софи. Ей хотелось как можно больше узнать о человеке, которого она любит, об отце ее ребенка.

– Я вырос в Восточной Пруссии, в местечке под названием Шарлоттенруе. – Фредерик, прикрыв глаза, улыбнулся. – Мы были счастливы. Наша семья жила в прекрасном замке, *Schloss*, окруженном акрами плодородной земли. Восточная Пруссия вообще известна как хлебный край, и мы, ее обитатели, процветали и благоденствовали. У меня было прекрасное детство. Все, что захочешь, любовь родителей и превосходное образование. Единственной проблемой, пожалуй, был брат, который ненавидел меня с рождения.

– Два брата, с разницей в час, выросшие в одной семье, и такие разные! – Софи похлопала себя по животу. – Я только надеюсь, что наш маленький будет в тебя, а не в дядю. Куда вы разъехались после школы?

– Фальк – сразу в армию, а я – в Дрезденский университет, изучать философию и политические науки. Фюрер как раз пришел к власти. После нищеты, в которой многие немцы прозябали после Первой мировой, Гитлер начал реформы, направленные на то, чтобы

граждане Германии жили лучше. Наряду с другими молодыми мыслителями радикального направления и с особым интересом к политике, я с энтузиазмом воспринял его идеи. – Фредерик вздохнул. – Наверное, тебе неприятно это слышать, Софи, но в первые годы своего канцлерства Гитлер затеял не одну благотворную перемену, а его мысль превратить нашу страну в державу с сильной экономикой и международным влиянием – она завораживала. Я ездил на один партийный сбор в Нюрнберге... Атмосфера там была просто невероятная! Фюрер обладал таким мощным политическим обаянием! Оно делало его неотразимым в глазах униженной нации. И когда он говорил, мы верили каждому его слову. Он дал нам надежду на будущее, и мы стали боготворить его... Я, как и мои друзья, поспешил записаться в его партию.

– Понятно... – Софи передернуло. – И как же произошла перемена?

– Ну, – Фредерик от усталости не сразу нашел слова, – нам с тобой трудно это представить – чтобы миллионы людей впитывали в себя каждое его слово... И каково это – быть объектом восторженного обожания и не слышать ни единого возражения? Уж конечно, всякий почувствует себя всемогущим. Буквально, богом.

– Пожалуй, – пробормотала Софи ему в плечо.

– Еще до войны я был в ужасе от того, что он сотворил с немецкими евреями, и от того, что под запретом оказалась религия. Я христианин, как ты знаешь, мне пришлось это скрывать. Но к тому времени я уже был направлен в разведку. Выбора не было, Софи. Если бы я отказался – расстрел.

– Бедный, каково тебе было, – Софи не смогла удержать слез.

– Да, но это ничто по сравнению с тем, что переживает тринадцатилетний мальчишка, которому силой суют ружье, чтобы он убивал, сами не понимая, за что! – Фредерик скрипнул зубами. – И я тоже, имея в руках всю информацию, посылал людей на смерть! Ты даже не представляешь, какие страшные поступки я совершал... Прости меня, Господь. И ты, Софи, – Фредерик глянул на нее с мукой в глазах, – как ты сможешь простить меня? Как я прощу сам себя?

– Фредерик, умоляю...

– Да, ты права, довольно об этом, – прошептал он, целуя ей волосы. – Здесь, с тобой, я чувствую мир и покой. И если бы умереть

сию же минуту, я бы умер счастливым.

Фредерик откинулся на подушку. Отблеск масляной лампы обозначился на темнеющем потолке.

– Эту ночь я никогда не забуду. Рай, на мой взгляд, – отнюдь не пребывание в прекрасном месте вроде Эдемского сада, как в Библии, и не умножение богатства и власти. Внешние проявления красоты и благосостояния ничего не значат. Я в сыром и темном подвале, приговоренный к смерти. Но ты в моих объятиях, и я счастлив. – Он подавил восторженное рыдание. – Душа моя в раю, потому что я рядом с тобой.

– Фредерик, – попросила Софи, – обними меня так, будто никогда не отпустишь!

Обитатели шато де ла Мартиньерес пробудились на рассвете, те, что на земле, – с тревогой в сердце, те, что под землей, – боясь взошедшего солнца.

В Лондоне, при первых лучах солнца Эдуард де ла Мартиньерес услышал низкий, настойчивый звук, который, приближаясь, усилился до оглушительного рева. Подойдя к окну, он увидел нескончаемый поток самолетов, пересекающих небо над британской столицей. Наступило шестое июня 1944 года, – день в истории, когда высадились союзники. В семь утра Конни была в кухне, когда раздался осторожный стук в дверь. Открыв, она увидела Фредерика. В глазах его еще пылал свет любви.

– Мне скоро уходить, Констанс. Могу я попросить чашку кофе и кусок хлеба? Боюсь, перекусить в следующий раз мне удастся нескоро.

– Разумеется. И, думаю, я найду, во что вас переодеть. Жак такого же роста, как вы. – Даже на расстоянии Конни чувствовала запах давно немытого тела.

– Вы очень добры, Констанс. Софи просила вас зайти к ней. Она сказала, тут есть внутренний дворик, где она бы хотела со мной проститься.

– Конечно, – Конни указала на закипающий на плите чайник, на оставшийся от ночной трапезы хлеб. – А вон там, за дверью, можно помыться. Я пока пойду принесу вам одежду.

Жак на велосипеде поехал в деревню за свежим хлебом, так что Конни поднялась к нему в комнату и принесла оттуда стопку вещей, которые, на ее взгляд, могли подойти Фредерику.

– Возьмите, что впору. Я отведу Софи в сад и вернусь. И посмотрю, нет ли у нас нескольких франков дать вам с собой.

– Констанс, вы ангел! Поверьте, я никогда не забуду, что вы для нас с Софи сделали. Спасибо!

Четверть часа спустя Конни постучалась в дверь Софи. Та сидела на кровати. Лицо ее было прекрасно и безмятежно.

– Фредерик сказал, вы попросаетесь в садике.

– Да. Кто знает, когда мы еще увидимся! А мне хочется запомнить наши последние минуты вместе так, словно мы свободны идти, куда захотим.

– Я понимаю. Но только будь готова не мешкать, если вдруг кто придет.

– Ну конечно. А теперь посмотри на меня, Констанс. Я чисто умылась? Нет копоты на лице? Волосы не топорщатся?

Конни присмотрелась к ней в тусклом свете единственного окошка. Любовь, освещая лицо Софи, сделала ее прекрасной без ухищрений. Выведя ее во двор, она оставила узницу на скамье под каштаном.

– Пойду приведу Фредерика.

– Спасибо. Какое прекрасное утро!

– Да, милая, утро прекрасное.

Конни ушла, а Софи осталась сидеть, обратив лицо к лучам солнца, проникающего сквозь листву, вдыхая воздух, в котором среди других ароматов слышалась сильная нота лаванды, обильно цветущей в бордюрах.

– Софи.

– Как ты быстро вернулся! – Она протянула руки к нему. – Констанс что, оставила нас вдвоем?

– Да, – после короткой паузы ответил Фредерик.

– Поди же, обними меня, Фредерик! Время наше уходит.

Он подошел, наклонился к ней, и Софи вдохнула его запах – он был другой, а не тот, что час назад. Провела пальцами по его лицу, по грубой ткани незнакомого пиджака.

– Ты вымылся, и Конни дала тебе новую одежду.

– Да, она очень добра.

– Побудь еще немного со мной! Посидим здесь? – Софи похлопала по скамье, приглашая его занять место рядом, и, когда он

сел, нашла его руки. Пожатие их показалось ей чуть более крепким, и они стали мягче, не такие шершавые – возможно, от мыла.

– Как я смогу связаться с тобой, когда будут новости? – спросила она.

– Я сам найду для этого способ. И если бы ты мне сказала, где твой брат, я мог бы послать весть и ему тоже.

– Но, Фредерик, я правда не знаю, где брат! Он не дает о себе знать, чтобы не подвести меня.

– Так ты правда не знаешь, где он?

– Конечно, нет! И зачем повторять это снова, когда ты вот-вот уйдешь! Фредерик, послушай, у нас так мало времени! Давай лучше обсудим, как нам назвать ребенка!

– Как насчет – Фальк, в честь его дяди? – спросил тот же голос, но в некотором отстранении. Софи, недоумевая, в растерянности стала слепо водить руками.

– Ты где? Фредерик? Что случилось?

Фредерик смотрел на брата, который, встав со скамьи рядом с Софи, теперь держал его под прицелом.

– Значит, ты все-таки меня выследил, Фальк...

– А ты сомневался?

– И привел с собой всю мощь гестапо? Батальон что, ждет у ворот, чтобы маршем сопроводить меня в Германию?

– Нет, брат, – Фальк покачал головой. – Я решил, что этим удовольствием делиться ни с кем не стану. Предоставляю тебе последний шанс объясниться. В конце концов, мы родные люди, и это меньшее, что я могу для тебя сделать.

– Очень благородно с твоей стороны, – кивнул Фредерик. – Но как ты меня нашел?

– Надо быть совсем идиотом, чтобы не понимать, что ты непременно тут появишься. Последние недели за тобой шел хвост. Я знал, что рано или поздно ты приведешь меня к тем, кого мне хочется допросить. К примеру, к молодой даме, которая тут сидит. К сожалению, открыть, где ее брат, она отказалась. Хотя, конечно же, все знает.

– Месье, это не так! Ради нашей же безопасности он нам не пишет! – вскричала Софи.

– Да ладно вам, фройляйн, даже такая безмозглая шлюха, как вы, – он указал на ее живот, – не может рассчитывать, что я в это поверю! – И перевел внимание на Фредерика. – Ты знаешь, что у меня в кармане ордер на твой арест. Не хотелось бы убивать тебя для того, чтобы заставить твою подружку открыть мне правду.

– Наверное, брат, этой минуты ты ждал с самого детства, – с печалью взглянул на своего близнеца Фредерик. – И я бы с радостью умер от твоей руки, если бы не женщина, которую я люблю. Послушай, если я добровольно сдамся и поеду с тобой в Германию, где тебя похвалят, как ловко ты меня выследил, ты пощадишь ее? Клянусь тебе нашей матерью, Софи не знает, где Эдуард де ла Мартиньерес! Ну как, договоримся? Я отправлюсь с тобой и ты получишь ту славу, о которой всегда мечтал, при условии, что Софи и наш ребенок останутся в безопасности.

Фальк издал хриплый смешок. Револьвер в его руке дрогнул.

– Ах, брат, ну какой же ты идеалист! А все эти стишки, которые ты читал в детстве, романтическая белиберда! Что твоя вера в Бога, твой хваленый интеллект и твой философский ум, когда ты представления не имеешь, что такое реальная жизнь! Жизнь – она холодная, тяжелая и жестокая. Нет никакой души, о которой ты вечно твердишь. Мы ничем не лучше муравьев, которые вслепую ползают по планете. Ты никогда не понимал, как все устроено. В нашем мире, брат, человек человеку волк. Каждый за себя. Ты что, думаешь, твоя жалкая жизнь что-нибудь значит? Или вот ее, еще более жалкая? Что, ты в самом деле думаешь, что любовь, – Фальк произнес это слово так, будто выругался, – побеждает все? Ты ненормальный, брат, и всегда таким был. И пришел час мне тебя научить, как оно есть на самом деле.

Револьвер в его руке повернулся дулом к Софи.

– Вот как!

Фредерик метнулся заслонить телом любимую, и тут в тихом рассветном воздухе грянул выстрел.

А потом еще один.

Фредерик, невредимый, обернулся взглянуть, цела ли Софи.

Но на землю упал Фальк. Он вздрогнул, из ослабших пальцев вывалился револьвер. Фредерик кинулся к нему, встал на колени.

Тонкая струйка крови вытекла из уголка рта. Фальк с трудом сфокусировал взгляд, выдавил два слова:

– Твоя взяла, – и с легкой улыбкой сожаления затих.

Повисла тишина. Птицы, замолкшие было, снова запели, терпко пахла лаванда.

Закрыв брату глаза и поцеловав его в лоб, Фредерик поднял голову. Конни держала в руках ружье и все еще целилась в то место, где несколько секунд назад стоял Фальк.

– Спасибо, – одними губами выговорил Фредерик.

– Он заслужил это. Да и давно пора мне оправдать мою профессиональную подготовку, – с тенью улыбки тихо добавила Конни. – Я все правильно сделала?

Фредерик посмотрел на мертвого брата, повернул голову к Софи, посеревшей от потрясения, и ответил:

– Да, правильно. Спасибо вам.

Рядом с Конни возник Жак.

– Дай мне ружье, Констанс. – Он осторожно забрал его, и, едва он сделал это, Конни стало неудержимо трясти. Жак, обняв за плечи, подвел ее к скамье и усадил рядом с Софи.

– Он мертв? – Жак повел подбородком в сторону тела, лежащего на траве.

– Да.

– Не знал, что ты такой меткий стрелок, Констанс.

– Меня научили убивать.

– Это что, ваш брат? – спросил Жак Фредерика.

– Да. Он мой близнец.

– Наверное, многим известно, что он пробивался сюда?

– Сомневаюсь. Всю славу за мою поимку он хотел присвоить целиком себе.

– И все же. Может, кого-то и предупредил. Мы не можем так рисковать, если поверим, что свидетелей нет, – решил Жак. – Фредерик, вам придется не медлить. Выстрелы мог кто-то услышать. Мадемуазель Софи, спускайтесь поскорее вниз и оставайтесь там, пока мы не решим, что делать дальше. Констанс вас проводит.

– Спасибо тебе, – вымолвила Софи, когда Конни подала ей руку.

Фредерик поднялся и медленно подошел к Конни.

– Я не могу позволить, чтобы вину за это убийство вы взяли на себя. Фальк явился за мной, и разрешить эту ситуацию следовало мне. Когда дело всплывет, прошу вас сказать, что застрелил его я.

– Нет, Фредерик! Я убила его не только для того, чтобы спасти Софи или вас, – глядя в сторону, проговорила Конни. – У меня были свои причины. А теперь я знаю, что ни одна женщина не подвергнется тому, что он сделал со мной. – И она подняла глаза на Фредерика. – Много месяцев я желала ему смерти.

– Надо побыстрее схоронить тело, Фредерик, – вмешался Жак. – Поможете мне вырыть могилу?

– Конечно.

– Здесь, в этом дворе, надежней всего! Не понадобится его перетаскивать. И нас никто не увидит. Пойду за лопатами. И, пожалуй, разумней будет его раздеть, одежду я потом сожгу на костре, – торопливо распорядился Жак. – А ты, Констанс, когда отведешь Софи, пойди в кухню и найди там коньяк. Выпей, поможет. Тут ты не нужна.

Доставив Софи в подвал и уверив ее, что Фредерик спустится, чтобы с ней попрощаться, Конни сделала, как ей велели. Коньяк немного помог, хотя дрожь не унималась, несмотря на летний зной.

Почти через час в кухню вошел Жак.

– Фалька похоронили. Мундир сожгли, Фредерик внизу, прощается с Софи, затем он уйдет.

– Спасибо, Жак.

– Нет, Констанс, это тебя нам следует благодарить. – Жак посмотрел на нее с уважением. – Сейчас я соберу Фредерика в дорогу, а когда он уйдет, поговорим.

– До свидания, любовь моя, – Фредерик бережно обнял Софи. – Я дам тебе знать, что со мной, клянусь, но сейчас самое важное, чтобы ты думала только о своей безопасности и о нашем ребенке. Слушайся Жака и Констанс, они хорошие люди, и делают все для твоего блага.

– Да. – Слезы неудержимо лились из прекрасных незрячих глаз. Софи взялась за кольцо-печатку, которую носила на безымянном пальце правой руки, и стянула металл с опухших суставов. – Вот, возьми это. Тут выгравирован герб де ла Мартиньерес. Пусть оно будет у тебя.

– Тогда ты должна взять мое. На нем наш фамильный герб. Давай я тебе его надену. – Софи протянула руку, и Фредерик надел ей кольцо на безымянный палец. – Ну вот, мы обменялись кольцами. В этом ужасном месте, в этот ужасный день. Хотел бы я, чтобы это произошло иначе, но лучше так, чем ничего. Носи это кольцо, Софи, и помни, как я тебя люблю. Ты всегда в моем сердце.

– А ты в моем.

– Мне надо идти.

– Да...

Фредерик неохотно разжал руки, в последний раз поцеловал любимую в губы и пошел к двери.

– Что бы ни случилось, скажи нашему ребенку, что его отец очень любил его мать. До скорой встречи, Софи.

– До свидания, – прошептала она, – и да хранит тебя Бог.

Позже, когда Конни спустилась в подвал утешить, как она полагала, опечаленную Софи, оказалось, что та, скорчившись, лежит в мокрой постели и тяжело дышит.

– Наконец-то! – воскликнула Софи. – Я думала, ты никогда не придешь! У меня воды отошли... Дитя... – Она взвизгнула, сотрясаемая родовой схваткой. – Помоги мне, Констанс, помоги мне!

Так в тот день, когда началось освобождение Франции, когда союзные войска высадились на берега Нормандии и началась долгая битва, эхом ей в полутемном подвале раздался крик новорожденного.

Глава 29

Три месяца спустя

Однажды вечером в конце сентября, в час заката Эдуард де ла Мартиньерес вошел во внутренний двор своей усадьбы. Под старым каштаном, баюкая младенца, сидела женщина. Глаза ее, как и все внимание, были обращены только на дитя.

В недоумении он пошел к ней.

– Добрый день? – Вопрос, прозвучавший в его голосе, получил ответ сразу, как только поднялись на него растерянные от неожиданности ясные карие глаза.

– Эдуард!

Он подошел ближе. Она встала навстречу, прижимая к себе ребенка.

– Прости, Констанс, но цвет твоих волос... ты так изменилась! Показалось, на мгновение, что это Софи! – Он улыбнулся.

– Нет... – Ее взгляд затуманился, но она быстро сказала: – Не верится, что ты здесь! Тебе следовало предупредить нас, Эдуард!

– Не хотел зря рисковать. Да, Париж освободили и де Голль снова у власти, но, пока вся Франция не свободна, опасность все-таки еще есть.

– О, союзники высадились здесь на пляже неподалеку! Немцы бежали как от чумы, а партизаны их кусали за пятки! Жак знает, что ты здесь?

– Нет, его нет ни в винодельне, ни в домике. Но я заметил, ставни в шато открыты! Как Софи? Как Сара?

– Это чудесно – наконец-то жить открыто! – невпопад ответила Конни.

– Софи у себя?

– Нет, Эдуард, нет... Пожалуйста... – Конни тяжело вздохнула. – Прошу тебя... Сядь. Мне нужно многое тебе рассказать.

– Вижу! – Эдуард кивнул на ребенка.

Захваченная врасплох, Конни не знала, с чего начать.

– Эдуард, это... это не то, что ты думаешь.

– В таком случае нужно пойти взять кувшин розового. Подожди, я быстро.

Конни следила взглядом, как Эдуард выходит из сада. Она столько дней ждала, что он приедет, и так этого боялась, что теперь, когда он был здесь, не представляла, как рассказать ему, что случилось.

И хотя его долгожданный приезд означал, что она наконец-то свободна, с тяжелым сердцем Конни смотрела, как он возвращается с кувшином вина и двумя стаканами.

– Прежде всего я хочу, чтобы мы выпили за то, что этот ад позади. Франция почти полностью освобождена, на очереди весь мир.

– За новую жизнь, – пробормотала Конни. – Даже не верится... Неужели конец этой войне?

– Да, за новую жизнь! – Эдуард сделал глоток. – Так скажи мне, где Сара?

Конни рассказала, что Сару схватили в поезде, когда они через всю Францию пробирались на юг.

– Теперь, когда появилась такая возможность, мы навели справки. Ее отправили в рабочий лагерь в Германию. Придется подождать, что ответят оттуда, – вздохнула Конни.

– Будем надеяться, что будут хорошие новости, – с чувством сказал Эдуард. – Нет сомнения – немцы скоро капитулируют. Но в стране такая разруха и такая скорбь по жертвам войны, а их сотни тысяч... А теперь, Констанс, объясни мне вот... это. – Он указал на ребенка. – Не стану притворяться, я поражен. Как?.. Кто?..

Конни набрала воздуха в грудь:

– Ребенок не мой. Он просто на моем попечении.

– Тогда чей же?

– Эдуард, это твоя племянница. Ее мать – Софи.

Он посмотрел на нее так, словно она спятила.

– Нет-нет! Не может быть! Софи никогда бы... Нет. Это немыслимо! – Он судорожно сглотнул.

– Я знаю, тебе трудно это принять, да и мне было трудно, когда Сара сообщила мне, что Софи в положении. Но, Эдуард, я сама принимала роды. Они начались как раз в день высадки союзников, поэтому мы назвали девочку Викторией.

Эдуард сидел, схватившись за голову, пытаясь осознать, что ему говорят.

– Я очень хорошо понимаю, ты потрясен. И мне жаль, Эдуард, что именно на мою долю выпало рассказывать тебе обо всем. Но вспомни, мы все обращались с Софи как с ребенком. А ведь она тех же лет, что и я. Она была женщиной, которая полюбила.

Он настороженно поднял голову.

– Почему ты говоришь о ней в прошедшем времени, как будто ее тут нет? Где она? Ответь мне, Констанс, где Софи?

– Софи умерла, Эдуард, – тихо проговорила Конни. – Родила Викторию и через несколько дней умерла. Роды были тяжелые, долгие, началось кровотечение, которого мы остановить не смогли. О том, чтобы отправить ее в больницу, не могло быть и речи. Жак привел врача, тот сделал, что мог, но она скончалась от кровопотери, – еле слышно закончила Конни. – Прости меня, Эдуард! Я боюсь этого разговора с тех самых пор, как случилась беда.

Эдуард – не сразу – издал низкий животный вопль, разорвавший вечернюю тишину.

– Нет! Нет! Этого не может быть! – Он встал, повернулся к Констанс, схватил ее за плечи и потряс. – Скажи, что ты лжешь! Скажи мне, что это сон. Что она жива! Нет, этого быть не может!

– Я ничего не могу изменить... Но это правда, чистая правда! – Конни крепче прижала к себе ребенка.

– Эдуард! Прекрати немедленно! Тебе не в чем винить Констанс! Она кругом перед тобой права! – Жак пересек лужайку и оттащил Эдуарда от обомлевшей Конни. – Послушай меня. Эта женщина, на которую ты напал, – спасительница твоей сестры! Она защищала ее, рискуя собственной жизнью – она убила ради нее! Я не потерплю такого к ней отношения, как бы тяжело тебе сейчас ни было!

– Жак... – Эдуард попятился, невидяще посмотрел на старого друга, словно едва узнал его, и умоляюще простонал: – Прошу тебя, скажи, что она говорит неправду...

– К сожалению, это правда, друг мой. Три месяца назад Софи умерла. Мы пытались дать тебе знать, но в стране такой хаос, чему удивляться, что весть не дошла.

– О боже! Софи! Моя Софи!

Эдуард зарыдал. Жак, стоя, обнял его, уложил его голову себе на плечо.

– Я не вынесу, я не вынесу этого! Ведь это моих рук дело! Не положи я все силы на спасение Франции, она была бы жива! Почему она? Умереть следовало мне, мне!

– Да, тяжело, невыносимо тяжело, что ее нет, – тихо сказал в ответ Жак, – но ты не должен себя винить. Софи тебя обожала, Эдуард, она страшно гордилась тем, как много ты сделал для освобождения нашей страны.

– Ты не понимаешь, Жак, – сквозь рыдания твердил Эдуард, – я столько времени спокойно сидел в Лондоне, в то время как она здесь страдала! Я-то считал, что мое отсутствие спасет ее, а приезд – погубит! И вот теперь она умерла!

– Однако вспомни, друг мой, что Софи умерла в родах, а не в лапах гестапо. Был бы ты тут, нет – вряд ли бы ты смог спасти ее.

Эдуард поднял голову и посмотрел на Жака.

– Скажи мне, а кто отец?

Тот перевел взгляд на Конни. Та встала, нерешительно шагнула вперед.

– Фредерик фон Вендорф. Мне очень жаль, Эдуард.

Наступило молчание. Эдуард переваривал еще одну новость. На этот раз он вздохнул, пошатнувшись, сделал шаг к скамье и резко сел, словно ноги перестали его держать.

– Ты ведь сам говорил, что Фредерик неплохой человек, помнишь? Он помог нам бежать из Парижа, он другим помогал, рискуя собой, – так же, как ты. И, несмотря на свой мундир, больше жизни любил твою сестру.

– Это было заметно, – кивнул Жак.

– Вы что, встречались? – взглянув на него, спросил Эдуард.

– Да. Он был здесь, всю страну прошел в поисках Софи, – подтвердил Жак. – Хотя бы перед смертью ей выпало несколько часов счастья. Больше того. Его брат, Фальк...

– Довольно! – не выдержал Эдуард, но взял себя в руки. – Извините меня. – Поднявшись, он побрел к выходу со двора. – Мне надо побыть одному.

Позже, когда Конни, накормив малышку, укладывала ее спать в просторной комнате второго этажа, которую приспособила под детскую, в дверь постучали. На пороге стоял Эдуард, серый, измученный, с красными от слез глазами.

– Констанс, я пришел извиниться... мое поведение непростительно.

– Я все понимаю, – обрадовалась Конни тому, что он идет на контакт. – Хочешь взглянуть на девочку? Она такая славная, вылитая Софи!

– Нет... нет! Я не могу. – Он развернулся и вышел из комнаты.

В последующие дни Конни редко его видела. Он занял спальню чуть дальше по коридору. Она слышала, как он бродит по ночам, но когда утром спускалась к завтраку, его уже не было. На рассвете, кормя Викторину, она видела в окно его удаляющуюся фигуру. Часто он весь день отсутствовал, возвращался лишь с наступлением темноты и сразу уходил к себе.

– Дай ему время, Констанс, – говорил Жак. – Горе надо пережить.

Конни это понимала, конечно, но день шел за днем, Эдуард, похоже, не собирался выходить из отчаяния, и ее терпение начало иссякать. Просто невыносимо хотелось домой.

Теперь, наконец-то ни от кого не прячась, она могла уехать в Англию, к мужу, и впервые за четыре года самой распорядиться собственной жизнью.

Но как бросить Викторину, если Эдуард, который никак не придет в чувство, не хочет принять ответственность за девочку на себя? Конни первой взяла ее на руки – истерзанная Софи ни разу даже ее не поцеловала – и с той минуты полностью посвятила ей себя.

Конни перевела взгляд на личико девочки, унаследовавшей материнскую красоту. Конечно, поначалу она волновалась, что дитя унаследует и слепоту матери, но голубые глазки Виктории живо следили за всяким ярким предметом, которым Конни махала перед ее личиком. А недавно она научилась улыбаться и прямо-таки расцветала, когда Конни подходила взять ее из кровати. От одной мысли, что девочку придется оставить, сердце Констанс почти останавливалось. Заменяв ей мать, Конни испытывала такую нежность к ребенку, что порой даже пугалась, – и молилась, чтобы у них с Лоуренсом поскорее родились дети...

Так прошла неделя. И вот Конни решила на разговор. Заслышав утром, как Эдуард спускается по лестнице, она с Викторией на руках вышла на лестничную площадку.

– Прости, Эдуард, но нам нужно поговорить.

– О чем? – холодно спросил он, обернувшись.

– О том, что война уже почти кончена. У меня есть муж. У меня есть своя жизнь. Мне нужно домой, в Англию.

– Ну так поезжай, – равнодушно пожал плечами он и шагнул на следующую ступеньку.

– Эдуард, стой! А как же Виктория? Ты должен распорядиться, чтобы за ней был присмотр, когда я уеду. Наверное, надо нанять няню. Я помогу тебе подыскать кого-нибудь.

Услышав это, Эдуард остановился.

– Констанс, я хочу, чтобы ты прочно усвоила: этот ребенок меня ни в малейшей степени не интересует. Этот ребенок, наряду с его мерзавцем-отцом, причина того, что Софи с нами нет.

Конни остолбенела.

– Но послушай, ты не можешь не понимать, что ребенок не виноват! Ни в чем! Невинное дитя, она не просилась на этот свет. Я... да в конце концов, ты ей родной человек, и вся ответственность за нее – на тебе!

– Нет. Я сказал, нет. Займись сама устройством ее судьбы, Констанс. Тут наверняка есть где-нибудь сиротский приют. – Он тяжело вздохнул. – Из твоих слов следует, что и ты заинтересована в том, чтобы поскорее это сделать. Чем скорее ее тут не будет, тем лучше. Для всех. Поступай, как сочтешь нужным. Все расходы я, разумеется, возьму.

И, отвернувшись, Эдуард пошел вниз по лестнице, оставив Конни в полном замешательстве.

– Как у него язык повернулся? – ломала она руки, пересказывая разговор Жаку.

– Горе его грызет. И не только по Софи, но и по всему, что он утратил с войной. Он и ребенка отказывается признать потому, что именно в нем сосредоточились все потери. Конечно, он понимает, что дитя не виновато ни в чем. Он человек благородный, в жизни от долга не бегал. Он придет в себя, Констанс, я уверен.

– Но у меня нет времени дожидаться! – воскликнула Конни. – Прости, но ты должен понять – меня ждут те, кого я люблю, кого я отчаянно хочу видеть. И мысль о том, что, если бы не Виктория, я могла бы в эту самую минуту уехать домой, гложет мне душу. Но я

люблю девочку, я не могу ее бросить! Как у Эдуарда язык повернулся заговорить про приют? – И, заливаясь слезами, Конни поневоле улыбнулась, глядя на Викторию, которая, ни о чем не подозревая, гукала от удовольствия, лежа на одеяле под широкой кроной каштана.

– Может, оно плохо, что девочка так напоминает Софи? – со вздохом предположил Жак. – Но клянусь тебе, Констанс, рано или поздно Эдуард поймет, что это дитя – единственное, что в будущем сулит ему радость и надежду. Но сейчас он не в себе и не может судить здраво.

– Так что же мне делать, Жак, скажи мне! – взмолилась Конни. – Мне надо домой! Тянуть больше нельзя!

– Давай я поговорю с ним, может, мне удастся привести его в чувство?

Этим же вечером Конни из окна увидела, как Жак, завидев возвращающегося домой Эдуарда, идет к нему вдоль виноградника. Она затаила дыхание. Уж если кого Эдуард и послушает, так только Жака. Жак – ее единственная надежда. Уложив Викторию спать в корзинке, которую специально держала в доме Жака на такой случай, Конни как на иголках ждала его возвращения, и, увидев его, сразу поняла – дело плохо.

– Нет, Констанс, – понурился он. – Его не уговорить. Он кипит от ненависти и горечи. Стал совсем другим человеком... Даже не знаю, что тебе предложить. Я все-таки верю, что со временем он одумается. Беда в том, что у тебя этого времени нет. Я понимаю. А ведь ты как никто столько сделала для этой семьи! Ты не должна винить себя, что хочешь домой, к своим. Что ж, значит, остается сиротский приют...

– Нет! Я никогда не брошу Викторию! Тогда я не смогу жить! – Новый приступ рыданий.

– Констанс, не знаю, что ты себе вообразила, но приют, о котором я говорю, – хороший, чистый, там добрые монахини, – обиделся Жак. – И очень может быть, что такую красивую девочку, как наша Виктория, вскоре удочерит какая-нибудь приличная семья, – добавил он с напускным оптимизмом. – И прошу тебя помнить, Виктория – не на твоей ответственности. Пора тебе подумать и о себе.

Конни посмотрела на спящую крошку.

– Да? И на чьей же она ответственности?

– Послушай меня, – Жак погладил ее по руке. – Война – время страшное, время жестокое, под ее колесом пострадало много людей. Она прошла не только по солдатам, которые пали во имя своей страны, но и по таким, как Софи и ее дочка. Да и Эдуард тоже. Может случиться, что прежним ему уже не быть. Потому что, хотя он злится на окружающих, обвиняя их в смерти Софи, по сути дела, он винит в ней себя. Дорогая моя, ты и так уже много сделала. Довольно. Скажу тебе как человек, который тобой восхищается и тебя уважает: уезжай.

– А как же отец Виктории? Если бы он знал, что Софи умерла, а Эдуард отказывается признать ребенка, он бы точно ее забрал.

– Конечно, я в этом не сомневаюсь, но как нам найти его? Он может быть где угодно... или даже мертв, как Софи... – Жак покачал головой. – Всюду такая неразбериха, Констанс, весь мир в хаосе... Эта задача нам не по силам.

– Да, ты прав. Все так... безнадежно, – поникла Конни. – Не вижу решения.

– Давай я завтра съезжу в Драгиньян, поговорю с монахинями, смогут ли они ее взять, – мягко предложил Жак. – Поверь мне, я тоже ее люблю и не отдал бы туда, где ей будет плохо. Но настала пора, когда кто-то должен снять это бремя с твоих плеч. И раз Эдуард не в силах это сделать, значит, сделаю я.

В ту ночь Конни лежала без сна, не зная, как поступить. Похоже, война изменила все представления о добре и зле, надо опираться на свои чувства... И вдруг мелькнула мысль... Что, если она увезет Викторию в Англию?

Вскочив с кровати, она принялась бегать по комнате.

Нет, это нехорошо... Если она, несколько лет не видя мужа, придет с ребенком, поверит ли Лоуренс в то, что она расскажет? Или решит, как и все вокруг, что она лжет, и ребенок – ее? И хуже того. Даже если поверит, ребенок, появившийся после четырехлетней разлуки, вряд ли положительно скажется на их отношениях.

Это просто нечестно по отношению к Лоуренсу.

Поразмыслив, Конни снова залезла под одеяло. В ее ушах звучали слова, произнесенные Жаком. Не только ради себя, но и ради Лоуренса ей придется принять неизбежное. Жак прав. Война требует жертв. А они с мужем принесли столько жертв, что хватит на целую жизнь.

Следующим вечером Жак вернулся из Драгиньяна.

– Они ее примут, Констанс! – доложил он, найдя Конни в саду. – Мест нет, но я пообещал им немалую сумму, и они согласились. Заплатит, конечно же, Эдуард.

Конни, глотая слезы, кивнула.

– Когда ты ее повезешь?

– Думаю, чем скорее, тем лучше. Для всех. Сегодня же спрошу Эдуарда насчет денег и дам ему последний шанс одуматься, – поморщился Жак. – Если не поможет и это, то утром я заберу Викторию.

– Я поеду с тобой, – решила Конни.

– А разумно ли это?

– Да это все неразумно, но по крайней мере я хоть посмотрю, что там за место, – махнула она рукой.

– Как хочешь, – кивнул Жак. – Значит, если Эдуард не передумал, тронемся часов в девять.

Вечером Конни уложила Викторию и в последний раз сидела над кроватью, смотрела, как та засыпает.

– Милое, дорогое дитя, – шептала она. – Мне так тоскливо...

– Эдуард тверд как скала, – утром объявил Жак. – Я спросил про деньги, он без звука их дал. Все, собирайтесь, поедем.

Но Конни уже собрала вещи Виктории – надо же было заняться чем-то бессонной ночью, так что теперь пошла принести девочку. Спускаясь из детской, она замедлила шаг – в надежде, что Эдуард, раскаявшись, вдруг выйдет из-за угла и – остановит отъезд. Увы, нет, он так и не появился.

Перед домиком Жака стоял старенький «Ситроен».

– Я припас бензина, на случай крайней нужды, – сказал Жак. – Нам как раз хватит туда и обратно.

Он включил зажигание. Машинка ожила, затарахтела. Конни с Викторией на руках села рядом с Жаком. Девочка сразу заплакала и, обычно тихая, плакала всю дорогу до Драганьяна.

У монастыря Жак взял с заднего сиденья чемоданчик с детскими вещами. Привратница провела их в тихую, прохладную приемную. Виктория на руках у Конни хныкала, не умолкая.

– Успокойся, милая, – Конни затравленно посмотрела на Жака. – Как ты думаешь, она все чувствует?

– Нет, Констанс, думаю, ей не нравится запах бензина, и она не переносит машинную качку. – Жак улыбнулся – мельком, пытаюсь разрядить обстановку. Наконец в комнату вошла монахиня в белом накрахмаленном одеянии.

– Здравствуйте, месье, – узнала она Жака и переключила внимание на Конни с младенцем. – А это, значит, дитя и ее мать?

– Нет, – покачала головой Конни. – Я не ее мать.

Монахиня, недоверчиво хмыкнув, протянула руки к ребенку.

– Ну, давайте ее мне...

Глубоко вздохнув, Конни подала ей Викторию. Та закричала громче.

– И часто она так плачет? – нахмурилась монахиня.

– Она никогда не плачет, – уверила ее Конни.

– Что ж, мы о ней позаботимся. Месье? – взглянула она на Жака, который, торопливо достав конверт, протянул его ей.

– Благодарю вас, – кивнула монахиня и сунула деньги в карман. – Будем надеяться, мы скоро найдем для нее подходящих родителей. Это непросто, по нашим-то временам, когда ни у кого нет денег на лишний рот. Но она хорошенькая, даже когда кричит. А теперь извините меня, очень много дел, мне нужно вернуться в детскую. Надеюсь, вы найдете дорогу.

Она повернулась и с Викторией на руках пошла к двери. Конни потянулась вслед, но Жак ее удержал. Обняв, плачущую, за плечи, он вывел ее из монастыря и ласково усадил в машину.

Конни плакала всю дорогу домой.

Уже у винодельни, затормозив, Жак похлопал ее по коленке.

– Я тоже ее люблю, Констанс. Но это к лучшему. Если тебя это утешит, дети не помнят тех, кто заботился о них в первые месяцы жизни. Прошу тебя, не казись больше. Девочку мы пристроили, ты свободна, можешь отправляться домой. Самое время тебе заняться своим будущим, подумать о муже.

Два дня спустя, упаковав вещи, – Жак выразил готовность истратить остатки бензина на то, чтобы довезти ее до железнодорожной станции, в Гассен, – Конни спустилась по лестнице на первый этаж шато и открыла дверь в библиотеку, намереваясь

вернуть на полку второй том «Истории плодовых деревьев Франции». Кроме того, у нее остался блокнот, в который Софи записывала свои стихотворения. Его она думала оставить на письменном столе Эдуарда. Может, прочтет и поймет, как нежно и глубоко любила его сестра Фредерика. Может, слова, продиктованные Софи ее сердцем, смягчат и утешат его.

В библиотеке было темно, ставни плотно закрыты. Конни прошла к окну – впустить немного света, чтобы видеть, куда поставить книгу.

– Здравствуй, Констанс.

От неожиданности она ахнула – но, обернувшись, увидела, что в кожаном кресле сидит Эдуард.

– Прости, я тебя испугал.

– И ты меня прости – я тебя беспокою. Хотела перед отъездом вернуть книгу на место. И еще у меня блокнот Софи с ее стихами. Я подумала, ты, может быть, их прочтешь. Это прекрасные стихи, Эдуард.

И, чувствуя себя крайне неуютно в одном с ним помещении, она протянула ему блокнот.

– Нет. И то и другое возьми с собой в Англию – на память обо всем, что здесь было.

Спорить с ним у Конни не было сил.

– Прощай, Эдуард. Благодарю тебя за то, что помог мне, когда я сюда приехала, – с трудом выдавила она и пошла к двери.

– Констанс!

Конни обернулась.

– Жак рассказал мне, как ты спасла Софи, когда Фальк фон Вендорф явился сюда за братом. Спасибо тебе.

– Я сделала то, что считала правильным, – пожав плечами, ответила она.

– А Винишия, твоя смелая подруга Винишия – спасла жизнь мне. И по своей смелости потеряла свою, – со скорбью сообщил Эдуард. – Немцы расстреляли ее, когда я был в Лондоне.

– Винишия погибла?! О боже! – Из глаз Конни брызнули слезы.

– Необыкновенная, чудесная женщина, – проникновенно сказал он. – Я никогда ее не забуду. Знаешь, в последнее время я думаю о том, что лучше бы было умереть с теми, кого я любил. И потерял.

– Тебе не было суждено умереть, Эдуард. Как и мне, – сухо произнесла Конни. – Дело тех, кто остался в живых, – построить новое будущее. В память о тех, кто погиб.

– Да. Но есть нечто, – Эдуард покачал головой, – чего я ни простить, ни забыть не смогу. Очень сожалею, Констанс. Обо всем.

Конни помедлила, не зная, что на это ответить, и, не найдя слов, просто вышла и плотно прикрыла за собой дверь. Так, оставив Эдуарда де ла Мартиньереса в прошлом, она сделала свои первые шаги в будущее.

Уже через три дня поезд, полный солдат, пыхтя, подошел к платформе Йоркского вокзала. Конни послала в Блэкмур-Холл телеграмму, сообщив, что едет, но понятия не имела, дошла она или нет, и вообще, дома ли Лоуренс.

Она вышла из вагона, ежась от осеннего английского ветерка, и удивительно этим счастливая. Прошлась вдоль перрона. Сердце ее трепетало от нетерпения. С четверть часа она оглядывала встречающих, ища любимое лицо. Зашла в здание вокзала – безуспешно. Снова вышла на перрон, огляделась и со вздохом подумала, что придется занять очередь на автобус, который довезет ее до деревни. И тут, в самом конце опустевшего перрона заметила одинокую фигуру. Моложавый, но преждевременно поседевший джентльмен правой рукой опирался на трость.

– Лоуренс! – окликнула она мужчину. Он повернулся на звук ее голоса, в изумлении на нее посмотрел и наконец-то признал. Она подбежала, они обнялись. От его запаха, в котором сошлось все, чудесное, надежное и родное, у нее на глазах выступили слезы.

– Дорогая моя! Прости, что я тебя не узнал! Твои волосы... – бормотал Лоуренс, разглядывая ее.

– Ну конечно! – поняла Конни. Они оба изменились. – Я так давно стала блондинкой, что уже этого не замечаю.

– По-моему, – он с улыбкой посмотрел на нее, – тебе идет. Ты похожа на кинозвезду.

– Ну конечно! – иронически отозвалась Конни, окинув взглядом свой помятый костюм, в котором она три дня добиралась из Франции.

– Как ты? – в один голос спросили они и засмеялись.

– Ужасно устала! – воскликнула Конни. – И безумно рада, что я уже здесь. Мне столько нужно тебе рассказать, даже не знаю, с чего начать.

– Еще бы... Давай сядем в машину, и ты сразу начнешь. Я все купоны израсходовал на бензин, чтобы отвезти тебя домой.

– Домой... – прошептала Конни. В простом этом слове было все, о чем она грезила последние полтора года. Лоуренс, прочитав ее мысли, еще раз крепко ее обнял. Потом взял чемодан, подхватил ее под руку и прижал к себе.

– Да, дорогая. Домой!

Три месяца спустя Конни получила письмо из Сектора «Ф», в котором ее просили приехать в Лондон для встречи с мистером Бакмастером.

Тот радостно приветствовал ее в своем кабинете на Бейкер-стрит.

– Констанс Шапелль, – говорил он, сердечно трясая ей руку, – агент, которого не было! Садитесь, моя дорогая, садитесь же!

Конни села, а Бакмастер, по своему обычаю, пристроился на краешке письменного стола.

– Ну что, здорово оказаться дома?

– Да, сэр, просто чудесно! – с чувством ответила она.

– Что ж, могу официально уведомить вас, что вы демобилизованы.

– Очень хорошо, сэр.

– Хочу просить у вас прощения, что во Франции мы, словно горячую картофелину, отбросили вас прочь. Так уж вышло, что вы постучались в дверь одного из самых влиятельных членов деголлевской «Свободной Франции». Приказ поступил свыше – нам пришлось подчиниться. Нельзя было рисковать, что Геро раскроют. Я очень рад, что вам все-таки удалось вернуться домой.

– Благодарю вас, сэр.

– Из сорока засланных нами девушек четырнадцать, увы, не вернулось. Среди них – ваша подруга Винишия.

– Да, я знаю, – опустила голову Конни.

– Откровенно говоря, это ваша всеобщая заслуга, что число вернувшихся так велико. Я опасался худшего. И, должен признать, мне невероятно жаль Винишию. Когда ее отправляли, все были обеспокоены тем, как легкомысленно она относится к жизни, но на

деле она оказалась одним из лучших наших агентов. Сейчас ее дело находится на рассмотрении с тем, чтобы наградить ее за храбрость, посмертно.

– Это очень правильно, сэр. Она как никто это заслужила.

– Что ж, теперь Франция полностью освобождена, и огромная роль в этом принадлежит нашему Управлению специальными операциями. Обидно, что вам не удалось внести в это более основательный вклад, Конни. Под крылом графа де ла Мартиньереса, полагаю, питались вы лучше, чем я. – Он улыбнулся. – Да еще и жили под конец, говорят, в его великолепном имении на юге Франции? Чем не курорт?

– Да, сэр, но... – начала было Конни, однако сразу себя оборвала. Всю дорогу из Йорка она обдумывала, стоит ли рассказать ему, как жилось ей во Франции и чем она там пожертвовала. Но Винишия, Софи и многие, многие другие были мертвы, в то время как она выжила. Выжила, пусть даже вся в шрамах.

– Да, Констанс?

– Нет, ничего, сэр.

– Что ж, мне остается только поздравить вас с благополучным завершением дела. А также, от лица британского правительства, поблагодарить за готовность принести свою жизнь на алтарь отечества.

Бакмастер, соскочив со стола, пожал ей руку.

– Похоже, вам повезло, Констанс, вам выпала спокойная война.

– Да, сэр, – пробормотала она, идя к двери. – Спокойнее не бывает.

Глава 30

Гассен, юг Франции

1999

Жан поднялся и пошел в кухню, чтобы принести бутылку арманьяка и три бокала. Жак высморкался, вытер слезы. На протяжении рассказа он то и дело их вытирал. Эмили попыталась собраться с мыслями... оставалось еще много вопросов. Но один, главный, требовал немедленного ответа.

– Как ты, Эмили? – Жан, вернувшись, подал ей бокал и положил на плечо теплую руку.

– Спасибо, со мной все хорошо.

– Папа, выпьешь?

Жак кивнул.

Эмили сделала глоток, чтобы набраться мужества и спросить о том, что горело у нее на языке.

– Так что же стало с ребенком, Жак?

Жак помолчал, глядя мимо нее.

– Вы же понимаете, что если я ее отыщу, то значит, у рода де ла Мартиньерес есть наследники помимо меня?

Жак по-прежнему молчал, и тогда ему на помощь пришел сын:

– Эмили, вряд ли сейчас установишь, кто взял ребенка. Столько было сирот после войны! А Виктория попала в приют даже без свидетельства о рождении. Это ведь так, папа?

Жак кивнул.

– Значит, хотя мать ребенка – Софи де ла Мартиньерес, – рассудил Жан, – Виктория, по существу, незаконнорожденная и на наследство прав не имеет.

– Да какое это имеет значение, – отмахнулась Эмили. – Мне важно лишь то, что на свете есть родной мне человек, родной по крови... – Эмили вздохнула. – Жак, прошу вас, скажите, вернулся ли Фредерик, как он обещал Софи?

– Да, – Жак наконец снова обрел голос. – Через год после войны он явился сюда, в этот дом. Мне выпало сообщить ему о смерти Софи.

– А вы рассказали ему про дочь?

Жак покачал головой и поднял ко лбу дрожащую руку.

– Я совсем растерялся. Не знал, что ему сказать. Предпочел соврать, что ребенок при рождении умер. Мне тогда показалось, так будет лучше... – От нахлынувших чувств он еле дышал.

– Папа, я уверен, ты все сделал правильно, – поддержал его Жан. – Если Фредерик любил Софи так, как ты говоришь, он ни перед чем бы не остановился, чтобы найти своего ребенка. И если девочка благополучно жила в приемной семье и не знала, что ее отец – нацист, то и не надо!

– Да, ты прав, мне хотелось уберечь дитя... – Жак перекрестился. – Прости меня, Господи, за мою страшную ложь. Фредерик был совершенно раздавлен. Просто убит горем.

– Представляю... – поежился Жан.

– Жак, а где вы похоронили Софи? – спросила Эмили.

– На кладбище в Гассене. Камень на могилу поставили только после войны. Раньше было нельзя. Даже мертвой, бедняжке приходилось таиться.

– И ты знаешь, где сейчас Фредерик? – спросил Жан. – Или, возможно, его уже нет? Ведь ему, наверное, под девяносто?

– Он в Швейцарии, живет под другим именем. Земли, которые принадлежали его семье в Восточной Пруссии, отошли к Польше. Родителей расстреляли русские. Как многим после войны, ему пришлось начинать жить заново, с чистого листа. И поскольку, как потом стало известно, еще до войны он многим помог бежать из Германии, спасая от лагерей смерти, то люди, которых он выручил, этого не забыли и отплатили ему добром. Помогли начать новую жизнь. – Жак издал короткий смешок. – Поверите ли, он стал часовщиком в Базеле! А в свободное время проповедует, хотя сана у него нет. Мы переписывались, и в письмах он учил меня прощать. Я горд, что могу считать его своим другом. Я и Эдуарду говорил, что ему надо написать Фредерику. Они были одного поля ягоды – в тяжелые времена оба делали то, что велят долг и порядочность. Я надеялся, что они сумеют утешить друг друга, ведь оба потеряли горячо любимую женщину. Но нет, – он тяжело вздохнул, – этого не произошло.

– Ты еще поддерживаешь с ним связь? – спросил Жан.

– Да вот уже год писем не было... Так что, может быть, он болен. Как и я... Могу сказать, что он так и не женился. Никого не полюбил

после Софи. Других женщин для него не существовало.

– Но мой отец... – Для Эмили это была самая неприятная часть истории. – Просто уму непостижимо, как он мог отказаться от ребенка своей сестры! Он, такой добрый, чуткий! Как он мог бросить малышку, племянницу на произвол судьбы?

– Эмили, ваш отец и вправду был добрым и чутким, вы сами это знаете. Никогда в этом не сомневайтесь, – медленно произнес Жак. – Но сестру свою он по-особенному боготворил и оберегал. И мысль, что ее чистота осквернена мужчиной, да еще врагом, сразила его. Ну не по силам ему было смотреть на дитя и каждый день получать живое напоминание о том, что натворила его сестра! Да, он осознавал, что сам виноват, сам не справился, не уберег. Не вините его, Эмили. Вы не представляете, как это было...

– Папа, – видя, что отец утомлен, жестом остановил его Жан. – Я думаю, на сегодня довольно. Эмили еще порасспрашивает тебя завтра утром. Пойдем! – Он протянул отцу руку. Жак, опершись на нее, поднялся, но снова обернулся к Эмили.

– Эдуард многим пожертвовал ради Франции. Он был настоящим французом. Вы должны им гордиться. Но война переломала нас всех, Эмили, мы все покалечены...

Эмили осталась сидеть, не отрывая глаз от огня, а Жан повел отца вверх.

– Ну как ты? – вернувшись, заботливо спросил он.

– Ошеломлена. Сражена. Убита. Ужасающая история. Пока не укладывается в голове.

– Да. И случилось это не так давно. – Он вздохнул. – Все как вчера...

– Твой отец знает, где дочь Софи и Фредерика. Определенно! Я уверена в этом.

– Возможно. Но если и так, то у него, видимо, есть веские причины тебе этого не открывать. И раз он находит нужным об этом молчать, то следует уважать его решение.

– Согласна. Но прошлое есть прошлое. Будем надеяться, что мы усвоили этот урок. Мир теперь изменился, стал другим.

– Да, для нас. А для отца и людей его поколения, тех, кто жил в те ужасные времена, это не так просто. Мы, молодые, смотрим на то, что уже стало историей, отстраненно, а вот те, кому выпало тогда жить и

страдать, вряд ли в силах отнестись к прошлому без эмоций. А теперь, – Жан потрепал Эмили по руке, – думаю, нам пора последовать примеру отца и отправиться спать.

Как ни удивительно, Эмили уснула, едва ее голова коснулась подушки, но зато проснулась с рассветом. Одевшись, она пошла по дорожке к шато, чтобы побыть там в тиши, пока не принялись за дело строители. Прошла во внутренний двор, пересекла лужайку и остановилась перед небольшим деревянным крестом, который, как рассказал вчера Жак, установил на могиле Фалька Фредерик, когда вернулся сюда после войны. Сама она прежде считала, что тут погребен кто-то из домашних любимцев. От мысли, что под ногами – останки немецкого офицера, по телу прошла дрожь.

Как жаль, что вчера не было рядом с ней Себастьяна и Алекса – пусть бы из первых уст услышали они историю своей замечательной бабушки. Она не только не получила наград за свое мужество, но даже с внуками не захотела поделиться пережитым. Удивительная женщина. Но, впрочем, разве это не судьба многих безвестных героев военного времени?.. И надо же такому случиться, чтобы из двоих ее внуков одного, как Фалька, сжигала жестокая зависть к брату...

Давно минувшее прошлое бросает отсвет на сегодняшнюю жизнь. Наверное, и Констанс не могла этого не замечать. А Эмили столкнуться с соперничеством братьев или сестер повода не имела. Но, слушая рассказ Жака, она очень живо представила себе, как это бывает.

Задумавшись, она постояла какое-то время, качнула головой, стараясь прогнать тяжелые мысли, и медленно пошла через лужайку к выходу. Да, и еще тот подвал, который они с Себастьяном обнаружили в день своей первой встречи! Там, как в темнице, жила Софи, там она родила и умерла. Представив себе, как терзали ее боль и отчаяние, Эмили неожиданно для себя расплакалась – и вдруг подумала, как же ей самой повезло в жизни, какая она счастливая!

Бредя по дорожке, она увидела, что навстречу ей едет на велосипеде Антон, сын Марго. Он остановился, приветствуя ее робкой улыбкой.

– Как поживаешь, Антон?

– Хорошо, спасибо, мадам. Мама сказала, я должен вернуть вам книгу. – Он достал из корзинки «Отверженных» Гюго. – Спасибо, что

позволили мне ее взять. Она мне очень понравилась!

– Как быстро ты ее прочитал! У меня на это месяц ушел!

– Я быстро читаю, мадам, и долго, иногда до ночи. Я очень люблю книги, только в местной библиотеке нечитанных уже не осталось.

– В таком случае, когда наши книги вернутся в шато, будешь приходить выбирать, что тебя заинтересует. Думаю, тех тебе хватит надолго, – улыбнулась Эмили.

– Спасибо, мадам, – с благодарностью кивнул Антон.

– Как поживает твоя мама?

– Она шлет вам привет и просит, чтобы вы послали за ней, если что-нибудь понадобится. Думаю, ей хочется, чтобы все поскорее стало как было.

– Да, нам всем этого хочется. Ну, до свидания, Антон.

– До свидания, мадам Эмили.

Вернувшись в дом Жака, Эмили сварила себе кофе и с кружкой прошла в винодельню, где застала обычную картину: Жак заворачивал бутылки, Жан работал с бумагами. Чтобы им не мешать, она ушла в сад. Давить на Жака, чтобы он открыл, кто удочерил Викторину, было жестоко, но ей отчаянно хотелось это узнать. И Фредерик, сказал Жак, может быть, еще жив... Тут ей пришла одна мысль, и она решила, что за обедом ею поделится.

– Почему нет? – кивнул Жан, когда она высказала им свою идею – съездить в Швейцарию и встретиться там с Фредериком. – Папа, что ты об этом думаешь?

– Не знаю, – замялся Жак.

– Вреда же не будет, папа? Эмили отвезет ему стихи Софи... Разве это не утешение ему в старости?

– Вы дадите мне его адрес, Жак?

– Посмотрим... Надо еще его отыскать... – неохотно пообещал старик. – Да и кто знает, жив ли он вообще.

– Да, конечно, вот и выясним.

– И что – расскажете, что я соврал ему тогда, про ребенка? – осторожно спросил старик.

Эмили повернулась к Жану, ища поддержки.

– Папа, если Фредерик – такой человек, каким ты его нам представил, то он, конечно, поймет, почему ты скрыл от него, что у него есть дочь. Ты защищал ребенка!

– И ты думаешь, он смирится с тем, что я на всю жизнь лишил его счастья отцовства? – пробормотал Жак.

– Да, раз иначе было нельзя! Послушай, папа! Если ты знаешь, кто она и где, я думаю, пришла пора об этом сказать. У Эмили есть право знать. В конце концов, речь о ее сестре!

– Нет! – Старик покачал головой. – Сын, ты не понимаешь... ты не понимаешь... я...

– Жак, – Эмили мягко коснулась его руки. – Прошу вас, только не волнуйтесь! Мы понимаем, если вы против, значит, тому есть причины. Скажите мне только одно. Скажите – что знаете, где она!

Жак молчал, мучительно принимая решение.

– Да! Знаю! – ответил он наконец. – Вот, сказал. Нарушил слово, которое дал сам, – и он осуждающе покачал головой.

– Да ладно, папа, прошло столько времени, – произнес Жан. – Теперь дочку Софи никто не осудит. Никакая опасность ей не грозит.

– Остановись! Прекрати! – Жак хлопнул рукой по столу, тяжело поднялся и схватился за трость. – Что бы ты понимал! Я пошел. Мне нужно подумать!

Они смотрели, как старик, шаркая, торопится остаться один.

– Напрасно мы на него надавили, – виновато пробормотала Эмили. – Расстроился!

– А может, ему станет легче, если он сбросит с себя этот груз? Довольно уже носить его на сердце. Прости, Эмили, мне надо еще поработать. Тебе есть чем себя занять?

– Конечно. Иди в винодельню, а я тут приберусь.

Жан ушел, а Эмили, вымыв и расставив посуду, взялась за мобильник. Оказалось, что она пропустила несколько звонков от Себастьяна, но теперь наступил ее черед быть не в настроении перезванивать. Горькое, неприятное чувство, которое принесло ей открытие, что он с детства травил брата, не утихло за прошедшие сутки, а усилилось. Ей хотелось подышать свежим воздухом, и она пошла прогуляться по виноградникам. От обилия всего, о чем нужно хорошенько поразмыслить, раскалывалась голова. И тут ее пронзила догадка...

Жак сказал, Констанс была в настоящем отчаянии, расставаясь с ребенком! И более чем понятно, из каких соображений она не увезла девочку с собой в Англию. Во времена, когда генетических тестов не

было, ее муж наверняка не смог бы избавиться от подозрений, сколько бы Констанс ни убеждала его, что Виктория – не ее дочь.

Виктория...

Эмили замерла. Что, если Констанс, вернувшись в Йоркшир, рассказала мужу о девочке, которую пришлось отдать в приют? И что, если Лоуренс, сочувствуя горю жены, предложил ей поехать во Францию и удочерить ребенка?

Кажется, Себастьян называл имя своей матери... Эмили напрягла память, но быстро сдалась. Вытащив из кармана джинсов мобильный, она чуть помедлила, решая, кому из братьев следует позвонить.

Первым все-таки позвонила мужу, но попала на автоответчик. Оставался Алекс, тот отозвался немедленно.

– Алекс? Это Эмили.

– Эмили! Как я рад тебя слышать! Как у тебя дела?

– Нормально, спасибо... Скажи мне, пожалуйста, как звали вашу мать?

– Виктория. А что?

Эмили прижала руку ко рту.

– Я... знаешь, это длинная история. Увидимся – расскажу, обещаю. Спасибо тебе. Пока!

Дав отбой, она села на землю под лозами. Значит, так. Имя матери Себастьяна и Алекса – тоже Виктория. Из чего следует, что Эмили, замужем за... да, за своим двоюродным племянником!

– О господи, – выдохнула она и легла на жесткую, как камень, землю. Тут надо подумать. Итак. Предположим, Констанс, чувствуя приближение смерти, поведала Себастьяну, что его мать Виктория была ей не родная дочь, а приемная, и по крови – де ла Мартиньерес. Также Констанс могла показать ему книгу о плодовых деревьях Франции и блокнот со стихами Софи.

Предположим, Себастьян выяснил, кто такие де ла Мартиньересы, и когда узнал, что мать Эмили умерла, решил, что неплохо бы встать в очередь за наследством. Но, как заметил Жан, а перед этим указывал ей Жерар, биться за свои права, будучи наследником по незаконнорожденной линии, – дело долгое и ненадежное. Гораздо проще жениться на законной наследнице и, выбрав момент, уговорить ее вступить в совместное пользование банковскими счетами и всеми владениями.

Эмили передернуло – больше даже от собственного холодного прагматизма, нежели от предполагаемого двоедушия Себастьяна. Все сходилось! Только никаких доказательств, что она права, у нее нет. И потом – способен ли Себастьян в здравом уме жениться на двоюродной тетке?

Эмили лежала, поражаясь своей наивности. Даже если тому, что случилось, найдется другое объяснение, и она выдумала тут какой-то вполне макиавеллиевский сюжет, а Себастьян не виноват, что, черт побери, заставило ее выйти за него замуж, зная о нем так мало, так ничтожно мало?!

Может быть, вздохнула она, дело всего лишь в том, что он проявил сердечность, которая была ей так нужна? И – Себастьян, каким знала она его во Франции, был таким любящим, нежным и добрым, что лучше нельзя и желать. Но что, если все это не более чем уловка, чтобы ее соблазнить?

– О господи... – Эмили резко села. Даже если про Себастьяна это неправда, все равно она ужасно несчастна. И больше мужу не верит.

Опустошенная и измученная, она поднялась на ноги, побрела назад к дому. Есть только один способ во всем разобраться – спросить Жака, права она или же нет.

– Куда ты пропала, Эмили? Еще чуть-чуть, и стемнеет! – Жан готовил на кухне ужин.

– Мне хотелось прогуляться, подумать.

– Да ты сама не своя, – оглядел он ее с тревогой.

– Мне нужно как можно скорее поговорить с твоим отцом.

– Вот выпей! – Он протянул ей стакан вина. – Отец уже поднялся к себе и просил его не беспокоить. Сегодня он не захочет тебя видеть, Эмили. Пожалуйста, пойми, каково ему все это заново пережить. Ты просишь его открыть секрет, который он хранит полвека. Ему нужно время, чтобы решиться. Прояви немного терпения.

– Но ты не понимаешь... Я должна выяснить это прежде, чем вернуться в Англию. Я должна!

– Но почему, Эмили? – удивился Жан, видя, как она взбудоражена. – Каким образом то, что таит отец, связано с твоей жизнью?

– Таким, что... таким... ну, в общем, связано! Пожалуйста, Жан, спроси его, может быть, я поднимусь к нему ненадолго, а?

– Эмили, успокойся. Мы с тобой столько лет знаем друг друга! Неужели ты не можешь довериться мне, рассказать, что тебя так расстроило? Пойдем сядем, – и Жан повел ее в гостиную, посадил в кресло.

– Ох, Жан! – Эмили закрыла лицо руками. – Похоже, я правда схожу с ума.

– Да что ты такое придумала! – улыбнулся он. – Более разумной женщины я в жизни своей не знал! Ну, рассказывай.

И, собравшись с духом, она начала с того, как познакомилась с Себастьяном в Гассене. Все рассказала: сначала про ухаживание и про странную перемену, произошедшую с мужем в последнее время, потом про его отношения с братом и про гнетущую атмосферу в Йоркшире. И только под конец, когда Жан поставил перед ней тарелку с густой похлебкой из кролика, которую она опустошила, этого не заметив, поведала ему о возникшем у нее подозрении, что мать Алекса и Себастьяна – это как раз Виктория.

– Что, если Себастьян женился на мне потому, что видел в браке легкий путь к тому, что по праву считал своим?

– Эмили, притормози. Веских оснований думать так нет. Всего-то совпадение имени!

– Значит, я сумасшедшая, что думаю так о своем муже? – печально спросила Эмили.

– Ну, я это вижу так. Мы знаем, что Себастьян оказался здесь не случайно, вопреки тому, что он рассказывал тебе про якобы дела по соседству. Ты сама говорила, он с ходу сообщил тебе, что его бабка была знакома с твоим отцом. И да, соглашусь: то, что его мать звали Викторией, делает твою версию вполне вероятной. Однако в кровном ли вы родстве или нет... ты не обидишься, если я выскажусь напрямик?

– Конечно, нет. Напротив! – Эмили затаила дыхание.

– Я думаю, ты не о том беспокоишься. Был у него скрытый мотив жениться на тебе, не было ли, суть в том, что ты несчастна, и важнее этого ничего нет. Характер твоего мужа, вот в чем беда, не представляется мне... – Жан поискал слово, – надежным.

– Но, по словам Алекса, свои дурные наклонности мой муж проявляет исключительно по отношению к нему.

– Алекс слишком добр, на мой взгляд. Не хочет вмешиваться в ваши чувства. И вообще он толковый парень, мне кажется. Может, ты вышла замуж не за того брата? – подмигнул ей Жан.

– Алекс очень умен, это так, – признала Эмили.

– Эмили, я все понимаю, – уже серьезно сказал Жан. – Ты вышла замуж, сделала выбор, ты хочешь, чтобы твой брак был прочным. В данном случае, когда вернешься домой, разумеется, следует поговорить с Себастьяном начистоту.

– Но он, конечно, солжет! Солжет, чтобы защитить себя.

– Что ж, – грустно вздохнул Жан, – вот ты и ответила на свой вопрос. Эмили, если ты понимаешь, что не добьешься от мужа правды, то где надежда на счастье с ним?

Эмили помолчала. Жан прав!

– Мы так недавно женаты, Жан. Разве я не должна дать нам шанс? Я не могу просто так сдаться!

– Да, согласен. В жизни, как правило, ты руководствуешься не сердцем, а разумом, а тут впервые поддалась порыву, и не вини себя в том. Все еще, может быть, обойдется. Только при обязательном условии, что он никогда больше тебе не солжет.

– Мне стало бы легче, если бы я все-таки поговорила с твоим отцом, – вздохнула она. – Одно то, что он так сопротивляется, уже подсказывает, что его откровенность причинит кому-нибудь боль.

– Я поговорю с ним завтра об этом, обещаю. Если ты, конечно, сейчас успокоишься.

– Как вы с отцом близки! – не без зависти вздохнула Эмили. – Это такая редкость – теплые отношения!

– Что необычного в том, чтобы считаться с человеком, который тебя вырастил и воспитал, особенно когда он сам нуждается в заботе? Мы с тобой, Эмили, родились, когда наши отцы были в возрасте, а моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. Может, из-за того, что я рос с пожилыми родителями, я всем нутром осознал заповедь «чти отца своего».

– Надо же... наши отцы женились так поздно! – подхватила Эмили. – Наверное, так сказало на них пережитое во время войны?

– Очень может быть. Оба имели случай увидеть человеческую натуру и с дурной стороны. И немало ушло лет, чтобы снова поверить

в любовь. Ну, дорогая моя, – Жан подавил зевок, – не пора ли нам спать? Уже поздно.

– Да, – Эмили поднялась поцеловать его в щеку. – Спасибо тебе, Жан. Ты не представляешь, как мне важно твое участие! И прости, что донимаю тебя своими проблемами.

– Вовсе ты меня не донимаешь! Мы же почти семья! – мягко возразил ей Жан.

– Верно, все так.

Утром Эмили опять рано проснулась – с мыслью, что до отлета в Йоркшир осталось всего несколько часов. Сидела в кухне, дожидаясь Жака – и тот наконец спустился. Кивнул ей, когда она протянула ему кружку кофе.

– Как вам спалось, Жак?

– Да никак, – ответил он, поднося кружку к губам.

– Вы уже виделись с Жаном?

– Да. Он зашел сообщить мне, мадемуазель Эмили, о ваших выдумках – отчего у меня не лежит душа рассказывать больше, чем я рассказал.

– Жак, я вас очень прошу! Я должна знать, кто моя двоюродная сестра, понимаете?

– Да понимаю, – и посмотрев на нее, Жак неожиданно хмыкнул. – А ведь вы у нас ох, сочинительница, мадемуазель! Хоть садись да роман пиши! Ведь и впрямь, – кивнул он, – свое единственное дитя Констанс назвала в честь девочки, которую тут покинула.

– Значит, ее дочь, – уточнила Эмили, чтобы удостовериться окончательно, – ее дочь – это не дочь Софи?

– Нет, мадемуазель, не Констанс удочерила Викторину. И хотя из того малого, что я знаю о вашем муже, я бы не очень-то ему доверял, женился он на вас точно не потому, что считает себя наследником вашего состояния.

– Слава богу! – Эмили чуть не расплакалась от облегчения. – Спасибо вам, Жак!

– Ну хоть чем-то я вам помог, мадемуазель, – и он отхлебнул кофе.

А Эмили уже металась между чувством облегчения, что сочиненная ею история не подтвердилась, и чувством вины перед Себастьяном за подозрение в интриганстве.

– Ну тогда, Жак, может быть, все-таки скажете, кто Виктория?

Тот, помолчав, отставил кружку и посмотрел ей в глаза.

– Да, Эмили, вам не терпится это узнать. Но вы рассудите: ведь не ваша жизнь перевернется с ног на голову, а Виктории и ее семьи. Уж если я и решусь заговорить, то скажу ей первой, не вам. Вы меня понимаете?

И, осознав: он втолковывает ей, что Эмили думает лишь о себе, – она опустила голову.

– Да, Жак. Простите меня, пожалуйста.

– Не за что извиняться, мадемуазель. Или я не вижу, зачем вам требуется это знать?

В кухню вошел Жан и сразу почувствовал напряжение.

– Ну что, Эмили, не подтвердилась твоя догадка?

– Не подтвердилась, Жан.

– И как, камень с души?

– Да. – Эмили встала из-за стола, смущенная тем, что отец с сыном стали свидетелями, с какой легкостью пришла она к ужасному выводу, что ее муж – лжец. – Мне нужно идти. – Захотелось побыть одной. Лучше она пару часов посидит в аэропорту Ниццы, подумает. – Простите. – И пошла наверх собирать вещи. Мужчины проводили ее сочувственными взглядами.

– Вот зря она за него вышла, и уже сама это знает, – прошептал Жак. – Может, он и не де ла Мартиньерес по крови, но точно объявился тут неспроста.

– Согласен, зря. Но что поделать, такой был момент – потеряла мать, осталась одна, вот ей и заморочил голову первый встречный.

– Но жизнь преподала ей хороший урок. За этот год она повзрослела, стала сильнее.

– Да. Стала еще лучше...

– Я знаю, как высоко ты ее ставишь, – сказал Жак, видя боль в глазах сына. – Но она умница, вся в отца, и чутье у нее верное. Она примет правильное решение и вернется сюда к нам, домой, где ей самое место.

– Хотел бы я быть в этом уверен, – вздохнул Жан.

С плоским дорожным чемоданчиком в кухню спустилась бледная, натянутая как струна Эмили.

– Еще раз спасибо за гостеприимство. Мне пора, но мы очень скоро увидимся.

– Ты же знаешь, мы всегда тебе рады, – сердечно ответил ей Жан.

– Спасибо. – Эмили поставила чемоданчик на пол. – Жак, мне очень стыдно, что я так вас донимала. Конечно, вы один вправе решать, как разумнее поступить. Обещаю, больше я о дочке Софи и Фредерика никогда не спрошу.

Она наклонилась, расцеловала его в обе щеки. Прежде чем она успела отойти, Жак перехватил ее руки.

– Ваш отец бы вами гордился. Верьте в себя, мадемуазель Эмили. И благослови вас Бог.

– Я скоро приеду! Начались работы в шато, важно ничего не упустить. До свидания, Жак.

Эмили вышла из кухни. Жан вынес вслед за ней ее чемоданчик.

– Сообщай о себе, Эмили, – попросил он, хлопнув багажником. – Ты же знаешь, это и твой дом тоже.

– Да, – кивнула она. – И спасибо за все.

Глава 31

По дороге в Ниццу Эмили приняла решение. Выше ее сил тащиться в Йоркшир и сидеть там одной, пока не вернется домой Себастьян! Нет, лучше она полетит в Лондон, там пойдет в его галерею, увидится с ним, и они все обсудят.

Расплачиваясь у стойки за билет до Хитроу, она подумала, не стоит ли предупредить мужа, что она едет? Нет, пожалуй, лучше будет сделать ему сюрприз. В Лондон самолет прибудет в половине третьего, и времени, чтобы добраться до галереи, пока та не закрылась, у нее достаточно. Объяснит, что соскучилась.

В самолете она почувствовала себя уверенней. Поведение мужа загадочно и вызывает недоумение, да, – но она не сидит на месте, а действует, пытается преодолеть трещину, которая между ними разверзлась. Надо только прямо спросить его про отношения с Алексом и выяснить истинную причину, почему он против того, чтобы она поселилась с ним в Лондоне.

В Хитроу Эмили, назвав водителю адрес галереи на Фулхэм-роуд, села в такси. И вдруг ее охватил страх – вот она сейчас свалится ему как снег на голову... И она набрала Себастьяна. Механический голос ответил, что его телефон не в сети.

Двадцать минут спустя такси остановилось у витрины с вывеской «Арт». Расплатившись с водителем, Эмили с чемоданчиком в руке остановилась возле витрины. Искусство тут было представлено современное, как Себастьян и говорил, а сама галерея показалась ей чрезвычайно стильной и модной.

Она потянула дверь на себя – мелодично звякнул колокольчик, хорошенькая томная блондинка вышла навстречу.

– Здравствуйте, мадам. Вы зашли просто взглянуть?

– А владелец здесь? – разнервничавшись, резко осведомилась Эмили.

– Да, он у себя в кабинете. Может быть, я смогу вам помочь?

– Нет, благодарю. Будьте добры, передайте ему, что его хочет видеть Эмили де ла Мартиньерес.

– Сию минуту, мадам.

Девушка скрылась за дверью в глубине магазина, а Эмили принялась рассматривать выставленные на продажу картины. Очень скоро рядом с ней возник элегантный, средних лет джентльмен.

– Мадам де ла Мартиньерес, я чрезвычайно польщен вашим визитом. Слышал, в прошлом году вы продали своего Матисса. Чем могу быть полезен?

– Я... – смутилась Эмили. – Так это вы владеете галереей?

– Да. Джонатан Максвелл, к вашим услугам. – Он протянул руку, она вяло ее пожала. – Вы чем-то удивлены?

– Возможно, у меня неверный адрес, – пробормотала она. – Я полагала, что владелец – Себастьян Карратерс.

– Себастьян? О нет, – хохотнул мистер Максвелл. – Себастьян – агент, он представляет пару-тройку художников, которых я изредка выставляю. Я, кстати, давно его не видел. Кажется, он переключился на французских художников. Разве не он обнаружил вашего неподписанного Матисса?

– Да, он. – Хоть в чем-то Себастьян ей не солгал!

– Повезло ему. Отличная вещь. Так, видимо, с ним вы и хотели поговорить?

– Да.

– Дать вам номер его телефона? – любезно предложил мистер Максвелл. – У меня есть, в картотеке.

– Благодарю вас. И, если не трудно, адрес его офиса, будьте добры.

– «Офис» – это громко сказано. Он работает из дома, из квартиры, которую делит с Беллой, своей девушкой. Он – ее агент, а вот это – ее картина. – И мистер Максвелл указал на большое полотно – яркие красные маки на всем пространстве картины. – Да, адрес есть, я отсылаю туда чеки, когда продается какая-то из ее картин. Вам, возможно, стоит ему позвонить предварительно, назначить встречу.

У Эмили пол уходил из-под ног, но сдаться было невыносимо.

– Если адрес есть, я бы его взяла, – бойко ответила она. – И, знаете, мне нравится эта работа. Хотелось бы взглянуть и на другие, если есть.

– У нее студия прямо в квартире, а та – в перестроенных доках у Тауэр-бридж. Повезло девочке, это не то что парижский чердак... – И

они обменялись понимающими взглядами. – Секунду, сейчас принесу вам адрес.

Чувствуя, что она на грани нервного срыва, Эмили, пока он не вернулся, принялась глубоко и размеренно дышать.

– Прошу вас, – мистер Максвелл протянул ей адрес и телефон, которые записал на конверте. – И, повторю, лучше предварительно позвонить.

– Разумеется. Спасибо. Вы очень любезны.

– Не за что. А вот вам моя визитка, – из нагрудного кармана рубашки он достал карточку. – Если понадобится помощь, почту за честь. Всего доброго, мадам де ла Мартиньерес.

– До свидания! – Эмили повернулась, чтобы уйти.

– Да, и если увидите Себастьяна, передайте ему, что я с ним еще поговорю. Надо же, оказывается, он владеет моей галереей! – Мистер Максвелл с улыбкой покачал головой. – Неплохой он парень, Себастьян, но к истине, знаете ли, относится несколько... легкомысленно.

– Да, мистер Максвелл.

Выйдя из галереи, Эмили трясущейся рукой поднесла к глазам конверт с адресом и, не успев сообразить, что делает, остановила проезжающее мимо такси. Назвала водителю адрес и, сев, хлопнула дверцей. Машина тронулась, а она от одной мысли, куда едет, начала задыхаться. Вытащила из кармана бумажный сверток с недоеденным круассаном, который купила в Ницце, и исподтишка принялась дуть в пакет.

– Вы в порядке? – встревожился водитель.

– *Oui*, то есть да, спасибо.

– У моего сына бывали панические атаки, – добавил он, поглядывая на пассажирку в зеркало. – Дышите поглубже, и все будет хорошо.

– Спасибо... – от доброты, проявленной незнакомцем, у Эмили защипало глаза, и полились слезы.

– Расстроились из-за чего-то?

– Да, – всхлипнула Эмили.

– Вот, возьмите, – таксист через окошко протянул ей коробку с бумажными носовыми платками. – Ничего, поплачьте. Поплачьте, и

все пройдет. У такой-то красавицы, как вы! Жизнь, она такая. Преподносит порой сюрпризы.

Сорок минут спустя – Эмили и поплакала, и продышалась, и даже припудрилась, – водитель остановился в узком мощеном проулке между двумя высокими зданиями.

– Тут когда-то был склад, где хранили чай, доставляемый из Индии. Кто бы мог представить, что склады перестроят в жилые дома – и дорогушие же тут квартиры, я вам скажу, миллионы стоят, да. Боюсь, с вас тридцать шесть фунтов.

Эмили расплатилась, поблагодарила водителя и выбралась из такси. Сердце по-прежнему колотилось. Подойдя к входной двери, она увидела, что при каждой квартире имеется кнопка переговорного устройства. Сверившись с адресом на конверте и собрав в кулак последние силы, она нажала кнопку, соответствующую девятой квартире.

– Да?

– Здравствуйте, это Белла Роузмен-Бойд?

– Да.

– Меня направил к вам Джонатан Максвелл из галереи «Арт» на Фулхэм-роуд. Я хочу ознакомиться с вашими работами, – придумала легенду Эмили.

– Странно, что он меня не предупредил. Вы застали меня врасплох.

– Да, я ему сказала, что поеду немедленно... Видите ли, я улетаю домой, во Францию, и хотела бы перед отъездом увидеть ваши картины... Если угодно, можете ему позвонить. Он подтвердит мои слова.

Последовала пауза – оставалось только гадать, достаточно ли она наплела, чтобы ее пропустили?

– Что ж, поднимайтесь.

Интерком зажужжал, дверь открылась. Эмили поднялась на лифте на четвертый этаж, а выйдя из него в холл, увидела, что дверь в девятую квартиру уже нараспашку. Собравшись с духом, она постучалась.

– Входите, а я пока попытаюсь смыть с себя краску! – крикнули ей.

Переступив порог, Эмили оказалась в обширном помещении с огромными окнами, из которых открывался панорамный вид на Темзу. В одном конце комнаты художница, очевидно, работала, тогда как другой был жилым, с кухней, и от рабочей зоны отделялся диванами.

– Здравствуйте! – в дверь вошла поразительной красоты девушка с иссиня-черной копной волос. Краска запятнала ее майку и линялые джинсы. – Вы сказали, что вас зовут...

– Меня зовут Эмили. А вы, простите, одна?.. То есть... надеюсь, я не помешала? – Нужно было как можно скорее узнать, нет ли тут Себастьяна.

– Одна, не волнуйтесь, – кивнула Белла. – Что ж, Эмили, очень мило, что вы проделали такой путь и приехали посмотреть на мои картины. Я бы предложила вам чаю, но, кажется, у меня кончилось молоко... Честно сказать, мне и показать-то вам особенно нечего, в последнее время многое раскупилось, – она улыбнулась, показав превосходные зубы.

– А кто ваш агент?

– Себастьян Карратерс, хотя вряд ли вы о нем слышали. Ну, пойдете посмотрим, что у меня есть!

– Могу я сначала воспользоваться вашей ванной?

– Конечно, она по коридору направо.

– Спасибо.

И Эмили пошла по коридору. Двери всех трех комнат были распахнуты. В первой комнате стояла большая двуспальная кровать, незаправленная. Эмили прикусила себе руку, чтобы не вскрикнуть, когда увидела на стуле раскрытый чемодан Себастьяна, а на полу – его любимую светло-розовую рубашку, которая валялась там вместе с женским бельем.

Следующая дверь вела в кладовку, полную книг и картин – стойка с одеждой на плечиках занимала всю свободную площадь, тут же стоял пылесос. Для кровати в этом «чулане», как говорил Себастьян, места уж точно не было.

На нетвердых ногах Эмили вошла в ванную и заперлась там. На полке над раковиной стоял несесер Себастьяна с его бритвенными принадлежностями. Его голубая зубная щетка валялась у крана.

Усевшись на унитаазную крышку, она отбросила все эмоции и пустила в ход логику. Как быть? Что теперь делать? Нечего и говорить

– больше всего ей хотелось рвануть отсюда и бежать, пока несут ноги, но она знала, что должна остаться и узнать как можно больше, причем от самих персонажей комедии. От Себастьяна правды не дождешься. Эмили встала, для убедительности спустила воду и вернулась в большую комнату.

– Послушайте, – сказала ей Белла, – солнце клонится к закату, молока к чаю у меня нет, и я мечтаю о бокале вина. Присоединитесь?

– Да, спасибо.

– Побродите по студии, порассматривайте картины, а я сейчас, быстро! – Белла повела рукой и перешла в зону кухни. Эмили послушно прошла вдоль стен, поневоле признав, что Белла – талантливая художница. Картины были живые, яркие, свет на них просто вибрировал! – этому не научишь, либо дано живописцу, либо нет.

– Посидите со мной, – Белла приглашающе похлопала по сиденью удобного кожаного дивана. – Весь день пишу, весь день на ногах! Устала. Что скажете? – И она показала на мольберт, на котором стояло полотно с огромными лиловыми ирисами. – Я художник, меня мучает чувство неудовлетворенности и одолевают сомнения, но, по-моему, это неплохо.

– Мне очень нравится, – присаживаясь, искренне похвалила Эмили.

– К сожалению, отдать вам ее я не могу, это заказ какого-то парня из Сити, которого отыскал Себастьян. Но зато могу написать вам точно такую же, – если хотите. Только, извините, не в ближайшие три месяца. Занята под завязку.

– Предложение привлекательное. Сколько вы хотите за эту работу?

– О, этим занимается Себастьян, вам надо будет с ним переговорить, – отмахнулась Белла. – Думаю, обычно это что-то между пятью и двадцатью тысячами, в зависимости от размера полотна.

– А есть ли резон делиться с кем-то еще, когда мы с вами сидим один на один и могли бы договориться?

– Да я понимаю, – кивнула Белла. – Все агенты – стервятники, кормящиеся от чужого таланта, но в моем случае это в некотором смысле дело семейное. Что удобно.

– Простите, мой английский не очень хорош, я не вполне поняла, – Эмили выдавила улыбку. – Вы имеете в виду, что Себастьян – он ваш родственник?

– Нет, не вполне родственник. Скорее, как вы, французы, называете это, *mon amour*.

– Ах вот как, – Эмили изобразила понимание. – Да, и, кажется, месье Максвелл сказал, что он ваш... возлюбленный.

– Так далеко я бы не заходила! – усмехнулась Белла. – Но мы неплохо ладим уже не один год. Познакомились много лет назад, когда я окончила колледж Святого Мартина, а Себастьян пришел на мою выпускную выставку. Он живет у меня, когда бывает в Лондоне. Это нас обоих устраивает. Еще вина?

– Да, пожалуйста, – и Белла налила ей чуть-чуть, а себе – полный бокал.

– Говоря между нами, – доверительно продолжила Белла, – он недавно женился, и я думала, что нашему союзу пришел конец. Но нет! Впрочем, что-то я отвлеклась, – и она допила вино.

– А вас не смущает, что он женат? – с фальшивым интересом спросила Эмили.

– Честно сказать, я считаю, что жизнь слишком коротка, чтобы заковывать себя в семейные цепи. Наши с Себастьяном отношения взаимовыгодны. Он знает, что у меня есть другие любовники, – она повела плечами. – Да и я, знаете, не из ревнивых. Хотя, в общем-то, удивилась, когда он женился. Я его особенно не расспрашивала, это не наш стиль... даже не знаю имя его жены, но знаю, что она довольно богата. Недели через две после свадьбы он приехал и подарил мне бриллиантовый кулон от Картье, – Белла бессознательно коснулась рукой прекрасного солитера на своей лебединой шее. – А в доме жены отыскал Матисса, продал и получил неплохие комиссионные – хватило, чтобы купить новый «Порше», на котором он раскатывает теперь по Лондону. Бедолага! – Белла вздохнула. – Сколько его знаю, всегда в долгах. Ну совсем в карманах деньги не держатся! Что есть, все спускает, но, однако, всегда каким-то образом выкарабкивается.

– Значит, финансово вы от него не зависите?

– Господи, конечно, нет! – Белла рассмеялась. – Это была бы катастрофа! На самом деле все, пожалуй, наоборот. Мне повезло с родителями – они достаточно состоятельны, чтобы поддерживать мои

амбиции и стремление стать успешным художником. Что, как вы понимаете, чертовски непросто. Однако несколько месяцев назад я поставила их в известность, что зарабатываю достаточно, чтобы отказаться от помощи. Это был настоящий триумф! – Белла улыбнулась.

– Понятно, – кивнула Эмили, понимая, что достигла своего предела терпения, и с нее довольно. Пора сворачивать этот доверительный разговор. – В таком случае я, возможно, помогу вам на вашем пути к независимости. Остается свести меня с Себастьяном, чтобы мы условились с ним о цене. Когда вы его увидите?

– Сегодня вечером у него встреча с перспективным заказчиком, но к ночи он вернется домой. Запишите свой номер, пожалуйста, он вам сам позвонит. Я знаю, что завтра ему надо ехать в эту дыру, которую он унаследовал в Йоркшире, к женошке. – Белла улыбнулась ей, как сообщнице. – А мне и лучше! Выходные мои. Сейчас я принесу вам, на чем записать номер.

– Хорошо.

– Вы не возражаете, если мистера Максвелла мы в наши дела посвящать не будем? Строго говоря, поскольку он нас свел, он вправе рассчитывать на комиссию. Если вы промолчите, я тоже ничего ему не скажу, и тогда мы сможем спросить с вас меньше.

– Разумеется, – кивнула Эмили, и Белла пошла на кухню, где в ящике стола отыскала листок бумаги.

– Вот, возьмите.

Эмили, чуть помедлив, тщательно и разборчиво написала свое полное имя, номер телефона и адрес во Франции. И поднялась.

– Это было... интересно, познакомиться с вами, Белла. Желаю удачи. Уверена, вас ждет успех, вы, несомненно, очень талантливы.

– Благодарю вас, – Белла проводила ее к двери. – Рада была поболтать с вами. Надеюсь, не в последний раз.

– Да, – и, подчинившись порыву, Эмили коснулась ее плеча. – Вы мне, правда, понравились, Белла. Берегите себя.

На этом она повернулась и вышла из девятой квартиры.

Глава 32

В Блэкмур-Холл Эмили приехала около полуночи. В Йорке она взяла такси – «Лендрровер» остался в аэропорту, и Себастьян, если ему будет угодно, может сам за ним туда съездить. Ей до этого больше дела нет.

К счастью, окна Алекса в конце здания были еще освещены – собираясь рано утром уехать, она хотела с ним попрощаться.

– Входи, Эм! – крикнул он, когда она постучалась. – Что-то ты поздно вато вернулась. Неужели опоздала на рейс?

Он сидел на диване с книгой.

– Нет. Я была в Лондоне.

Тут он заметил ее отчаянный взгляд и осунувшееся лицо.

– Что случилось?

– Я пришла сказать, что завтра уезжаю во Францию. Мы с Себастьяном разводимся, и я сделаю все, чтобы это произошло как можно скорее.

– Так, – выдохнул Алекс. – Есть какая-то особая причина?

– Я была сегодня с визитом у его любовницы. И своими глазами видела в ванной его несессер.

– Понятно. Принести бренди?

– Нет, я сама.

Эмили ушла в кухню и вернулась с бутылкой и двумя стаканами.

– Ты о ней знал? – спросила она, протягивая ему стакан.

– Да.

– И знал, что Себастьян поддерживает с ней отношения после того, как женился на мне?

– Ммм... возникли некоторые подозрения, когда он стал так часто мотаться в Лондон, а тебя оставлял здесь... Но наверняка я, конечно, не знал.

– И ты не рассказал мне? Как ты мог, Алекс? А я думала, мы друзья! – сокрушалась она.

– Подумай сама! – возразил Алекс. – Себастьян представил меня как чудовище, которое на что угодно пойдет, лишь бы замарать его честное имя. Ты что, в самом деле думаешь, что поверила бы мне?

– Да, ты прав, – Эмили сделала глоток. – Извини. Нет, не поверила бы. – И она прижала ладонь ко лбу. – Нелегкий был день.

– Себастьян знает, что ты заглянула к его подружке?

Она пожала плечами:

– Не знаю, я выключила мобильный.

– А ты сказала Белле, кто ты такая?

Эмили, едва сохраняя самообладание, мрачно на него взглянула. То, что имя Беллы известно Алексу, доказывало, что в жизни Себастьяна та занимает важное место.

– Нет. Я сказала, что хочу заказать у нее картину. На это она спросила, как ее агент сможет со мной связаться. Я просто написала на листке свое полное имя, адрес в Гассене и телефон. Она пообещала, что передаст листок Себастьяну, когда тот вернется... «домой».

Алекс удивил ее – откинул голову и расхохотался.

– Ох, блестяще, Эм! Просто блестяще! Извини, – он утер слезы, – я понимаю, такая реакция неуместна. Да, это был мастерский удар. И как на тебя похоже! Тонко, элегантно... – восхищенно добавил он. – Ты только представь себе физиономию Себастьяна, когда Белла подаст ему этот листок!

– Алекс, – вздохнула она. – Мне все равно теперь, какая у него будет физиономия. Я просто хочу скорее отсюда уехать и оказаться дома.

– Да, конечно, – кивнул он. – Но я хочу, чтобы ты поняла: с тех пор как ты тут появилась, я был словно между Сциллой и Харибдой. Хотя я надеялся, что Себастьян нашел наконец женщину, которую искренне полюбил.

– Если он и любит кого-то, кроме себя, то Беллу. Она очень красива и очень талантлива. Не будь она любовницей моего мужа, я бы всерьез подумала, не купить ли мне у нее картину, – и впервые за день Эмили улыбнулась. – Ты знаком с ней?

– Да. Когда-то она приезжала сюда на выходные. – Алекс не отрывал от нее внимательных глаз. – Послушай, Эм, ты меня поражаешь. Как ты умудряешься так держаться?

– У меня есть варианты? – дернула она плечом. – Дело в том, что Себастьян больше не тот человек, которого я когда-то любила. Чувство, которое я испытывала к нему, мертво.

– Верится с трудом... Но в любом случае снимаю перед тобой шляпу. Ты... ты непостижима. Да... Прямо удавил бы Себастьяна за то, что он тебя упустил!

– Спасибо, – ответила она, глядя в пол. – Но у меня к тебе есть вопрос, прежде чем я уеду.

– Я тебя слушаю.

– Скажи мне, Алекс, для чего твой брат женился на мне? Что такого ему от меня понадобилось, чего ему не могла дать Белла, которая, она сама мне это сказала, тоже из состоятельной семьи? – Эмили наклонила голову набок. – Я просто не понимаю.

– Эм... – Алекс вздохнул. – Ответ, как всегда в таких ситуациях, у тебя перед носом.

– Не понимаю?

– Ты просто не обратила внимания.

– Ну вот сейчас, например, – Эмили скосила глаза на свой нос, – кроме моих коленей, перед носом у меня ничего нет.

– Вопрос, собственно, в том, действительно ли ты хочешь это узнать?

– Ну конечно! Завтра я улетаю во Францию. Мужа у меня больше нет.

– Ладно, – кивнул Алекс. – Но тогда уговор: с этого момента – все начистоту.

– Идем, – согласилась Эмили.

– Хорошо. Пошли со мной, я тебе покажу.

– Так...

Алекс включил свет в том маленьком кабинете, где Себастьян работал, когда бывал дома. Подъехав к книжному шкафу, нашел нужную книгу, за которой, как оказалось, лежал ключ. Развернулся и отомкнул этим ключом ящик стола, на котором стоял компьютер. Вытащил из ящика папку и протянул ее Эмили.

– Это экспонат первый. Не открывай, пока я не соберу другие.

Алекс устроился перед столом, включил компьютер и, когда открылось окошко, напечатал пароль.

– Откуда ты знаешь пароль? – удивилась Эмили.

– Когда живешь с человеком, задача которого – отравить тебе жизнь, то поневоле приходишь к выводу, что такие вещи надо иметь в

виду. Особенно если свободного времени у тебя навалом, – продолжая тыкать по клавишам, ответил ей Алекс. – А кроме того, для меня брат – открытая книга.

– А пароль, случаем, не «*Matisse*»? – вспомнив про своего Матисса, предположила Эмили.

– Разумеется, Шерлок, – ухмыльнулся, довольный, Алекс. – Понимаешь, Себастьян так уверен в себе и своем умении выпутаться из любой передрыги, что даже не замечает следов. А теперь, – он потянулся, чтобы достать из принтера распечатанные страницы, – вот тебе экспонат второй. И сейчас будут еще. – Он показал на портрет Констанс, который висел на стене. – Сделай одолжение, сними.

Эмили сняла, и за портретом обнаружился маленький сейф.

– Хорошо. Если код он не изменил, – а он, скорее всего, по беспечности ничего не менял, – то это дата бабушкиного рождения. – Алекс протянул руку к циферблату на дверце сейфа и аккуратно набрал цифры. – Будем надеяться, все осталось на месте с тех пор, как я лазил сюда в последний раз. – Он пошарил рукой в глубине и со вздохом облегчения достал сначала пухлый пакет, потом обыкновенный белый конверт. – Ну вот, это экспонаты третий и четвертый.

Закрыв сейф, он жестом попросил Эмили вернуть портрет на место.

– А теперь предлагаю провести стратегическое отступление, отойти на мою территорию. На случай, если разоблаченный муж мчится сейчас из Лондона спасать свой брак... или, вернее, себя. Не говоря уже о том, что у меня там теплее.

Он выключил компьютер и принтер, и они вышли из кабинета. У себя в гостиной Алекс попросил Эмили разложить все «экспонаты» в ряд на кофейном столике.

– Итак, Эм... – он сочувственно посмотрел ей в глаза. – Боюсь, открытие тебе предстоит не из приятных. Ты готова?

– Меня уже ничто не испугает, Алекс, – махнула она рукой. – Я просто хочу понять, что, как и почему.

– Ну что ж. Тогда открой первую папку.

Она открыла – и увидела фотографии, свои и своей матери. В папке была целая кипа распечаток газетных статей, опубликованных во французских газетах в связи с кончиной Валери де ла Мартиньерес,

где непременно указывалось, что ее дочь Эмили – теперь наследница и одна из самых завидных невест.

– Дальше открой пакет, который я вынул из сейфа, и достань, что там внутри. Только поаккуратней.

В руке Эмили оказалась книга. Она в изумлении уставилась на заглавие.

– «История французских плодовых деревьев»! Надо же, только вчера Жак рассказал мне, что мой папа подарил ее на память Констанс, когда та уезжала. Это что, та книга, которую ты не мог найти в библиотеке?

– Да. Осторожно открой ее и взгляни, что написано на первой странице.

– «Эдуард де ла Мартиньерес, – прочла она. – 1943». Ну и что?

– Погоди минуту, мне надо еще кое-что тебе показать. – Исчезнув из гостиной, он вскоре вернулся и протянул ей очередной конверт. – В нем письмо, которое написала мне бабушка. Написала перед самой смертью и оставила у своего поверенного. Опасалась, надо полагать, что Себастьян мне его не передаст. В общем, все то же самое, – он вздохнул.

Блэкмур-Холл, 20 марта 1996

Эмили начала читать.

Дорогой Алекс, пишу тебе в надежде, что когда-нибудь ты вернешься домой, в наш Блэкмур-Холл, хотя, боюсь, этого я уже не застаю. Мой дорогой внук, я хочу, чтобы ты знал: теперь я понимаю, каково тебе было и почему понадобилось уехать из дома, но прежде всего мне нужно от всей души попросить у тебя прощения за то, что я не всегда замечала, что с тобой происходит, не всегда реагировала так, как следовало бы, и не сумела тебя защитить. Но, пойми, невозможно было поверить, что твой брат, которого я тоже сердечно люблю, способен столь методично тебя уничтожать. Надеюсь, мой милый мальчик, ты найдешь в себе силы простить меня за то, что я в тебе усомнилась. Столько раз твой брат водил меня за нос! Смышленость, в которой ему нельзя отказать, совсем другого рода, чем твоя, и выражает себя в мастерском умении лгать и

изворачиваться, хотя равна твоей по величине дарования... И, пожалуй, я, твоя бабушка, игравшая роль и матери тоже, не без вины в том, что с первого взгляда любила тебя больше его. Ты был ангел, добрый и любящий, а твой брат проигрывал тебе во всех отношениях.

Как-то я прочла одно стихотворение у Филиппа Ларкина, в котором он желает своему новорожденному крестнику вырасти «обыкновенным» – то есть одаренным, но в меру, так, чтобы не слишком много и не слишком мало. Теперь я очень хорошо его понимаю. Ибо твоя одаренность, Алекс, – вот причина твоего крушения. Но я отвлеклась, извини.

Мой дорогой, я молюсь, чтобы ты вернулся прежде, чем я умру. Потому что необходимо решить, как поступить с моим любимым Блэкмур-Холлом.

Как ты знаешь, семья твоего деда владеет имением больше полутора веков. Оно нуждается в уходе и ремонте, и сколько денег на это уйдет, даже не представляю. В состоянии полной растерянности я решила, дорогой мой мальчик, что оставлю Блэкмур-Холл в совместное владение вам с Себастьяном – в надежде, что оно вас помирит. Конечно, я отдаю себе отчет, что это слабая и наивная надежда умирающей женщины, и результат, быть может, окажется прямо противоположным. Приходится только молиться, что дом не станет тяжким бременем ни тебе, ни твоему брату. Но если это случится, продайте его, я даю вам на это благословение.

Кроме того, зная, какой ты страстный библиофил, оставляю тебе книгу – она ценная, но дорога мне совсем не потому, а как память. Мне подарил ее один друг, очень давно, во время войны, во Франции. В том же пакете ты найдешь тетрадку со стихами – это стихи его сестры Софи, которую я очень любила. Если тебе интересно, имя этого человека значится на фронтисписе – этого достаточно, чтобы разузнать, как провела войну твоя бабушка. Я никогда об этом не рассказывала, но история небезынтересная и, возможно, заставит тебя лучше думать о женщине, которая тебя любила, но допустила несколько грубых ошибок. Книга и стихи лежат на своем месте в библиотеке – на третьей полке сверху налево от входа. Если хочешь, они твои.

Также завещаю тебе половину того, что у меня осталось, – «внушительную» сумму в пятьдесят тысяч фунтов.

Я буду молиться, милый Алекс, что когда-нибудь ты вернешься домой и простишь меня. Каков он ни есть, я должна любить и Себастьяна. Ты понимаешь меня?

Любящая тебя бабушка, Констанс Карратерс

Эмили промокнула глаза.

– Какое замечательное письмо.

– Да, – кивнул Алекс. – И ты знаешь, Эм, я ведь писал домой – письма три-четыре, не меньше! Сообщал, по какому адресу живу в Италии. Могу лишь предположить, что Себастьян поджидал почтальона и разбирал почту первым, почерк мой ему известен, чтобы бабушка думала, что мне до нее нет дела.

– И если так и было, меня это теперь не удивляет. Он и правда манипулятор! И спасибо, Алекс, что дал прочитать письмо. Но какое отношение имеет оно к тому, что ты мне уже показал?

– Возьми последнюю папку.

Прочтя, что там было, изумленная Эмили повернулась к Алексу за объяснениями.

– Как видишь, кое в чем бабушка ошибалась: книга, которую она мне оставила, имеет ценность отнюдь не только сентиментальную.

– Да уж, – кивнула Эмили.

– Разумеется, когда письмо ее наконец дошло до меня, искать книгу в библиотеке я смог, только вернувшись из больницы, в инвалидном кресле. И тогда я совершил фатальную глупость – сказал Себастьяну, что именно я ищу и где это можно найти. Понимаешь, из кресла я не мог дотянуться до третьей полки! – Алекс потер пальцами лоб. – И когда Себастьян достал мне пакет, я охотно показал ему, что там. В то время я еще питал надежду, что удастся укрепить наши отношения, так что, когда он попросил у меня книгу на несколько дней якобы почитать, я согласился. И после того всякий раз, когда я про нее спрашивал, он отвечал, что вернет, но, конечно же, водил меня за нос. Хорошо зная брата, я заподозрил: дело нечисто, и поискал в Интернете, что, очевидно, раньше меня сообразил сделать он. Я нашел нужную информацию и понял, если он ее еще не продал, то она спрятана у него в сейфе. Так оно и оказалось, – Алекс развел руками.

– Но почему же он ее не продал? И ты, раз знаешь, какая она ценная, почему не потребовал ее назад?

– Эм, ты устала и, наверное, невнимательно прочла распечатку. Я был стопроцентно уверен, что Себастьян ее не продаст! Он жадный и никогда не удовлетворится тем, что у него есть, если знает, что можно получить больше. Прочитай распечатку еще раз, вслух, ладно? Прямо сначала.

Эмили, и правда в изнеможении, собралась с силами, чтобы сосредоточиться на том, что читает.

«Архив редких книг

«История плодовых растений Франции»

Автор – Кристоф Пьер Бомон. 1756 год. В 2-х томах.

Возможно, самое замечательное и редкое издание в своем роде. Иллюстрировано рисунками пятнадцати видов плодоносящих деревьев и кустарников. Написано в продолжение более раннего труда Дюшамеля «Anatomie de la Poire», опубликованного в 1730-х гг. Иллюстраторы – Гийом Жан Гардинье и Франсуа Жозеф Форье. Бомон, который ставил себе целью пробуждение у публики интереса к этим культурам и их питательной ценности, описывает пятнадцать различных видов, а именно: миндаль, абрикос, барбарис, вишню, айву, инжир, клубнику, крыжовник, яблоню, тутовое дерево, грушу, персик, сливу, виноград и малину. На каждой из цветных иллюстраций изображены: семя, листва, цветок, плод, последние иногда в разрезе.

Местонахождение: предположительно оба тома хранятся в частной коллекции в Гассене, Франция.

Стоимость: приблизительно 5 млн. фунтов стерлингов».

Закончив чтение, Эмили посмотрела на Алекса.

– И все-таки я не понимаю.

– Хорошо, тогда я объясню. Я списался с одним знакомым букинистом из Лондона, и он сообщил мне то, что, видимо, еще раньше выяснил Себастьян. Суть в следующем: каждый из томов сам по себе стоит около полумиллиона, но когда они идут вместе, стоимость возрастает примерно в пять раз. Понимаешь?

И она наконец поняла.

– Он искал в библиотеке отца первый том! – ахнула она.

– Да.

Эмили помолчала, складывая кусочки головоломки.

– Вот теперь наконец все приобрело смысл. Значит, вот почему Себастьян был во Франции перед тем, как начался вывоз библиотеки! Мой друг Жан, управляющий винодельней, она у нас неподалеку от дома, обнаружил его в библиотеке – он снимал книги с полок! Неудивительно, что после того он вернулся в Йоркшир в таком настроении. Первый том так и не нашелся...

– Что уже неплохо.

– Так. Я поняла все, кроме того, зачем ему все-таки понадобилось на мне жениться.

– Может быть, не найдя книгу до того, как в шато начался ремонт, Себастьян хотел впредь обеспечить себе свободный доступ туда? – предположил Алекс. – Став твоим мужем, он был вправе находиться там сколько угодно и продолжать поиск. Кто смог бы сказать ему «нет»?

– Да, ты прав. А я полностью, безраздельно ему доверяла!

– Эм, ты сможешь открыть последний конверт? – Алекс показал на него. – Мне кажется, это будет особенно неприятно.

– Конечно, смогу, – ответила Эмили и разорвала конверт. В ладонь ей упал новый ключ к парадной двери шато. В какой-то момент Себастьян попросил один экземпляр себе, и она, не задумавшись, дала ему. Но в конверте лежал также старый ржавый ключ, который тогда потерялся.

– Подумать только! – выдохнула она, и из ее глаз брызнули слезы. – Так это он в первый же день украл ключ! А на следующий день вломился в шато! И потом явился меня утешать... Хватило же духу... Как он мог? Алекс, как он мог?

– Я же сказал, ему надо было иметь доступ повсюду. Господи, Эм, мне так жаль, ты себе просто не представляешь! Но надо все-таки

отдать ему должное, ты ему сразу очень, очень понравилась, – видя ее отчаяние, сменил тему Алекс в попытке хоть как-то ее утешить. – Он так восхищался тобой, когда приехал из Франции, пел дифирамбы. Возможно, женился он, надеясь, что полюбит тебя? Но потом его вновь поманила Белла, и устоять он не смог. Уже десять лет он не в силах от нее отказаться.

– Не оправдывай его, Алекс! – оборвала его Эмили. – Твоей симпатии он ни в малейшей степени не заслуживает. Даже если не брать во внимание то, что он со мной сделал, я считаю, если ты любишь, то ни о ком больше и думать не можешь! – страстно сказала она, тыльной стороной ладони стирая со щек слезы. Все, больше никаких слез. Она не будет по нему плакать!

– Я тоже так считаю, уверяю тебя. Что ж, Эм. Вот так обстоят дела. Мне очень жаль, что именно мне выпало открыть тебе глаза. У меня сердце разрывается, что ты так расстроена. Только не надо ненавидеть меня, ладно? Я презираю брата за то, как он с тобой поступил.

– Я же сама просила мне все рассказать! Ну конечно, я не буду тебя ненавидеть, – устало ответила она.

– Искренне надеюсь на это, – с чувством сказал Алекс. – Кстати, книгу ты должна взять себе. Поставишь на полку в шато, на ее законное место.

– Нет, она твоя. Мой отец подарил ее твоей бабушке, а она – тебе.

– Да, в обычных обстоятельствах так оно и было бы. Но в нашем случае разумнее увезти ее во Францию. Да, а не знаешь, где другой том? Просто интересно. Очевидно, что в библиотеке твоего отца ее нет.

– Ты бы видел эту библиотеку! Огромная! Свыше двадцати тысяч томов. Думаю, перерыть ее всю двух дней ни за что не хватит.

– Прости, Эмили, – нахмурился Алекс, – но Себастьян пробыл там куда дольше, чем два дня, верно? Та последняя поездка перед тем, как библиотеку отправили на хранение, – всего лишь попытка еще раз удостовериться, что он ее не пропустил. А до того он кучу времени провел в шато вместе с тобой.

– Действительно... – И Эмили вспомнила тот день, когда Себастьян подошел к ее столику, и как он сам спросил ее про библиотеку, когда она забыла его туда привести. И подборку книг о

разведении садовых деревьев, которая стояла на полке отдельно от других, когда она осматривала дом после того, как пропал ключ. Значит, он рыскал там с самого первого дня! – В общем, – ее голову раскалывали мысли о двуличии Себастьяна и о собственной наивности, – хорошо уже то, что, насколько мы знаем, он ее все-таки не нашел. Я, конечно же, тоже поищу, когда книги вернутся после ремонта. Я рада, что наконец разобралась в ситуации. Теперь можно двигаться дальше.

– Эмили, ты совершенно поразительная женщина, – с искренним восхищением посмотрел на нее Алекс.

– Не думаю, – Эмили подавила зевок. – Я просто прагматик, которого сбива с ног псевдолюбовь. Впервые в жизни я всем сердцем поверила человеку – и ошиблась. А потом... знаешь, есть кое-что, чего Себастьян так и не узнал.

Алекс молча ждал, пока Эмили решит, стоит ли продолжать.

– Например, – заговорила она, – я не сказала ему до свадьбы, что мы не сможем иметь детей. По крайней мере я не смогу.

– Так, – спокойно отозвался Алекс. – А Себастьян тебя об этом когда-нибудь спрашивал?

– Нет. Но из этого не следует, верно, с моральной точки зрения, что я не должна была сама ему об этом сказать? Я знала, что должна, но не было сил вернуться в то время, когда это произошло... Я не смогла...

– Это понятно. А сможешь, если я попрошу объяснить мне, откуда ты это взяла? Но если тема слишком болезненная, тогда лучше не надо.

Эмили, чувствуя, что пришла пора выговориться, налила себе еще бренди.

– Когда мне было тринадцать лет, – начала она, и от одной мысли, что она сейчас скажет, сердце заколотилось, – я заболела. Отец уехал в шато, а мы с мамой жили в Париже. Она была страшно занята своими светскими обязанностями, и одна из горничных обратила ее внимание, что мне плохо и надо позвать врача. Она на меня мельком взглянула, потрогала рукой лоб и ответила, что ничего, утром я буду здорова. И уехала ужинать. Так прошло, – Эмили снова пригубила свой стакан, – так прошло несколько дней, а мне становилось все хуже и хуже. Наконец мать все-таки позвала врача, своего старого приятеля. Врач

сказал, что у меня отравление, прописал таблетки и ушел. А на следующий день я впала в забытие. Мамы дома не было, горничная сама вызвала «Скорую», и меня отвезли в больницу. Там поставили диагноз: тазовый воспалительный процесс. Справедливости ради надо сказать, что эта болезнь редко случается у подростков, так что неудивительно, что домашний врач не сумел ее распознать. На ранней стадии она легко излечима, но если сразу не взяться, то фатально сказывается на органах, расположенных в области таза. Таким образом, – Эмили помолчала, – мне было сказано, что детей я иметь не смогу.

– Ох, Эм, вот несчастье, – сердечно посочувствовал ей Алекс.

– Послушай, – ошеломленная собственной откровенностью, Эмили подняла на него глаза, – а ведь ты первый, кому я об этом рассказала! Никогда сил не хватало произнести это вслух. Я... – Плечи ее затряслись и, закрыв лицо руками, она разрыдалась.

– Эм, Эмили... милая...

Протянув руку, Алекс обнял ее за плечи, притянул к себе. Уткнувшись ему в грудь, она плакала, пока не кончились слезы, а он нежно гладил ее по волосам.

– Пусть я была ужасная, пусть она меня не любила, но как могла мать не обращать внимания на то, что со мной происходит? Как можно было не видеть?

– Не знаю, Эм, правда, не знаю. Мне тебя ужасно жаль, – и он сунул ей в руку носовой платок.

– Извини, пожалуйста, что я так раскисла! – Эмили шмыгнула носом. – Это недопустимо.

– Все в порядке, – тихо сказал Алекс. – Боль – часть нашего существа, и совершенно нормально рассказывать о ней. И выпустить пар бывает очень полезно, время от времени.

– Когда мне сказали, что детей не будет, я была так молода, что решила, ну, не будет и не надо. Но теперь, теперь я хочу детей, Алекс! – всхлипнула она. – С каждым годом все яснее понимаю, что единственное, ради чего мы явились на эту землю, единственное, что придает жизни смысл, это единственное – мне не дано!

– А ты абсолютно в этом уверена? – мягко спросил он.

– Если ты спрашиваешь, возможны ли в моем случае те чудеса, которые творят в наши дни с бесплодными женщинами, то ответ будет

– нет, категорически нет, – твердо произнесла Эмили.

– Но ведь можно взять приемного ребенка!

– Да, конечно. В этом ты прав.

– Я это потому, что сам об этом подумывал. Понимаешь, так случилось, что я тоже бесплоден. В подробности вдаваться не стану, – уголком рта улыбнулся он, – но скажу, что это следствие травмы. А мне бы тоже хотелось детей. Вот мы два сапога пара...

– Да уж... – Эмили, которая до того тихо лежала в его руках, выпрямилась и повернулась к нему. – Прежде чем я уеду, а мне определенно пора, я хочу извиниться перед тобой, Алекс. Прости, что я в тебе сомневалась. Ты самый лучший, самый мужественный из всех, кого я знаю.

– Эм, милая! Ну что ты! Это бренди. Какой я мужественный...

– Да-да, не спорь. Ты – единственный человек в Англии, о ком я буду скучать.

– О господи, прекрати. – Алекс погладил ее по щеке. – Ну, раз уж мы принялись обмениваться комплиментами, да и вряд ли увидимся снова, то скажу, что если бы жизнь сложилась иначе, то... – Он многозначительно помолчал. – Мне будет не хватать тебя, Эм. Да, очень. А теперь – тебе правда пора идти, уже три часа ночи. Не забудь книгу и, пожалуйста, сообщи, если отыщешь первый том. Я запишу тебе свой электронный адрес. Будем держать связь.

– Но что ты скажешь Себастьяну? – забеспокоилась вдруг Эмили.

– Если он известит меня, что книга – моя, кстати, – куда-то исчезла, то эту песню я слышу уже два года. – Алекс усмехнулся. – Ну чего он мог ожидать? Его ложь воплотилась в реальность. Книга и вправду исчезла.

– А если он решит, что ее взял ты? И примется еще сильнее усложнять тебе жизнь?

– Эм, обо мне не волнуйся. Тебе сейчас и своих забот хватает. Я сам о себе позабочусь, поверь! – Он улыбнулся. – Ну все, беги!

Эмили встала, взяла со стола книгу, папку и распечатки.

– Нет слов, как я тебе благодарна, Алекс. Пожалуйста, береги себя. – Наклонившись, она расцеловала его в обе щеки, но, сочтя, что этого недостаточно, крепко обняла. – Доброй ночи, мой друг. *Bonsoir, mon ami.*

– Прощай, любовь моя. *Adieu, mon amour*, – прошептал Алекс, глядя, как за ней закрывается дверь.

Глава 33

Ложиться Эмили не стала, какой смысл, если сквозь дрему будешь ждать, что вот-вот явится Себастьян? Побросала в чемодан, что попало под руку, и вызвала такси. Села на кровать, раздумывая, не оставить ли Себастьяну записку. Решила, что не стоит. Вместо этого написала несколько слов Алексу, сообщив свой электронный адрес, и подсунула бумажку ему под дверь.

Такси приехало, когда разгорался рассвет. Навсегда покидая Блэкмур-Холл, Эмили с тревогой думала об Алексе. Скорее всего, Себастьян в очередной раз выместит гнев на брате. Но разве она может что-то поделать?

Позже, когда самолет плавно взмыл в утреннее небо, унося ее, Эмили закрыла глаза и приказала себе ни о чем не думать, а прилетев в Ниццу, сняла номер в гостинице при аэропорте, рухнула на кровать и уснула как мертвая. Проснулась уже в сумерках, чувствуя себя непонятно на каком свете – вялая, с трясущимися руками и бьющей в висок головной болью. Сказывалось выпитое вчера бренди.

Вспомнив, что кроме половинки круассана с позавчерашнего дня ничего не ела, Эмили заказала в номер еду. С усилием проглотила салат и снова легла – с мыслью, что она бездомная, что ей, по сути, негде жить. Парижская квартира сдана до конца июня, в шато ремонт. Пожалуй, на ночь стоит остаться здесь, в отеле, а утром отправиться в Гассен. Жак и Жан наверняка не прогонят, приютят ее под своей крышей еще на несколько дней, пока она не придумает, как быть дальше. Пожалуй, придется снять домик неподалеку – и можно будет присматривать, как идет ремонт.

Перестань, остановила она себя. Не рановато ли строить планы на будущее? А вот интересно, приехал уже Себастьян в Блэкмур-Холл? Кстати, надо сцепить зубы, связаться с Жераром и спросить, кого из адвокатов по разводным делам он ей порекомендует. Хорошо, что женаты они совсем недавно, ни документы не успели поменять, ни общей собственности не оформили. Тут вспомнился бриллиант, который Себастьян подарил Белле, причем сразу после того, как она выписала ему чек на двадцать тысяч фунтов, и «Порше», которого она даже не видела, и Эмили стало противно.

Жаль, что ей недостает способности Алекса хладнокровно воспринимать поступки брата, но, с другой стороны, Алекс сам как-то сказал, что разозлиться бывает очень полезно, помогает выздоровлению. К тому же, когда злишься, не чувствуешь боли. Боль, наверное, придет позже... Удивительно, что сейчас все ее ощущения притупились. Скорее всего, чувством, которое она испытывала к Себастьяну в начале их отношений, была страсть, страсть глупая и всемогущая. Вот она и сбивала ее с толку. Но любви между ними не было – любви, которую когда-то в давнем разговоре с Софи описывала Констанс. Любовь не такая бурная, как страсть, зато прочная и помогает преодолевать влюбленным жизненные невзгоды.

Себастьян обрушился на нее, как мистраль, и умчал с собой. Но было ли ей с ним так надежно, чтобы она могла, не таясь, расправить плечи и быть самой собой? Нет, большую часть прошедшего года Эмили стояла на цыпочках, всячески старалась ему угодить, благодарная, что он присутствует в ее жизни. И сколько было моментов, когда ей следовало возразить, настоять, показать силу воли – но у Себастьяна в рукаве всегда была припрятана козырная карта. Они всегда поступали так, как муж считал нужным, и она следовала за ним, готовая закрыть глаза и поверить всему, что он говорит. Нет, пришла к выводу Эмили, то была не любовь.

Включив телевизор, чтобы заглушить тишину, она подумала, не бренди ли причиной тому, что она решила вчера рассказать Алексу о том, что сделала – или, вернее, чего не сделала – ее мать. Сейчас это выглядело неправдоподобно, все эти годы, когда она всячески прятала от людей тот факт, что мать ею не интересовалась, о ней не заботилась. Горечь, которой она дала волю, как сорняк, заполонила собой душу, заглушила природное добросердечие и веру в людей. Но Алекс в последние месяцы дал ей понять, что нет никакого толка в том, чтобы ненавидеть и жить, оглядываясь назад. Страдает от этого только один человек – она сама.

Милый Алекс... какой он мудрый и добрый. А как уютно было вчера в его объятиях... И как это вышло, что с ним она поделилась, а мужу не смогла и слова сказать?

Однако же, напомнила себе Эмили, английский период ее жизни – всего лишь эпизод в пьесе. Надо постараться простить, забыть... Надо идти дальше.

– Эмили! Как давно мы не виделись! – рассмеялся Жан, когда она вошла в винодельню.

– Не могу без вас жить, и все тут, – с усмешкой отозвалась она, и только тут увидела пару блестящих глаз, глядящих на нее с той скамьи, где обычно сидел Жак. – Привет, Антон! – улыбнулась она мальчику. – Что, помогаешь? Зарабатываешь лишний сантим на то, чтобы купить себе книжку?

– Антон поживет с нами несколько дней, пока его мама в больнице, – сказал Жан.

– Марго? Я не знала, что она больна, – нахмурилась Эмили. – Как она себя чувствует?

– Уже лучше, и мы уверены, скоро она поправится, – Жан послал ей остерегающий взгляд. – А пока я учу Антона премудростям виноделия. Папа в саду. Пойдешь поздороваться? А потом и я подойду.

Жак выглядел куда лучше, чем два дня назад. Улыбаясь, он протянул ей изуродованную ревматизмом руку.

– Я почему-то так и думал, что вы скоро вернетесь. Спрашивать ни о чем не буду, мадемуазель Эмили, но выслушаю всегда.

– Спасибо вам, Жак, – она села с ним рядом за маленький столик. – Скажите мне, что с Марго?

Жак забеспокоился.

– А мальчик еще там, с Жаном?

– Да.

– Тогда скажу правду. Марго очень, очень плоха. Только на прошлой неделе она впервые пожаловалась, что у нее резкие боли в животе и спине, а ведь наверняка уже знала, что дело неладно. Она пошла к врачу в тот день, когда ты уехала, и тот сразу послал ее в больницу. Антону мы не говорим, но у нее рак яичников. Завтра будут оперировать, только, – Жак развел руками, – прогноз плохой.

– Нет, Жак! – воскликнула Эмили. – Только не Марго! Она была мне как мать, когда я жила здесь после смерти отца!

– Да, она достойная женщина, и надежды терять не следует.

– Съезжу навещу ее, – решила Эмили.

– Ей это будет приятно. А сами-то вы как, мадемуазель? – Жак посмотрел ей в глаза. – Какие у вас планы?

– В настоящий момент – никаких, – печально ответила она.

Несколько дней после того Эмили отсыпалась, ходила смотреть, как продвигается ремонт и возила Антона в Ниццу, где лежала в больнице его мать. Операция прошла неудачно. Марго угасала. Во время свиданий все трое – Эмили, мать и сын – изо всех сил старались держаться, не показать, как им страшно.

Вечером, уложив мальчика – он пока спал на матрасе в комнатке на первом этаже, – взрослые сели обсудить, что с ним делать, если Марго не поправится.

– Его отец давно умер, а из родни кто-нибудь есть? – спросил Жан.

– Кажется, тетка есть, живет в Грассе, – ответил Жак. – Пожалуй, надо ей написать.

– Да, – мрачно кивнул Жан. – Но Антон – мой крестник. Что, если мы предложим ему пожить здесь, с нами?

– Можем, конечно, на время. Но мальчику нужна женская забота.

– Антону скоро тринадцать, наверняка у него есть свои соображения, – заметил Жан.

– Кстати, на тему жилья, – вступила в разговор Эмили. – Я нашла домик, сдается неподалеку, на виноградниках семейства Бурнас. Завтра поеду взглянуть. Судя по тому, что мадам Бурнас рассказала по телефону, это то, что надо.

– Что за спешка! Ты же знаешь, мы тебе рады, – запротестовал Жан.

– Да, вы очень, очень добры, но мне пора устраивать свою жизнь...

Жак вскоре ушел спать, а Жан и Эмили принялись убирать со стола.

– Насчет ребенка Софи, Жан, – твой отец ничего не говорил, откроет он нам эту тайну? – осторожно начала Эмили.

– Нет, и я даже не спрашивал, – твердо ответил Жан. – Он только поправился, боюсь, как бы не стало хуже.

– Он просто чудо. Знаешь, был момент, когда я опасалась, что нам придется проститься с ним, но – кто бы мог подумать! – похоже, прощаться мы будем с Марго. Выглядела она сегодня ужасно, Жан, когда мы ее навещали. А Антон такой молодец, так хорошо держится...

– Да, Антон мальчик особенный... Беда в том, что он очень привязан к матери. Завтра вечером папа собирается навестить Марго, просил меня свозить его в Ниццу. Можно, Антон это время побудет с тобой?

– Ну конечно! Мы с ним съездим посмотреть домик, который я, надеюсь, сниму. Как представляю, что Жаку придется навестить умирающую Марго... – она вздохнула.

– Скрипучее дерево долго стоит – это про моего отца, Эмили. Даст Бог, он еще нас переживет.

В несколько секунд они с Антоном решили, что «домик посреди виноградника» – так они решили его называть – как раз то, что нужно, чтобы переждать, когда шато вновь станет пригодным для жилья. Всего в десяти минутах ходьбы от шато, окруженный роскошными кудрявыми лозами, мило украшенный в прованском стиле, с дровяной печкой, возле которой отлично будет греться в холодные зимние месяцы.

– Тут еще две лишние спальни! – выходя из двери, воскликнул Антон. – Можно, и я буду приезжать погостить, пока мама... лечится?

– Разумеется, Антон, – улыбнулась ему Эмили. – Стоит только тебе захотеть. Ну что, решено? Берем?

– Берем! Знаете, и Интернет есть! – живо откликнулся он.

Договорившись с мадам Бурнас о цене, Эмили повезла его отпраздновать это событие в Гассен. Они заняли столик, и Антон, подперев рукой голову, окинул взглядом удивительной красоты пейзаж, открывающийся с вершины холма.

– Как не хочется уезжать отсюда, – с грустью сказал он. – Мои родные места...

– А зачем тебе уезжать? – спросила Эмили, когда отошел официант, принесший каждому по пышущему жаром ломтю сырного пирога.

Антон обратил на нее взгляд огромных голубых глаз.

– Потому что мама умирает. И когда это случится, меня отправят к тете в Грасс.

– Антон, – Эмили, потянувшись через стол, сжала ему плечо. – Нельзя сдаваться. Давай надеяться, что мама скоро поправится!

– Нет, уже нет. Я же вижу. Вы все очень добры... Делаете вид... но я знаю правду вот здесь, – и он стукнул себя кулаком в грудь. – Только я не очень люблю тетю и кузенов. Они интересуются только футболом и смеются надо мной, что я люблю читать и учиться.

– Попробуй пока не думать об этом. Но если самое худшее все-таки произойдет, – впервые в разговоре с ним Эмили допустила такую возможность, – я уверена, найдутся и другие способы решить эту проблему.

– Хорошо бы, – тихо ответил мальчик.

Несколько дней спустя Эмили перебралась в «домик посреди виноградника». Антон с охотой ей помогал. Он стал ее тенью, особенно теперь, когда Марго, которой становилось все хуже, решила избавить сына от вида своих страданий и попросила не навещать ее каждый день. Ей кололи столько обезболивающих, что она почти не выходила из полусна. Теперь уже все понимали, что конец близок.

– А вы не будете против, если я иногда стану заскакивать к вам на велосипеде? – спросил Антон, глядя, как Эмили подключает свой лэптоп, чтобы убедиться, работает ли Интернет.

– Не буду я против, Антон, конечно, не буду! – рассмеялась она. – А вот ты не будешь против, если мы сейчас выпьем чаю?

Позже в тот вечер, благополучно доставив Антона к Жаку и Жану, Эмили снова вернулась к компьютеру проверить почту. Она боялась получить письмо от Себастьяна, однако напрасно. На экране высветилось имя Алекса.

Кому: edlmartinieres@orange.fr

От: aecarraters@blackhall.co.uk

Милая Эм!

В надежде, что ты здорова, а Франция тебе словно бальзам на душу, спешу сообщить последние события – и как минимум позабавить тебя.

Себастьян примчался спустя несколько часов после того, как ты уехала, пыхтя и негодуя, что произошла какая-то трагическая ошибка. (Меня так

и подмывало сообщить ему между делом, что подозрения твои разожгла не одна только исповедь его любовницы, но и вид его белья, раскиданного по спальне, которую он делил с ней, – однако я воздержался.) Он спросил, где ты. Разумеется, я изобразил неведение, сказав, что, кажется, слышал, как рано утром отъехала машина.

Он пробормотал что-то вроде «перебесится и вернется», а потом убрался к себе. Некоторое время все было тихо, затем вдруг раздался крик и топот его ног по направлению к моей двери. Поняв, в чем причина визита, я мысленно натянул на себя пуленепробиваемый жилет. Себастьян ворвался ко мне с вопросом, кто лазил в его сейф и украл его книгу.

– О какой книге речь? – не понял я.

– О той, которую ты мне давал!

– Ага, – кивнул я, – так значит, речь о моей книге? Но ты, кажется, говорил мне, что сунул ее куда-то и не можешь найти. Я совсем про нее забыл... Так, значит, ты все-таки знал, где она, все это время?

Эмили, видела бы ты его лицо! Он запутался в собственном вранье!

После того – и я не шучу – он устроил обыск, обвиняя меня в том, что книгу взял я. И хватило наглости, учитывая, что книга-то принадлежит мне! Перевернув вверх дном все комнаты – бедная Джо, ей пришлось потом убираться, очень была озадачена, – он решил подобраться ко мне с другой стороны.

– Послушай, Алекс, – сказал он с наигранной искренностью, к которой прибегают, когда нужно навешать лапши на уши. – Я давно собирался тебе рассказать, но сначала хотел сам окончательно во всем убедиться. Так вот, я узнал недавно, что эта книга очень ценная.

– Да ты что! – изумился я.

– Да, очень ценная, и это чистая правда.

– Ну разве я не счастливчик? И сколько же она стоит?

– Около полумиллиона фунтов, – сказал он. (Ха!) В общем, если книга все-таки попадет мне в руки, я должен непременно ее приберечь, потому что – для убедительности он наклонился ко мне поближе, – есть такой шанс, что он знает, как превратить эти полмиллиона в миллион!

– И как же такое возможно? – говорю я.

И он сообщает, что эта книга – второй том двухтомника, и если найти первый, чем он сейчас как раз занимается, и уже близок к цели, то два тома вместе стоят гораздо, гораздо больше. И, значит, если он раздобудет первый том, то, может быть, мы договоримся, поскольку мы братья – добрые, честные и любящие, и у нас должно быть все пополам! – соединить оба тома в одно целое и разделить выигрыш?

Я киваю и всячески изображаю внимание, а потом говорю:

– Все это, Себастьян, чудесно, только есть проблема: книги у меня нет. Я не крал у тебя мою собственность и понятия не имею, где она может быть. Так что давай подумаем, кто бы мог ее взять?..

Мы оба сидим в глубоком раздумье. Я на него поглядываю, и наконец до него доходит, а я киваю с таким видом, будто пришел к тому же умозаключению.

– Эмили!

– Определенно она, – соглашаюсь я.

Он вскакивает и начинает маниакально кружить по комнате, не понимая, как, черт возьми, ты смогла об этом узнать. И, вообще говоря, раз ты украла это у нас, то тогда ему – то есть мне, быстро поправился он, – мне следует немедленно

обратиться в полицию. На это я указываю, что если это действительно ты, то тогда факт воровства не докажешь, ведь на обороте обложки – подпись твоего отца! Это его на время заткнуло, но потом он обернулся ко мне с улыбкой.

– Но, Алекс, у тебя же есть бабушкино письмо, в котором она завещает книгу тебе!

Крайне любопытно то, милая Эм, что я, насколько могу припомнить, отнюдь не показывал брату письма, которое бабушкин поверенный вручил мне, когда я вернулся домой.

– Письмо? – переспросил я. – Какое письмо?

– Ну, то, в котором, как ты мне сказал, бабушка писала, что оставляет книгу тебе.

– А, да... – Я почесал голову, вроде смутно припоминая. – Да вроде бы я его порвал.

В этот момент его лицо искажается от ярости. Он одаривает меня взглядом – не взгляд это был, а смертельный выстрел! – и, хлопнув дверью, уходит.

До меня доходит, что взбесившийся Себастьян опасен больше обычного, и я решаюсь принять меры, которые, милая Эм, учитывая, что повод – всего лишь пропавшая книга, могут выглядеть несколько чрезмерными, и тем не менее. Я вызвал слесаря. Сегодня он прибыл и, так сказать, задраил мне люки. Теперь я сижу за такими суперсовременными засовами и замками, каких удостоена разве что «Мона Лиза». Также установил интерком и на внешней двери, и на внутренней. Звучит устрашающе, но хочется спокойно спать по ночам.

А сегодня после обеда Себастьян, не простившись, куда-то уехал. С одной стороны, это неплохо, потому что удалось без помех установить все мои замки и запоры, – плохо же то, что, во-первых, система безопасности еще не проверена, и я чувствую себя как дурак, выбросивший деньги на

ветер, а во-вторых, боюсь, что Себастьян отправился к тебе во Францию.

Милая Эм, я не знаю, каковы твои обстоятельства и где ты сейчас, и, не исключено, что нагнетаю атмосферу (это я потому, что за тебя беспокоюсь), но известно ли ему, где именно хранятся твои книги? Думаю, он планирует еще порыться в них. И поскольку именно он вел все деловые переговоры, и все знают, что он твой муж, он легко получит доступ к имуществу, если того пожелает. И еще у меня к тебе просьба: если он объявится во Франции и попытается тебя увидеть, ни в коем случае не встречайся с ним один на один, ладно?

Наверное, я перегибаю палку – мы оба знаем, что Себастьян не склонен к жестокости, за исключением жестокости по отношению ко мне, – но прошу тебя: будь осторожнее. Речь об огромных деньгах.

И еще... все эти братские забавы побудили меня призадуматься, как жить дальше. Что-то, наверное, затронуло меня в те минуты, когда ты читала вслух прощальное бабушкино письмо, но, в общем, я пришел к некоторым важным решениям. Когда-нибудь я обязательно поделюсь ими с тобой – но не сейчас. Тебе и без того есть о чем подумать.

Кстати, официально заявляю, что книга принадлежит тебе. Прошу только, если сумеешь найти первый том, с обоими поступай как знаешь, – уверяю тебя, деньги мне не нужны. К счастью, мои новые приемные «детки» в данный момент ведут себя замечательно.

Надеюсь, ты ответишь на это письмо, – и потому, что я должен знать, что ты его получила и предупреждена насчет Себастьяна, и потому, что мне хочется, чтобы ты мне написала.

В доме без тебя так тихо!

С любовью,

Алекс. Х

Перечитав сообщение еще раз, Эмили схватилась за мобильный и сделала два звонка. Один – в складскую компанию, с указанием, что, поскольку она разводится, ни под каким видом не следует подпускать ее бывшего мужа к вещам, вывезенным из шато, и особенно к книгам. А второй – Жану, с просьбой, если нагрянет Себастьян, сказать ему, что она тут не объявлялась.

– Да это я, Эмили, в общем-то, уже понял, – ответил ей проницательный Жан.

После того она принялась за ответ Алексу. Не жалея слов, поблагодарила за заботу, извинилась, что не ответила сразу, сообщила, что Себастьян пока в Гассене не появлялся. Добавила, что ей не терпится услышать про его планы на будущее, и подписалась так же, как он, «с любовью», и тоже поставила крестик, означающий поцелуй.

Уже стемнело. Эмили налила себе стакан вина и принялась беспокойно ходить вокруг домика. Алекс тревожится о ней, но и она беспокоится, как он. Что, если Себастьян вернется в Блэкмур-Холл и, несмотря на интеркомы, засовы и запоры, ворвется к Алексу? Нет, прекрати, одернула она себя. Алекс – всего лишь брат ее бывшего мужа, она за него не отвечает. Но... Нет, не в том дело. Она по нему скучает, вот в чем! Его ей недостает! И он ей дорог так же, как, похоже, она дорога ему...

И она застыла на месте, словно наткнувшись на невидимое препятствие, когда в памяти всплыли вдруг слова Жана: «Может, ты не за того брата вышла?»

Глава 34

Два дня спустя ей позвонил Жан.

– Плохие новости, Эмили. Марго скончалась сегодня утром. Не знаю, как сказать об этом Антону. Он молодчина, конечно, но...

– Я сейчас приду, – ответила Эмили.

– Антон пошел прогуляться по винограднику, – встретил ее Жан у порога. – Сказал, хочет побыть один.

– Он уже знает?

– Да, и принял известие спокойно. Я позвонил его тетке в Грасс, она сказала, что готова принять его, но, кажется, ему эта идея не по душе.

– Понятно. Мы все должны сделать, чтобы помочь ему, – вздохнула она.

– Он очень привязан к тебе, Эмили, – тихо сказал Жан.

– А я к нему. Конечно, на время я могу его взять, но...

– Я понимаю, – кивнул Жан.

– Пойду к нему, – смущенно пробормотала Эмили и задалась вопросом, что, собственно, она имела в виду под этим «но», когда говорила сейчас с Жаном. Она богатая одинокая женщина, у нее огромный дом и в настоящий момент куча свободного времени, которое она вполне может уделить осиротевшему мальчику. Кроме того, этот мальчик в последнее время становится ей все более дорог. Сомнительно, чтобы она вышла замуж еще раз. И, разумеется, своих детей у нее никогда не будет.

И все-таки Эмили понимала, что скрывалось за тем «но». Скрывался страх. Она боялась ответственности за существо, которое будет от нее зависеть, нуждаться в ней. Интересы этого существа отныне надо будет учитывать в первую очередь, прежде своих. Полная противоположность тому, как обращалась с ней ее мать. Что, если она станет такой же?

Ужас.

– Я ему нужна, этому мальчику, я ему нужна...

По силам ли ей такая задача?

Конечно, по силам, ответила себе Эмили. Она ведь не в мать – в отца, так говорят все, в один голос. И папа не раз говорил, что радость, когда ты нужен кому-то, куда сильнее, чем когда ты получаешь внимание того, кто нужен тебе.

И, ища его взглядом среди виноградных лоз, Эмили поняла вдруг, что если Антон захочет остаться с ней, она будет рада.

Вот он! Стоит, смотрит вниз, на шато, плечи опущены – воплощение скорби. Ее сердце накрыла волна материнской любви. Решение было принято. Она пошла к нему, распахнув для объятия руки.

Заслышав ее шаги, он обернулся и смахнул рукой слезы.

– Антон, милый Антон! – обняла Эмили мальчика, и тот не сразу, но все-таки ответил ей на объятие. Так они стояли и плакали, голова к голове. А когда Антон выплакался, она своим носовым платком утерла щеки и себе, и ему.

– У меня нет слов, чтобы утешить тебя, Антон. Я знаю, как сильно ты любил маму.

– Жак сказал мне сегодня, что смерть – непременно часть жизни. И хотя я знаю, что должен это принять, у меня пока не получается.

– Жак мудрый. Антон, послушай... Возможно, сейчас не время говорить об этом, но как ты смотришь на то, чтобы пожить со мной, хотя бы какое-то время, в моем «домике посреди виноградника»? Ты бы меня поддержал. Мне там так одиноко!

Антон распахнул глаза.

– Вы уверены?

– Да. Подумаешь об этом?

– Эмили, да не надо мне думать! Обещаю, я не буду мешать, наоборот, я могу помогать... вы только скажите!

– Да, мне помощь не повредит. Мы ведь с тобой оба сиротки, да?

– Да, но... понимаете... что, если мне так с вами понравится, что я не захочу уезжать?..

– Ну, может, и не придется, – улыбнулась Эмили, снова притянула его к себе и погладила по волосам.

Кому: edlmartinieres@orange.fr

От: aecarraters@blackhall.co.uk

Милая Эм!

Очень рад твоим новостям. И не то чтобы я думал, что Ты Знаешь Кто кинется во Францию, размахивая пистолетом и требуя назад *мою* бесценную книгу, – он ведь, в сущности, трус. Так же и тебе, наверное, будет спокойней, если я скажу, что он сюда не возвращался, и я живу в моей башне имени Моны Лизы, прислушиваясь, не скрипнет ли гравием по дорожке его старый автомобиль. Я ставлю на то, что он махнул рукой на свои потери и провозгласил вечную любовь к Белле. Извини. В общем, можешь представить, до чего мне здесь одиноко, если я скучаю даже по привычным оскорблениям братца.

Кстати, то душевное напряжение, с каким я жду, что он вдруг вернется, утвердило меня в намерениях, о которых я намекнул тебе в прошлом своем письме. Я писал там, что мои «детки» ведут себя хорошо, да? В общем, они до того оправдали мои ожидания, что я продал их, получив весьма значительную сумму. (Только не выдавай меня своему почти бывшему мужу!) Суммы этой вполне хватит на то, чтобы до конца дней лакомиться фуа-гра, и на то, чтобы приобрести жилье где-нибудь поближе к людям. Уже просматриваю предложения квартир на первом этаже в центре Йорка – это красивый городок, знаменитый своим собором.

Наверное, ты удивлена таким оборотом, помня, как решительно я был настроен не покидать Блэкмур-Холла. Но увы, идея владения домом продемонстрировала свою полную несостоятельность, не принеся ничего, кроме головной боли. Наша с Себастьяном мировая, последнее желание моей дорогой бабули, не состоялась и, уверен, не состоится уже никогда.

Так что, ради нас обоих, я решил смириться с его требованием продать Блэкмур-Холл.

Тут есть еще одно обстоятельство, которого мы раньше не обсуждали. Себастьян давно заложил свою часть дома и просрочил все выплаты. Я думаю, банк давит на него и грозит принять суровые меры – вот почему ему позарез приспичило продать дом. Конечно, он будет на седьмом небе, когда я скажу ему, что согласен, – да и в целом, пожалуй, ситуация созрела настолько, что пора идти дальше.

Еще мне нужно сказать тебе, Эм, – наверное, ты расстроишься, и именно по этой причине я прежде об этом умалчивал, – что это я полностью, до пенни, оплатил весь ремонт моей квартиры в восточном крыле дома. И все мои домашние расходы также оплачивал я. Страховая компания водителя, который оставил меня без ног, по решению суда выплатила мне довольно значительную компенсацию. Говорю об этом потому, что мне важно, чтобы ты знала: я не сидел на шее у брата. Более того, ты должна знать, что поначалу я предложил ему потратить эту компенсацию на ремонт Блэкмур-Холла. Только когда выяснилось, что Себастьян заложил дом и по уши в долгах, я пошел на попятную. Что, как это ни удивительно, не улучшило наших отношений.

Ладно, лучше скажи, как ты смотришь на мои планы? Я настроен на них примерно процентов на восемьдесят, но, по-моему, путь верный. Эм, с тех пор как ты уехала, мне тут невыносимо тоскливо. И «деток» своих я продал, сижу без дела. Но, конечно, подумываю о том, чтобы завести новых...

Если найдешь время, поделись, что ты об этом думаешь, я буду рад.

Мне тебя не хватает.

Ответить сразу Эмили не смогла, так как им с Антоном предстояло идти на похороны. Но даже сидя в красивой, средневековой постройке гассенской церкви Святого Лорана, сжимая в руке ладошку Антона, она думала о письме Алекса.

«Мне тебя не хватает».

После службы многие пришли в дом Жака и Жана помянуть добрым словом Марго, попробовали вино нового урожая, похвалили его. Эмили, проводив последнего из гостей, увидела, что Антон стоит в сторонке, совершенно потерянный.

– Не хочешь пойти наверх и собраться? – мягко спросила она. – Скоро поедем домой.

Антон чуть оживился:

– Хорошо, я сейчас.

Глядя, как он плетется по лестнице, она подумала, что это было верное решение, сразу после похорон взять его к себе. В непривычном окружении он отвлечется, развеется. Пусть это станет началом новой жизни.

В кухню вошел Жан.

– Эмили, отец спрашивает, не хочешь ли ты посидеть с нами в саду, пока Антон собирается.

– Ну конечно, – и они вышли в сад.

Жак сидел под старым каштаном в том же кресле, в котором принимал гостей. Нельзя было не отметить, как любит он тех, кто пришел, и как они его уважают.

– Присядь, Эмили, – серьезно сказал он. – Мне нужно с тобой поговорить. Жан, и ты тоже останься. – Стало ясно, что разговор предстоит важный. Жан налил всем по бокалу вина и сел бок о бок с Эмили.

– Я решил, что настал момент рассказать вам про ребенка Софи. И когда я скажу вам, кто это, надеюсь, вы поймете, почему я ждал до этого дня. – Жак прокашлялся.

– После того как мы с Констанс отвезли девочку в приют и Констанс уехала в Англию, я еще раз обратился к Эдуарду, умоляя его пересмотреть свое решение. Но он и слушать не хотел и несколько

дней спустя уехал в Париж. Меня грызло чувство вины. Я знал, что дитя Софи де ла Мартиньерес, никому не нужное, живет без любви и ласки в нескольких километрах отсюда. – Жак дернул плечом. – Как бы я ни уговаривал себя, что это война наделала бед и что за Викторию я не в ответе, я не мог ее забыть. Понимаете, я ее полюбил... Промучился две недели и решил съездить в приют. Узнать, не удочерил ли кто нашу Викторию. Если да, то на все божья воля, и тогда я не стану ее искать. Но, конечно же, никто ее не удочерил. К тому времени ей было уже больше четырех месяцев. И когда я вошел в детскую, ее глазки зажглись, она узнала меня. Она улыбнулась... Эмили, она мне улыбнулась! – Жак схватился за голову. – Тут уж я понял, что не могу ее так просто взять и оставить.

Не в силах продолжать, Жак замолчал, и сын, пытаясь его поддержать, положил руку ему на плечо.

– Ну вот, – поднял голову Жак. – Я вернулся домой и стал думать, что можно сделать. Я мог бы удочерить ее, но мне казалось, девочке это будет не на пользу. Мужчины в те времена не знали, как ухаживать за маленькими детьми. Ломал голову, кто бы мог взять ее из местных, чтобы, раз уж не могу сам ее воспитать, хоть приглядывать, как она растет. И наконец пришла мне на ум такая женщина – перед войной ее муж нанимался собирать у меня урожай. У нее уже был свой ребенок. Я пошел навестить ее. И узнал, что муж с войны не вернулся, и она о нем ничего не знает. В отчаянном положении, не на что было жить с ребенком, они голодали, как многие после войны. Но женщина она была добрая, и по ребенку было видно, что мать заботливая. Я спросил, как она смотрит на то, чтобы удочерить девочку. Поначалу, конечно, она наотрез отказалась, потому что и свое дитя кормить не на что, и я знал, что она так скажет. И тогда я предложил ей деньги. Приличную сумму, – Жак покивал. – И она согласилась.

– Папа, но откуда у тебя деньги? Я же знаю, как бедно ты жил после войны!

– Да, так и было... Но... – Жак, помолчав, вдруг вскинул глаза на Эмили, и та поняла, как трудно ему это сказать. – Ваш отец, мадемуазель Эмили... Он, после того как Констанс перебралась в Англию, дал мне кое-что, прежде чем уехать в Париж. Вложил мне в руку, ни слова не обронив. Ну, может, это был его способ повиниться, что не признал он племянницу. В общем, я нашел человека, у которого

были связи на черном рынке. Попросил его оценить то, что оставил мне ваш отец. И таким образом раздобыл денег, чтобы заплатить доброй женщине.

– А что именно оставил вам мой отец, Жак? – тихо спросила Эмили.

– Это была книга. Очень старая, с замечательными рисунками. Первый том из двух, и я знал, что ему удалось отыскать и второй тоже! Вы ведь помните, Эмили, я говорил, что этот второй том он прислал из Парижа с Арманом, связным, чтобы дать нам понять, что он на свободе? И что Эдуард подарил этот второй том Констанс, когда она уезжала?

– Да, – ответила Эмили, и по лицу ее промелькнула улыбка. – Я знаю, что это за книга. «История плодовых деревьев Франции».

– Именно так. Это огромная редкость. Мне удалось выручить за нее неплохие деньги. Простите меня, что я сделал это, мадемуазель. Мне не следовало продавать книгу. Это подарок. Но этими деньгами я заплатил за Викторию.

У Эмили глаза наполнились слезами, горло перехватило.

– Поверьте мне, Жак, – еле выговорила она, – нельзя было распорядиться этой книгой лучше, чем вы это сделали!

– Сколько ты за нее выручил? – спросил Жан.

– Десять тысяч франков, – ответил Жак. – По тем дням целое состояние. Многие голодали. Тысячу я отдал этой женщине сразу и пообещал выплачивать по пятьсот франков в год, пока девочке не исполнится шестнадцать. Выплатить все сразу было бы неразумно. Я хотел убедиться, что она на совесть опекает ребенка. Кто родители Виктории, она не знала. Я был в этом твердо уверен. Но она спросила меня, нельзя ли изменить имя, назвать девочку в честь ее матери.

– И, конечно, ты согласился? – кивнул Жан.

– Да. И, благодарение Богу, мой выбор оказался удачным, – вздохнул Жак. – Когда девочке исполнилось пять лет, эта женщина отказалась брать у меня деньги. Ее муж вернулся с войны, жизнь наладилась. Она сказала, что любит дитя, как свое собственное, и ей совестно получать за это деньгами. Я не ошибся в ней. Эмили, ваша двоюродная сестра выросла в любящей и счастливой семье.

– Благодарю вас, Жак, за то, что вы сделали, от всего моего сердца и от всей нашей семьи. Но скажите же, кто она? Как ее имя?

– Ее зовут... – Жак осекся, с усилием сглотнул и начал снова: – Ее звали Марго.

Глава 35

Все трое умолкли, вникая в то, что сказал сейчас Жак.

– Теперь вы понимаете, Эмили, – после паузы произнес он, – почему я так сомневался, говорить ли вам обо всем? Сделай я это, жизнь Марго перевернулась бы вверх тормашками. Пятнадцать лет она проработала в шато экономкой. После смерти вашего отца старая экономка, вы ее помните, ушла на покой. Мать Марго к тому времени стала моим другом, и я рекомендовал Марго вашей матери, мадам Валери.

– Я теперь очень хорошо тебя понимаю, папа, – тихо сказал Жан. – Каково было бы Марго узнать, что она прислуживала де ла Мартиньересам, когда, по сути, она одна из них?

– Вот именно. Но теперь, когда Марго покинула нас, а Антон, как вернувшийся домой голубь, приземлился на наш порог, и между вами двумя возникла привязанность, – Жак сделал жест в сторону Эмили, – самое время все прояснить. Мальчик, который сейчас пакует вещи, чтобы поселиться под вашим кровом, мадемуазель Эмили, – ваш кровный родственник, ваш двоюродный племянник.

Эмили молча слушала, как Жан, вдумчивый, как всегда, выспрашивает о дальнейших подробностях. Теперь она поняла... поняла, почему все в Антоне было так ей знакомо... они делят одну кровь, кровь де ла Мартиньересов. В тот день, когда она увидела, как Антон сидит на полу и читает в библиотеке, с его тонкими чертами лица и темными волосами, недаром у нее дрожь по телу прошла. Удивительно, но он пошел не в свою бабушку, а в двоюродного деда, Эдуарда.

– Мадемуазель Эмили, – продолжал Жак, – я подумал: отныне решать предстоит вам. Сообщать ли Антону? Многие бы сказали, что значения это теперь не имеет, что знание только усложнит ему жизнь. Однако Антон Дюваль – еще один росток рода де ла Мартиньерес.

В установившейся тишине Эмили слышала, как распевают, готовясь к закату, птицы.

– От того, сын ли нашей экономки Антон или моя родня по крови, решение предложить ему кров никак не зависит, – наконец сказала она. – Я рада, что вы доверяете мне настолько, чтобы открыть правду.

Однако же вам следует знать, что для меня тот факт, что Антон мой родственник – не более чем дополнительный плюс. Он показался мне родным с первой минуты знакомства. – Она улыбнулась. – Правда, Жак, вы доставили мне сегодня необыкновенную радость. Я только надеюсь, что когда-нибудь смогу ответить вам тем же.

– Мадемуазель Эмили... – Жак протянул к ней руки, и она крепко их обхватила. – Наверное, это судьба, но кончина Марго, как это ни печально, разрешила мои сомнения. Теперь у Антона есть дом, а вы станете ему заботливой матерью. Ваш отец, как и многие, утратив любимых в этой войне, потерял и способность к состраданию. А вы не теряйте, ладно?

– Нет, обещаю, – твердо сказала Эмили.

– Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на ненависть и обиды. Найдешь что-то хорошее – не упускай, хватайся обеими руками и крепко держи, – с печальной улыбкой подвел итог Жак.

– Обещаю, – повторила она.

– А нам не пора?

Все трое обернулись на голос Антона. Тот стоял, держа в руке небольшой чемоданчик, и смотрел на них с удивлением, явно чувствуя, что воздух переполнен эмоциями.

– Хорошо бы нам попасть домой до темноты, Эмили, – тихо сказал он.

– Да. – Эмили встала и взяла его за руку. – Сейчас поедем.

Устроив мальчика на новом месте и уложив его спать, Эмили поняла, что совсем не устала, а напротив, перевозбуждена. О том, когда лучше рассказать Антону, что они родные, она подумает позже. Пока самое главное – чтобы он почувствовал себя любимым, желанным. Если прямо сейчас сказать все как есть, он, при его сообразительности, решит, что только поэтому она и приняла его в дом. Пусть лучше сначала окрепнут их узы, станет глубже доверие.

Она включила компьютер и перечитала письмо Алекса. Вскочила с места, до того полная энергии, что было не усидеть.

– Мне тоже тебя не хватает, – кружа по комнате, сказала она ноутбуку. И добавила: – Очень. Даже больше, чем очень.

И резко остановилась. Не запуталась ли она вновь?

Возможно. Отношения, которые сложились у нее с Алексом, сформировались в сложных, мягко говоря, обстоятельствах. Однако удивительное ощущение, возникавшее под ложечкой при всякой мысли о нем – этакий трепет, – раз возникнув, никуда не девалось.

Конечно, все опять может кончиться грандиозным провалом... Ну и что? Ничто не вечно! Разве ей не дали это понять, причем самым болезненным образом, в последнее время? В одно мгновение жизнь способна сделать стремительный разворот. И что из этого следует? Если опыт прошлого и настоящего чему-то ее научил, так это тому, что второго шанса не будет. Жизнь предлагает свои дары и просит сделать шаг навстречу, принять, разобраться, какой подходит тебе, а какой нет... В точности как сказал Жак, «хватай и держи»...

Эмили вдруг зевнула и села на диван. Лучше она завтра об этом подумает, в холодном утреннем свете, и если чувства ее не изменятся, тогда она напишет ответ. С этой мыслью она встала с дивана и отправилась к себе в спальню.

Кому: aecarraters@blackhall.co.uk

От: edlmartinieres@orange.fr

Вторник

Дорогой Алекс!

Спасибо тебе за письмо. Прежде всего хочу сообщить о судьбе первого тома нашей книги. Де ла Мартиньересам он больше не принадлежит, и это долгая история, которую я подробно расскажу тебе при встрече. Его продали после войны, чтобы обеспечить будущее одной моей родственницы, и более достойного поступка я представить не в силах. Также весьма приятно знать, что поиски Себастьяна были бессмысленны изначально, и что деньги, вырученные от продажи, пошли на цели более благородные, чем удовлетворение его алчности.

Также я планирую усыновить мальчика. Ему двенадцать, зовут Антон, и это, опять же, история

длинная и запутанная.

И – что касается твоих планов. Мне пришло в голову, что тебе полезно будет сменить обстановку и подумать о будущем здесь. Мой «домик посреди виноградника» невелик и всего в один этаж, но в нем есть совершенно свободная спальня. И хотя вокруг одни лозы, а людей маловато, надеюсь, мы с Антоном сойдем за компанию.

Дай мне знать, готов ли приехать. Три сироты, мы наверняка найдем общий язык!

Мне тоже тебя не хватает.

Эм. ХХХ

Кому: edlmartinieres@orange.fr

От: aecarraters@blackhall.co.uk

Милая Эм!

Спасибо за приглашение. В понедельник буду в Ницце, самолет прилетает в 13.40. Если не сможешь забрать меня (и мое кресло!), пожалуйста, дай знать. В общем, с невыразимым нетерпением жду встречи с тобой и, конечно, с Антоном.

Алекс ХХХХ

PS. Спасибо Богу, нет необходимости думать о том, как мне тебя не хватает. Какое счастье просто ждать встречи!

ЖИЗНЬ ВО МНЕ

*Бьется сердце твое
во мне,
Я тебя защитить
должна,
Свет небесный в
волшебном сне,
Любви горячей
волна.
Ты пришел в
чуждый мир,
родной,
Я отдам всю себя –
тебе,
В грешном лоне
ночи немой,
Скрыты мраком в
земной судьбе.
Но настанет
свободы час,
Ты узнаешь, кто
твой отец,
Засияют звезды
для нас,
И придет
заточенью конец.
Не пугайся,
крошечный мой,
Что незрячи мои
глаза, —
Сердцем вижу
тебя, дорогой,
Жарче солнца моя*

слеза^[3].

Софи де ла
Мартиньерес

Май 1944

Эпилог

Год спустя

Открыв парадную дверь шато, Эмили широко ее распахнула. Антон толкнул кресло Алекса через порог, и они оказались в обширном холле, пустом, если не считать прислоненной к стене лестницы, которую оставил маляр, нанеся последний слой краски.

– Ух ты, – выдохнул Антон, задрав голову. – Да тут стало еще просторней!

– Кажется после свежей покраски, мы привыкли к виду штукатурки. – Эмили перевела взгляд на пол и одобрительно покивала. – Мрамор восстановили просто отлично. Жаль было бы его потерять.

– Да, – согласился Алекс, тоже взглянув на черно-белые шашечки пола, потом на лестницу. – Что меня беспокоит, так это как испортит вид установка подъемного механизма для меня.

– А мы сейчас кое-что покажем тебе! – Эмили подмигнула Антону.

– Да! – сияя глазами, подтвердил мальчик.

– Тогда за мной!

И они двинулись гулкими коридорами, заглядывая в комнаты, где пока царил полный хаос, – не один месяц потребует, чтобы завершить внутреннюю отделку, – очутившись наконец в дальнем вестибюле, откуда был ход в кухню. Установив кресло Алекса напротив новенькой двери, Антон нажал кнопку, и дверь бесшумно скользнула вбок.

Алекс вытянул шею.

– Так это лифт?!

– Правильно, месье детектив, – расплылся Антон. – И моя новая любимая игрушка. Прокатимся?

Они вошли в кабину, Антон снова нажал кнопку, дверь закрылась, и Алекс, подняв глаза на Эмили, одними губами выговорил: «Спасибо!»

– Вот еще, это для меня сделали, мне на старость, когда не смогу подниматься по лестнице, – отмахнулась она. – Ну и если ты вдруг

решишь погостить недолго.

Эта фраза стала семейной шуткой. После приезда Алекса прошел год, и хотя никаких планов насчет совместного будущего они не строили, в равной мере оба не мыслили себе жизни врозь. Радостно встречали новый день, благодарно его провожали, отмечая про себя, что все больше нужны друг другу, что душевная привязанность становится прочней и глубже.

Что до Антона, они с Алексом вступили в общество взаимного восхищения с самого первого дня. Толковый, пытливый мальчик нашел в Алексе наставника, тот с удовольствием делился знаниями, и Эмили не могла не отметить, что это общение, не только интеллектуальное, но и сердечное, благотворно для обоих. Так образовалась семья, со стороны выглядевшая странной, но они трое нашли друг в друге все, что искали.

Антон о своих корнях по-прежнему ничего не знал, но вскоре отношения между ними придется узаконить. Антона необходимо усыновить, чтобы он мог носить принадлежащую ему по праву фамилию и со временем унаследовать шато. Возможно, после того и они с Алексом поженятся, но торопиться не стоит. Жизнь прекрасна как она есть.

Эмили бросила взгляд на возбужденное лицо Антона. Лифт остановился, они вышли на просторную лестничную площадку.

– Господи, да тут можно шатер разбить и сделать парковку на двести мест! – воскликнул Алекс. Эмили сделала знак Антону повернуть налево.

– Как ты смотришь на то, если мы поселимся здесь? – спросила она Алекса, проходя в родительскую когда-то спальню, а оттуда – в бывшую гардеробную матери, где теперь была устроена ванная со всеми приспособлениями, необходимыми Алексу, чтобы он чувствовал себя полностью независимым. – Кафель еще не положен и плитка. Я подумала, ты захочешь сам выбрать цвет и рисунок.

– Я теряю дар речи, моя дорогая, спасибо тебе, – опять растрогался Алекс.

– И нет, мы не будем пользоваться одной ванной, – рассмеялась она. – Моя гардеробная и ванная комната – вон там, – показала она, в

то время как Алекс выкатился на середину спальни. – А как тебе вид из окна?

– Просто ошеломительный, – отозвался Алекс, глядя в высокое окно на сад и виноградники, волнистыми рядами уходящие вдаль, к Гассенскому холму. – Давно я не смотрел ни на что сверху вниз, – его голос от волнения охрип.

– Алекс, пойдем посмотришь мою спальню! – перебил его Антон. – Эмили сказала, я сам могу выбрать цвет, когда будут красить, – при условии, что это не черный...

Эмили, улыбнувшись им вслед, присела на подоконник, подставив лицо струящемуся в окно свету. Два года назад здесь умирала ее мать. Теперь, глядя в то же окно, она испытывала самые противоречивые чувства. Думала об отце, который, лишившись любимых людей, замкнулся в себе и своей библиотеке. Она даже прониклась сочувствием к матери. Из ее любовных писем к отцу стало ясно, что Валери его обожала. Похоже, изо всех сил она старалась добиться любви и внимания от человека, слишком израненного, чтобы делиться собой с другими. Так и вышло, что большую часть своего замужества Валери провела одна, в Париже.

То, что внук Софи вернется в свою семью, и то, что она приняла Антона из чистого сострадания и ощущения родства, родства не по крови, а по душе, в какой-то мере исправляло свершившуюся в прошлом несправедливость. Круг замкнулся, начинался новый рассвет.

Эмили оторвалась от окна, неспешно пошла к своим мальчикам и, выходя из спальни, в дверях, остро вдруг поняла, что несчастная сердитая девочка, которая два года назад кричала и плакала над безжизненным телом матери, наконец повзрослела.

– Должен признать, что теперь, когда я близко познакомился с моей ванной, мне не терпится въехать в эти апартаменты, – сказал вечером Алекс, укладываясь возле нее в постель. – Я говорил с прорабом, он обещает, что еще месяца три – и можно перебираться, так что Рождество встретим уже в шато. И между прочим, пришел имейл от моих поверенных. Себастьян нашел покупателя на Блэкмур-Холл. Я думаю, он вне себя от восторга. И, зуб даю, попытается отхватить ломоть от моей доли. – Алекс усмехнулся. – Мой юрист

говорит, на доме долгов на триста пятьдесят тысяч фунтов, – как раз та сумма, на которую превышен банковский кредит брата, – Алекс поерзал, подпирая подушку рукой. – Я уверен, все, что он сумеет выжать с этой продажи, испарится за год. Впрочем, Белла знает его давно и, думаю, очень неплохо. Наверное, любит, раз готова с этим мириться. Кстати, а про развод что-нибудь слышно?

– Только то, что Себастьян выдвинул новые, еще более возмутительные требования. Разумеется, того, что ему хочется, он не получит, но я почти готова заплатить, лишь бы отделаться. И гонорар юристов, сдается мне, превысит сумму отступных.

– И мое присутствие в этом раскладе наверняка не упростило дело, – вздохнул Алекс. – Себастьян сумел представить себя невиновным, изобразив тебя вертихвосткой, а меня – наглецом, который прямо из-под носа увел у него жену.

– Да уж можешь не сомневаться... – Эмили помолчала. – Послушай, Алекс, есть кое-что, о чем я тебе не говорила. Понимаешь, я пригласила одного человека... Он завтра приедет. В тот момент мне казалось, что идея отличная, а теперь я как на иголках...

– Ну так, значит, самое время мне все рассказать.

Жак дремал у огня, когда с улицы послышался шорох колес по гравию и хлопнула автомобильная дверца.

Зима выдалась холодная, долгая, его снова мучил бронхит. Он гадал, как делал каждую зиму, доживет ли до лета. Кухонная дверь распахнулась. Он вспомнил, что Эмили обещала привезти на обед гостя.

Первым в гостиную вошел Жан.

– Папа, не спишь?

– Не сплю, – Жак открыл глаза.

– Папа, – Жан взял его за руку. – Эмили привезла кое-кого с тобой повидаться.

– Здравствуйте, Жак! – воскликнула Эмили, ведя за собой гостя. Жак пригляделся. То был старик, под стать ему самому. Высокий, прямой, хорошо одетый.

– Жак, – произнес тот. – Вы меня помните?

По-французски он говорил с сильным акцентом. Кого-то Жаку этот человек напоминал, но он силился узнать лицо.

– Полвека прошло, даже больше, с тех пор как мы стояли вдвоем в этой же самой комнате, – подсказал старик.

Жак, щурясь, всмотрелся в его поблекшие, но все еще пронизывающе голубые глаза.

– Фредерик?!

– Да, Жак, это я.

– Господи! Подумать только...

Жак, отстранив сына, сам встал на ноги. Старики застыли, вглядываясь в лица друг друга. Потом Жак раскинул руки, и они обнялись.

Как просила Эмили, Антона привезли к Жаку после обеда. Алекс недавно купил машину, сделанную на заказ, с ручным управлением, и это преобразило его жизнь – правда, ездил он пока недалеко и всегда в сопровождении Эмили или Антона.

Антон, достав из багажника инвалидное кресло, поставил его перед водительской дверью.

– Кто бы это мог быть, с кем Эмили хочет меня познакомить? – спросил он, помогая Алексу перебраться из машины в кресло.

– Думаю, она сама тебе это скажет.

Они вошли в кухню. За обеденным столом пили кофе Эмили, Жак, Жан и какой-то старик. Антон его прежде не видел.

– Добрый день, – смутился мальчик.

Эмили поднялась, подошла к нему, обняла за плечи.

– Антон, – сказала она, волнуясь. Глаза старика наполнились слезами. – Это твой дедушка Фредерик. Если ты готов его выслушать, он расскажет тебе о твоей семье...

Примечания

1

До скорого (*фр.*) – *Примеч. ред.*

2

Перевод С. Маршака.

3

Пер. И. Добряковой.

Table of Contents

Люсинда Райли Свет за окном

Свет за окном

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Хочу увидеть

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Мой брат

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Рай

Глава 27

Глава 28

Глава 29

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Жизнь во мне](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

